

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

им. Ф.М. Достоевского

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВЫХ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

КАФЕДРА ЗАРУБЕЖНОЙ ФИЛОЛОГИИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

КАФЕДРА КУЛЬТУРОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И ИСКУССТВ

НОВО LOQUENS: Язык и культура

**Всероссийская научно- практическая конференция
с международным участием**

Сборник научных статей, докладов и сообщений

Санкт-Петербург, 18-19 апреля 2024 года

Выпуск 9

**Санкт-Петербург
2024**

Представлено к публикации оргкомитетом
НОМО LOQUENS: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА
ОРГКОМИТЕТ

д. филос. н., профессор Д.К. Богатырев (председатель оргкомитета),

д. культурологии, Я.С. Иващенко
к. пед. н. А.Л. Мальчукова
к. филол. н. Н.С. Широглазова
к. культурологии В.Б. Высоцкий
к. культурологии Ю.В. Филиппова
к. филол.н. О.Г. Оленчук
к. филол. н. Ч. Пило Бойл ди Путифигари
к. истор. наук А.А. Сеницын
к. филос. наук О.В. Коваль
д. филол. н. Т.С. Росянова

Ответственный секретарь
д. филол. н. Т.С. Росянова

Составители и редакторы выпуска:
Н. С. Широглазова, Т. С. Росянова

Редакционная коллегия:
*Д. К. Богатырев, Я.С. Иващенко,
Н. С. Широглазова, В. Б.Высоцкий*

«Номo loquens: язык и культура». Сборник научных статей, докладов и переводов: Всероссийская научно- практическая конференция с международным участием, Санкт-Петербург, 18-19 апреля 2024 года. Вып. 9 / сост. и ред. Н. С. Широглазова, Т.С. Росянова. СПб.: Изд-во РХГА, 2024. 290 с. [Электронное издание]. ISBN 978-5-907855-65-6

Сборник составлен по материалам докладов, сообщений и переводов, прозвучавших на Всероссийской научно- практической конференции с международным участием НОМО LOQUENS: язык и культура» (18-19 апреля 2024 года, Санкт-Петербург, РХГА им. Ф.М. Достоевского). В сборнике представлены результаты научно-исследовательской работы преподавателей вузов, научных работников и начинающих исследователей в области филологии, культурологии, истории литературы, педагогики, психологии и философии гуманитарного образования. Сборник рассчитан на преподавателей, студентов и всех, кто интересуется проблемами теории языка, литературой, историей и культурой.

СОДЕРЖАНИЕ:

СЕКЦИЯ 1

Англистика в контексте эпохи

Хацкевич Татьяна Маратовна

к. филол. н., доцент каф. зарубежной филологии и лингводидактики РХГА им. Ф.М. Достоевского

ЭВОЛЮЦИЯ ЧУЖОГО НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖОНА УИНДЕМА
«КУКУШАТА МИДВИЧА».....11

Росянова Татьяна Сергеевна

д. филол. н., профессор каф. зарубежной филологии и лингводидактики РХГА им. Ф.М. Достоевского

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ЗАПИСИ ДВИЖЕНИЙ В
ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ.....17

СЕКЦИЯ 2

Актуальные вопросы романистики

Роберта Питталуга

старший преподаватель СПбГУ

ФУНКЦИИ CONGIUNTIVO, CONDIZIONALE и FUTURO
В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ: НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.....23

Прощенок-Кальнина Ольга Ричардовна

к. филол. наук, доцент РХГА им. Ф.М. Достоевского

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА НЕЙРОДИДАКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ.....35

Дудин Валерий Витальевич

свободный исследователь

ВЕРЛИБР В ТРАДИЦИИ РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
(на материале переводов Дж. Унгаретти и Ч. Павезе).....42

Маттеи Наталья Вячеславовна

магистрант РХГА им. Ф.М. Достоевского

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК В ПОЛЯХ ЗНАЧЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ СЮЖЕТНО-БЛИЗКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ДЖОВАННИ
ПАСКОЛИ И ФАБРИЦИО ДЕ АНДРЕ.....46

Пассарини Лоренцо

старший преподаватель РХГА им. Ф.М. Достоевского

ДЖАКОМО ЛЕОПАРДИ:

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ.....57

Дизер Диана Сергеевна

магистрант, направление Филология, СПбГУ

ТЕКСТ ИТАЛЬЯНСКОГО КИНОСЦЕНАРИЯ КАК МНОГОЯЗЫЧНОЕ
ПРОСТРАНСТВО (на примере киносценариев к “Сладкой жизни” Ф. Феллини
и “Великой красоте” П. Соррентино)».....66

Аникина Елизавета Юрьевна

аспирант РХГА им. Ф.М. Достоевского,

L'AMOR DE LONH...

ОТКУДА ДОНОСИТСЯ ЭТА ДАЛЕКАЯ ПЕСНЬ?.....74

Пило Боил ди Путифигари Чечилия (Италия)

к. филол. наук, доцент РХГА им. Ф. М. Достоевского,

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ СОНЕТА В КРУГУ ПОЭТОВ «ДОЛЬЧЕ
СТИЛ НУОВО».....90

Литвиненко Елизавета Леонидовна

преподаватель колледжа РХГА им. Ф.М. Достоевского

ОБУЧЕНИЕ ЛЕКСИКЕ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (на примере итальянского языка).....96

СЕКЦИЯ 3

Восточная мозаика

Сеитов Руслан Маратович

асс. кафедры востоковедения, Новосибирский государственный университет
(Новосибирск)

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ УЧЕНИЯ НИТИРЭНА В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ
НА ПРИМЕРЕ СОКА ГАККАЙ.....104

Солодкова Мария Михайловна

сотрудник отдела экскурсионной и научно-просветительской работы
СПбГМТиМИ, филиал Шереметевский дворец – музей музыки

ОБРАЗ ТРАДИЦИОННЫХ ЯПОНСКИХ САДОВ В СОВРЕМЕННОЙ
ЯПОНСКОЙ МУЛЬТИПЛИКАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И
КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....112

Зинченко Алина Витальевна

асс. кафедры Востоковедения ГИ НГУ, аспирант, Новосибирский
государственный университет (Новосибирск)

ПРИЧИНЫ ТЕСНОЙ СВЯЗИ ДЗЭН-БУДДИЗМА С ТРАДИЦИОННЫМИ
ИСКУССТВАМИ ЯПОНИИ.....119

Тапилина Ксения Григорьевна

ст. преп. кафедры зарубежной филологии и лингводидактики, РХГА им. Ф.М.
Достоевского

СОЗДАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ТОКУСАЦУ В КАМЭН РАЙДЕР W (Kamen
Rider W).....129

Рогов Егор Олегович

асс. кафедры сопоставительного изучения языков и культур,
Санкт-Петербургский государственный университет

ИСТОРИЯ ВЫПУСКА ЯПОНСКИХ БАНКНОТ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЭПОХИ
МЭЙДЗИ.....137

Битиева Эвелина Николаевна

асс. кафедры зарубежной филологии и лингводидактики
РХГА им. Ф.М. Достоевского

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ В СФЕРЕ АРХИТЕКТУРЫ В ЯПОНИИ В
ЭПОХУ МЭЙДЗИ.....142

Ващенко Оксана Сергеевна

Студент Колледжа

РХГА им. Ф.М. Достоевского

Научн. Руководитель – Дьяченко Екатерина Александровна

ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОГО ИНТЕРНЕТ-СЛЭНГА.....150

Шкондина Валерия Сергеевна

студентка Санкт-Петербургского государственного института культуры

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКИХ НАРЕЧИЙ

(на материале корпуса ВССWJ).....162

СЕКЦИЯ 4 ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ

Хаунин Владимир Григорьевич

Доцент, Санкт-Петербургский государственный институт культуры, кафедра кинофотоискусства

ГЛУБИНЫ СМЫСЛОВ И ПРИМЕРОВ В ЗАМЕТКАХ С.М. ЭЙЗЕНШТЕЙНА
«ПРИНЦИП РАЗВОРОТА КОМПОЗИЦИИ», «ОСЯЗАЕМОСТЬ
КОНТРАПУНКТА. ИНТРИГА И ФОРМА», «ПЛЕТЕНИЕ СЮЖЕТА» ИЗ
СБОРНИКА «НЕРАВНОДУШНАЯ ПРИРОДА».....168

Филичева Надежда Викторовна,

д. философ. наук, доцент, проф. кафедры КПИ РХГА им. Ф. М. Достоевского

РОЛЬ КОНСТРУКТИВИЗМА В НОВЫХ ОТКРЫТИЯХ
ТЕАТРАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА.....177

СЕКЦИЯ 5 ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

Шилова Ильмира Равильевна

учитель английского языка ГБОУ Школа 1440 г. Москва

ОТКРЫТЫЕ УРОКИ: ОТ ЗАДУМКИ ДО ВОПЛОЩЕНИЯ (на примере
УМК «Английский в фокусе»).....186

Ильичёв Илья Игоревич, Янс Рейнир Питер

учителя английского языка, ГБОУ гимназия №190 Центрального района,
г.Санкт-Петербург.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕКСТОВ ПЕСЕН В
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ
(Practical usage of lyrics in the educational process). 190

СЕКЦИЯ 6

МЕЖДУ ПОЭЗИЕЙ И ФИЛОСОФИЕЙ: ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ ХАННЫ АРЕНДТ

Доклады данной секции отражают результаты исследований, выполненных за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00925, <https://rscf.ru/project/23-28-00925/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Лощевский Кирилл Владимирович

к. философ. н., доцент кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, исполнитель проекта отдела сопровождения научных проектов РХГА им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург)

«ДУИНСКИЕ ЭЛЕГИИ» Р. М. РИЛЬКЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Х. АРЕНДТ И Г. АНДЕРСА: НА ПУТИ К ОНТОЛОГИЧЕСКОМУ ПОВОРОТУ.....195

Крюкова Екатерина Борисовна

к. философ. н., исполнитель проекта отдела сопровождения научных проектов РХГА им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург)

«С ГРУСТЬЮ И БОЛЬЮ, ЧТО ЗНАЧИТ – ЛЮБОВЬЮ». К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ХАННЫ АРЕНДТ И УИСТЕНА ХЬЮ ОДЕНА.....198

Коваль Оксана Анатольевна

к. философ. н., доцент кафедры философии, религиоведения и педагогики; руководитель научного проекта отдела сопровождения научных проектов РХГА им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург)

ПРОСТРАНСТВО ФИЛОСОФСКОГО ДИАЛОГА: ХАННА АРЕНДТ И ГЕРМАН БРОХ.....202

Юрина Екатерина Сергеевна

к. философ. н., исполнитель проекта отдела сопровождения научных проектов РХГА им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург)

ГРЕЧЕСКОЕ ЭХО В ФИЛОСОФИИ ХАННЫ АРЕНДТ: ПРОМЕТЕЙ КАК МЕТАФОРА МЫШЛЕНИЯ НОМО FABER.....206

Новожилов Николай Александрович

магистр РХГА им. Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург)

СОЗДАНИЕ ВЕЩЕЙ КАК СОЗДАНИЕ ИСТОРИЙ: АРЕНДТ, БЕНЬЯМИН И ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС.....211

Бузмакова Оксана Владимировна

магистр философии, аспирант РХГА им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург)
ФЕНОМЕН МОНАШЕСКОЙ АСКЕЗЫ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКИХ
РАЗМЫШЛЕНИЙ ХАННЫ АРЕНДТ.....214

Лозис Наталья (Ксения) Арнольдовна

магистр РХГА им. Ф. М. Достоевского (Санкт-Петербург)
ПОНИМАНИЕ ДЕЙСТВИЯ У ХАННЫ АРЕНДТ
И СЕРЕНА КЕРКЕГОРА.....217

СЕКЦИЯ 7
ЯЗЫК КАК СИМВОЛ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ
ПСИХОТРАВМАТОЛОГИИ

Защиринская Оксана Владимировна,

д. психол. н., профессор, зав. кафедрой психотравматологии РХГА им. Ф.М. Достоевского», профессор кафедры педагогики и педагогической психологии СПбГУ, доцент кафедры клинической психологии и психологического консультирования РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

ЦИФРОВАЯ АЛЬТИВНАТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ:
ОКУЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ.....221

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01653, <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Белимова Полина Андреевна,

научный сотрудник кафедры психотравматологии РХГА им. Ф.М. Достоевского; Университете ИТМО, Центр юзабилити и смешанной реальности, инженер (Санкт-Петербург)

ЯЗЫК ПИКТОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА КАК СРЕДСТВО
АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....228

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01653, <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Турчанинов Евгений Евгеньевич

кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры психотравматологии РХГА им. Ф.М. Достоевского; педагог-психолог ГБОУ СОШ № 411 «Гармония» с углубленным изучением английского языка Петродворцового района (Санкт-Петербург)

МЕЖЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА.....236

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01653, <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Малахова Асоль Николаевна

кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры психотравматологии РХГА им. Ф.М. Достоевского»; педагог-психолог ГБОУ СОШ № 17 Невского района (Санкт-Петербург)

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СПЕЦИАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ.....244

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01653, <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Янчук Алена Аркадьевна,

бакалавр 2 курса, факультет психологии, СПбГУ (Санкт-Петербург)

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ У ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ КОРРЕКЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ.....251

**СЕКЦИЯ 8
ГОЛОСА МОЛОДЫХ**

Захлевная София,

Колледж РХГА им. Ф.М. Достоевского

Научный руководитель: Хацкевич Т.М.

«СВОЙ/ЧУЖОЙ» В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ ДЖОНА УИНДЕМА «КУКУШАТА МИДВИЧА».....260

Хацкевич Татьяна Маратовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной филологии и лингводидактики

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Аляпкина Александра Александровна,

студентка 4 курса группы АНГ.220.Б-S, направления 45.03.01 «Филология»

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ТВОРЧЕСТВА ДЖЕКА ЛОНДОНА.....268

Круглый стол: АРИСТОТЕЛЬ В РОССИИ

Алымова Елена Валентиновна,

к.ф.н., доцент Института философии СПбГУ, ealymova@yandex.ru

Тема выступления: «Аристотель в России: горизонты».....274

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01107, <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Караваяева Светлана Викторовна,

к.ф.н., доцент РХГА им. Ф.М. Достоевского, ст. преп. СЗГМУ им. И.И. Мечникова, ksv.karavaeva@gmail.com

Тема выступления: «Аристотель в древнерусской культуре: «Пчела», «Тайная тайных».....276

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01107, <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Коваленко Михаил Алексеевич,

студент Института философии СПбГУ, neurocommunism@gmail.com

Тема выступления: «Проблемы полемики Максима Грека против астрологии Аристотеля».....278

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01107, <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Минак Вячеслав Сергеевич,

аспирант РХГА им. Ф.М. Достоевского, ordogeometricus@mail.com

Тема выступления: «Существовала ли целостная рецепция философии Аристотеля в древнерусской культуре?».....280

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01107, <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

Мочалова Ирина Николаевна,

к.ф.н., доцент Института философии СПбГУ, mochalova@yandex.ru

Тема выступления: «Журнал Министерства народного просвещения» как популяризатор Аристотеля: переводы, исследования и дискуссии.....285

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-01129 «Античная философия на страницах российских журналов второй половины XVIII - XIX веков: споры о природе философии, ее национальных особенностях и месте в отечественной культуре» (Санкт-Петербургский государственный университет) <https://rscf.ru/project/23-28-01129/>

СЕКЦИЯ 1

Англистика в контексте эпохи

УДК 821.111

Хацкевич Татьяна Маратовна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры

зарубежной филологии и лингводидактики

автономной некоммерческой организации высшего образования «Русская христианская гуманитарная академия» имени Ф.М. Достоевского

ta-ta89@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ЧУЖОГО НА ПРИМЕРЕ РОМАНА ДЖОНА УИНДЕМА КУКУШАТА МИДВИЧА»

В статье представлена краткая справка развития образа Чужого в литературе. Основным вопросом статьи становится амбивалентный характер образа Детей. По ходу развития сюжета романа отношение жителей города Мидвич к Детям меняется от страха к принятию, а затем к ненависти. Ролевая модель одного из главных героев рассматривается как оптимальное взаимодействие с Детями, персонаж не проявляет враждебности, изучает их способности, отмечает интересы и пытается понять образ мысли.

Ключевые слова: Джон Уиндем, «Кукушата Мидвича», Чужой, английская литература

Khatskevich Tatiana Maratovna

The development of the Alien image

in the novel “The Midwich Cuckoos” by J. Wyndham

In this article there is a brief summary of the development of the Alien image in Literature. The issue under analyses is the ambivalent character of Children image. The attitude of the Midwich citizens to the Children is changing, first of all it's the great fear, then the tolerance to them and finally hate. The role model of one of the characters is considered to be a good way to interact with the Children, the character doesn't show his hostility, he finds out their extra skills and their interests and he tries to understand their way of thinking.

Key words: J. Wyndham, “The Midwich Cuckoos”, Alien, English Literature

Роман «Кукушата Мидвича» (“The Midwich Cuckoos”) опубликован в 1957 году, автором произведения является английский писатель-фантаст Джон Уиндем (можно встретить другой псевдоним, производный от полного имени). Автор специализируется на сюжетах-катастрофах, роман «Кукушата Мидвича» был дважды экранизирован под названием «Деревня проклятых». Одной из основных проблем в романе становится бинарная оппозиция «Чужой-Свой», для лучшего понимания проблемы необходимо проследить появление образа Чужого в художественной литературе, так как в названном романе этот образ

носит амбивалентный характер. Кроме того, можно сказать, что Джон Уиндем продолжает традицию исследования данных образов, так как в Великобритании образ Чужого можно встретить в древнеанглийских произведениях. В древности Чужой предстает в образе зооморфного, антропоморфного существа, как правило, змеи или дракона, наделенного человеческими характеристиками. В.Я. Пропп считает, что образ такого существа появляется в первобытных представлениях о священных животных, изначально змеях, «дракон же является более поздним, усложненным образом, появившимся, вероятно, в мифологии народов Древнего мира и присоединившим к змеиной основе черты других животных – главным образом, птицы» [3, с. 93]. В литературе Великобритании Чужой представлен подобным образом в легендах Британских островов, например, легенда о драконе из валлийской деревни Перминиз, сюжет о деревне Ллэндейло Грэбен, сказки «Победитель змея», «Три подземных царства», «Рыжий Этин», «Джек – победитель великанов», «Три подземных царства» и другие [3, с. 96].

Одним из самых известных произведений, персонажем которого является Чужой, можно назвать древнеанглийскую поэму «Беовульф». В поэме оппозиция «Свой-Чужой» связана с законами родоплеменных отношений, принадлежность к роду позволяет выявлять врагов и союзников. Кроме того, следует отметить, что наделение Чужого звериными характеристиками коррелируется с архаичным способом конструирования образа врага, то есть трансформируется согласно оппозициям «культура-дикость» и «человек-природа». Конечно, на данном этапе нельзя говорить о формировании этнического и национального Другого, но это первые шаги к данному процессу. Восприятие Чужого как Другого связано с колониальным дискурсом, когда появляется интерес и «сознательное познание» не Своего. Кроме того, в современной литературе стали возникать многочисленные фантазийные образы, в том числе монструозные, например, вампиры, зомби, пришельцы и другие. Роман «Кукушата Мидвича» связан именно с подобным образом Чужого.

По сюжету романа в тихом, неприметном городишке Мидвич происходит необычное событие: все жители поселка внезапно засыпают на тех местах, где находятся, границы поселка невозможно пересечь, так как люди сразу же засыпают, если въезжают в Мидвич. Снимки с воздуха проясняют ситуацию, стало известно, что в центре поселка появился неопознанный объект, через несколько дней объект исчез, люди в Мидвиче очнулись, несколько человек погибли от холода, в поселок снова открылся доступ, жизнь возвращается к прежнему укладу. Однако постепенно становится понятно, что событие не прошло бесследно: многие женщины в поселке ожидают ребенка, удивителен факт, что беременны женщины, которые не могли оказаться в таком положении, конечно, данный факт жители Мидвича связывают с посещением их городка неопознанным объектом. Целесообразно обратить внимание на год

выхода романа и рассмотреть события в обществе, которые происходили в этот период. После Второй мировой войны возрос интерес к летательным объектам. Первое упоминание о неопознанных объектах относится к 1947 году, с тех пор интерес к данному вопросу не угасает, постоянно возникают дискуссии на тему летающих объектов. Неудивительно, что писатели и кинематографисты стали обращаться к образам пришельцев и неопознанных летающих объектов [2], как правило, такие образы воспринимаются как Чужие.

Основные персонажи романа викарий Хьюберт и доктор Уиллерс в силу своих профессиональных обязанностей и доверия со стороны социума Мидвича понимают, что летающий объект после своего визита оставил некоторое «наследие». Оба этих героя осознают моральный аспект и переживают за женщин, не понимающих, что они стали жертвами ситуации. Женщины, попав в неловкое положение, не понимают причин случившегося, каким образом они оказались беременными, предпринимают ужасные действия, испытывают на себе все негативные последствия, в том числе, страдают от неодобрения их поведения неосведомленным обществом. Так, например, муж узнает о внезапной беременности жены и подозревает ее в супружеской неверности:

«Около недели назад молодой Том Дорри приехал домой в отпуск с флота. Последний раз он был дома восемнадцать месяцев назад, и что же он видит? Он видит, что жена его страшно расстроена, и, наконец, вытягивает из нее, что она ждет ребенка. Что ж, он не Харриман; он не бьет ее. Вместо этого он молча собирает свои вещи и уходит <...> Наконец, немного успокаивается и, все еще озадаченный, решает вернуться домой. Там он находит свою жену лежащей на полу» [1, с. 54],

более того, страшные случаи происходят по всему Мидвичу:

«За последние две недели меня вызывали к двум женщинам, упавшим с лестницы, и к одной, потерявшей сознание в горячей ванне. Я, конечно, не могу быть полностью уверен, но в нынешних обстоятельствах эти случаи следует считать весьма показательными. Есть и другие странности - например, одна молодая женщина вдруг купила велосипед и теперь отчаянно пытается заехать на каждый пригорок в округе» [1, с. 54-55].

Описание этих ситуаций позволяет составить представление об отношении женщин Мидвича к будущим Детям, также становится очевидным, что в обществе не возникает аллюзия на библейский мотив о непорочном зачатии, наоборот, ребенок воспринимается как Чужой, как враг. Ребенок воспринимается как Чужой, так как он в отношении этноса и национального соотнесения не принадлежит не только этому народу, более того, даже человеческому виду, он вторгается как на планету, так и в жизнь женщины без ее воли на это, женщина становится объектом чужого решения, теряет свою субъектность. Будущие Дети рассматриваются как некие существа, которые, возможно, не имеют общих характеристик с человеком, страх неизведанного и не Своего толкает женщин на отчаянные шаги.

Инициативная группа, состоящая из основных персонажей и решающая данную проблему (Гордон Зеллаби, чья жена и дочь в ожидании пополнения, доктор Уиллерс, викарий Хьюберт Либоди), боится паники среди женщин и

чрезмерного интереса журналистов и проводит разговор с женщинами Мидвича, чтобы успокоить, поддержать и объяснить случившееся. Однако никто из инициативной группы не уверен в «нормальности» будущих Детей, тем не менее, принято решение подождать их рождения, но при этом нет запасного плана, что делать, если эти Дети не будут нормальными. После того как общество Мидвича успокоилось, началась новая стадия принятия ситуации. Это принятие связано с тем, что ожидание Детей проходило достаточно традиционно, не было никаких нетипичных проявлений, в этот момент можно отметить, что образ Чужого переходит в Другого.

Однако на протяжении всего времени до рождения Детей жителей продолжали мучить мысли о том, проклятие, Божья кара эти Дети или наоборот благодать. Более того, по ходу развития сюжета появление Детей стало восприниматься насилием и в отношении мужчин, которые вынуждены мириться со сложившимся положением дел:

«О, какой ужас! Для бедного Алана это просто удар в спину. Это же просто насилие! Это отвратительно! Это может быть основанием для развода? Ты хочешь развестись, дорогой? Зеллаби, чуть прищурившись, смотрел на дочь. Алан положил свою руку на руку Феррелин. - Я думаю, мы можем с этим немного подождать, правда? – сказал он» [1, с. 76],

мужчины вынуждены принять, что будут воспитывать не своих детей. Описание жизни в Мидвиче и состояния женщин ближе к рождению детей позволяет констатировать факт, что ситуация выходит из-под контроля:

«Я вдруг заметил, что она смотрит на меня так, словно ненавидит - но вы же знаете, что это не так... Потом, хотя я и молчал, она вдруг воскликнула: "Мужчинам гораздо проще! Вам ведь не суждено через это пройти! Откуда вам знать, каково это - лежать без сна и сознавать, что тебя просто использовали - словно ты вообще не человек, а какой-то механизм, вроде инкубатора..."» [1, с. 80],

женщины еще более болезненно воспринимают факт свершившегося насилия, то есть появления ребенка вне их желания, возрастает ощущение несправедливости.

Следующий этап успокоения наступает с рождением первых Детей, так как внешне они практически не отличаются, ведут себя как обыкновенные новорожденные, единственным исключением является цвет глаз:

«- Реакция, дорогая. Просто реакция. Ребенок прекрасный, понимаешь. Никаких отклонений. Ничего вообще. Прекрасный ребенок <...> - О, слава Богу! - воскликнула миссис Уиллерс. - У него золотые глаза, - сказал ее муж. - Забавно - но никто же не против золотых глаз, верно? - Нет, дорогой, конечно, нет. - Все прекрасно, все в полном порядке. Вот только золотые глаза...» [1, с. 81-82],

этот эпизод является очень показательным в трансформации Чужого в Другого, родившиеся младенцы становятся Своими, они родились на территории сообщества людей Мидвича, они внешне практически не отличаются, не похожи на пришельцев \ инопланетян, они подобны людям, цвет глаз не

становится значимой отличной чертой для появления неприятия. Кроме того, для приобщения к группе Своих жители Мидвича обращаются к обряду крещения, с одной стороны, этот обряд объясняется желанием освятить, получить Божье благословение, с другой – это поиск общих точек соприкосновения – этнической, национальной, религиозной идентичности. Викарий отмечает, что одного из детей называли «Даром Божиим» (Теодор), этот факт означает принятие своей участи, смену настроения в обществе по отношению к случившемуся. Однако члены инициативной группы продолжают рассуждать о необычном событии как о чем-то негативном, главным вопросом остается суть подобного эксперимента (подкидывания Детей в общество), а также страх перед Чужим. Как бы женщины не принимали рожденных детей, Гордон Зеллаби настаивает на их чуждости, он чувствует, что есть тайная враждебная цель, поэтому призывает внимательно следить за развитием событий:

«С другой стороны, само событие отнюдь не случайно. И вполне возможно, что оно является неким испытанием. А мы случайно ли взятый для него образец? В конце концов, вопрос мог заключаться в том, согласимся ли мы с навязанной нам ситуацией, или предпримем какие-то шаги, чтобы ее отвергнуть? Ну что ж, мы на него ответили. Впрочем, это второстепенный вопрос. Есть и более существенные: кто проводил испытание? И зачем? Я уже не спрашиваю, как? Знаете, со всеми нашими волнениями мы совсем упустили невероятную, чудовищную возможность... Как вы уже сказали, они чужие... и нам нельзя об этом забывать. Мы должны сейчас очень хорошо подумать и полностью отдать себе отчет в том, что они именно чужие; что они посланы к нам с неизвестной целью... Или это звучит слишком фантастично?» [1, с. 85-86],

учитывая изначальный нечестный путь навязывания этих Детей обществу Мидвича, сложно не согласиться с размышлениями персонажа.

Очередное состояние ужаса страха настигает женщин при осознании, что Дети могут их контролировать, их волей полностью овладевают, заставляют покоряться желаниям. Детей, у новорожденных к желаниям относится естественное утоление базовых потребностей в еде. При этом есть и одно странное желание, оно заключается в том, что Дети хотят быть вместе: женщины, уехавшие из города, возвращаются в Мидвич, они не могут объяснить, почему приходится возвращаться, хотя они этого не планируют. Незначительные физические отличия, которые не пугали жителей, так как они готовили себя к худшему, начали настораживать население, среди таких особенностей была стопроцентная выживаемость, отличие ногтей, волос, в том числе, на уровне химического состава. Эти детали стали постоянно напоминать о том, что такого вида как Дети не существует, они Чужие, их намерения непонятны, они проявляют сверхспособности в юном возрасте, вероятно, способности будут набирать силу, что может пагубно сказаться на жителях Мидвича. Люди пытаются найти научное объяснение этим отличиям от человеческого тела, настаивая на том, что матерями являются женщины Мидвича, при этом Гордон Зеллаби приходит к выводу, что «позволительно ли на основании этого сделать вывод, что те, кто считается их матерями, на самом

деле вовсе не их матери?» [1, с. 89-90], даже желание сделать Детей Своими не может спорить с наукой, которая не находит объяснения случившемуся. Зеллаби сравнивает Детей с кукушатами, во-первых, из-за факта, что их подкинули в Мидвич, во-вторых, он моделирует ситуацию, когда Дети могут последовать ролевой модели кукушат, избавляющихся от птенцов, чтобы жить в достатке:

«Так вот, поведение птенца основывается прежде всего на инстинкте самосохранения, инстинкте, который характеризуется, главным образом, крайней жестокостью» [2, с. 99-100],

Гордона Зеллаби очень волнуют мотивы появления Детей, он осознает опасность, исходящую от Детей:

«Но поскольку ты женщина умная, я задам тебе вопрос: если бы ты пожелала бросить вызов стабильному и хорошо вооруженному обществу, чтобы ты стала делать? Попробовала бы напасть - хоть это и дорого, и ненадежно, и опасно? Или, если время не играет серьезной роли, использовала бы тактику "пятой колонны", чтобы атаковать врага изнутри?» [1, с. 107].

Постепенно читатель узнает о том, что многие женщины почувствовали еще большую дистанцированность от Детей, когда столкнулись со случаями причинения боли в ответ. Примером может случить эпизод, когда женщина уколола случайно ребенка булавкой, а он заставил силой своей воли ее колоться этой булавкой в качестве наказания за этот проступок. Жительницы Мидвича стали массово отказываться от Детей, уезжать и оставлять их в городке, поэтому было принято решение создать школу, в которой Дети смогут жить и обучаться. Примечательно, некоторые жители Мидвича понимают, что у школы несколько функций: облегчить жизнь матерей, обезопасить население, попытаться интегрировать Детей в обычную жизнь, но при этом наблюдать за тем, как они развиваются, какие у них способности. Очевидно, что в данном случае отношение к незванным гостям двоякое, с одной стороны, попытка сделать их Своими, принять, с другой стороны, присутствует понимание, что нужно их познавать, то есть восприятие их как Других, с третьей стороны, по-прежнему ощущается настороженность к ним как к Чужим, особенно когда появилась агрессия с стороны Детей. Гордон Зеллаби изучает поведенческие реакции Детей, именно он выясняет, что у Детей коллективный разум, который делится на женский и мужской, общение или передача информации происходит телепатически, достаточно одному мальчику и девочке получить информацию, чтобы обе группы Детей овладели ей. Кроме того, физически Дети быстрее растут, выглядят старше своего возраста. Развитие событий сюжета, включающее аварию, намеренные месть-убийства, бунт жителей, постоянные манипуляции Детей, демонстрация собственной мощи военным, захват Детями жителей города в качестве заложников, чтобы избежать ядерного удара для

уничтожения Детей – все эти события окончательно проясняют образ подкидышей, они – Чужие, враги, представляющие угрозу.

Последняя глава произведения – «Зеллаби Македонский», в название спрятан особый смысл, именно Гордон Зеллаби понял цель прибытия Детей на планету, более того, он, независимо от происходящих ситуаций, сохранял дружелюбное отношение к Детям, это был дальновидный шаг. Зеллаби проверил свои догадки последним разговором с Детьми, а затем принял решение по их уничтожению.

Таким образом, собирательный образ Детей в романе «Кукушата Мидвича» Джона Уиндема имеет негативный, вражеский характер, следовательно, автором выстраивается образ Чужого, так как представляется угроза населению городка. Однако на протяжении развития сюжета Д. Уиндем играет с восприятием данного образа, так как отношение жителей Мидвича к Детям меняется по ходу развития повествования.

Литература

1. Уиндем Д. «Кукушата Мидвича». URL: https://royallib.com/book/uindem_dgon/kukushata_midvicha.html (дата обращения: 01.04.24)
2. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20240412/udary-1939663682.html> (дата обращения: 01.04.24)
3. Трофимов Г.А. Об антропоморфности змеев и драконов в русском и британском фольклоре // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 5 (20). С. 93-98.

Росянова Татьяна Сергеевна

д. филол. н., профессор каф.
зарубежной филологии и лингводидактики
РХГА им. Ф.М. Достоевского

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ЗАПИСИ ДВИЖЕНИЙ В ХОРЕОГРАФИЧЕСКОМ ИСКУССТВЕ

В работе обсуждаются вопросы, связанные со сложностями описания терминосистем, относящихся к области хореографии. Развитие современной хореографической терминологии связано не только с необходимостью вербализации характера движений тела человека, но и невербальными (графическими) системами записи движений. Автор рассматриваются причины становления вербально-графического характера специального языка хореографии, которые связаны с поисками наиболее полного способа фиксации и передачи техники исполнения хореографических произведений.

Ключевые слова: термин, терминоведение, хореографическая терминология, системы записи движений

The paper discusses issues related to the difficulties of describing terminological systems related to the field of choreography. The development of modern choreographic terminology is associated not only with the need to verbalize the nature of the human body movements, but also with non-verbal (graphic) systems for recording movements. The author examines the reasons for the formation of the verbal-graphic nature of the special language of choreography, that are associated with the search for the most complete way of recording and transmitting the technique of performing choreographic works.

Key words: term, terminology, choreographic terminology, movement recording systems

В работе рассматриваются вопросы, связанные со сложностями описания терминосистем хореографии. Отечественные терминоведы традиционно считали, что хореографическая терминология стандартизирована недостаточно и представляет собой мозаичную систему, обладающую зонами повышенной хаотичности.

Целью настоящей работы является анализ исторически сложившейся ситуации развития танцевального искусства в нашей стране и за рубежом, что позволяет выяснить, в какой мере в хореографической терминологии проявляется симбиоз вербального и невербального компонентов.

Несомненно, о Танце с большой буквы, его истории, значении в духовном развитии человечества, написано много прекрасных работ профессионалами и знатоками этого искусства. Феерические образы эфемерных красавиц и их воздушные па вызывают восхищение не одно столетие. Народный танец, пришедший из глубины веков, завораживает своими архетипами, понятными нашим современникам.

Пришедшим в профессию, однако, помимо тренировки тела, предстоит осваивать терминологию специальности, обладающую удивительной спецификой. Следует отметить по крайней мере два обстоятельства, которые вносят определенный вклад в данное положение вещей.

Во-первых, современная терминология классического танца (балета) сложилась под влиянием французского языка. Несмотря на то, что искусство танца радовало человечество с древнейших времен, терминология хореографии впервые была зафиксирована в XVII в., когда во Франции была создана Королевская Академия танца и составлен первый балетный словарь [Карпенко, 2016: 45]. По сей день в мировой хореографии применяются французские термины, сродни латыни в медицине и итальянскому языку в музыке. Собственно термин «хореография» (от греч. *choreia* – пляска и *grapho* – пишу) был введен в 1700 г. Р. Фёйе и обозначал систему условных знаков для записи танцев [Марченков, 2017: 5].

В современных русских балетных школах также используется французская терминология, которая объясняется новичкам в специальных пособиях [Бабич, 2019].

- *Pas de deux* - танец двух исполнителей, классический дуэт, обычно танцовщицы и танцовщика.
- *Pas de trois* - танец трех исполнителей, классического трио, чаще всего двух танцовщиц и одного танцовщика.
- *Pas de quatre* - танец, четырех исполнителей, классический квартет.

Французская терминология используется не только в классическом танце, но и в историко-бытовом танце, и в танцах современных направлений хореографического искусства [Карпенко, 2016: 42].

Для лиц, обучающихся балету, и чей родной язык французским не является, мотивировка подобных терминологических единиц утрачивается, словообразовательные закономерности также становятся непрозрачными, и даже при полной ассимиляции заимствованных терминов отсутствует возможность создавать новые терминологические единицы по существующим моделям. Получается, что домен французской терминологии представляет собой в некотором роде заповедную зону, где языковые процессы дремлют, как придворные в «Спящей красавице».

Во-вторых, запись танцевальных движений часто сопровождается рисунками, поскольку вербального способа коммуникации оказывается недостаточно.

Современные исследователи отмечают, что при описании любого танцевального движения нельзя ограничиться одной терминологией, так как за ней следует методика исполнения движений [Карпенко, 2016: 46]. Хореографам требуется кратко осуществить запись учебных комбинаций и этюдов, поэтому создаются графические записи движений танцовщиков. Таким образом, причины становления вербально-графического характера специального языка хореографии связаны с поисками наиболее полного способа фиксации и передачи техники исполнения хореографических произведений.

Отечественный балетмейстер Ростислав Захаров отмечал, что «все позы и движения классического танца - *арабеск, аттитюд, тур, жете, шене, па-де-бурре, фуэте* и др., исполненные в чистой классической форме, являются лишь упражнением - экзерсисом, а окраску им придаёт актёр» [Захаров, 1976: 208].

Современный философский взгляд на проблему взаимодействия актера и балетмейстера сформулирован в исследовании Н.В. Осинцевой: «Исполнительство как стадия танцевального процесса не является пассивным воспроизведением замысла балетмейстера. Танец обретает актуальное бытие в момент своего исполнения. Поэтому исполнитель является со-творцом танцевального образа». Она отмечает также, что «танцевальный образ как разновидность художественного образа представляет собой сущность танцевального искусства» [Осинцева, 2006: 13]. Следовательно, именно передача танцевального образа, уникальность конкретной трактовки балета

солистами-исполнителями в содружестве с хореографами и балетмейстерами и представляет интерес для профессиональной записи.

Балетмейстеры пытаются сохранить преемственность в том числе за счет рисуночных записей движений танцовщиков, что приводит к созданию разных авторских систем графической записи движений [Меланьин, 2010: 61, 65]. Одна из ранних систем нотации Бошана-Фёйе (использовалась с XVII в.) была основана на связи музыки и движения и использовала нотный стан.

Поясним, что термин *нотация* восходит к латыни, где «notatio» означает процесс записи информации, получаемой в результате использования какой-либо системы. В области хореографии данный термин используется в значении «запись танца» [Вихрева, 2008: 3].

Позже, в XIX в. система нотации Бошана-Фёйе была пересмотрена и стали применяться идеи А. Сен-Леона [Ирхен, Лаврова, 2017: 40]. Деятели русского балета также стремились внести свой вклад и предложить свои варианты нотации. Так, например, книга «Алфавит движений тела человека» (*Alphabet des mouvements du corps*), была издана нашим соотечественником, артистом Императорского театра Владимиром Степановым, в Париже в 1892 г. (на французском языке). Автор предлагал свою систему фиксации основных элементов балетных движений с помощью специальных значков. Система В. Степанова на практике использовалась в Мариинском театре [Ирхен, Лаврова, 2017: 40]. По системе В. Степанова было записано более 20 балетов классического наследия [Вихрева, 2008: 15].

Рудольф фон Лабан, хореограф и теоретик, создает своеобразную научную теорию анализа движений человека и их записи (1928 г.), получившую признание во всем мире. Система учитывает направление движения, музыкальную длительность движений и др. Важно подчеркнуть также, что абстрактность системы записи позволяет снять языковые барьеры, что необходимо для развития мировой хореографии. Кроме того, достоинством является то, что «абстрактные системы исключают разночтения в дешифровке зафиксированного хореографического текста» [Вихрева, 2008: 17]. Помимо системы нотации Рудольфа фон Лабана, наиболее востребованной в мире является система Рудольфа и Джоан Бенеш. Тем не менее, по мнению искусствоведов, проблема нотации хореографических произведений была и остается актуальной и в XXI веке [Вихрева, 2008: 3].

В рамках небольшой статьи нет причин перечислять поименно всех деятелей танцевального искусства прошедших веков, которые вносили свой вклад в разработку систем нотации. К счастью, современные видеоархивы дают возможность ознакомиться с творчеством выдающихся исполнителей, изучить их движения, манеру исполнения тех или иных партий. Таким образом нивелируется проблемы и пробелы несовершенства рисуночной записи и передачи хореографического текста в некоем каноническом виде, за что ратуют многие деятели искусства.

Так, отечественных балетмейстеров и педагогов-репетиторов и в XXI в. волнует сохранение наследия классического русского балета, составляющего фундамент репертуара балетного театра. Современные специалисты отмечают, что «балеты всегда передавались «из рук в руки» и «из ног в ноги». При этом если спектакль на несколько лет выпадал из репертуара, то при возобновлении он, как правило, утрачивал ряд нюансов [Полубенцев, 2017: 120]. То есть для сценической жизни хореографического текста необходимо поддержание его образности за счет комплекса специальных мер. Считается, что особая ответственность за сохранение шедевров классики лежит на деятелях петербургского балета, поскольку версии петербургских театров наиболее близки к первоисточникам.

Попробуем подвести некоторые итоги вышесказанному. Терминология классического балета, исторически восходящая к массовым французским заимствованиям, образует заповедную концептуальную территорию, уходящую в глубину времен на несколько веков назад. Канонизация подобного информационного домена сулит свои плюсы и минусы, которые видятся в том, что любая застывшая форма, сохраняя и консервируя архетипы, в конечном счете начинает создавать противоречия с живой семантикой.

Терминоведы, изучая подобные «заповедники», скорее всего будут заниматься констатацией фактов, а не формированием «идеальной терминосистемы» с предписаниями унификации и нормализации, тем более, что все мировые школы классического балета также привязаны к франкоязычной терминологии.

Развитие современной хореографической терминологии связано не только с терминологическими единицами, вербализующими движения тела человека, но и невербальными (графическими) системами записи движений (нотацией), сопровождающими развитие танцевального искусства несколько столетий. В отличие от нотных записей в музыке, в хореографии вплоть до XXI в. так и не сложилось общепризнанной системы нотации мирового уровня, несмотря на универсальность языка танца, понимаемого без перевода. В качестве панацеи от сложившейся ситуации современными хореографами воспринимается видеозапись, которая воспроизводит технику танца предшествующих десятилетий и служит мостиком между прошлым хореографии и ее будущим.

Вербально-графический характер терминосистемы хореографии обусловлен различными факторами, в том числе и антропологическими, когда человек является внутренней точкой отсчета системы координат, характеризующей его движения, но при этом соотносится с пространством сцены и музыкальным ритмом.

Таким образом, развитие и функционирование хореографической терминологии иллюстрирует тесное переплетение экстралингвистических и антропологических факторов, воздействующих на состав терминосистемы и способы передачи специального знания. Они действительно создают сложности

для обучения, осмысления и постижения и, соответственно, передачи традиций от поколения к поколению. Тем не менее, муза Терпсихора по-прежнему вызывает к выражению многогранных человеческих чувств посредством «движения, жеста, пластики и мимики».

Литература

1. *Бабич О.В.* Словарь танцевальных терминов. Иркутск. 2019. 20 с.
2. *Вихрева Н.А.* Сохранение и реконструкция авторской хореографии: методы фиксации и расшифровки: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения. М. 2008. 23 с.
3. *Захаров Р.* Сочинение танца. Страницы педагогического опыта. М. 1983. 237 с.
4. *Ирхен И.И., Лаврова С.В.* Нотация и фиксация хореографического текста в условиях функционирования видеосредств // Вестник академии русского балета им. А.Я. Вагановой. 2017. № 3 (50). С.39-51.
5. *Карпенко В.Н., Карпенко И.А.* История возникновения танцевальной терминологии // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 28 (249). Вып. 32. С. 42-47.
6. *Марченков А.Л.* Искусство балетмейстера. Эволюция сценических форм танца. Сольный танец: учеб. пособие. Владимир: Изд-во ВлГУ, 2017. 124 с.
7. *Меланьин А.А.* Теоретические аспекты изучения хореографического искусства: Методы анализа танцевального движения. М., 2010.
8. *Осинцева Н.В.* Танец в аспекте антропологической онтологии: дис... канд. филол. наук. Тюмень, 2006.
9. *Полубенцев А.М.* Проблемы сохранения классического наследия // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. № 2 (49) 2017. С. 120-124.

СЕКЦИЯ 2

Актуальные вопросы романистики

УДК 81'36

Роберта Питталуга*старший преподаватель Санкт-Петербургского государственного
университета*roberta.pittaluga@yandex.ru**ФУНКЦИИ CONGIUNTIVO, CONDIZIONALE И FUTURO
В ИТАЛЬЯНСКОМ ЯЗЫКЕ:
НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ¹**

В статье анализируются способы выражения понятий наклонения (modo) и модальности (modalità) в итальянском языке; особое внимание уделяется оппозиции между Indicativo и Congiuntivo. Согласно нашей позиции, модальность относится к семантическому уровню и употребляется, в том числе чтобы установить разные уровни уверенности говорящего, а наклонение используется, чтобы описать морфологические и синтаксические явления. В статье исследуются также роль Futuro и Condizionale в итальянском языке. Модальность выражается не только Congiuntivo или модальными глаголами *potere*, *dovere*, но также и через Condizionale и Futuro.

Ключевые слова: наклонение, модальность, итальянский язык, Congiuntivo, Condizionale.

Roberta Pittaluga*Congiuntivo, Condizionale and Futuro in the Italian language: some considerations*

The article analyzes the ways of expressing the concepts of mood (modo) and modality (modalità) in the Italian language; particular attention is paid to the opposition between Indicativo and Congiuntivo. According to our position, modality refers to the semantic level and is used, among other things, to establish different levels of the speaker's confidence, whereas mood is used to describe morphological and syntactic phenomena. The article also examines the role of Futuro and Condizionale in Italian. Modality is expressed not only by Congiuntivo or the modal verbs *potere*, *dovere*, but also through Condizionale and Futuro.

Keywords: mood, modality, Italian language, subjunctive, conditional.

В настоящей статье мы ставим перед собой цель исследовать какую роль выполняют такие понятия как наклонение (modo) и модальность (modalità) в итальянском языке, и какими языковыми средствами они выражаются. Для начала проанализируем следующий диалог (1):

(1) - Che ore sono? Сколько времени?

¹ Мне бы хотелось выразить глубокую благодарность моей коллеге Чечилии Пило Боил ди Путифигари, чья помощь была бесценной в написании данной статьи. Все возможные недочёты и неточности лежат на совести автора.

- Mah, saranno le cinque. Ну, наверное, часов пять.

В (1) мы сталкиваемся с необходимостью понять, какую функцию имеет Futuro: иными словами, можно ли считать *saranno* исключительно временем (tempo) или всё-таки можно предполагать, что это наклонение (modo)? Как правило, в грамматике принято устанавливать для каждой глагольной формы первичное значение, к которому добавляются потом второстепенные значения и употребления [19, с. 12]. Так, в рамках данного подхода, можно классифицировать любую глагольную форму как список парадигм: однозначность, обобщённость и систематичность характеризуют этот способ анализа глаголов [19, с. 10]. Однако трудности возникают тогда, когда мы пытаемся сделать шаг вперёд и попробовать анализировать, что на самом деле стоит за уже принятым грамматикой ярлыком. В этом отношении мы разделяем мнение М. Скуартини [19, с. 25], согласно которому можно выделить понятия модальность и наклонение: модальность относится к семантическому уровню и употребляется, в том числе чтобы установить разные уровни уверенности говорящего, а наклонение используется, чтобы описать морфологические и синтаксические явления.

Теперь перейдём к анализу наклонения в итальянском языке. Система наклонений итальянского глагола калькирует общую структуру системы латинского языка, добавляя к ней условное наклонение [22]. По этой причине, в итальянской лингвистике принято в категорию наклонения включить с одной стороны личные формы (изъявительное, повелительное, сослагательное и условное наклонения), а, с другой стороны, неличные формы (инфинитив, причастие и деепричастие)².

Относительно итальянского языка, лингвистическая традиция толкует категорию наклонения несколько иначе по сравнению с тем, что считается нормой в российской лингвистике. Чтобы лучше понимать позицию итальянских лингвистов, можно обратиться к В.Г. Гаку, который утверждает, что наклонение представляет «отношение глагольного действия к действительности с позиции говорящего. Проблема инвентаря наклонений во французской грамматике включает два вопроса: а) правомерность объединения в единой категории наклонения личных и неличных форм; б) состав личных модальных форм» [1, с. 266]. Подобное высказывание касается не только французского, но может быть распространено и на итальянский язык. В силу этого, не должно удивлять, что неличные формы глагола в итальянском языке относятся именно к категории наклонения, а не к понятию словоизменения.

² О закреплённости общепринятой традиции свидетельствуют также учебники и грамматики итальянского языка как иностранного, где личные формы глагола (*modi finiti*) противопоставляются понятию неличных форм: *modi non finiti* или *indefiniti* (см. 6, 16) или *forme implicite* (см. 13).

Начнем с анализа *Congiuntivo*, встречающегося в дескриптивных грамматиках. Согласно последним, употребление *Congiuntivo* в итальянском языке в подчинённых предложениях зависит от корреляции между наклонением и модальным значением содержания фразы, которая включает *Congiuntivo* [15, с. 142]. Каково значение *Congiuntivo*? Можно ли утверждать, что у *Congiuntivo* есть особое значение? Эти вопросы задавал себе ещё 20 лет назад М. Пранди в статье под названием *C'è un valore per il congiuntivo?* (Есть ли значение для *Congiuntivo*?), где [14, с. 38] он приходит к выводу, что наличие *Congiuntivo* не влияет на модальное значение придаточного дополнительного предложения (*proposizione completiva*). Функция *Congiuntivo* исчерпывается в том, что он выражает (*codifica*) пустое, в плане содержания, грамматическое отношение, а именно отношение между главным глаголом и его дополнением. Модальное значение подчинённого предложения, содержащего *Congiuntivo* – заранее тавтологически установлено семантикой главного глагола и оно не связано с присутствием *Congiuntivo*.

Оспаривая позицию традиционных грамматик, М. Пранди [15, с. 143] заявляет, что последние не только и не просто констатируют эти тавтологии, (т.е. после некоторых глаголов и союзов употребляется *Congiuntivo*), но также они пытаются предоставить объяснение: «cioè la formulazione di una regola in grado di prevedere la distribuzione dei due modi: l'indicativo sarebbe il modo della realtà mentre il congiuntivo sarebbe il modo della non realtà³». Однако, данное утверждение не всегда работает в таких случаях, как например:

(2) Mi dispiace che tu mi abbia dovuto aspettare così tanto. (*Congiuntivo*)

Мне жалко, что тебе пришлось ждать меня так долго.

(3) Ho sognato che avevamo un cane. (*Indicativo*)

Мне снилось, что у нас есть собака.

В (2) собеседнику точно пришлось подождать, т.е. подчинённое предложение с *Congiuntivo* описывает факт, который уже свершился, и действие состоялось. В (3) же в подчинённом предложении фигурирует *Indicativo*, хотя речь идёт о снах, т.е. о не-реальности. Более того, упрощённое объяснение, которое гласит, что *Congiuntivo* выражает эмоции, приводит студентов к ошибочным выводам и несколько ошибочному усвоению правила. Например, у студентов часто встречается употребление *Congiuntivo* после таких слов, как *chissà* (кто знает), *purtroppo* (к сожалению), *secondo me* (по-моему), которые, соответственно, выражают сомнение, сожаление или мнение, но не требуют *Congiuntivo*.

Как утверждает М. Пранди [15, с. 152-153]:

³ Т.е. формулировка правила, которое может предсказывать дистрибуцию наклонений: согласно этой позиции *Indicativo* является наклонением реальности, а *Congiuntivo* – нереальности.

«la presenza di un ventaglio di opzioni tra cui il parlante sceglie è una condizione necessaria perché una forma linguistica – e in particolare il modo, indicativo o congiuntivo – possa avere un valore proprio e contribuire con questo valore al contenuto dell'espressione complessa che la contiene⁴».

Тем не менее, это вовсе не обозначает, что возможность выбора предполагает прямую связь между наклонением и модальностью. Как пишет А. А. Карлова [3, с. 52], «выбор наклонения в некоторых случаях продиктован не только вышеназванным выражением к действию, но и поиском наиболее адекватного для конкретной ситуации средства для эффективной передачи информации». В случае с независимыми предложениями (например, с предложением *Che tu sia felice! Будь счастлив!*) мы понимаем, что *Congiuntivo* – несовместимо с реальностью, а в случае с подчиненными предложениями речь идёт о выборе.

С такими глаголами, как *dire*, *pensare* и *credere* выбор зависит от говорящего, который имеет право выбрать между *Congiuntivo* и *Indicativo*.

(4) Dicono che Mario sia scappato di casa. (*Congiuntivo*)

Говорят, что Марио сбежал из дома.

(5) Dicono che Mario è scappato di casa. (*Indicativo*)

Говорят, что Марио сбежал из дома.

В (4) говорящий дистанцируется, устраняется от утверждения, т.е. он не уверен в том, что Марио действительно сбежал из дома, и посредством *Congiuntivo* он сообщает собеседнику, что такое утверждение принадлежит другим, а не ему или ей. Наоборот, в (5), выбрав *Indicativo*, говорящий присвоит себе объект сплетни. Подобная ситуация встречается и с косвенными вопросительными предложениями, (см. например, *Non so quanto costa* (*Indicativo*)/*costi* (*Congiuntivo*) *il biglietto*, не знаю, сколько стоит билет).

Что касается глагола *credere*, нельзя не упомянуть известные в итальянской лингвистике утверждения *Credo che Dio esista* (*Congiuntivo*) vs *Credo che Dio esista* (*Indicativo*) (думаю, что Бог существует). Если мы принимаем концепцию, согласно которой употребление *Congiuntivo* предполагает, что собеседник сомневается в существовании Бога, тогда в случае если бы первую фразу произнёс верующий, что вполне реалистично, то это обозначало бы, что он противоречит самому себе [18, с. 108]. В этом случае речь идёт о стилистическом выборе, обусловленном только конкретными свойствами глагола или предиката, либо же обусловленном вариативностью итальянского языка. Согласно исследователям (см. 9, с. 160-161; 15, с. 153), употребление *Indicativo* предполагает низко-средний уровень владения

⁴ Наличие ряда опций среди которых говорящий может выбрать – необходимое условие, чтобы языковая форма, и в особенности *Indicativo* или *Congiuntivo*, могла иметь своё собственное значение, и через данное значение способствовать передаче содержания сложного предложения, где она находится.

итальянским языком (диастратия) или же фамильярный, разговорный контекст (диафазия).

С глаголом *penso* со значением *forse* наблюдается распространение Indicativo. Согласно Р. Тартальоне [21, с. 180], употребление Indicativo является частотным потому, что глагол *pensare* может не выражать законченную мысль, но всего лишь являться способом, чтобы тактично ввести в разговор новую тему:

(6) Eh, si è fatta mezzanotte! Penso che è ora di andare, no? (Indicativo)

Ух ты, уже полночь! Пожалуй, пора уходить, не так ли?

В (6) фраза *Penso che è ora di andare* эквивалента предложению *Forse è ora di andare?* Или *È ora di andare, che ne dite?* (Пора уходить, вам не кажется?). По поводу данной фразы, мы не полностью разделяем мнение Тартальоне, который утверждает, что значение глагола *pensare*: «non è di “riflettere” quanto piuttosto di “essere abbastanza convinto”» [Там же]. К тому же, если глагол *pensare* имеет значение фокусировки, возвращения мыслями к какому-то событию, то после него используется Indicativo. Посмотрим следующие предложения:

(7) Se penso a tutto quello che avete fatto per me, mi sento davvero fortunata. (Indicativo)

Если я думаю о том, что вы делали для меня, я чувствую себя счастливой.

(8) Penso che abbiate fatto tutto questo per me. (Congiuntivo)

Я думаю, что вы сделали всё это ради меня.

То же самое действует по поводу и других глаголов, (*ammettere, badare, calcolare, capire, considerare, decidere, guardare, pensare, stabilire*, см. 12, с. 38-39). Сравним следующие фразы [21, с. 172]:

(9) Ammetto che tu hai ragione. (Indicativo)

Признаю, что ты прав.

(10) Ammesso che questo sia vero, che posso fare? (Congiuntivo)

Допустим, что это правда, что я могу поделать?

где в (9) глагол *ammetto* обозначает *riconoscere*, признать, в (10) – *supporre*, т.е. предполагать.

Ещё один тезис в пользу гипотезы стилистической вариативности иллюстрирует Згрой [18, с. 108], согласно которому оппозиции (между Congiuntivo и Indicativo), действительно несущие некую семантическую функцию, знакомы и менее образованным (обученным, *addestrati*) говорящим, например детям, в то время как стилистические отличия подразумевают и предполагают более высокую, изысканную языковую компетенцию: «Se l'opposizione indicativo/congiuntivo fosse di ordine realmente semantico, i bambini

probabilmente acquisirebbero senza gravi difficoltà tale possibilità comunicativa⁵» [Там же].

Более того, иностранцам тяжело даётся понимание оппозиции вышеупомянутых глаголов [12, с. 38-39], потому что семантическая разница между членами этих оппозиционных пар вовсе не очевидна. Аналогично, студенты итальянского языка как иностранного испытывают трудности в понимании, почему после выражений наподобие *Per me, a mio avviso/parere, secondo me* (по-моему) употребляется Indicativo, а не Congiuntivo, ведь принято считать, что последнее наклонение выражает эмоции, мнения, одним словом – субъективность говорящего.

Примечательно, что в Италии существует целый спор о состоянии Congiuntivo (la questione del congiuntivo, вопрос о Congiuntivo), точнее о состязании между Indicativo и Congiuntivo, о кризисе и иногда даже о «смерти» последнего (см. 22, 7, 21, 10, 5)⁶.

Основываясь на исследовании, проведённом в поисковой системе Гугл, В. Колетти [8, с. 176] утверждает, что в разговорном языке встречаются такие фразы, как *Credo che hai ragione* (Indicativo), наряду с фразами с Congiuntivo как *Credo che tu abbia ragione* (Congiuntivo); однако, теперь уже всё чаще и чаще фигурируют такие фразы, как *Lui ritiene che è* (Indicativo), вместо более правильного с точки зрения грамматики *Lui ritiene che sia* (Congiuntivo). Есть две причины, способствующие неуверенности в употреблении Congiuntivo и выбору Indicativo, когда правила предполагают Congiuntivo. Первая причина заключается в том, что

«il parlante è più a suo agio con frasi che si regolano per conto loro quanto al modo del verbo; e la diffusa tendenza all'indicativo oggi riscontrabile nelle complete, e da molti lamentata, è indizio proprio dell'inclinazione a selezionare il modo del verbo della dipendente in maniera autonoma da quello della reggente, e quindi ad adottare l'indicativo in questo tipo di frase⁷» [8, с. 176-177].

Если выбор наклонения глагола подчинённого предложения зависит от глагола главного предложения, т.е. он зависит от внешнего элемента, если это семантика глагола, который находится вне предложения, тогда мы имеем дело со сложной операцией [Там же]. Вторая же причина состоит в том, что Indicativo, особенно в настоящем времени, настолько более распространённо и знакомо говорящему, что, из-за незнания правильной формы Congiuntivo или из-за не привычки использовать Congiuntivo, употребляется Indicativo.

⁵ Если бы в действительности оппозиция Indicativo/Congiuntivo имела смысловой характер, дети, вероятно, без серьёзных затруднений овладели бы этой коммуникативной возможностью.

⁶ Исчерпывающий экскурс содержания современных итальянских грамматик провёл Д. Стюарт [20, с. 105-122].

⁷ Когда надо выбрать наклонение глагола, говорящий чувствует себя более уверенным с предложениями, которые самостоятельно регулируются. Широко распространённая тенденция к использованию изъявительного наклонения в придаточном дополнительном, на которую многие жалуются, является показателем склонности выбирать форму глагола придаточного предложения независимо от формы глагола главного предложения, и, следовательно, использовать изъявительное наклонение в предложениях такого рода.

В. Колетти [8, с. 178] анализирует дистрибуцию Congiuntivo и в косвенных вопросительных предложениях, и заявляет, что зачастую предпочтение отдаётся Congiuntivo. Он также добавляет, что, если главное предложение содержит отрицание, то Congiuntivo значительно превалирует (*Mario non sa quanti siano presenti, Марио не знает, сколько человек присутствует*); как превалирует и в тех случаях, когда косвенный вопрос стоит перед главным предложением. (*Non si è capito perché tardano/tardino tanto; Непонятно, почему они так сильно опаздывают*).

Чередование между Congiuntivo и Indicativo можно заметить в случае с ограничительными определительными предложениями, которое действительно приобретает значение цели и поэтому описывает не-фактуальное данное [14, с. 42]:

(11) Cerco un gatto che ha il pelo grigio. (Indicativo)

Я ищу кота, у которого серый мех.

(12) Cerco un gatto che abbia il pelo grigio. (Congiuntivo)

Я ищу кота, у которого был бы серый мех.

Нередко выбор между Congiuntivo и Indicativo осуществляется в зависимости от союзов. Разумеется, существуют союзы, которые требуют (буквально притягивают к себе) только Congiuntivo вместо Indicativo (например, *sebbene, хотя, nonostante che, несмотря на, purché, при условии* и т.д.), но есть и те, после которых употребление Indicativo является обязательным (*anche se, даже если*) и, наконец, существуют союзы, где употребление Congiuntivo и Indicativo по большому счету зависит от выбора говорящего. Так, например, встречаются следующие фразы:

(13) Non gli daremo tregua finché non avrà pagato per tutte le sue malefatte. (Futuro)

Мы не дадим ему покоя, пока он не заплатит за все свои проступки.

(14) [Ti prometto che ti amerò nella gioia e nel dolore,] finché morte non ci separi. (Congiuntivo)

[Я обещаю тебе, что буду любить тебя в радости, и в горе,] пока смерть не разлучит нас.

(15) Il commissario era deciso a continuare l'interrogatorio finché (non) avesse ottenuto una confessione. (Congiuntivo)

Комиссар был полон решимости продолжать допрос до тех пор, пока не добьётся признания. В (14) мы имеем дело с кристаллизованной формулировкой, которая выражает некую неуверенность. В (15) комиссар не знает, получит ли он признание от обвиняемого, тем не менее он готов продолжать допрос до неопределенного, потенциально возможного предела, а именно до получения признания.

Прокомментируем теперь главные особенности Congiuntivo и Condizionale. Как пишет М. Пранди [15, с. 148], появление Condizionale «подтачивает» сферу употребления Congiuntivo: у Congiuntivo остаются оптативные, вопросительные и побудительные (повелительные) значения, в то время как все оставшиеся значения, особенно эпистемические, переходят в сферу Condizionale.

«Un altro caso di discrepanza tra definizione nozionale di un modo e la sua effettiva funzione all'interno della frase dipendente è l'uso del condizionale come futuro nel passato⁸» [9, с. 161]. Вслед за Коломбо и Граффи [Там же], приводим цитаты из грамматик традиционного подхода: «il condizionale corrisponde al futuro indicativo delle proposizioni principali⁹» [11, с. 188] и «il condizionale indica un tempo, non una modalità¹⁰» [17, с. 383]. Condizionale имеет двойную натуру, которая в таких языках как итальянский можно было бы считать временем (см. futuro nel passato). Не-фактуальность является типичной функцией условного наклонения, которое так называется потому, что относится к ситуациям, чья фактуальность зависит от условия, выраженного в протазисе условного предложения [19, с. 109]. И, поскольку, то, что находится в будущем, по определению принадлежит к потенциальному, ещё не осуществленному миру, можно сказать, что и futuro nel passato относится к не-фактуальности [Там же]. Внутри condizionale passato есть признак несовершенства действия, т.е. без подходящего контекста предложение *Ha detto che avrebbe portato il vino* (Он говорил, что принесёт вино) может обозначать, что человек принёс вино или же он собирался, обещал это сделать, но в итоге не принёс вино. Сюда же, в не-фактуальность, в принципе входят также прагматические интерпретации условного наклонения (*Vorrei un caffè*), где форма прагматического акта просьбы смягчается необходимостью проверить её фактуальности; *Если это возможно, я бы хотел кофе* [Там же].

Что касается condizionale passato со значением futuro nel passato, Л. И. Грейсбард [2, с. 159] утверждает, что особенно в *soggettive, oggettive e interrogative indirette condizionale passato* употребляется для того, чтобы выразить действие, которое могло бы состояться в будущем по отношению к прошлому периоду. Примечательно также, что с глаголами, выражающими страх, надежду, прогноз, condizionale passato употребляется вместо *congiuntivo imperfetto*. Хотя разница между этими двумя конструкциями минимальна, необходимо отметить, что в случае с condizionale passato предложение приобретает временное значение, указывающее на будущее действие по отношению к прошедшему времени главного предложения [Там же]. Сравним:

(16) Speravo che si facesse vivo. (Congiuntivo)

(17) Speravo che si sarebbe fatto vivo. (Condizionale)

Я надеялся(-лась), что он даст о себе знать.

Согласно Л. И. Грейсбард [2, с. 160] в первом предложении глагол в *congiuntivo imperfetto* ставит акцент на то, что провоцирует употребление *Congiuntivo*, т.е.

⁸ Ещё одним случаем несоответствия между смысловым определением наклонения и его действительной функцией внутри придаточного предложения является употребление условного наклонения в качестве будущего времени.

⁹ Condizionale соответствует Futuro Indicativo главных предложений.

¹⁰ Condizionale выражает время, а не модальность.

на надежду, эмоцию (я хотел, желал этого). Эти предложения почти невозможно перевести на русский язык, лишь, при подходящем контексте, поиграть с использованием выражений временного обстоятельства: *Я* [опора на временную точку в прошлом, например: «тогда»] *думал, что* [временное уточнение в будущем] *он даст о себе знать*.

Для того, чтобы идентифицировать наклонение как грамматическую категорию, семантика – относящаяся к полю модальности – и прагматические свойства оказываются недостаточными: нужны также и морфосинтаксические средства [19, с. 109]. *Condizionale* встречается как в подчинённых предложениях, так и в независимых; отсутствие синтаксических ограничений подтверждается также тем, что в некоторых нестандартных разновидностях итальянского языка *Condizionale* фигурирует в протазе условных предложений, занимая таким образом место *Congiuntivo* (*Se potessi* [Congiuntivo] /*potrei* [Condizionale], *lo farei*, *Если я мог бы, я бы сделал*) [Там же].

Посредством проверки семантических, морфосинтаксических и прагматических свойств М. Скуартини [19, с. 108-111] доказывает, что *Condizionale* является наклонением и утверждает, что именно *interfaccia* между разными уровнями подкрепляет интерпретацию глагольной формы как наклонения [19, с. 111].

В таком же ракурсе, на основе тестов, проведённых на разных языковых уровнях, можно обсудить природу и характеристики будущего времени. Традиционная грамматика относит *Futuro* к временам изъявительного наклонения, хотя с семантической точки зрения оно является типичным маркером эпистемической модальности [Там же].

«Il Futuro esprime modalità epistemica di tipo congetturale (A quest'ora Anna sarà già a casa), che, attraverso la non fattualità, è anche compatibile con l'interpretazione temporale di futuro deittico (non essendosi ancora realizzata, una situazione futura è anche intrinsecamente non fattuale). A questa semantica sembra anche associarsi una proprietà morfosintattica che accomuna il Futuro a forme modali diverse dall'Indicativo (Congiuntivo e Condizionale)»¹¹ [19, с. 111-112].

С учетом этого, а также диахронической и синхронической морфологии, можно прийти к выводу, что отнесение *Futuro* к формам изъявительного наклонения является произвольным выбором [19, с. 112].

Сравним следующие предложения:

(18) Non so se tornerò in questo locale. (Futuro)

Я не знаю, вернусь ли в это заведение.

(19) Non so se tornerai in questo locale. (Condizionale)

Я не знаю, вернулась ли бы в это заведение.

¹¹ *Futuro* выражает гипотетическую эпистемическую модальность (в это время Анна скорее всего уже дома), которая благодаря нефактуальности также совместима с темпоральной интерпретацией дейктического *Futuro* (ещё не реализованная, будущая ситуация также по своей сути нефактична. Эта семантика также, по-видимому, связана с морфосинтаксическим свойством, которое связывает *Futuro* с модальными формами, отличающимися от *Indicativo* (*Congiuntivo* и *Condizionale*)).

Здесь разница между Futuro и Condizionale состоит в том, что во втором предложении Condizionale указывает на потенциальность, на возможность: если у меня была бы возможность, я не знаю, вернулась ли бы я в это заведение. Заметим также, что на русский язык трудно перевести данное предложение: условное наклонение, скорее всего из-за того, что оно фигурирует в придаточном предложении, утяжеляет всё предложение. Оттенок потенциальности можно передать лексически: *я уж не знаю*.

Несмотря на очевидную вышеупомянутую разницу, Futuro и Condizionale разделяют важные семантические черты, которые вытекают из комбинации модальности с временным понятием будущего: здесь речь идет о Condizionale как будущее в прошлом и Futuro как дейктическое будущее по отношению к моменту речи [19, с. 113].

М. Скуартини [Там же] анализирует следующие предложения:

(20) È uscita dal lavoro due ore fa: a quest'ora sarà già a casa. (Futuro)

Она ушла с работы два часа назад: в это время она скорее всего уже дома.

(21) Se fosse uscita dal lavoro due ore fa, a quest'ora sarebbe già casa. (Condizionale)

Если бы она ушла с работы два часа назад, в это время она была бы уже дома.

В (20) есть эпистемическое суждение: собеседник высказывает предположение на основе внешнего факта (она ушла два часа назад) и своих знаний о мире (сколько занимает дорога из дома на работу и другие внеязыковые знания); в (21) же есть не-фактуальность: внешний факт становится отправной точкой, откуда можно построить потенциальный, возможный мир [Там же].

Подчеркиваем также, что в подобном контексте можно было бы использовать и глаголы *dovere* или *potere* в Condizionale.

(22) È uscita dal lavoro due ore fa: a quest'ora dovrebbe/potrebbe essere già a casa. (Condizionale)

Она ушла с работы два часа назад: в это время она должна быть/могла бы быть уже дома.

В этом случае благодаря глаголу *dovere* говорящий сравнивает свои знания о мире и о привычках девушки, чтобы сделать вывод о том, что, по идее, она должна уже находиться дома. Несмотря на то, что он не уверен в том, что она дома, у него есть логические предпосылки и обоснования, чтобы так считать. В случае с глаголом *potere* говорящий сообщает всего лишь о том, что существует возможность, что его высказывание является верным (см. 21, с. 43).

Согласно М. Скуартини [19, с. 115-118] существует еще одно употребление Condizionale, которое нельзя отнести к эпистемической модальности и не-фактуальности, как например в следующем предложении:

(23) A quest'ora Anna sarebbe già partita. (Condizionale)

В это время она бы уже уехала.

Здесь мы можем иметь дело с имплицитным протазом (где подразумевается часть условного наклонения, *se avesse potuto farlo, если бы могла это сделать*) или же можно иным образом интерпретировать значение Condizionale, а именно – сослаться на внешний источник получения информации (например, *a quanto mi dicono, насколько мне говорят*). Данное употребление называется Condizionale giornalistico или riportivo и даёт журналисту возможность сообщить о том, что новость ещё не получила подтверждение. Оно часто встречается в СМИ, поскольку позволяет журналисту не брать ответственность за то, что он говорит.

Вслед за М. Скуартини [19, с. 117] мы можем обратить внимание на разницу между следующими предложениями:

(24) Secondo Anna Marco sarebbe già partito. (Condizionale)

По мнению Анны, Марко уже уехал бы.

(25) Secondo Anna Marco è già partito. (Indicativo)

По мнению Анны, Марко уже уехал.

Из сравнения этих предложений вытекает, что в итальянском языке можно выражать то, что говорящий получил информацию о Марко из третьих рук разными способами: посредством Condizionale (грамматическое указание) или же посредством Indicativo, добавляя при этом лексическое указание (Secondo Anna), которое уточнило бы источник информации. В связи с этим наряду с вышеупомянутыми типами модальности нужно отметить существование ещё одной разновидности модальности – эвиденциальность. Под этим термином понимается «эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им информации» [4].

Поэтому

«il riconoscimento di tratti evidenziali in italiano è del tutto pacifico per quanto riguarda gli usi riportivi o giornalistici del Condizionale, ma potrebbe essere esteso al Futuro come marca di congetture (la fonte dell'informazione è tutta interna alle conoscenze del parlante) e al modale *dovere* come marca inferenziale (la fonte dell'informazione è il parlante che rielabora dati sensoriali esterni). D'altra parte, non si può negare che in italiano questi tratti evidenziali si incrocino con l'espressione del grado di certezza epistemico. Le inferenze possono essere modalizzate modificando la forma del verbo: invece di *Deve essere a casa* potrei dire *Dovrebbe/potrebbe essere a casa*, con conseguente abbassamento del grado di certezza epistemica»¹² [19, с. 118].

¹² Признание существования эвиденциальных черт в итальянском языке совершенно бесспорно в отношении репортажного или журналистского использования Condizionale, но оно может быть распространено и на Futuro как маркер догадок (источник информации полностью зависит от знаний говорящего) и модальному *dovere* как маркеру инференций (источником информации является говорящий, перерабатывающий внешние чувственные данные). С другой стороны, нельзя отрицать, что в итальянском языке эти эвиденциальные черты пересекаются с выражением степени эпистемической уверенности. Инференцы можно модализировать, изменив форму глагола: вместо *Она должна быть дома*, можно было бы сказать *Она должна/могла бы быть дома*, с последующим снижением степени эпистемической уверенности.

Заметим также, что понимание разницы между Futuro и Condizionale и соответственного снижения уровня эпистемической уверенности, является особенно сложной задачей для русскоговорящих, изучающих итальянский язык как иностранный.

В этой статье мы рассмотрели средства, которыми можно выразить понятие модальности в итальянском языке, и мы видели, что модальность выражается не только Congiuntivo или модальными глаголами *potere, dovere*, но также и через Condizionale и Futuro.

Литература

1. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М.: Добросвет, 2000. 832 с.
2. Грейсбард Л. И. Итальянский для старших курсов. М.: ИОСО РАО, 2001. 319 с.
3. Карлова А. А. Стилистический потенциал категориальных форм глагола в современном итальянском языке. // Актуальные проблемы итальянистики: К 60-летию итальянского отделения. Межвуз. сб. / Под ред. М. А. Марусенко. – СПб.: Изд-во С.Петербург. ун-та, 2010 (серия «Древняя и Новая Романия». Вып. 8). С. 50-62.
4. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Изрань: ООО «Пилигрим», 2010. 486 с.
https://lingvistics_dictionary.academic.ru/4922/%D1%8D%D0%B2%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%86%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%8C (дата обращения: 10.01.2024).
5. Antonelli G. Comunque anche Leopardi diceva le parolacce. Mondadori: Milano, 2014. 123 с.
6. Bailini S., Consonno S. I verbi italiani. Grammatica, esercizi, giochi. Alma: Firenze, 2013. 173 с.
7. Chiappini L., De Filippo N. Congiuntivo, che passione! Teoria e pratica per capire e usare il congiuntivo in italiano. Bonacci: Milano, 2014. 156 с.
8. Coletti V. Grammatica dell'italiano adulto. L'italiano di oggi per gli italiani di oggi. Il Mulino: Bologna, 2015. 225 с.
9. Colombo A., Graffi G. Capire la grammatica. Il contributo della linguistica. Roma: Carocci, 2017. 212 с.
10. Della Valle V., Patota G. Viva il congiuntivo!: Come e quando usarlo senza sbagliare. Sperling & Kupfer: Milano, 2010. 192 с.
11. Fornaciari R. Grammatica dell'uso moderno. Sansoni: Firenze, 1879. 359 с.
12. Mancini D., Marani T. Il congiuntivo. Grammatica, esercizi, curiosità. Alma: Firenze, 2015. 160 с.
13. Nocchi S. Nuova grammatica pratica della lingua italiana. Esercizi, test, giochi. Alma: Firenze, 2011. 288 с.
14. Prandi M. C'è un valore per il congiuntivo? // Intorno al Congiuntivo. A cura di L. Schena, M. Prandi, M. Mazzoleni. – CLUEB: Bologna, 2002. (34) С. 29-44.
15. Prandi M. Le regole del congiuntivo. // La grammatica e l'errore. Le lingue naturali tra regole, loro violazioni ed eccezioni. A cura di N. Grandi. Bononia University Press: Bologna, 2015. С. 137-160.
16. Ricci M. Via della grammatica. Teoria, esercizi, test e materiale autentico per stranieri. Edilingua: Roma, 2020. 311 с.
17. Seranni L. Grammatica italiana. Italiano comune e lingua letteraria. UTET: Torino, 2016. 750 с.

18. Sgroi S. C. Per una grammatica “laica”. Esercizi di analisi linguistica da parte del parlante. UTET: Torino, 2010. 432 с.
19. Squartini M. Il verbo. Carocci: Milano, 2018. 128 с.
20. Stewart D. Il congiuntivo italiano: modo della realtà? Uno sguardo al congiuntivo nelle grammatiche italiane moderne. // Intorno al Congiuntivo. A cura di L. Schena, M. Prandi, M. Mazzoleni. – CLUEB: Bologna, 2002. (34) C. 105-122.
21. Tartaglione R., Benincasa A. Grammatica della lingua italiana per stranieri. Intermedio-avanzato. Regole, esercizi, letture, test. Alma: Firenze, 2015. 192 с.
22. Treccani, Enciclopedia. URL: <https://www.treccani.it/enciclopedia/> (дата обращения: 10.01.2024).

УДК 378.147

Прощенок-Кальнина Ольга Ричардовна

кандидат филологических наук,

доцент Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского

aza1951@mail.ru

Темой настоящей статьи является привлечение опыта нейродидактических исследований в процессе преподавания иностранных языков с целью повышения качества обучения. Методы преподавания иностранных, в частности, романских языков рекомендуется выбирать с учетом различных типов восприятия, которые, в свою очередь, обусловлены особенностями функционирования полушарий головного мозга. Следует учитывать такие факторы как межполушарная асимметрия и доминирующая роль одного из полушарий, которые оказывают влияние на механизмы восприятия. Работа с группой предполагает выбор разнообразного дидактического материала, который способствовал бы успешному усвоению языкового материала всеми студентами, вне зависимости от присущего им типа межполушарной асимметрии.

Ключевые слова: нейродидактика, функции полушарий головного мозга, нейронные сети, межполушарная асимметрия, левополушарное доминирование, правополушарное доминирование, билатеральность, полевая зависимость/независимость, когнитивные способности обучаемых.

Proshchenok-Kalnina Olga Richardovna

Best Practices in Foreign Language Teaching: Neurodidactics

The article examines the application of neurodidactic research findings able to improve the quality of teaching foreign languages. It suggests choosing the teaching methods, particularly for Romance languages, that take into account various perceptual styles shaped by functional characteristics of the two hemispheres. Consideration of factors like interhemispheric asymmetry and hemispheric dominance is equally crucial, as they impact mechanisms of perception. Group work in the classroom should involve a diverse array of educational resources and tools to ensure that all students, regardless of their interhemispheric asymmetry, can effectively master their language skills.

Key words: neurodidactics, functions of cerebral hemispheres, neural networks, interhemispheric asymmetry, left- and right-hemispheric dominance, bilateral symmetry in education, field (in)dependence, cognitive abilities of students.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОПЫТА НЕЙРОДИДАКТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

На протяжении последних десятилетий успешно разрабатываются и применяются самые разнообразные методы преподавания иностранных языков. Среди различных современных методик можно упомянуть, например, метод Хосе Сильва - обучение на альфа-уровне, с применением позитивных установок и позитивных ментальных образов [7], метод Робина Каллана, основанный на максимальном погружении в языковую среду и широком использовании диалогической речи [11], метод Генки – программа с применением коммуникативного, личностно-ориентированного подхода, которую разработал британский ученый Ричард Грэхем [10] и многие другие. Интересным направлением является разработка методики синхронного обучения нескольким языкам одной группы. Эта методика, направленная на формирование полилингвальных лексико-грамматических навыков речи студентов, разрабатывается на материале языков романской группы [6, 8].

Разработке новых методов обучения языкам способствует успешное развитие междисциплинарных отраслей науки, среди которых важное место заняла нейродидактика. Данные этих наук позволяют учитывать индивидуальные психологические и когнитивные особенности обучаемых, связанные с функционированием головного мозга.

Термин «нейродидактика» был предложен Герхардом Прайсом в 1988 г. Это направление начало формироваться в 80е годы прошлого века и сочетает исследование деятельности головного мозга и дидактику. Нейродидактика ставит своей целью повышение качества обучения на основе понимания структуры мозга, функций полушарий, сенсорных предпочтений, различных типов памяти [4].

В соответствии с нейрокогнитивной теорией обучения, нейродидактика сочетает три направления исследования:

- нейрофизиология, которая изучает биологические основы головного мозга и нервной деятельности;
- когнитивная наука, которая исследует обработку информации и внутреннюю репрезентацию опыта;
- теория обучения, которая объясняет, как мы взаимодействуем с нашим окружением и адаптируемся к нему.

В настоящее время нейродидактика приобретает популярность, появляется все больше трудов, посвященных преподаванию иностранных языков на основе новых научных данных о деятельности мозга. Например, профессор когнитивной психологии Станислас Деан настаивает на необходимости проведения школьной реформы с применением методов обучения детей чтению, основанных на новейших открытиях нейропсихологии [12].

В данном докладе мы остановимся на вопросах выбора методов обучения иностранному языку с учетом данных, полученных учеными в области нейродидактики, в частности, результатов исследований взаимодействия левого и правого полушарий головного мозга.

Прежде всего, рассмотрим кратко специфику процессов, происходящих в мозгу человека, осваивающего иностранный язык. Здесь следует сразу же оговориться, что механизмы усвоения различаются в зависимости от возраста обучаемого. Речь пойдет о молодежной, студенческой аудитории (18+). В то же время следует принимать во внимание, что нет и не может быть универсального метода обучения иностранному языку, который подошел бы всем и каждому. Каждый наш студент – это индивидуальность. Понимание общих принципов того, как функционируют нейронные сети, может помочь нам оптимизировать методы и приемы преподавания.

Учеными был получен целый ряд данных о различиях в деятельности левого и правого полушарий головного мозга, о так называемой межполушарной или функциональной асимметрии [2].

Явление межполушарной асимметрии головного мозга было открыто еще во второй половине 19 века французским врачом-анатомом Полем-Пьером Брака. В России известный физиолог И.П. Павлов в своих трудах выделял две категории людей, которые он назвал «художниками» и «мыслителями». «Художники», преимущественно люди творческих профессий, видят мир в целом, им свойственно образное мышление, а «мыслители» при познании мира прибегают к анализу.

Явление функциональной асимметрии полушарий головного мозга играет существенную роль при усвоении человеком языка, в том числе при изучении иностранного языка [5]. Межполушарная асимметрия обусловлена тем, что в процессе адаптации к окружающей среде организм человека вырабатывает собственные морфологические и функциональные асимметрии [3, 5]. Каждое полушарие головного мозга выполняет свои конкретные функции. Левое полушарие головного мозга отвечает за речь, логическое мышление (анализ, синтез), а правое полушарие (оно по определению ученых является более архаичным) отвечает за восприятие образов (цвета, музыки) и пространства, движения и покоя, фантазии. Левое полушарие считается центром аналитического мышления, а правое – центром эмоций. Хотя такое разделение является условным, так как оба полушария функционируют одновременно,

иногда одно из полушарий берет на себя функции другого. Оба полушария участвуют одновременно в процессе освоения иностранного языка. Определенные процессы происходят внутри каждого полушария, но при этом осуществляется их взаимодействие [9]. При взаимодействии этих полушарий образуются нейронные сети, в которых благодаря синапсам (зонам контакта между отростками нервных клеток) происходит передача информационных сигналов. На базе этих процессов формируются лингвистические схемы.

При взаимодействии левого и правого полушарий одно из них может играть доминирующую роль. Так, нейрофизиологи выделяют три типа взаимодействия полушарий: левополушарное доминирование, правополушарное доминирование и билатеральность. В настоящее время на основе исследований считается, что у большинства людей речевые процессы находятся под контролем левого полушария [1]. Согласно статистике около 75 процентов людей, относятся к типу с левополушарным доминированием.

При изучении иностранного языка студенты с левополушарным доминированием легко проводят параллели между знаковой системой родного языка и знаковой системой изучаемого языка. Для усвоения грамматического материала они нуждаются в подробных вербальных объяснениях. Они с удовольствием занимаются переводом и анализом текстов. Для закрепления лексических и грамматических навыков им помогают тренировочные упражнения на множественный выбор грамматических форм, лексем и т.п. Они делают успехи при передаче заранее подготовленного текста, но испытывают сложности при заданиях, требующих спонтанной речи, так как обычно стремятся выражать свои мысли в форме сложных предложений.

Студенты с правополушарным доминированием воспринимают информацию обобщенно, для них характерно установление связи между образом и словом. Грамматический и лексический материал они легче усваивают в контексте, с опорой на примеры. Для них важную роль играет подкрепление языкового материала зрительными образами. Они с интересом выполняют различные творческие задания, требующие участия фантазии.

Наконец, студенты «билатерального» типа не демонстрируют ярко выраженного предпочтения к восприятию языкового материала на основе логических связей или образов.

Психологи используют такое понятие как «полевая зависимость/независимость» [1]. Полевая независимость означает способность человека выделять нужный объект в полевого пространстве отвлекающих факторов, а под полевой зависимостью понимается тенденция воспринимать все поле как единое целое. Люди, обладающие «полевой независимостью», в процессе изучения языка отдают предпочтение языковым упражнениям, требующим анализа. Люди, которым свойственна «полевая зависимость», отдают предпочтение упражнениям коммуникативного характера.

Помимо этого, благодаря достижениям в развитии психолингвистики установлена некоторая связь между типом восприятия человека (доминирующей ролью левого или правого полушария) и усвоением того или иного конкретного языка. Психологами был проведен эксперимент, в ходе которого производилась запись биоэлектрической активности мозга в то время, как испытуемым студентам были предъявлены отрывки текстов на английском, немецком, латинском и французском языках [9]. Анализировалась степень активности тех или иных участков коры головного мозга. По показателям абсолютной спектральной мощности определяли доминирование полушарий, и полушарие с большей мощностью рассматривалось как ведущее. В результате эксперимента было установлено, что восприятие английского и немецкого языков вызывает большую реактивность левополушарной когерентности тета- и бета-ритма между фронтальными, теменными и центральными отделами. А восприятие латинского и французского языков приводит к смещению фокусов активности в правое полушарие.

Эти результаты представляются весьма любопытными, и, наверное, дальнейшие исследования в этом направлении смогли бы дать какое-то объяснения различиям в восприятии данных языков. С этой точки зрения интересно было бы узнать какие результаты дало бы исследование языков совершенно иных групп, например, восточных, таких как японский или арабский.

Преподаватель, работающий с группой студентов, при выборе методики и типов языковых заданий, должен принимать во внимание, что в составе группы оказываются люди с различными типами восприятия, какими-то своими индивидуальными особенностями. Поэтому, несомненно, занятия должны сочетать не только разные виды языковой деятельности, но и разные методы подачи языкового материала. Например, современные учебники французского языка как иностранного, авторами которых являются французы (как и подавляющее большинство современных учебников) построены на основе коммуникативного метода, и в них студентам предлагается самостоятельно формулировать грамматические правила и определять лексические модели на основе предъявленного языкового материала.

Этот метод не всегда оказывается эффективным даже при работе со студентами-филологами. Например, студентам с доминирующим типом правого полушария легче усвоить материал, если им будет непосредственно предъявлена таблица или схема, иллюстрирующая данное языковое явление. Студенты с доминирующим типом левого полушария с интересом вернутся, например, к прочитанному тексту, чтобы обнаружить в нем нужные элементы и выстроить их в логическую цепочку.

В качестве компромиссного варианта, можно предварительно дать краткое объяснение, а затем предложить студентам найти соответствующие подтверждения в тексте и проанализировать их. Закрепление грамматических

правил может быть также подкреплено их применением в определенных контекстуальных условиях. Студентам могут быть предложены ситуации, где в форме мини-диалогов требуется использовать, например, условное наклонение (*conditionnel* во французском, *condizionale* в итальянском и *condicional* в испанском, соответственно) в качестве этикетной формы, повелительное (*impératif / imperativo*) или сослагательное наклонение (*subjunctif / congiuntivo, /subjuntivo*) для формулирования пожелания или совета.

При обучении навыкам понимания устной речи и говорения на иностранном языке также желательно учитывать индивидуальные особенности обучаемых. Обсуждение разговорных тем можно проводить как на основе «заготовок», сделанных студентами заранее (для «левополушарников» это проще, для них важно правильное построение фразы), как и в форме живой дискуссии, предполагающей спонтанную речь (здесь могут проявить себя «правополушарники» с их творческими наклонностями к импровизации).

Форма контроля изученного материала тоже допускает разнообразие. Беседа на изученные в течение семестра темы может проходить между одним студентом и преподавателем или же, по выбору студентов, они могут заранее подготовить небольшой сценарий, отражающий изученные темы, и продемонстрировать на зачете или экзамене небольшую сценку. Такая форма контроля оказывается психологически более комфортной для тех студентов, которым сотрудничество и опора на более сильных партнеров помогает почувствовать себя увереннее.

На занятиях следует уделять в равной степени внимание как работе со зрительным каналом восприятия (показ видеоматериалов и короткометражных фильмов с их дальнейшим обсуждением), так и с аудиоматериалами. Отдельно хочется сказать об эффективности работы с текстами песен на уроках иностранного языка. Как правило, прослушивание песни на изучаемом языке позволяет создать позитивный эмоциональный настрой и определенные образы, что важно для «правополушарников». Песню можно прослушать несколько раз, и она не наскучит, как это может произойти с учебным адаптированным материалом.

Разучивание текста песни – прекрасное упражнение для постановки звуков, которые можно тренировать на произношении соответствующих отдельных слов. В то же время наличие в тексте песни повторяющихся элементов (как лексических, так и грамматических) способствует их запоминанию в контексте. Лексико-грамматический анализ текста поможет выявлению и анализу определенных моделей, это необходимо для студентов с доминирующим левым полушарием. Кроме того, разучивание песни пригодится тем студентам, которые обладают музыкальными способностями и смогут исполнить ее в своей внеаудиторной творческой деятельности.

В заключение можно сказать, что определение методики проведения занятий и выбор конкретных заданий требуют гибкого подхода, учитывающего

объективно существующие различия, касающиеся типа мышления и восприятия студентов, и создания комфортного эмоционального фона, облегчающего процесс обучения.

Литература

1. Баграмова Н.В., Е. А. Костина Е.А. Индивидуальные психологические особенности обучаемых, влияющие на эффективность овладения иностранным языком / Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Том 12 ♦ 2018, С.60-64
2. Васильев В.Н., Рамазанова А.П. Функциональная асимметрия полушарий мозга и проблемы обучения: Метод. указания к практическим занятиям. — Томск: ТГПУ, 2005. — С. 44—60.
3. Гулая Т.М., Романова С.А. Нейродидактика и ее использование в преподавании иностранных языков. Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2017, <https://cyberleninka.ru/article/n/neyrodidaktika-i-ee-ispolzovanie-v-prepodavanii-inostrannyh-yazykov/viewer>
4. Костромина С.Н. Введение в нейродидактику. — СПбГУ, Литрес, 2019, 182 с. (<https://www.litres.ru/book/svetlana-kostromina-6000116/vvedenie-v-neyrodidaktiku-42730468/>)
5. Мелентьева Т. И. Обучение иностранным языкам в свете функциональной асимметрии полушарий мозга. - М., 2010
6. Петрунин М.М. Методика формирования полилингвальных лексико-грамматических навыков речи студентов при изучении языков романской группы: на материале французского, итальянского, испанского и португальского (<https://www.dissercat.com/content/metodika-formirovaniya-polilingvalnykh-leksiko-grammaticheskikh-navykov-rechi-studentov>)
7. Стоун Роберт Б. Метод Сильвы. Искусство управления. Литрес, 2015, 252 с. (<https://zlib.pub/download/the-silva-mind-control-method-o5vsiahj8qs0?hash=b3789ce2824d83e1a34fd9116feb8072>)
8. Хайдаров Я.Р. Изучаем три языка одновременно. Начальный курс. Francais. Italiano. Español. Учебное пособие. <https://www.labirint.ru/books/526228/>
9. Хохлова Л.А., Дерягина Л.Е. Особенности внутри и межполушарного взаимодействия при восприятии иностранных языков / Вестник РУДН, серия Медицина, 2010, № 2, С.39-44
10. Richard Graham, Genki English <https://genkienglish.net/teaching/author/richard-2-2/>
11. Robin Callan, Duncan McLeay. Callan Teacher's Guide. — Orchard House, 45-47 Mill Way, Grantchester, Cambridge, CB3 9 ND, UK: Callan Method Organisation Limited, 2013. — ISBN 978-1-78229-248-7.
12. Stanislas Deaene. Les neurons de la lecture. Paris, Editions Odile jacob, 2007, 478 p.

УДК 81`255+ 82.09

Дудин Валерий Витальевич
Свободный исследователь, г. Санкт-Петербург
jcrane0000000@gmail.com

На основе краткого анализа истории верлибра и его осмысления в русских поэтике и литературоведении в статье выдвигается гипотеза о причине возникновения некоторых существенных недостатков в отечественных переводах свободного стиха в целом и итальянского в частности, а также предлагаются принципы перевода данной литературной формы, которые позволяли бы передавать ее особенности с меньшими семантическими и стилистическими потерями. На материале нескольких переложений итальянского верлибра XX века, выполненных известными русскими и советскими переводчиками, демонстрируются наиболее яркие и типичные ошибки, свойственные отечественной традиции поэтического перевода.

Ключевые слова: верлибр, неконвенциональный стих, традиция поэтического перевода, теория перевода, Унгаретти, Павезе, Петр Епифанов, Евгений Солонович, Маргарита Алигер

Based on a brief analysis of the history of free verse and its understanding in Russian poetics and literary criticism, the article puts forward a hypothesis about the reason for the emergence of some significant shortcomings in domestic translations of free verse in general and Italian in particular, and also proposes principles for translating this literary form that would allow its transmission features with less semantic and stylistic losses. Based on the material of several translations of Italian free verse of the 20th century created by famous Russian and Soviet translators the most striking and typical defects (typical of the Russian tradition of poetic translation) are demonstrated.

Key words: free verse, unconventional verse, tradition of poetic translation, theory of translation, Ungaretti, Pavese, Pyotr Epifanov, Evgeniy Solonovich, Margarita Aliger

ВЕРЛИБР В ТРАДИЦИИ РУССКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДОВ ДЖ. УНГАРЕТТИ И Ч. ПАВЕЗЕ)

Теория перевода, в том числе теория перевода поэтических текстов, — достаточно давнее явление в русской культуре, но до сих пор в ее рамках почти не уделялось внимание рассмотрению верлибра как особой художественной формы, диктующей иные правила, нежели те, что применимы к прозе или конвенциональной поэзии. Во многом это объясняется тем фактом, что верлибр долгое время игнорировался и русской поэтикой, и русским литературоведением. Только исследователи и поэты середины XX века (Бурич, Жовтис, Орлицкий, Гаспаров) позволили сформироваться в самосознании

культуры верлибру как полноправному ее элементу, свободный стих в их теоретических разработках обрел свой отчетливый «голос» (можно найти и более ранние о нем упоминания, в том числе у самого А. Кантемира, но из-за их единичности не осуществлялась по-настоящему постановка вопроса о верлибре, его месте и статусе в литературе), несмотря на то, что в самой истории русской словесности верлибр является явлением очень ранним, если не сказать «древним», и, как показала знаменитая антология русского верлибра [1], составленная В. Буричем, почти все наиболее известные отечественные классики ей порой пользовались. Важно в этом контексте вспомнить о пренебрежительных оценках, которые часто давал верлибру как явлению, например, Иосиф Бродский.

Почему же возникает этот разрыв между многовековой литературной практикой и неясностью ее теоретического отражения? Можно предложить объяснительную модель на основе сопоставления истории верлибра в западной и русской литературах. В Германии, Франции, США и Италии верлибр был не только более поздним явлением, чем в России (еще «Слово о полку Игореве» написано свободным стихом [4], обилие верлибров можно найти в ранней духовной поэзии и в русском XVIII в.) [1], но и существовал иначе, в каждой из упомянутых традиций можно с достаточной точностью выделить автора или авторов, которые привнесли в нее эту стихотворную форму (соответственно, Клопшток и Гейне, Рембо, Уитмен и Паунд, Leopardi и Ungaretti), благодаря чему создавался эффект «раны» в культурном пространстве, отчетливого новаторства, в то время как в русской словесности свободный стих был во многом именно «первой стихотворной традицией», как назвал одно из своих эссе В. Бурич, всегда оставаясь при этом явлением «периферийным», вытесненным из культурного сознания, то есть функционируя, развивая введенную метафору, скорее как «ссадины», постоянные, но незаметные (до второй четверти XX в. едва ли можно найти сборник лирических стихотворений, состоящий только или преимущественно из верлибров), а без эффекта отчетливого новаторства в сфере практической не возникало и полемики о нем, потребности в теоретическом осознании явления.

Эта гипотетическая модель делает более понятным недостаточное внимание к верлибру в русской теории перевода, без чего невозможна и адекватная переводческая практика. К свободному стиху поныне применяются те же методологические лекала, по которым создается перевод конвенциональной, «традиционной» поэзии, главный из которых сформулировал еще Жуковский: «Переводчик в прозе есть раб, переводчик в стихах — соперник» [цит. по: 2]. Его сомнительность уже отмечалась Горелкиной В.С. (на материале поэмы «The Hollow Men», *написанной верлибром*) [ibid.], также выразительно в одном из своих интервью о боязни буквализма, эффекта «подстрочника» в русской переводческой традиции говорит и поэт, переводчик О.А. Седакова [5]. Свобода от рифмы и регулярного

ритма, выступая как минус-прием, требует от переводчика предельного внимания к лексической и строфической конкретности текста, поэтому, если для конвенционального стиха принцип Жуковского просто опасен, для верлибра он губителен.

Подстрочный перевод в полном смысле при этом также не может выступить как адекватный метод из-за упомянутой необходимости сохранять строфическую структуру текста. Желая продемонстрировать невнимание к этой методологической «диалектике» как порок не индивидуальный, но присущий во многом самой русской традиции русского поэтического перевода, обратимся к творчеству знаменитых переводчиков, чьи заслуги перед русской культурой неоспоримы: Евгения Солоновича [1: 113], Петра Епифанова [6] и Маргариты Алигер [1: 230] (критическому анализу будет подвергнут не весь корпус их переводов и не каждая неточность в переводах, выделим только наиболее репрезентативные недочеты).

Стихотворение «Chiaroscuro» Джузеппе Унгаретти в переводе звучит как «Светотень», что корректно с формальной точки зрения, однако слово «Chiaroscuro» это не только «светотень» как таковая, во многих языках оно функционирует как искусствоведческий термин, обозначающий прием, придающий особую экспрессивность визуальным образам с помощью подчеркнутого контраста света и тени. Этот смысловой оттенок важно было сохранить при работе с произведением Унгаретти, который знал и любил живопись маньеризма и барокко, где часто использовался этот прием. Также это важно было не только с биографической точки зрения, но и для передачи особенностей его поэтики: в сборнике «L' Allegria», частью которого является «Chiaroscuro», автор часто «сталкивает» личные и философские, культурные смыслы внутри одного текста, так происходит и в этом случае.

Название, отсылающее к истории искусства, выразительно сочетается с основной, биографической, темой – самоубийством друга. Принцип контрастности на всех уровнях является главенствующим в стихотворении: о нем говорит название, он отражается в сочетании названия и основной темы, а также на нем построена заключительная строфа, где поэт вводит антитезу «dell'ultime oscurità»/ «del primo chiaro». Евгений Солонович передает ее как «остатков тьмы»/«нового дня»: сохраняется родительный падеж, создающий параллелизм между фрагментами, но почти утрачивается как противопоставленность прилагательных (дословный перевод – «последнего»/«первого», ср. с «остатков»/«нового», в первом словосочетании прилагательное в переводе становится существительным), так и напряженность между абстрактным и конкретным слоями смыслов из-за объясняющего через контекст подхода к переводу вторых членов словосочетаний: дословный перевод – «мрака» («тьмы») / «света» («ясности»), ср. с «тьмы»/«дня». Из-за незначительной неточности в передаче лексики все три аспекта частично утеряны.

Стихотворение «*Sono una creatura*» Дж. Унгаретти в переводе Петра Епифанова озаглавлено «Я всего лишь творение»: неудачный перевод названия и здесь задает «тональность» последующих ошибок.

Неточность допущена и смысловая (вновь перевод дается объяснительный – дается одно из возможных значений вместо их множества, заложенного в оригинал), и стилистическая (поэтика раннего Унгаретти отличается лаконизмом, в переводе появляется четвертое слово вместо трех оригинала). «*Come questa pietra / del monte San Michele*» при переложении Епифановым его на русский язык стало: «Как камень на Сан-Микеле» (нарушена и строфика, два стиха соединены в один, и семантика, так как опущено указательное местоимение, подчеркивающее конкретность, близость образа, и стилистика, поскольку *questa pietra* повторяется во второй строфе (и там почему-то Петр Епифанов уже не опускает *questa* в переводе), благодаря чему создается эффект целостности). Похожи последствия и отказа от сохранения в переводе анафорического *così*: ослабляется выразительность образа именно этого камня, нарушается общая структура стихотворения. Даже в делении на стихи переводчик «соревнуется» с автором, из-за чего строки становятся еще длиннее, чем от самого факта переложения на русский, авторская стилистика утрачивается полностью. Получается совершенно другой текст на всех уровнях.

В переводе стихотворения Чезаре Павезе «*Verrà la morte e avrà i tuoi occhi*»¹³ из одноименного цикла Маргаритой Алигер некорректно передано первое же слово («нагрянет»), даже Иосиф Бродский, используя эти слова в «Натюрморте», переведет это точнее – «придет», поэт использует «естественное», повседневное слово, говоря о смерти, чтобы создать интонацию честного разговора с читателем. Перевод полон таких «смещений»: нейтральное *ci accompagna* передается как «плетется за нами», прямое и сильное *grido* превращается в «возглас», абсурдная/нелепая привычка становится просто «дурной» и так далее. Есть и добавления по сравнению с оригиналом, в котором просто нет предложения: «С твоими глазами» (5 стих переложения Алигер). Множество неточностей работают как «сломанный телефон», создавая произведение иной стилистики с иными же смысловыми акцентами.

Возможно, благодаря вышеупомянутой Ольге Седаковой, уже обретшей во многом статус классика, с ее масштабным проектом по переводу Данте на русский язык свободным стихом, который она сопровождает и рассуждениями о значении лексической и структурной точности перевода, и переводы итальянского верлибра XX века вскоре «воссоединятся» со своими

¹³ Стихотворение Чезаре Павезе нельзя назвать верлибром в строгом смысле слова, это достаточно сложная и неоднородная поэтическая форма со значительной степенью метрической свободы. Такого рода структуры едва ли можно адекватно переложить, пользуясь средствами русского языка, без существенных потерь в стиле и смысле, поэтому его перевод, на наш взгляд, должен осуществляться в форме верлибра с учетом свойственных скорее ему переводческих особенностей, краткий же анализ его ритмики было бы лучше представить в обязательном корпусе комментариев к текстам.

оригинальными текстами через сознательное самоограничение вольности переводчиков.

Литература

1. Антология русского верлибра. — М.: Прометей, 1991. — 752 с.
2. Горелкина В. С. Переводческие трансформации при переводе поэзии Т.С. Элиота с английского языка на русский. // CyberLeninka. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perevodcheskie-transformatsii-pri-perevode-poezii-t-s-eliot-s-angliyskogo-yazyka-na-russkiy-na-materiale-poemy-polye-lyudi> (дата обращения: 07.04.2024).
3. Итальянская лирика XX век. М.: Прогресс, 1968. 392 с.
4. Нимбуев Н.Ш. От чего не свободен свободный стих? // Soyol.ru. URL: <https://soyol.ru/culture/literature/713/> (дата обращения: 07.04.2024).
5. Седакова О. С. «Для того чтобы перевести одно стихотворение поэта, мне нужно прочесть как можно больше других его стихов». // Григорий Явлинский. Политик, экономист. URL: <https://www.yavlinsky.ru/article/olga-sedakova-dlya-togo-chtoby-perevesti-odno-stihotvorenie-poeta-mne-nuzhno-prochest-kak-mozhno-bolshe-drugih-ego-stihov/> (дата обращения: 07.04.2024).
6. Унгаретти Дж. Стихи. Перевод с итальянского и вступительная статья Петра Елифанова. // Журнальный зал. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2011/2/stihi-1794.html> (дата обращения: 07.04.2024).

УДК 37 (091)

Маттеи Наталья Вячеславовна
культуролог,
a.r.n.mattei@gmail.com

ИТАЛЬЯНСКИЙ ЯЗЫК В ПОЛЯХ ЗНАЧЕНИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЮЖЕТНО БЛИЗКИХ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ДЖОВАННИ ПАСКОЛИ И ФАБРИЦИО ДЕ АНДРЕ

В статье рассматривается проблема несводимости смысла и значения в естественном языке на примере двух итальянских стихотворений, соотносимых с периодом европейского модерна, приводится сравнительный анализ двух сюжетно близких поэтических текстов, принадлежащих разным авторам. Статья также затрагивает проблему перевода поэтического текста.

Ключевые слова: смысл, значение, поэтический текст, метафора, итальянский язык, дискурс модерна, семантическая доминанта поля

Mattei Natalia
Italian language in semantic fields: a comparative analysis of poetic texts with a similar plot by Giovanni Pascoli and Fabrizio De Andre

The article examines the problem of the irreducibility of sense and reference in natural language using the example of two Italian poems, correlated with the period of European modernity, provides a comparative analysis of two plot-related poetic texts belonging to different authors. The article also touches on the problem of translating poetry text.

Keywords: sense, reference, poetic text, metaphor, natural language, Italian language, problem of translation, modern discourse, semantic dominant of the field, Giovanni Pascoli, Fabrizio De Andre.

«Мне хотелось бы, чтобы вы вместе со мной подумали, что тайна жизни велика и что лучшее, что можно сделать, — это оставаться как можно ближе к тем, кто также взволнован этой тайной» ("Vorrei che pensaste con me che il mistero, nella vita, è grande, e che il meglio che ci sia da fare, è quello di stare stretti più che si possa agli altri, cui il medesimo mistero affanna e spaura...")¹⁴ — эта фраза из Предисловия к сборнику «Первые стихи» ("Primi poemetti", 1899), принадлежит классику итальянской поэзии Джованни Пасколи [11].

Одно из стихотворений в этом сборнике, «Солдат Сан-Пьеро-ин-Кампо»¹⁵ возникло как реакция поэта на весть о гибели рядового солдата, который был родом из этих мест. Он приезжал домой на побывку, в Сан-Пьеро-ин-Кампо его ждала мать, теперь здесь его похороны. В тексте стихотворения нет ни имени крестьянина, призванного в солдаты, ни обстоятельств, ни места его гибели. Пасколи были известны все обстоятельства, но существенным, имеющим значение, поэт оставляет только один факт — солдат не вернулся домой живым. В стихотворении солдат только символическая фигура, в центре внимания автора — наполненная жизнью и потревоженная смертью долина реки Серкьо в Гарфаньяне близ Кастельвеккьо и Сан-Пьеро-ин-Кампо. Текст написан в то время, когда Пасколи еще не приобрел поместье в Кастельвеккьо, но уже часто бывает в Барга, он очарован местной природой и многие сельские названия находят свое место на страницах его рукописей.

В стихотворении «Солдат Сан-Пьеро-ин-Кампо» отправную точку лирики задает трижды повторяющийся похоронный звон колоколов и образ повозки на закате. Образ колокольной и звучащие колокола встречаются довольно часто в текстах Пасколи и всегда символизируют состояние перехода, имеют значение точки невозврата, маркируют границы непостижимого.

Образ повозки, освещенной закатным солнцем, ассоциируется с трагической гибелью отца, о которой Джованни узнал вечером 10 августа 1867 года, когда лошадь привезла домой пустую повозку с безжизненным телом и брошенными вожжами. С этого закатного солнца для Пасколи закончилось детство и началась жизнь, полная лишений. Сам Пасколи как-то признался в письме к Де Витту от 9 июля 1899 года: «Хочу, чтобы было ясно, что во мне

¹⁴ Здесь и далее переводы с итальянского автора статьи.

¹⁵ San Piero in Campo — селение, местность, именуемая по названию местной церкви Св. Петра.

поэтическая жилка происходит от боли» ("Io voglio che risulti che in me la vena poetica è derivata dal dolore") [7]

Поэзия Пасколи одновременно трагичная и жизнеутверждающая, он как будто перефразирует свое собственное: «О мать Природа, обрати во благо даже зло, нами приносимое» ("O madre Natura, siano grazie a te che anche dal male ricavi per noi il bene") [11].

В тексте «Солдата...» все тяготеет к пейзажу, к ландшафту, к земле, к животворному жертвоприношению, к постоянному возрождению природы, сводящему трагизм потери жизни к светлой как осенний день, печали. Поэтому, как и повозки (calessini), так и тополя (pioppi) и ласточки (balestrucci), появление которых у Пасколи обычно имеет значение крестного знамения, крестного пути, трагического исхода, отмечены диалектной, локализованной лексикой.

Как возделанный плодоносящий сад, текст Пасколи перегружен обилием деталей сельской гармонии, воссоздающих целокупную одушевленность мироздания: сверкают желтым великолепием кукурузные початки, болтают тополя, лягушки веселятся, жабы на закате тяжелы, мокрая трава вся пропиталась небом, две совы-сплюшки, вестницы потусторонней ночной прохлады, говорят друг другу «чиу», так виноград созрел, что семечки видны насквозь, серпами срезанная конопля уже лежит в сияющей воде журчащей Корсонны и надо всем этим плывет бронзовый, волнующий, сонный голос колоколов.

В тексте стихотворения, как обычно у Пасколи, переплетаются аллитерации, звукоподражания, фонетические и логические игры и искусно составленные «смысловые пирамиды» [2].

Синтаксис Пасколи таков, что исследователи сломали и копья и перья, давно запутавшись в волшебном буйстве его поэзии, сойдясь на том, что метрика скорее произвольная и транслирует античную традицию, чем подчиненная стандартам новой литературы, а виртуозная силлабо-тоника, которую невозможно передать в самом аккуратном переводе, украшена тропами, снимающими всякую неясность авторского замысла¹⁶.

Поэзия Пасколи полна одной тайной — тайной жизни и смерти в их неразрывной связи. Смерть, прерывающая жизнь каждого человека и всех существ — гарцует и кружится в поэзии Пасколи не в привычном мрачном представлении, не с черепом и косой, но «с крылышками, мягкими, как дыхание» ("La morte — questo mistero che chiude la vita di ogni uomo e di tutti gli esseri — volteggia insistente nella poesia pascoliana, non con la tradizionale e macabra rappresentazione del teschio e della falce, ma "con ali molli come fiato") [4].

Интенционально, текст «Солдата...» в равной степени можно отнести и к многочисленным «буколикам» и к не менее многочисленным «георгикам»

¹⁶ За краткостью этой статьи выносим за ее рамки анализ метрики стиха, риторических фигур и пр. с целью сосредоточить внимание на способах определения значений и передачи смысла.

Пасколи; и в тех и других «каждая индивидуальная смерть — залог вечной жизни природы» ("Il concetto della poesia nata dal dolore") [7] и вечного мира, точнее, вечного миропорядка, не столько в мире человеческом, сколько в мире-космосе, пребывающем в неизменной гармонии.

Служивший в Болонском университете профессором античной литературы и тяготевший в юности к левым социалистам, Пасколи никогда не был пацифистом; в зрелом возрасте, давно открестившийся от устремлений к революционным преобразованиям общества, вполне в дискурсе модерна, Пасколи примирил свой милитаризм с идеалами своей прежней интернационалистической воинственности ("Il Pascoli della maturità cerca di conciliare il suo militarismo con gli ideali della sua lontana militanza internazionalista") [6], вплоть до того, что в последнем своем прозаическом нашумевшем эссе ("La grande proletaria si è mossa", 1911) итальянская колониальная армия станет у него воплощением сплоченной нации (L'esercito coloniale diventa così l'espressione pura di una nazione coesa) [там же].

Также, вполне в дискурсе модерна, Пасколи выносит войны за пределы своей страны, и само слово «война» (la guerra) выносит за пределы своих текстов о земле, о стране, которую считает своей, и ограничивает власть «духа войны» (il spirito di guerra), который не должен проникать в пределы мирной жизни. Пасколи не желает мобилизовать своих сограждан на какую-либо войну, в отличие от, например, Кардуччи, он возлагает на поэзию миссию «избавлять людей от дикости» ("spogliare gli uomini della loro ferinità", а на поэтов — миссию жрецов высшего суда и миротворцев» ("la Missione di sacerdote e di pacificatore") [9].

Через 65 лет после выхода в свет «Первых стихов» Джованни Пасколи, в самом начале своей карьеры, Фабрицио Де Андре написал текст, который сразу был положен на музыку и стал культовой антивоенной песней. В тексте «Война Пьеро» ("La Guerra di Piéro") много явных заимствований: тема из «Спящего в долине» ("Le Dormeur du val") Артура Рембо, целое четверостишие из пьесы «Куда летит стервятник?» ("Dove vola l'avvoltoio? ") Итало Кальвино. Сюжет мало отличается от текста Пасколи — солдат погибает на поле сражения, стихотворение также написано на фоне личных, но не непосредственных впечатлений и переживаний. Все остальное в тексте выходит за рамки этики модерна, претендуя на принадлежность к новой этике, к новой эпохе.

Как и Рембо и Кальвино, Де Андре не ставит в один ряд природу и жизнь человека; переход из мира живых таким способом, как смерть в сражении для него не естественна и фигура солдата не абстрактна — у солдата есть имя собственное, характер, голос, воспоминания и убеждения. В пацифизме Де Андре много личного (он воспитан на воспоминаниях близких ему людей о Второй мировой войне), его персонаж не столько его (в тексте) и их (в истории) ровесник, сколько его альтер-эго: умирая, Пьеро вспоминает женское имя

первой и, возможно, единственной возлюбленной Фабрицио Де Андре¹⁷ и обращается к ней.

При явно противоположном подходе к раскрытию сюжета, у Де Андре просматривается мотив невольного жертвоприношения, читаемый у Пасколи. Пасколи во многих подробностях описывает сельскую жизнь в день похорон, но скрывает подлинную историю смерти своего солдата — самоубийство как результат усталости от войны¹⁸. Солдат¹⁹ Де Андре медлит с выстрелом, сознавая, что перед ним такой же, как он сам, человек, «только что в форме цвета другого» ("ma la divisa di un altro colore") [5] и это промедление, которое можно приравнять к невольному жертвоприношению, фатально решает его судьбу.

Первоначальное название стихотворения Пасколи «Служитель...» ("L'attente")²⁰ было заменено им на «Солдат...», но даже это слово не прямо отсылает к практике войны. В тексте Пасколи война, как причина произошедшей трагедии, присутствует имплицитно, что соответствует и мировоззрению Джованни Пасколи и практике модерна. Пасколи вытесняет из текста всю семантику войны, все значения, способные привести к скрытому смыслу лексически, логически или синтаксически.

Сравнивая оригинальные тексты и рассматривая соотношение смысла и значения как соотношение целого и частей [3], находим семантическую доминанту поля значений [1], данную Пасколи в виде отсутствующей лексемы «война», а у Де Андре, наоборот, в лексеме, акцентно вынесенной в заглавие.

В тексте Де Андре вывод не требуется, смысл на поверхности, его мировоззрение протестно и многократно подчеркнуто лексемой, коннотирующей то, что Пасколи так тщательно скрывает.

В приведенном ниже оригинальном тексте лексемы, выделенные полужирным шрифтом отсылают к несчастью, потере, трагедии, выделенные полужирным шрифтом и подчеркиванием — непосредственно и недвусмысленно к войне, начиная с заглавия:

LA GUERRA DI PIÉRO

Dormi sepolto in un campo di grano

Non è la rosa, non è il tulipano

¹⁷ Нина Манфьери (Nina Manfieri) была другом детства Ф. Де Андре. Они были знакомы с раннего детства до 1950 года и по крайней мере один раз встречались во взрослом возрасте. Фабрицио посвятил Нине несколько стихотворений, некоторые из них положены на музыку и широко известны. См. например, «Я видел, как Нина летает» ("Ho visto Nina volare", 1996). Нина оставила воспоминания, несколько раз давала интервью [8]

¹⁸ Факт самоубийства был скрыт Пасколи как лишняя, не способствующая патриотизму, деталь [6].

¹⁹ Не вполне корректно называть Пьеро авторства Де Андре солдатом, чин его нам неизвестен, для автора стихотворения и песни он даже не военнотружущий, он молодой человек, попавший на войну.

²⁰ Точнее, устаревшее в русском языке «служивый» или «ординарец», возможно, словесная игра Пасколи в значении «ординарный, обычный служащий», то есть, военный чин, состоящий при командном составе, «вестовой», олицетворяющий порядок войны. Изменив название, Пасколи исключил смысл, отсылающий к римской героине, еще больше увеличив разрыв между войной и судьбой персонажа.

*Che ti fan veglia **dall'ombra** dei fossi
Ma son mille **papaveri rossi***

*Lungo le sponde del mio torrente
Voglio che scendano i lucci argentati
Non più **i cadaveri dei soldati**
Portati in braccio dalla corrente*

*Così dicevi ed era **d'inverno**
E come gli altri verso **l'inferno**
Te ne vai triste come chi deve
Il vento ti sputa in faccia la neve*

*Fermati Piéro, fermati adesso
Lascia che il vento ti passi un po' addosso
Dei morti in battaglia ti porti la voce
Chi diede la vita ebbe in cambio **una croce***

*Ma tu non lo udisti e il tempo passava
Con le stagioni a passo di giava
Ed arrivasti a varcar la frontiera
In un bel giorno di primavera*

*E mentre marciavi con l'anima in spalle
Vedesti un uomo in fondo alla valle
Che aveva il tuo stesso identico umore
Ma **la divisa** di un altro colore*

***Sparaqli** Piéro, **sparaqli** ora
E dopo un colpo sparaqli ancora
Fino a che tu non lo vedrai esanque
Cadere in terra a coprire il suo sangue*

***E se gli sparo in fronte o nel cuore**
Soltanto il tempo avrà per morire
Ma il tempo a me resterà per vedere
Vedere gli occhi di **un uomo che muore***

*E mentre gli usi questa premura
Quello si volta, ti vede e ha paura
Ed imbracciata l'artiglieria
Non ti ricambia la cortesia*

***Cadesti a terra senza un lamento**
E ti accorgesti in un solo momento
Che il tempo non ti sarebbe bastato
A chiedere perdono per ogni peccato*

Cadesti a terra senza un lamento

*E ti accorgesti in un solo momento
Che la tua vita finiva quel giorno
E non ci sarebbe stato un ritorno*

*Ninetta mia, a crepare di maggio
Ci vuole tanto, troppo coraggio
Ninetta bella, dritto all'inferno
Avrei preferito andarci in inverno*

*E mentre il grano ti stava a sentire
Dentro alle mani stringevi il fucile
Dentro alla bocca stringevi parole
Troppo gelate per sciogliersi al sole*

Dormi sepolto in un campo di grano

*Non è la rosa, non è il tulipano
Che ti fan veglia dall'ombra dei fossi
Ma sono mille papaveri rossi [5].*

Эквиритмический перевод текста Де Андре представляет известные трудности, связанные с особенностями перевода с итальянского на русский, но здесь мы приведем только фрагмент переведенного текста²¹ по причине и для лучшего понимания основной — этической — проблемы перевода, начиная с шестой строфы:

*...пока дух смятенный теряется в теле
ты видишь отчетливо в темной долине
такого же парня, как ты, всем такого,
но только вот форма цвета другого*

*выстрели Пьеро, выстрели сразу
ещё и ещё раз стреляй раз за разом
пока не увидишь, как мертвое тело
упало на землю, залив кровью землю,*

*но если я выстрелю в лоб или в сердце
то только для смерти останется время
останется время, чтоб только увидеть
глаза умирающего человека...*

Перевод текста Пасколи предполагает решение более трудных задач, поскольку в поэзии Пасколи всегда скрыты латинские поэтические формы и

²¹ Полностью поэтический текст перевода не публикуется по причине его избыточной актуальности. Выделенные в оригинальном тексте лексемы также не нуждаются в переводе, поскольку имеют значение, прежде всего, объем актуальной лексики.

В сравнении с этим текстом, в приведенном ниже оригинальном тексте Пасколи, нет ни одной лексемы, которую можно было бы выделить полужирным шрифтом и подчеркиванием одновременно.

смыслы, часто присутствуют смыслы локальной, региональной природы, сложная символика отсылает к разнообразным историческим нарративам. Но этических трудностей поэтические произведения Пасколи не содержат, поэтому в Приложении мы приводим перевод стихотворения, своего рода небольшой поэмы, составленной Пасколи из шести частей, полностью.

Приложение

Giovanni Pascoli IL SOLDATO DI SAN PIERO IN CAMPO	Джованни Пасколи СОЛДАТ САН-ПЬЕРО-ИН-КАМПО
I Era poc' anzi nella valle il ronzo dell'altre sere. Ogni campana prese poi sonno in una lunga ansia di bronzo. Si dicevano Ave! Ave! le chiese, e i vecchi preti, che ristanno un poco con le mani alla fune anco sospese. Ave! tra uno scampanio più fioco dai monti, che, lassù, pare una voce che dian quei cirri e cumuli di fuoco... Ave! tra uno scoppiettio veloce di balestrucci, che nel cielo intorno gettan ombre di pii segni di croce... segni di croce, sul morir del giorno, nel campo, nella via, nel casolare dove sospira i passi del ritorno il nonno, solo... E già venian più rare le squille delle Avemarie lontane; e s'alzò dalla valle, di tra un mare di foglie, un suono a morto, a tre campane.	I Так прежде вечером другим в долине колокола гудели. Каждый голос дал, и спит на беспокойной долгой ноте бронзы. Они хвалу вещали: Ave! Ave церкви, и старым пастырям, которые еще стоят не торопясь, с вплетенными в узлы руками. Ave! и между перезвонами, чуть слышен с вершин, в горах, на них похожий, голос нисходит с облачных громад, грозу таящих... Ave! и в быстром стрекоте проворных Береговушек, что кружатся в небе, Отбрасывая тени крестного знамени... знамения креста, а день клонится к смерти, в полях, на улице и в сельском доме где дышит возвращеньем каждый шаг старик, один... И вот когда стал реже звон «Радуйся, Мария» отдаленный то из долины встал, как из пучины моря листьев, в три колокола похоронный звон.
II Oh! Piangi... Pensa... Dormi... Piangi... Pensa... Dormi... echeggiava in ogni cuor San Piero nell'ora dolce in cui fuma la mensa: nell'ora in cui risuona ogni sentiero di piedi scalzi, e anche di novelle e di ragioni dette con mistero:	II Плачь... Думай... Спи... Плачь... Думай... Спи... и звучит в Сан-Пьеро эхом в каждом сердце в час трапезы, когда столы накрыты: в тот час, когда читаем каждый след разутых ног, и новостей и слухов о недоговоренных и несказанных причинах:

San Piero in Campo sperso là tra quelle file di pioppi, garrulo, ai tramonti, di rane gravi e allegre raganelle. Echeggiava tra i monti. Erano i monti tutti celesti; tutto era imbevuto di cielo: erba di poggi, acqua di fonti, fronda di selve, e col suo blocco acuto la liscia Pania, e con le sue foreste il monte Gragno molle di velluto. Sfiorava il sole tuttavia le creste, toccando qua e là nuvole vane; e di laggiù, tra tutto quel celeste, veniva il suono delle tre campane. III E Dormi... Piangi... Chi piange, lo sanno tutti: sua madre. Come era contenta! Egli le ritornava ora, nell'anno, tra pochi mesi. Ognuno lo rammenta, buono! bello! ma il dito alza alla bocca, come sua madre sia per lì, che senta. Quel dolore ha una lunga ombra che tocca tutte le case. Col cucchiaino in mano resta, come la veda, una che imbocca il suo piccino, al fuoco. — Era a Milano, credo, a Modena... — Dove la via sale, due calessini vanno su pian piano, al passo: intorno suona il disuguale tonfo degli otto zoccoli, ed, appena, il cigolio leggero delle sale. Dolce il ritorno! Dolce essere a cena spartendo ai bimbi irrequieti il pane... Vanno; e nell'aria concava e serena rimbomba il suono delle tre campane. IV E Pensa... Dormi... È limpida la sera: si vede sempre, e non s'accende il lume. C'è nelle selve fumo qua, che annera,	Сан-Пьеро-ин-Кампо прячется среди своих, в ряд вставших серебристых тополей болтливых, и на заре ночной резвящихся лягушек. Как эхом разнеслось в горах. А горы были лазурью залиты; пропитаны и влагой налиты как небом: и трава холмов, источников вода, в лесу все кроны, со своим горбом высоким ложило Пании и склон лесистый горы Гранио, сплошь весь в бархате пушистом. Но только солнце тронуло вершины, коснувшись тут и там тщеславных облаков, как с этих всех вершин и с высоты небесной раздался звонкий гомон трех колоколов. III И спи... плачь... И о том, кто плачет и о ком, все знают: мама. Как раньше весела она была! Он быстро к ней вернулся в том году, через короткий срок. Все это помнят, милый! добрый! но молчанья знак к устам, там рядом мать его, она услышать может. Тень длинная у этой боли, здесь касается она любого дома. С ложечкой в руке остался, она видит, тот, кто кормит ее младенца у огня. — В Милане это было, я знаю, в Модене... — Там, где крута дорога, там две тележки тихо-тихо вверх ползут, недалеко отсюда: звук неровный слышен на всю округу стук восьми копыт и чуть, чуть слышный легкий скрип колес. Как хорошо вернуться! И обедать, делиться хлебом с непоседами детьми... Они идут; а в безмятежном воздухе дугою гремит раскатистый трезвон колоколов. IV И думай... Спи... Прозрачен тихий вечер: Не зажигая света лампы можно видеть. Темнеет дымка здесь и дышит влагой сельва,
---	--

là, che biancheggia: bruciano il pattume: presto si coglie. E l'uva ingrossa, e invaia i chicchi già. La canapa è nel fiume. È già stesa a capretta su la ghiaia, via via: dura ha la tiglia, alta la canna. Ecco che già si mazzola in qualche aia. Vengono all'aia, avanti la capanna, i giovinotti, e ognuno si promette con la ragazza che gli tien la manna. Il sessantino ha messo i crini, mette la rappa. Già si sguscia. Nelle stalle le manse vacche mangiano le vette. È uno splendore di pannocchie gialle per tutto, alle finestre, nelle altane. La sera è dolce: solo nella valle suonano a morto quelle tre campane. V E Piangi... Pensa... Dormi... Egli, sotterra dorme! ed in terra appena benedetta! dorme sotterra, e non nella sua terra! Fuori è restato un po' di lui, che aspetta; chiama i rettori del suo vicinato; chiede la messa della sua chiesetta; vuol l'acquasanta ch'ebbe appena nato, che le sue fasce già bagnò, che bagni or la sua cassa; vuol esser portato al camposanto suo, tra i suoi castagni, sotto il suo panno dalla frangia nera, sopra le spalle de'suoi pii compagni, tra il calpestio de'suoi compagni a schiera, tra il muto calpestio che dove passa, lascia nel timo un morto odor di cera; e il cataletto or s'alza, ora s'abbassa: sì va pian piano ma per vie non piane	a вдалеке белеет что-то: это листья жгут, все споро собрано. Стал грузен виноград, уже фасоль созрела. Конопля лежит в реке. Как козочка на гравии, она лежит на дне, Длинна как стебель тростника, тверда как липа И вот ее уже и мнут и треплют на гумне. Все сходятся на ток перед лачугой, Все парни, из которых каждый был сосватан Обещанным, желанным обрученным. Шестидесятка²² зреет, с темной гривой стоит. Пора ее лущить. В хлеву коровы стельные стоят, жуют ботву. Колосьев желтых роскошь и початков повсюду, в окнах, на террасах всех дворов. И вечер так хорош, но над долиной гудит о смерти втрое звон колоколов. V Плачь... И думай... Спи... Он под землей, он спит! в благословенной только что земле! спит под землей, не на земле, не сверху! Души его частица еще здесь, стоит и ждет; зовет всех из округи, всех соседей; и поминальной просит в местной церкви; воды святой, как новорожденный он просит, купель воды, но здесь его купель и ложе и пелена в гробу; теперь его несут на сельское кладбище, посреди каштанов, под черным покрывалом с бахромой, на набожных плечах своих друзей, своих товарищей в шеренгах, в их шагах в в безмолвном проходящем марше он оставляет запах смерти восковой; и по дороге, опускаясь, поднимаясь, тележка движется неровно, потихоньку,
--	---

²² Древний сорт кукурузы, вызревавший за 60 дней.

e dolcemente il capo nella cassa si culla al suono delle sue campane. VI E dice Mamma... Mamma... Mamma... Vuole sua madre. Ahimè! che voglia, quella voglia di mamma! quel dolore, quanto duole! Ora, più nulla. Stride qualche foglia; si chiamano e rispondono tranquilli due chiù; va la Corsonna che gorgoglia. Tu su la bruna valle alta sfavilli, Barga, coi cento lumi tuoi. Rimane l'orma del pianto tra un gridio di grilli e un interrotto gracidar di rane [10].	и, голову склоня, покоится, как в люльке под колыбельный колокольный звон. VI И говорит: Мама... Мама... Мама... Мать свою зовет. Увы! Напрасен зов, вотще желанье, мама! страданье это; как же это больно! Теперь ничто и больше ничего. Шуршит листва Зовут друг друга и спокойно отвечают совы в ночи; и журча, бежит ручей Корсонна. И над долины бурой тьмы сверкает, селенье Барга сотнями своих огней. Осталось только эхо слез сверчков в полночном треске и в смолкнувшем лягушек хоре.
---	---

Литература

1. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. URL: http://www.ruslang.ru/doc/conf_text_subtext_10_chronicle.pdf (дата обращения: 18.04.2024)
2. Лотман Ю.М. Камень и трава // Лотмановский сборник. М., 1995. Т. 1. С. 82.
3. Фреге Г. Смысл и значение. URL: <https://kant.narod.ru/frege1.htm> (дата обращения: 18.04.2024)
4. Castagnola L. La poesia del mistero in Giovanni Pascoli. URL: <https://revistas.ufpr.br/letras/article/view/20016> (дата обращения: 18.04.2024)
5. De Andre, F. La Guerra di Piero. URL: <https://www.lettras.com/fabrizio-de-andre/506623/> (дата обращения: 18.04.2024)
6. De Poli, F. I soldati di Pascoli tra «nazione armata» ed «esercito permanente». URL: <https://journals.openedition.org/italies/5613> (дата обращения: 18.04.2024)
7. Nassi F. I Primi poemetti di Giovanni Pascoli nell'elaborazione autografa. URL: https://www.academia.edu/32280535/I_Primi_poemetti_di_Giovanni_Pascoli_nellelaborazione_autografa_Nuova_Rivista_di_Letteratura_italiana_XII_2009_pp_105_151 (дата обращения: 18.04.2024)
8. Manfieri, N. Nina Manfieri e De André, 80 anni volando sull'altalena. URL: <https://www.liminarivista.it/oltre-la-soglia/nina-e-de-andre-80-anni-volando-sullaltalena/> (дата обращения: 18.04.2024)
9. Pascoli G. L'era nuova / Pensieri e discorsi. URL: https://it.wikisource.org/wiki/Pensieri_e_discorsi/L%27%C3%A8ra_nuova (дата обращения: 18.04.2024)

10. Pascoli G. Soldato di San Piero in Campo/ Primi poemetti.
URL: <https://web.archive.org/web/20070212091909/http://www.fondazionepascoli.it/Poesie/pp13.htm> (дата обращения: 18.04.2024)
11. Pascoli G. Introduzione/ Primi poemetti.
URL: http://www.fondazionepascoli.it/poesie/PRIMI_POEMETTI/primipoeemetti.html (дата обращения: 18.04.2024)

УДК 37 (091)

Лоренцо Пассарини
Магистр философии
Старший преподаватель Академии Достоевского РХГА
lorenzo@passarini.it

GIACOMO LEOPARDI: RIFLESSIONI SULLA SOCIETÀ IDEALE *(Джакомо Леопарди: размышления об идеальном обществе)*

Partendo dalla presentazione al pubblico russo del poeta e filosofo Giacomo Leopardi, l'articolo analizza alcune riflessioni sulla società e le sue ingiustizie. Vengono presi in considerazioni sia lettere personali che testi di prosa e di poesia, mostrando diversi registri del discorso: informale, sociologico, fino a quello più astratto e lirico. Infine si riscontra una coerenza generale dell'autore nell'appellarsi ai propri simili per una società migliore.

Parole chiave: Leopardi, società, poesia, prosa, epistolario

Lorenzo Passarini
Giacomo Leopardi: reflections on the ideal society

Starting from the presentation of the poet and philosopher Giacomo Leopardi to the Russian public, the article analyzes some reflections on society and its injustices. Either personal letters and prose and poetry texts are taken into consideration, showing different registers of discourse: informal, sociological, up to the more abstract and lyrical one. Definitely is considered that there is a general coherence of the author in appealing to his fellows for a better society.

Keywords: Leopardi, society, poetry, prose, epistolary

In questo mio primo lavoro sul filosofo e pensatore Giacomo Leopardi, considerato il fatto che la mia specializzazione è in filosofia politica, adotterò in particolare un punto di vista antropologico e sociologico. Il mio lavoro si focalizza nell'individuare, tra le diverse opere dell'autore, come egli, con diversi registri e diversi stili, inclusa la poesia, elabori considerazioni sulla società e su come gli uomini dovrebbero collaborare a una convivenza migliore. Talvolta potranno emergere delle contraddizioni tra i testi, va considerata infatti la forte evoluzione del suo pensiero, che ha la caratteristica di apparire sempre in divenire e mai concluso in se stesso.

Comincio quindi con il tratteggiare alcuni elementi biografici dell'autore, per chi in Russia non avesse avuto modo di conoscerlo precedentemente. Giacomo Leopardi è considerato oggi il più grande e completo poeta italiano del diciannovesimo secolo, è riconosciuto ai vertici della letteratura europea. Fu contemporaneo del più celebre poeta russo, Aleksandr Puškin. La cronologia delle loro vite coincide: Leopardi nacque solo un anno prima (nel 1798) e morirono entrambi nel 1837.

Egli viene spesso considerato come un esponente del romanticismo europeo, ma in realtà fu molto critico verso i valori del romanticismo, quali lo spiritualismo, la metafisica e l'allontanamento dalla natura concreta. Fu più vicino al classicismo, in particolare in giovinezza, anche se lo superò con uno stile personale. Il suo amico e famoso intellettuale Pietro Giordani riteneva che il classicismo potesse dare a un'Italia politicamente divisa un'unità spirituale. Leopardi analogamente pensava che solo il modello ideale degli antichi fosse in grado di apportare nuova linfa alla letteratura italiana, non il modello moderno dei romantici.

Ricordiamo che egli possedeva una sterminata cultura classica, che aveva coltivato nella biblioteca paterna negli anni di «semi-reclusione» della sua infanzia. Descriveva fin dalla giovinezza se stesso come un orso che va sbattendo dentro la sua gabbia (7, p. 115). È famosa la frase dove ventenne definiva i sette anni precedenti della sua giovane vita come anni di studio «matto e disperatissimo», tali da avergli definitivamente guastato la salute perché coincidenti al periodo più importante dello sviluppo fisico (7, p.78).

Nativo della Marca (le ordierne Marche, nel centro d'Italia, a quel tempo sotto lo Stato Pontificio), da lui definita la regione più ignorante d'Italia (7, p. 158), era di famiglia nobile molto tradizionalista, verso di lui iperprotettiva anche a causa della sua fragile salute. Se egli è divenuto nella cultura italiana di massa lo stereotipo dell'intellettuale sofferente, pessimista e represso tuttavia già in vita scriveva di rifiutare che il realismo pessimista della sua filosofia fosse spiegato dai suoi problemi di salute (7, p. 514-515). Il padre Monaldo era un convinto conservatore, reazionario anti-napoleonico e critico verso le idee dell'Illuminismo, fedele allo Stato Pontificio e contrario ad ogni novità politica proveniente dall'Europa in trasformazione. La madre, Adelaide Antici, rimane famosa per il suo bigottismo e per la freddezza verso il figlio. Nello Zibaldone Leopardi pare descrivere proprio lei nel raccontare che si spingeva a invidiare i genitori che avessero perso i loro figli perché così sarebbero andati più rapidamente in paradiso liberandoli oltretutto dell'incomodo di mantenerli (6, p. 353). Ma torniamo a noi, l'interpretazione di un Leopardi meramente pessimista e depresso è oggi rifiutata da moltissimi studiosi che hanno fatto emergere la ricchezza vitale del suo genio, a partire dagli studi di Cesare Luporini e Walter Binni (negli anni '40 del Novecento), che ribaltarono la visione tradizionale di De Sanctis e Croce (2, pp. 2-3).

La sua creazione spaziò dalla poesia alla prosa letteraria, dall'annotazione filosofica all'aforisma, oltre al suo vasto epistolario. Ci sono pervenuti perciò vari

generi di scrittura, dalla più classicista e idilliaca, di difficile lettura all'uomo di cultura media senza l'accompagnamento di pagine e pagine dei commentatori, alla più profana e schietta, formata da un linguaggio comprensibile dal lettore italiano d'oggi. Analizziamo alcuni momenti del suo pensiero.

Nel 1821 Leopardi scrisse una delle sue molte lettere all'amico Pietro Brighenti, un piccolo editore che poi sarebbe risultato essere un informatore segreto della polizia austriaca. È possibile infatti che proprio a causa sua fu fermata dalle autorità la pubblicazione di un'opera del poeta nel Lombardo-Veneto (7, p 157). Nella lettera all'amico Leopardi afferma che la vita dell'uomo è una guerra l'uno contro l'altro, che ciascuno è nemico di ciascuno, eccetto che per i pochissimi che hanno le facoltà del cuore, ovvero bontà d'animo e autenticità. Racconta che lui stesso nella sua detestata città natale, Recanati, veniva deriso, preso a sputi e a calci, costretto a isolarsi in una stanza. Dunque sostiene che per sopravvivere o per semplicemente partecipare alla vita occorre controbattere alle offese, lottare, insultare e calpestare ogniqualvolta se ne abbia l'opportunità. Certo il tono non è un invito immorale a fare del male, ma piuttosto la reazione al rammarico su come funziona il mondo. In poche parole, lo ripeterà spesso in molteplici sue opere (soprattutto nei 111 aforismi degli anni '30) Leopardi vede chiaramente che nella società attuale il più forte e spregiudicato ha e avrà sempre successo, il debole e sottomesso invece viene schiacciato.

Il pensiero di Leopardi fu sempre in divenire e mutò considerevolmente durante la sua breve vita. Nella lettera appena vista l'individuazione di un colpevole rispetto alla conflittualità umana è sfumata. Non vi è una netta distinzione tra le colpe della Natura, di un Dio, e le colpe degli uomini. Sembra già prevalere però, come sarà per l'ultimo Leopardi, l'accusa alla Natura, dal momento in cui aggiunge che tale destino di lotta di ognuno con il suo simile sia stato dato da essa in serbo non solo agli uomini ma a tutti gli animali. Vi è inoltre la critica culturale a come veniamo educati senza che da fanciulli ci vengano insegnate queste verità, cresciuti ipocritamente come se il bene fosse sempre trionfante (tema che sarà ripreso anche con una critica alla cultura dei libri in una delle Operette morali non andata pubblicata, la novella «Senofonte e Niccolò Machiavello» (4, pp. 644-645). Al termine della lettera Leopardi stempera l'amarrezza invitando l'amico a farsi coraggio rispetto al comune male, di fronte a un mondo fatto alla rovescia che sarebbe ridicolo voler raddrizzare, invita quindi a ridere piuttosto insieme di chi si sente padrone di tutto.

Veniamo al 1824, al «Dialogo di Timandro e di Eleandro», che si trova all'interno delle Operette Morali, l'opera di prosa (poco fa citata) più celebre di Leopardi. Qui l'autore riferisce suoi pensieri tramite la voce del personaggio Eleandro (il cui nome significa «colui che ha compassione degli uomini») mentre risponde alle critiche di un secondo personaggio, Timandro, riguardo all'inopportunità dei suoi scritti nel criticare sempre gli uomini. È una sorta di risposta indiretta di Leopardi alle accuse di pessimismo e misantropia che gli venivano mosse dai contemporanei. Nel testo il poeta-filosofo mette in guardia dal

pericolo di passare da una barbarie ad un'altra, ovvero dall'affermazione sociale di una filosofia troppo razionalistica che schiaccerebbe ogni naturale illusione, benché quest'ultima sia falsa (4, p. 510-511). In parole povere la sua forte razionalità non lo porta a supportare incondizionatamente le illusioni, ma comunque ad affermare che l'uomo, lui stesso, ne ha bisogno per vivere. Si tratta certamente di un'ottica con una logica ma che apre una possibile frattura nella mente umana, non è per tutti. Questo può apparire forse come il principale terreno di ambiguità interno alla struttura della conoscenza Leopardiani, un sincretismo complesso ma arricchente. L'esortazione del poeta-filosofo in poche parole è questa: sii un lucido razionalista ma per vivere non dimenticare i bisogni imprescindibili, anche quelli astratti, della tua natura. Di qui aggiungerei che si può comprendere la funzione svolta dall'elemento poetico nel suo pensiero e nella sua vita. In Leopardi, in un carattere in cui domina l'indole filosofica disvelatrice, la poesia è come un'apertura necessaria al mondo dell'immaginazione e delle illusioni poiché solo esse possono dare significati (sebbene temporanei o relativi) ed energia vitale all'esistenza.

Egli aggiunge, sempre nel suddetto dialogo, che ciò che più lo portava a scrivere in maniera così critica della società era la sua personale intolleranza verso le simulazioni e dissimulazioni degli uomini moderni. Fingendo sempre e comunque, essi si rappresentano inutilmente come diversissimi da quel che sono. Gli uomini — scrive — non solo portano maschere, ma portano tutti la medesima maschera credendo di poter ingannarsi l'un l'altro quando in realtà tra di loro si riconoscono ottimamente, come una lega di furfanti (4, pp. 502-503). Di questo tenore sarà un altro testo di Leopardi, questa volta in aforismi, di cui non posso occuparmi qui ora, ovvero i Pensieri, già menzionati come «i 111 aforismi». Questa sarà la sua più completa raccolta sulla critica della società e sul come sopravvivere in essa.

Vorrei invece parlare di un suo testo minore anche se abbastanza celebre, intitolato «Discorso sopra i costumi degli Italiani» (2), scritto nel 1824 e rimasto incompiuto. Questo *pamphlet* è utilissimo per comprendere la tematica politico-sociale in Leopardi meno astrattamente di quanto fatto in tutte le altre opere, ovvero vedendo il caso concreto dell'Europa e dell'Italia della prima metà dell'800. Lo stile e la forma sono quelle di un trattatello di sociologia. Esso presenta frasi e note molto lunghe, nonché una certa ripetitività che aggroviglia il testo su se stesso. La lettura quindi non risulta difficoltosa per il registro linguistico, ma piuttosto per l'andamento centripeto dei ragionamenti.

La società antica vi è dipinta come luogo dell'immaginazione, delle credenze, con una forte morale pubblica e privata. In essa l'«amor proprio naturale» si declinava in un virtuoso desiderio di gloria (2, p. 45). Saldi principi etici e aspirazione alla grandezza erano per Leopardi il collante delle società antiche. Successivamente il medioevo sarebbe stato invece un periodo di netto declino (2, p. 64). La modernità per Leopardi è caratterizzata positivamente dall'Illuminismo, che però portando a grandi passi avanti, portò anche problemi. Abbiamo infatti detto più sopra che egli non riteneva giusto eliminare ogni traccia di illusione dalle nostre vite,

le avrebbe rese sterili. La società dei Lumi ha sì smascherato gli errori e false credenze dell'antichità, le barbarie del medioevo, avrebbe in concreto reso gli uomini più filosofi (in un senso settecentesco), ma avrebbe anche reso gli stessi nichilisti (termine più moderno, non usato direttamente dall'autore), privi di illusioni, privi di morale.

Egli è certamente un sostenitore dell'illuminismo e pensa che non si possa più tornare indietro rispetto ai progressi storici, ma allo stesso tempo rifiuta una logica disumanizzante dove conti solo la «ragione geometrica». È cosciente che per i costumi dei popoli e la coesione sociale siano sempre state necessarie utopie, miti fondativi, ma soprattutto uomini con valori comuni fondati su credenze comuni. Tema centrale del Discorso è allora come possa mantenersi il vincolo sociale durante la disgregazione valoriale avviata dalla modernità, una volta compiutosi l'annientamento di qualsivoglia credenza non fondata rigorosamente sulla ragione. Uomini troppo razionalisti, troppo filosofi, avrebbero finito per non dare in definitiva alcun valore alla vita, chiudendosi in un egoistico pragmatismo. Si prospetta dunque l'inquietante scenario di un processo di disgregazione sociale dovuto all'eclissi di valori morali e dal prevalere di individualismi.

Vediamo dunque come le società europee più avanzate hanno reagito a questo scenario causato dall'Illuminismo e dagli stessi progressi della tecnica (ad esempio dall'industrializzazione). È chiaro per l'autore che il desiderio di gloria degli antichi non abbia potuto conservarsi nell'età moderna, esso è un sentimento troppo nobile e grande per mantenersi in una umanità insensibile, ormai priva di illusioni. Nelle nazioni europee più civili, quali Francia, Inghilterra e Germania le classi abbienti, che Leopardi chiama «società stretta» o «società ridotta», avrebbero colmato la mancanza di valori intrattenendo rapporti reciproci e un vigoroso dibattito intellettuale. Questa «società stretta» non è in realtà del tutto da identificare con le *élites* più potenti, ma in tutti gli individui liberi dai bisogni primari, è piuttosto lo strato più benestante della nuova classe borghese. Avendo più tempo libero per relazionarsi, tali persone avrebbero formato un tessuto sociale come di una grande famiglia, in parole povere una classe di intellettuali in continuo dialogo e confronto. Questo gruppo in questi paesi avanzati avrebbe sviluppato una certa sensibilità verso nuovi valori, in particolare verso l'«onore» e la considerazione della «pubblica opinione», ovvero avrebbe declinato il naturale «amor proprio» in ricerca di stima e «ambizione» tra i suoi membri e di fronte al resto dei concittadini. L'onore e la reputazione per Leopardi divengono quindi il nuovo «laico» collante sociale in questi paesi.

L'autore è contemporaneo di Pushkin, ma non credo che avrebbe mai intrapreso un duello. Egli scrive che per «onore» intende la vana e discutibile continua preoccupazione di quanto gli altri pensano di noi. È interessante notare come elogi questa soluzione per la coesione sociale ma riconosca che l'onore e l'opinione altrui di per sé sarebbero cose di nessuna importanza, che hanno valore solo nella misura in cui gli si dà valore (2, nota 6, p. 46). Leopardi rimane sempre estremamente lucido nelle sue analisi. In parole povere l'onore è una nuova illusione, falsa come le virtù

antiche, ma funzionale alla vita, proficua nel dare un senso e un ordine alla vita civile.

Per come è conformata la natura umana e la sua vanità, l'illusione dell'onore e della reputazione è potenzialmente potentissima nelle società moderne. La preoccupazione dell'apparire, del buon tono, sarebbe l'unico fondamento rimasto alla promozione della morale e dei buoni costumi, sia pubblici che privati, benché sia una morale inferiore a quella antica, perché non è guidata da un sincero dovere verso il bene o verso una verità rivelata. La «società stretta», partendo da questa illusione e dai mutui rapporti tra i suoi membri, va a costituire nuovi valori comuni, a essere l'anima identitaria della società, il suo centro, portatrice di nuove virtù pubbliche, capaci di fare da modello, a cascata, per le classi sottoposte e quindi per l'intera comunità.

Nelle pagine centrali del suo trattatello Leopardi arriva a dare un'immagine assai meno negativa del fenomeno che porta gli uomini ad associarsi in comunità di quanto generalmente ha dato e darà in altre opere. Ne risulta una considerazione dell'uomo come essere interazionale. Egli afferma infatti che l'essere umano è animale imitativo e l'imitazione è rivolta principalmente ai propri simili (2, p. 52). Sottolinea come ognuno di noi, non solo nei costumi ma anche nell'intelletto e nel modo di pensare, sia modificato dall'esempio altrui. Di qui inoltre deriva l'inclinazione degli uomini in relazione tra loro a sottomettersi e a seguire un'autorità (2, p. 54). Quest'ultima ha presa psicologica su tutti, anche sull'uomo più forte, di più grande spirito e di più coraggioso senso di libertà, e ha effetto primariamente tra gli uomini che già vivono in società, nonché verso le persone che ci sono più vicine (ho approfondito il tema della sottomissione volontaria all'autorità e al dispotismo in alcuni miei lavori sul pensatore francese Étienne de La Boétie, autore di un «Discours de la servitude volontaire» — Vedi ad esempio: 8). Come abbiamo visto, il filosofo «materialista» Leopardi è consapevole che non può esserci vita sociale senza illusione. In assenza di illusioni e speranze — spiega — la vita non ha importanza, è ristretta al solo presente (2, p. 52). È l'immaginazione che porta l'uomo a concedere un qualche valore alla vita, ma questo generalmente nasce dall'interazione e non si sviluppa se l'uomo rimane in solitudine (2, p. 54). Egli scrive che anche il filosofo più disilluso e nichilista, entrando a far parte della «società stretta», interagendo con gli altri, deve far conto che il mondo valga qualcosa, che le cose umane meritano cura (2, p. 54). È chiaramente una posizione *ante litteram* sul problema del nichilismo in società. Se una certa filosofia nichilistica, che smaschera ogni valore, può avere presa sull'uomo nella solitudine, dal momento che nella società si formano dei vincoli e si accreditano valori, non è più possibile per l'individuo non formarsi principi e ideali di vita atti a interagire con gli altri. In una società moderna in cui la scienza ha smascherato ogni illusione e credenza, è dunque solo recuperando il rapporto con i propri simili che si possono rifondare vincoli che tengono insieme un popolo.

Veniamo al caso italiano. In giovinezza Leopardi aveva espresso un vivo amore per quella patria che istituzionalmente ancora non esisteva, l'Italia, in particolare con

la lirica appunto intitolata «All'Italia», scritta nel 1818. In una lettera a Pietro Giordani del 1817, a diciannove anni scriveva di ardere d'amore per la sua patria, di ringraziare il cielo per averlo fatto italiano perché in fin dei conti egli riteneva che la nostra letteratura, benché poco coltivata, è la sola figlia legittima delle lettere antiche greche e latine (7, p. 18). Nel Discorso sui costumi degli italiani il tono è ben diverso e senza sconti. Prende forma un grande e critico rammarico del poeta-filosofo rispetto alla condizione sociale dell'Italia di inizio '800. Nella penisola non c'era un centro politico, divisa com'era in sei o sette staterelli di media e piccola grandezza (essi si uniranno o verranno inglobati infatti solo ventiquattro anni dopo la morte dell'autore, nel 1861). A Leopardi pare che per fisiologica costituzione nelle piccole repubbliche (che appunto componevano l'Italia al suo tempo) i rapporti tra gli individui fossero più convenientemente guidati da impulsi quali il vizio piuttosto che dalla virtù. In breve, nel modello politico frammentato del Bel Paese, dove ogni piccolo staterello cercava sin dal medioevo di farsi spazio a discapito dei vicini, nel sentire comune dei cittadini valori come la giustizia e l'onestà sembravano irragionevoli (2, p. 43).

Egli accusa le classi dirigenti italiane di non essere unite in una «società stretta», di non creare valori e di non fare da modello di aggregazione per il resto della società. In esse al contrario vige l'individualismo, l'applicazione di una filosofia pratica egoistica volta alla disgregazione di ogni ideale, che per Leopardi è anche filosoficamente spiegabile ma dannosa alla vita perché uccide ogni illusione. Le cause di alcune negatività del carattere degli italiani del suo tempo — ma che ravviserei anche oggi nelle tendenze dei miei connazionali — sarebbero in particolare da ricercare nel clima bello, nell'indole vivace e poco contemplativa. Le classi dirigenti si sarebbero dedicate a una allegra vita sociale di divertimenti e passeggi ispirati dal bel tempo, dal chiacchiericcio nelle chiese, senza alcuna fatica d'animo, dibattendo poco e poco seriamente, permanendo quindi in un pigro e superficiale individualismo nelle maniere e nei comportamenti (2, p. 49). Il popolo italiano, così privo di «società stretta», è di conseguenza anche quello che si annoia più di tutti e dalla noia può nascere la cattiveria.

L'occupazione principale delle conversazioni in Italia sarebbe infatti il deridersi e l'attaccarsi a vicenda — spiega Leopardi — con un cinismo che non avrebbe uguali in nessuna nazione. In questo modo la società italiana era divenuta più promotrice di odio che di aggregazione, con un grave danno ai costumi. (2, p. 58-61). È curioso notare anche che nelle sue lettere personali egli scrivesse con un tono che sembra quello degli intellettuali di oggi, lamentandosi dei tagli alla cultura e della tendenza generale ad esaltare solo una cultura dell'economia (7, p. 186). La noncuranza delle classi dirigenti per la cultura era vissuta dallo stesso anche come uno dei motivi per cui gli era difficile trovare un posizione sociale stabile, un'occupazione e una indipendenza economica dalla famiglia paterna, dal momento che non voleva scendere al compromesso di intraprendere la carriera ecclesiastica.

Diversamente dalle nazioni più avanzate e dal caso italiano, nazioni come la Russia, il Portogallo, la Spagna e la Polonia, essendo per Leopardi più arretrate e

incolte, sarebbero state perlomeno ricche della vecchia morale, di vecchie false credenze, meno ciniche proprio perché più conservatrici. Non si può negare che tutt'oggi, in particolare in fatto di cultura religiosa, letteraria, pittorica, la Russia è esempio — anche ben lodevole — di conservatorismo. Il caso italiano sarebbe dunque singolare, posto in una sciagurata terra di mezzo, né troppo arretrato per mantenere una vecchia morale, né abbastanza progredito da sviluppare nuovi valori comunitari laici.

Veniamo ad alcune considerazioni sulla poesia. Già in giovinezza, nel 1817, Leopardi sostenne — ancora in una lettera a Pietro Giordani — come poesia e pittura non potessero limitarsi alla rappresentazione delle sole cose belle, che dunque il ruolo delle arti fosse piuttosto quello di «imitare la natura nel verosimile», incluso il brutto. Se si sostenesse infatti il contrario — aggiunge —, bisognerebbe accusare Omero, Virgilio e soprattutto Dante di aver errato (7, p. 42). In poesia la critica alla società contemporanea di Leopardi viene sviluppata particolarmente nella “Palinodia al marchese Gino Capponi” (del 1835), mentre nella più famosa e importante “Ginestra” (del 1836) egli urge gli uomini a collaborare e unirsi contro il male comune, la natura.

Riguardo alla prima delle due liriche, del 1835, essa è cronologicamente vicina alla stesura dei 111 Pensieri aforistici ed è rivolta per l'appunto al Capponi, conoscente di Leopardi. «Palinodia», termine che risale al titolo di una elegia del poeta greco Stesicoro, significa «ritrattazione in versi». Nel testo, con il tono di chi scrive una lettera personale, Leopardi finge di voler ritrattare tutta la sua visione pessimistica sulla società moderna ed il progresso, per abbracciare le idee ottimistiche dell'amico, al contrario se ne prende palesemente gioco. Capponi faceva parte di un gruppo di intellettuali che gravitavano a Firenze attorno alla rivista letteraria «Antologia», diretta da Giovan Pietro Vieusseux. Essi guardavano con speranza all'affermazione di una filosofia dalle tendenze positiviste che vedeva l'uomo e la società andare verso un incessante progresso. In questa poesia l'epico e il moderno si mescolano in un sarcastico contrasto. Si ironizza sulla modernità dipingendola come un'epoca che al contrario di quanto si voglia far credere è ormai irrimediabilmente priva dell'aurea della gloria antica (1, p. 115). Il centro e simbolo più colorito di questa improbabile nuova umanità del progresso, incapace di azioni epiche, sarebbe il bar o *café*, luogo di aggregazione dei nuovi borghesi. La vita umana, posta sotto i calcoli della scienza statistica, andrebbe secondo questi intellettuali verso la perfezione, senonché c'è un incremento — commenta amaramente Leopardi — di epidemie di colera e guerre per banali commerci. In alcuni articoli il gruppo attorno all'«Antologia» si era spinto a teorizzare della necessità di un ruolo più utilitarista dello scrittore e della letteratura, che dovevano adattarsi al servizio del progresso sociale (7, p. LXXI), un'ottica certo disprezzata da Leopardi. Ma il nostro maggiore interesse va ai versi 86-95, dove l'autore afferma con rammarico che nella società moderna chi è buono è sempre nella tristezza mentre chi è vile è sempre felice, il vero merito sarà sempre calunniato. Il debole —

aggiunge — sarà sempre vittima dei forti, il povero sempre schiavo dei ricchi, in qualunque forma di governo, in ogni luogo della Terra (I canti, vedi anche il commento, p. 271-272).

Se la Palinodia è una poesia inusuale, dove sono messe in versi tematiche pragmatiche e polemiche di tipo filosofico-sociale, con *La Ginestra*, l'opera più importante dell'ultimo Leopardi, abbiamo una vocazione ancora filosofica, ma più ricca di *pathos*, più tradizionalmente poetica. È stata scritta nel 1836, l'anno prima della morte dell'autore, quando rimase bloccato nel golfo napoletano, alle pendici del Vesuvio, a causa dell'epidemia di colera che aveva colpito duramente il capoluogo del regno borbonico. La ginestra è un cespuglio dal fiore giallo che cresce alle pendici del Vesuvio. In questa lirica essa è simbolo della resistenza dell'uomo ai furori della Natura, ovvero del vulcano. Dal punto di vista filosofico-sociale vi è di importante *in primis* il concetto per cui, essendo la Natura, o il fato, nemica finale dell'uomo, quest'ultimo dovrebbe interrompere le sue lotte interne, degli uni contro gli altri, e coalizzarsi contro di essa per costruire una vita più giusta. La ginestra, ovvero l'umanità, è comunque costretta sempre a soccombere alla possenza della Natura, al vulcano e alla sua lava, ma fino all'ultimo si erge orgogliosa, accetta il proprio destino senza invocare il cielo (3, vv. 300-320). Leopardi sfida gli ottimisti delle "magnifiche" e "progressive" sorti della civiltà umana a visitare i luoghi desolati e violenti delle pendici del vulcano (3, vv. 37-53). Alfredo Straccali nell'edizione dei *Canti* del 1978 commentava che siamo lontani da «quei tempi» dove il poeta-filosofo «credeva che l'uomo avesse, egli stesso, con gli ordinamenti civili, creato e a mano a mano cresciuto la propria infelicità». In breve la natura è qui la prima e unica grande fonte dei mali della vita. Leopardi dunque non ripudia più la civiltà in sé stessa, ma vuole «la vera civiltà» che con la conoscenza di ciò che siamo veramente ci dia i mezzi più adatti a «combattere la eterna indefessa nemica, la natura» (*Canti*, p. 303). La civiltà deve ritrovare il suo comune motivo di unione sociale, ovvero nella lotta contro la Natura, contro il destino e le ingiustizie della realtà materiale (3, vv. 150-152). Dalla vera conoscenza, che mostra il vero rapporto di lotta tra uomo e Natura, non dalle «favole» (qui vi è sicuramente una critica anche alle religioni), dovranno fondarsi nella società l'onestà e la rettitudine, la giustizia e la pietà (3, vv. 153-157 — vedi il commento, p. 308). L'illusione e la speranza poetica sembrano aiutare Leopardi a esprimere un atteggiamento più conciliante verso i suoi simili, un'apertura. Già nelle *Operette morali* egli aveva scritto che coi suoi scritti non cercava ormai più tanto di attaccare la propria specie (che comunque non amava), ma di prendersela e dolersi con il Fato. (4, p. 503-504).

In conclusione, quanto analizzato non permette di parlare del concetto in Leopardi di una vera e propria società ideale. Ogni comunità umana è per lui come un legno storto che non si può del tutto raddrizzare. Aveva scritto in una lettera del 1828 di ritenere che la società abbia in sé principi congeniti e necessari d'imperfezione, che quindi nessuna forma di governo, più o meno cattiva, potesse essere buona (7, p. 431). Abbiamo comunque visto che quando egli scende più nel concreto e nel

контексту storico, si possono intravedere le linee guida per una sua idea di società migliore. Il messaggio dell'autore è quello per cui nella modernità occorre sviluppare un consorzio collettivo, una classe intellettuale, volto alla mutua collaborazione contro le avversità date sia dalla natura che dalla difettosità in sé della vita comune. Come poeta e filosofo esorta a dare un margine di spazio alla fantasia e alle illusioni per fondare nuovi valori anche laddove sembrano dominare unicamente senso pratico e razionalismo sterile. Anche in una collettività moderna mal disposta a nuovi dogmi è possibile ed occorre rifondare una morale basata sul rispetto, il mutuo soccorso e la stima tra i suoi membri. L'essere umano non deve più essere come un lupo per il suo simile.

Литература

1. Ferraris, A. L'ultimo Leopardi – Torino: Einaudi, 1987.
2. Leopardi G. Discorso sopra lo stato presente dei costumi degl'Italiani / a cura di Maurizio Moncagatta – Milano: Feltrinelli Editore, 2021.
3. Leopardi G. I canti / a cura di Alfredo Straccali. – Firenze: Sansoni Editore, 1978.
4. Leopardi G. Operette morali / a cura di Laura Melosi. – Milano: BUR Rizzoli editore, 2018.
5. Leopardi G. Pensieri / a cura di Emilio Russo. – Milano: Mondadori Libri, 2022.
6. Leopardi G. Zibaldone di pensieri. – Einaudi, edizione gratuita online, 2000.
7. Naldini, N. (a cura di) Leopardi. La vita e le lettere – Milano: Garzanti Editore, 2020.
8. Passarini, L. Natura umana e propensione al servilismo politico in Étienne de La Boétie / in Studi di storia della filosofia politica – Bologna: CLUEB, 2012.

УДК 811.131.1

Дизер Диана Сергеевна
магистрант Санкт-петербургского государственного университета
imdiana0520@gmail.com

ТЕКСТ ИТАЛЬЯНСКОГО КИНОСЦЕНАРИЯ КАК МНОГОЯЗЫЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО (НА ПРИМЕРЕ КИНОСЦЕНАРИЕВ К «СЛАДКОЙ ЖИЗНИ» Ф. ФЕЛЛИНИ И «ВЕЛИКОЙ КРАСОТЕ» П. СОРРЕНТИНО)

Настоящая статья посвящена исследованию роли и выявлению функций иностранной речи, диалектов и акцентов в тексте киносценариев к двум итальянским фильмам: «Сладкой жизни» Ф. Феллини и «Великой красоте» П. Соррентино. После проведенного анализа производится сопоставление в исследуемых текстах и выдвигается предположение о возможных причинах обнаруженных сходств и различий, а также о возможном будущем употреблении диалектов и иностранной речи в современном итальянском кинематографе.

Ключевые слова: итальянский кинематограф, киносценарий, диалекты, лингвистика, функции.

Dizer Diana Sergeevna

Text of the Italian screenplay as a multilingual space (on the example of screenplays to «La Dolce Vita» by F. Fellini and «The Great Beauty» by P. Sorrentino)

The article is dedicated to the research of the role and to the identification of functions of foreign speech, dialects and accents in the text of the screenplays for two Italian films: «La Dolce Vita» by F. Fellini and «The Great Beauty» by P. Sorrentino. The analysis is followed by a comparison of the texts under study and a hypothesis about the possible reasons for the similarities and differences found, as well as about the possible future of the use of dialects and foreign speech in contemporary Italian cinema.

Keywords: Italian cinema, screenplay, dialects, linguistics, functions.

Кинематограф, как и иные виды искусства, есть прямое отражение культурного самосознания и особенностей того или иного общества, поэтому при обращении к итальянскому кинематографу в качестве одной из ключевых характеристик его языка можно выделить диалектную составляющую. В настоящей статье мы рассмотрим языковое и диалектное разнообразие на уровне киносценария, являющегося как промежуточным этапом в процессе создания фильма, так и отдельным произведением искусства. В качестве источника языкового материала мы возьмем литературные киносценарии, которые Б.Н. Коноплев определяет как полноценные художественные произведения, отвечающие специфическим и производственным требованиям фильмопроизводства, где дается диалог актеров и описание эпизодов фильма с учетом зрительных и звуковых образов [2, с. 91].

В настоящее время иностранная речь и диалекты являются неотъемлемой частью языка современного итальянского кинематографа, однако в ходе истории его развития отношение к подобным языковым элементам было несколько иным. Наиболее отрицательным отношение к отхождению от стандартного итальянского было в эпоху фашизма, когда велась активная борьба за чистоту языка, в связи с чем персонажи-носители диалекта носили в основном карикатурный характер. И только после Второй мировой войны с приходом в итальянский кинематограф неореализма отношение к использованию диалектов изменилось, поскольку одной из основных характеристик движения являлось непредвзятое изображение действительности, что подразумевает в том числе реалистичное отражение языковой ситуации в стране.

Возвращаясь к современной классификации диалектов в кинодиалоге, обратимся к классификации, предложенной итальянским исследователем Ф. Росси:

- 1) диалект, поданный как простой, понятный и несерьезный элемент киноречи;
- 2) диалект, поданный как реалистичный элемент киноречи;

- 3) диалект, поданный как лирический элемент, вызывающий личную ностальгию;
- 4) диалект, поданный как символический элемент, помогающий составить представление о происхождении носителя;
- 5) «диалектальная маска», при введении которой в кинодиалог каждый социальный тип наделяется определенным диалектом;
- 6) диалект, наделенный эффектом кривого зеркала;
- 7) утрированный диалект, введенный в повествование как средство отображения коммуникативных трудностей;
- 8) диалект, поданный как карикатурный элемент;
- 9) диалект, близкий к жаргону или сленгу, являющийся индикатором принадлежности персонажа к какой-либо социальной группе;
- 10) отсутствующий диалект [1, с. 26-27].

В современном итальянском кинематографе диалекты главным образом обладают символическим или же социальным значением.

Пространство фильма в «Сладкой жизни» и «Великой красоте» многоязычно, и разговорный язык фильма представлен различными вариантами итальянского: диалектами, *italiano regionale* — региональным итальянским, а также иностранной речью (английским, французским и другими языками). Мы можем предположить, что авторы прописывают речевую характеристику того или иного персонажа, если это имеет значение для более полного понимания как отдельного героя, так и общей картины фильма.

Так, кинематограф Феллини отличает гротескное отображение действительности, при котором реалистические элементы неразрывно связаны с фантазией и сном. В связи с этим итальянский исследователь М. Гарджуро [5, с. 49-50] пишет, что несмотря на постепенное изменение цели использования диалектов у Феллини вместе с его ростом как режиссера, диалекты в его творчестве могут быть охарактеризованы как лирико-ностальгические (*dialetto lirico-nostalgico*) и как “*onirici*”, то есть «сюрреалистические» или же «сказочные».

Обращаясь к языковому и диалектному многообразию в «Сладкой жизни», нужно отметить, что спектр диалектных вариаций в ней достаточно широк, и речь и главных, и второстепенных персонажей представляет интерес с точки зрения лингвистики. Помимо стандартного варианта итальянского, в тексте сценария также присутствуют вставки на других языках: латинском (*VOCE DEL SACERDOTE: “Introibo ad altare Dei”*), английском и французском, упоминается литовский язык: “*RAGAZZA (rapido discorso in lituano)*”, встречаются разнообразные акценты и диалекты (в основном римский, то есть *romanesco*, и венецкий — *veneto*), а также *varietà intermedie*, то есть промежуточные вариации: францизированный и англицизированный итальянский.

Рассматривая роль иностранных языков в репликах персонажей, мы наиболее часто встречаем английский язык как в речи его носителей, так и в речи персонажей-итальянцев. Английская речь встречается в основном в сценах с участием не знающей итальянский язык американской актрисы Сильвии, которой необходим переводчик в общении с прессой. Помимо этого, диалоги в сценах взаимодействий Сильвии с Марчелло, главным героем, построены так, что она говорит исключительно на английском, а Марчелло отвечает ей на итальянском, что придает этим сценам определенную сюрреалистичность и сказочность, свойственные фильмам Феллини. Стоит отметить, что одну из своих наиболее эмоциональных реплик в адрес Сильвии главный герой произносит на смеси итальянского и английского языков: *“Tu sei tutto <... You are Eve... You are mother, sister, sei l’amante, la femmina... Sei un angelo... il diavolo... La Terra, la casa... Home...”*. Из описательной части сценария видно, что Марчелло произносит эти слова «лихорадочно», и это вкупе с повторяющейся сменой языков помогает понять его эмоциональное состояние в этот момент.

В речи Марчелло встречаются вставки и цитаты и на других европейских языках, помимо английского: *“MARCELLO (declama): Dans les jardins Des nos instincts Allons cueillir De quoi guérir!”*, что представляет собой цитату из стихотворения французского поэта-символиста Жюль Лафорга. Подобные детали помогают полнее охарактеризовать персонажа, являющегося образованным человеком, принадлежащим к римской «интеллигенции».

В качестве яркого примера носителя диалекта можно привести эпизодического персонажа — проститутку Лилиану. В отличие от Маддалены и Марчелло, речь которых представляет собой стандартный вариант итальянского, лишенный выразительных диалектных элементов, Лилиана разговаривает на романеско. Так, к особенностям речи Лилианы относится использование безударного местоимения *je*, заменяющего в диалекте такие местоимения как *gli*, *le* и *loro*: *“PROSTITUTA: Chi sa se je la fanno, arrivacce, co’ li razzi...”*. В этом же высказывании мы отмечаем характерную замену *ci* вариантом *se*, а также использование артикля *li*, который в диалекте может замещать артикли *i* и *gli*. Кроме того, речь Лилианы наполнена такими глагольными формами как, к примеру, *“d’annà a lavorà”*, что в стандартном варианте итальянского может быть переведено как *“di andare a lavorare”*. Также Лилиана, в отличие от Марчелло и Маддалены, использует местоимение *voi* (форма множественного числа) в роли вежливого обращения на «вы», что намеренно выделено в описательной части киносценария (*“la donna si rivolge a Maddalena, dandole del “voi”*). Предположительно, это может являться последствием того факта, что в Италии в 1938 году использование местоимения *Lei* в качестве вежливого обращения было упразднено и заменено на использование *voi*, которое в свою очередь было отменено после окончания Второй мировой войны.

В случае персонажа Лилианы диалект делает акцент на ее происхождении, а также на различии между ее социальным положением и положением Марчелло и Маддалены. Однако нельзя делать вывод, что наделение этого персонажа диалектом обладает функцией высмеивания и карикатуризации ее образа; напротив, диалект помогает сделать образ эпизодического персонажа более полным, живым и реалистичным.

Несмотря на то что действие «Сладкой жизни» разворачивается в Риме, можно отметить, что далеко не все персонажи-итальянцы являются уроженцами этого города. Зачастую уже на этапе киносценария даются указания на происхождение и основных, и второстепенных персонажей. К примеру, в сцене первого диалога Марчелло и Паолы, он практически сразу делает предположение о ее происхождении, по всей видимости, замечая ее акцент: *“MARCELLO: Ma non sei di qui... sei toscana? PAOLA: Quasi. Sono umbra... Di vicino Perugia...”*

К уроженцам других регионов Италии относятся не только эпизодические персонажи, но и даже главный герой. Можно сделать предположение, что Марчелло не является коренным жителем Рима, так как его семья проживает в другом городе, что становится понятно из сцены встречи Марчелло с отцом. Однако несмотря на это, в тексте киносценария не находится конкретных указаний на происхождение Марчелло или на его акцент. Речь этого персонажа близка к стандартному варианту итальянского языка без характерных диалектных элементов, на что, вероятно, влияет его статус в обществе и особенности его профессиональной деятельности — журналистики.

С точки зрения соотношения текста сценария и готового фильма особый интерес представляет случай фотографа Папараццо, приятеля главного героя. При обращении к тексту сценария мы отмечаем, что в его речи присутствуют типичные для упомянутого выше римского диалекта особенности: *“PAPARAZZO: Famme parlà con questo...”* (замена *mi* на *me*, а также *parlà* вместо *parlare*); *“Mo’ te le chiamo* (характерное для центрально-южных диалектов *mo* в значении “*adesso, subito*”). Однако в процессе создания фильма эти элементы подверглись определенным изменениям: так, в финальном результате в речи Папараццо встречаются характерные особенности центрально-венетской разновидности венетского диалекта. Конкретные примеры этого можно найти в таких его репликах как *“mi no te dago niente”*. Когда М. Гарджуло в своем исследовании обращается к сцене, присутствующей в фильме, и разбирает язык диалога (*linguaggio filmico*) в ней, то говорит об акценте Папараццо как о падованском (*il padovano di Paparazzo*) [5, с. 57]. Дело в том, что на роль Папараццо был взят актер Вальтер Сантессо, родившийся в области Венеция в провинции Падуя, в связи с чем произошли изменения в акценте персонажа, который из римлянина, задуманного в изначальном сценарии, превратился в приехавшего, подобно самому Марчелло, в столицу из другой части страны.

Далее обратимся к исследованию роли диалектов киносценарии к «Великой красоте» (2013) П. Соррентино. Прежде всего, необходимо отметить, что кинематографические стили Феллини и Соррентино в некотором роде схожи и объединены некоторой театральностью сцен, что вызывает у зрителя ощущение определенной ирреальности разворачивающихся событий. Эта характерная черта затрагивает в том числе и «Великую красоту». Помимо этого, многие отмечают художественные параллели между исследуемыми фильмами и считают «Великую красоту»ommaжем на шедевр Феллини [4, с. 157]. В связи с этим можно предположить, что функция диалектов у Соррентино пересекается с функцией диалектов у Феллини, а также что введенный Гарджуло термин “*onirico*” применим и к «Великой красоте».

Как и в «Сладкой жизни», действие «Великой красоты» разворачивается в Риме, где уже продолжительное время проживают или же временно оказываются основные и эпизодические персонажи, в число которых входят люди, принадлежащие различным социальным группам. Среди них имеются как коренные жители Рима, так и уроженцы других регионов Италии или же других стран, что соотносится с современными реалиями, и позволяет нам говорить о многоязычном пространстве современного итальянского фильма.

Рассматривая образ Джепа, центрального персонажа фильма, мы находим определенные сходства между его образом и личностью самого режиссера, который, равно как и его герой, является уроженцем родились в Неаполе, в связи с чем мы можем сделать предположение о личной ностальгической функции введения диалекта. Разрыв с малой родиной является одной из причин долгого экзистенциального кризиса Джепа, что и подчеркивают небольшие отголоски диалекта, наделенные также и лирическим смыслом.

Как указывает автор в описательной части сценария, в речи Джепа, переехавшего в Рим еще в молодости и более тридцати лет не покидавшего этот город, до сих пор сохраняет в себе черты «элегантного неаполитанского акцента» (“*non ha mai abbandonato un elegante accento napoletano*”). Однако неверно утверждать, что Джеп разговаривает на диалекте, поскольку несмотря на наличие в его речи характерных интонаций, в основном он использует стандартный вариант итальянского языка. Неаполитанский диалект становится более заметен в речи Джепа в эпизоды эмоционального напряжения или, напротив, в ходе расслабленного дружеского разговора. К подобным элементам можно отнести, например, использование *mejo* вместо *meglio*.

Помимо Джепа, можно предположить наличие отголосков неаполитанского акцента в речи одного из его друзей, Лелло Кава, чье происхождение указывается в описательной части, однако, как и в случае Джепа, его речь небогата диалектными элементами. Также в тексте отмечается, что жена Лелло, Трюмо, обладает «явным чужеродным акцентом» (“*accento inconfondibile di ben altri luoghi*”), но явных уточнений, откуда именно она родом, не присутствует. Однако несколькими сценами позже упоминания ее акцента имеет место

эпизод, в котором Трюмо употребляет выражение *“ha perso Filippo e ‘o ranaro”*, означающую «нельзя слишком долго ждать, иначе есть риск потерять все». Когда другая героиня, уроженка Турина, не понимает смысл идиомы, Лелло объясняет, что это «устаревший неаполитанский фольклор, который его жена все не может забыть» (*“obsoleto folclore napoletano che mia moglie non riesce a dimenticare”*). Из этого эпизода может следовать вывод, что Трюмо, как и ее супруг, может быть родом из Неаполя или же близко знакома с языковыми традициями региона.

Стефания — другая героиня фильма, обладающая незначительным акцентом, вероятно, римским, что следует из неотображаемых в тексте сценария фонетических особенностей и определенных выражений (*“che deve fa’!”*). Однако ее речь небогата разговорными или диалектными элементами; напротив, мы отмечаем значительное количество клишированных выражений (*“nell’aurea mediocritas”*, *“collettivismo puro”*). Черты римского диалекта присутствуют и у другого персонажа, Эдиджо, а его дочь Рамона, «говорит резко, с заметным римским акцентом» (*“dice tagliente, con marcato accento romano”*).

Отметим следующие характерные детали речи этих персонажей: использование частицы *se* вместо стандартного *ci* (*“ce stanno le pollache”*). В речи Рамоны и ее отца присутствуют диалектные формы глаголов (*“so”* замещает *“sono”*) указательных местоимений (*“‘sta”* замещает *“questa”*). Кроме того, они используют диалектные формы определенных артиклей, например, артикль *eg*, который в римском диалекте заменяет *il* и при слиянии с предлогами образует форму *“ar”* (*“devo anna` ar bagno”*).

Примечательно, что неаполитанец Джеп, подобно своему кругу общения, говорит на стандартном варианте итальянского языка, что во многом объясняется его профессией (писатель и критик) и социальным положением. Это контрастирует с речью коренных римлян Эдиджо и Рамоны, в которой присутствует большая диалектная составляющая. Схожую оппозицию представляют персонажи двух римлянок: Рамоны и Стефании, представляющие разные социальные группы населения города. Речь Стефании, считающей себя элитой римского общества, противопоставляется речи Рамоны. Таким образом, мы можем говорить о социально функции внедрения диалектов в текст киносценария.

Как и в «Сладкой жизни», в фильме Соррентино присутствуют персонажи-иностранцы, однако лишь эпизодические. Важно, что даже у героини, появляющейся лишь в одной сцене, наряду с внешностью отмечен иностранный акцент (*“la donna parla con un accento straniero”*). И хотя автор не уточняет точное происхождение женщины, из последующих деталей (как ее имя — Полина) можно предположить, что она уроженка Восточной Европы.

Другой пример персонажа, для которого итальянский не является родным языком, — это домработница Джепа, филиппинка Ахе. В тексте сценария

указано, что она испытывает определенные проблемы в разделении обращений на «ты» и на «вы» (*“l’uso del “tu” e del “lei”, per esempio, appartiene a regole inestricabili per noi”*). В разговоре Ахе и Джепа наблюдаются эллиптические конструкции, в которых опускаются глагол “essere” и артикль, что может быть связано с особенностями родного языка Ахе: “АНЁ: Dottore triste? АНЁ: *Non mi piace. Preferisco dottore triste*”. И если особенности речи, а также имя Полины служат скорее для придания символичности ее образу в глазах Джепа, которого имя Полины наводит на ассоциации с «Игроком» Ф. М. Достоевского, то в случае Ахе ее акцент наделен социальной функцией и рассказывает о ее происхождении и социальной ситуации в современной Италии.

Таким образом, в речи персонажей исследуемых фильмов сплетаются воедино стандартный вариант итальянского, некоторые региональные диалекты, различные языковые регистры, акценты и даже иностранная речь. В каждом отдельном случае указание на специфику речи персонажа неслучайно и часто прописано уже на уровне киносценария, что становится понятным на примере сценария к «Сладкой жизни», являющегося промежуточным этапом в создании фильма и имеющего множество расхождений с конечным результатом. Это означает, что лингвистическое разнообразие имеет значение уже на этапе разработки идеи.

Несомненно, уточнение особенностей речи героев важно для лучшего понимания актером своей роли, а также для реалистичного отображения итальянских, и, в частности, римских реалий с временным промежутком более пятидесяти лет. Кроме того, несмотря на значительный временной промежуток между созданием «Сладкой жизни» и «Великой красоты», диалекты в них наделены относительно схожими функциями: диалекты несут в себе в основном лирическую, ностальгическую и социальную функции; они подчеркивают особенности персонажей, окружающей их среды или же происхождения, а также придают образам полноту и органичность.

В заключение, необходимо обратиться к современной тенденции отношения к киносценарным текстам и учесть, что все более и более популярным становится издание литературных киносценариев как полноценных художественных произведений, что мы видим на примере «Великой красоты» и других сценариев к фильмам Соррентино. В связи с этим можно выдвинуть предположение о том, что это, как и общая тенденция к многоязычию в европейском кинематографе, влияет на то, как полно отображаются лингвистические и, в частности, диалектные особенности речи персонажей в тексте сценария.

Литература

1. Борисова Е. С., Дадыко А. В. Эволюция национального языка в отражении итальянского кинематографа. Попытки стандартизации и неизбежность обращения к диалектам // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. №4 (846). М.: МГЛУ, 2021. С. 19-29.
2. Коноплев Б. Н. Основы фильмопроизводства. М.: Искусство, 1969. С. 447.

3. Fellini F., Flaiano E., Pinelli T., Rondi B. La dolce vita // Сборник Cinema italiano: tre sceneggiature / сост. Богемский Г. Д. М.: Прорпесс, 1978. С. 201-398.
4. Gargiulo M. Lingue e linguaggi del cinema in Italia. Roma: Aracne Editrice, 2016. 424 p.
5. Patota G., Rossi F. L'italiano al cinema, l'italiano del cinema. Firenze: goWare, 2017. P. 49-50.
6. Sorrentino P., Contarello U. La grande bellezza. Milano: Skira editore, 2013. 217 p.

УДК 37

Аникина Елизавета Юрьевна
магистр религиоведения,
член международной ассоциации
исследователей мистицизма и эзотеризма
АИЭМ/ASEM
anikeli.spb@gmail.com

«L'AMOR DE LONH»...ОТКУДА ДОНОСИТСЯ ЭТА ДАЛЕКАЯ ПЕСНЬ? «D'Où SORT CETTE CHANSON LOINTAINE...»

На примере выражения «далекая любовь», *l'amor de lonh*, из песни одного из первых известных нам трубадуров, Джауфре Рюделя, в статье рассматривается гипотеза о происхождении куртуазной поэзии в результате пересечения в регионе средневековой Окситании мистических течений, а также гипотеза о том, что моделью для песен трубадуров на старо-окситанском языке послужила испано-арабская поэзия, вдохновленная поэзией суфийских мистиков. В самом деле, в Окситании, отличавшейся беспрецедентной для своего времени религиозной толерантностью, проживали три группы населения: христиане, мусульмане и иудеи. Кроме того, в этом крае была особенно сильна не Римско-Католическая Церковь, а катарская «Церковь Бога». Здесь же являет себя миру и древняя каббала.

Ключевые слова: куртуазная культура, мистицизм, далекая любовь, трубадуры, Окситания, суфизм, катаризм, каббала.

«L'AMOR DE LONH»...WHERE DOES THIS DISTANT SONG COME FROM? «D'Où SORT CETTE CHANSON LOINTAINE...»?

Using the example of the expression «distant love», *l'amor de lonh* from the song of the mid-12th century troubadour Jauffre Rudel, the article examines the hypothesis about the origin of courtly poetry as a result of the intersection of mystical movements in the region of medieval Occitania, as well as the hypothesis that the model for the songs of the troubadours in the Old Occitan language was Spanish-Arabic poetry, inspired by the poetry of Sufi mystics. In fact, in Occitania, which was distinguished by religious tolerance unprecedented for its time, three population groups lived: Christians, Jews and Muslims. In addition, in this region it was not the Roman Catholic Church that was especially strong, but the Qatari “Church of God”. Here the ancient Kabbalah reveals itself to the world.

Key words: courtly culture, mysticism, distant love, troubadours, Occitania, Sufism, Catharism, Kabbalah.

*Lanquan li jorn son lonc en may
m'es belhs dous chans d'auzelhs de lonh,
e quan mi suy partitz de lay
remembra-m d'un'amor de lonh...*

*Длиннее дни, алей рассвет,
Нежнее пенье птицы дальней,
Май наступил — спешу я вслед
За сладостной любовью дальней²³...*

Строки эти, на первый взгляд, не сообщают нам ничего особенного. Но эпитет *дальний* навязчиво повторяется в этой кансоне (*canso* - староокс.) множество раз. Так поет Джауфре Рюдель де Блайя (1113—1170) трубадур, который согласно легенде, был влюблен в некую даму, которую никогда прежде не видел.

Спустя столетия в середине XX века французский поэт Луи Арагон в своем стихотворении «На Новом мосту я встретил...» напишет: «*D'où sort cette chanson lointaine...*» «Откуда доносится эта далекая песнь»? И в самом деле, откуда?

Позволим себе соединить эти строки, не взирая на расстояние в восемьсот лет, их разделяющее. Откуда доносится эта *далекая песнь о далекой любви*? И соединяем мы их неслучайно.

Дело в том, что в XX веке, начиная с эпохи Первой мировой войны и затем в течение Второй Мировой и в послевоенные годы, многие западные ученые, оказавшись свидетелями распада империй и надвигающейся под угрозой нацизма катастрофы современной цивилизации, решили обратиться к поэтическому наследию далекой цивилизации Окситанской, уничтоженной Альбигойскими войнами. Не в поисках ли *l'amor de lonh* и спасения в ней?

Французская исследовательница и философ Симона Вейль (1909—1943) размышляет над этим вопросом в своем эссе «В чем состоит окситанское вдохновение», написанном ею незадолго до кончины, столь же безвременной, как и гибель близкой ей по духу некогда процветающей Окситании:

«Никто не может надеяться на воскрешение страны *Ок*. Ее, к сожалению, слишком хорошо убили. <...> Эта земля, которая умерла и достойна оплакивания, не была Францией. Но то вдохновение, которое мы можем здесь найти, не имеет отношения к территориальной перекройке Европы. Оно обращено к нашему человеческому предназначению. <...> Двигаясь вверх по течению истории, мы не отыщем точку равновесия ближе, чем в XII веке. Нет нужды задаваться вопросом, как приложить к нашим нынешним условиям существования вдохновение столь далекого от нас времени. По мере того, как мы будем созерцать красоту той эпохи с вниманием и любовью, — в той же мере ее вдохновение будет сходиться в нас» [3, с. 407, 417].

²³ Пер. А.Г. Наймана. Подстрочный перевод Т. Б. Алисовой: В мае, когда дни долгие, мне нравится сладкое пение птиц, [доносящееся] издалика, и когда я ушел из этих мест, мне вспомнилась [моя] далекая любовь

Попробуем же и мы внимательно присмотреться к этой далекой эпохе, чтобы понять откуда доносится песнь о *l'amor de lonh*.

В 1939 году, в год начала Второй Мировой войны в Париже выходит в свет центральный труд выдающегося швейцарского философа и писателя Дени де Ружмона (1906—1985) «L'Amour et l'Occident», («Любовь и Запад»), который затем ещё дважды переиздается в том же издательском доме «Plon» с авторскими дополнениями. Редакция 1956 года содержит слова, звучащие в унисон с высказыванием уже покойной Вейль:

«...я желал бы углубить, уточнив, насколько это возможно, проблематику куртуазной любви – поскольку считаю её жизненно важной для современного Запада и для нашего морального и религиозного поведения» [17, р. 119].

И если Вейль называет XII век «точкой равновесия», то де Ружмон дает этому времени определение «мистический ренессанс» и соотносит происхождение куртуазной поэзии с пересечением в землях французского Юга различных духовных течений:

«В XII столетии в Лангедоке²⁴, как и в Лимузене, имело место одно из самых поразительных слияний духовных течений в истории. С одной стороны, сильнейшее манихейское религиозное течение, зародившееся в Иране, пройдя через Малую Азию и Балканы, достигло Италии и Франции, распространяя эзотерическую доктрину Софии и Девы Марии в одном лице и любви к “Форме света”. С другой стороны, искусно отточенная риторика с определенным воздействием на слушателя, с двойственным смыслом, а также с одними и теми же темами и персонажами, вновь возникающими в одних и тех же местах текста, и, наконец, с ее символизмом, исходит из Ирака, от суфиев, увлеченных платонизмом и манихейством, и доходит до арабской Испании. Эта риторика, уже за пределами Пиренеев, обретает подходящую среду, которая, казалось, ожидала именно такого языка, чтобы выразить на нем то, в чем не осмеливалась и не могла признаться ни на языке духовенства, ни в народной речи. Куртуазная поэзия родилась из этой встречи» [17, р. 118].

Проблема генезиса поэзии трубадуров в Окситании (Провансе) до сих пор остается не окончательно разрешенной. Филологи-романисты обычно не рассматривают этот феномен, подобно Д. де Ружмону, как плод «*поразительного слияния духовных течений*». Мы же полагаем своей задачей рассмотреть этот вопрос именно так. Более того, на наш взгляд, все эти духовные течения, несмотря на внешнюю разницу традиций, говорили об одной и той же *далекой любви*. Все они имели преемственную связь с древними мистическими культами, возродившимися и встретившимися в регионе Средиземноморья по обе стороны от Пиренеев, и *рожденная из этой встречи куртуазная поэзия* зазвучала на едином старо-окситанском (старо-провансальском) языке, наддиалектном литературном койне, сформировавшемся в XII– начале XIII вв.

²⁴Де Ружмон использует современное название провинции Лангедок, которое появилось лишь в XIV веке. Мы используем в отношении всего юга Франции устоявшиеся синонимичные названия: Окситания или Прованс.

Следует отметить, что под «*сильнейшим манихейским религиозным течением*» в контексте Средневековья следует понимать уже не столько учение персидского пророка Мани (216–274), сколько катаризм, масштабное дуалистическое христианское религиозное течение, охватившее всю Европу, но особенно ярко проявившее себя в Окситании. Название *катары* происходит от *καθαρός* (греч.) – чистый. Катаров, которых принято считать еретиками, сравнивали с манихеями, их называли также альбигойцами²⁵. Однако, все эти термины – это термины инквизиции. Сами же катары называли себя *bons crestians*, «добрые христиане», за ними также закрепилось название *bons òmes*, «добрые люди». Современник Вейль и де Ружмона медиевист Рене Нелли полагает:

«Катаризм представляет собой во многих отношениях уникальное явление в западной истории. Можно изучать катарский феномен с двух разных точек зрения: как ересь или как оригинальную цивилизацию. Ересь эта с успехом развивалась во многих странах Европы, но катаризм, как цивилизация, или, по меньшей мере, как наиболее законченное духовное выражение особой цивилизации с собственной культурой, своими нравами, законами и так далее, расцвел прежде всего в Окситании» [8, с. 13].

Такой взгляд на катаризм не как на ересь, а как на «оригинальную цивилизацию» или «духовное выражение особой цивилизации» кажется нам более нейтральным, не отражающим осуждающую религиозную точку зрения.

Принципы «добрых людей», основанные на Евангелии от Иоанна, (которое катары считали единственным истинным из всех евангелий), и на буквальном следовании апостольскому пути, состояли, в первую очередь, в том, чтобы не причинять вреда живому. Катары выступали против любой войны, даже ведущейся во имя Господне и против убийства животных (практиковали вегетарианство, допуская, при этом, употребление в пищу рыбы). Одно из основных понятий катарской веры, милосердие, *caritat*, воспринималось,

«как сверхъестественное качество, благодаря которому человек имеет возможность любить Бога ради него и превыше всего и любить ближнего, как самого себя, благодаря любви к Богу. Катары верили, что любовь — это часть божественной сущности, ссылаясь на Первое послание апостола Иоанна (1 Ин 4,16): “*Бог есть любовь, и пребывающий в любви, пребывает в Боге*”. Также они верили в то, что узы любви соединяют ангелов между собой, людей между собой и людей и ангелов с их творцом» [8, с.124].

Любовь была центральным мотивом также и в суфийском учении, которое, быстро распространяясь внутри исламского мира, к XI веку достигло Арабской Испании и встретилось у «подножия Пиренеев» с учением катаров. В этих же землях в XII веке выходит из подполья и дает о себе знать

²⁵По названию города Альби, одного из центров катарского движения.

древнееврейская каббала. Невозможно полагать, что эта «встреча» мистико-эзотерических течений в одном и том же месте и в одну и ту же эпоху представляла собой случайность и никак не связанные между собой явления. Как отметил литературный критик, профессор Римского университета *La Sapienza* Луиджи Валли (1878—1931):

«Огромная историческая ошибка – полагать, что все мистические движения не имели никакой связи между собой, и не замечать ту сильнейшую волну мистицизма, обрушившуюся на Запад с Востока. Эта волна оказывала свое влияние на Западный мир на протяжении всего Средневековья» [18, p.97].

Также и современный итальянский исследователь эзотеризма и мистицизма Ренцо Манетти сообщает о взаимосвязи тайных учений, сообщая, что в период с XI до начала XIII вв. религиозно-толерантная Окситания была

«подобна плавильному горну, где воедино сливались различные эзотерические традиции, а мистики, представители трех авраамических религий, находясь в тесном общении, обменивались опытом и обогащали друг друга» [15, p. 97].

Попробуем же исправить, насколько это в наших силах, «*историческую ошибку*» и проследим взаимосвязь мистических движений и их влияния на возникновение куртуазной культуры.

К концу XII века, незадолго до начала военных кампаний, приведших к ее гибели, Окситания достигла вершины благосостояния и культуры. Чтобы понять каков же был социальный контекст, приведший к культурному расцвету и «мистическому ренессансу» на благодатной окситанской почве, вспомним слова знаменитого польского поэта, писателя и философа Збигнева Херберта (1924—1998):

«Одним из парадоксов этой цивилизации было сосуществование эпикурейского образа жизни с пылкой любовной поэзией и набожностью [у] катаров, которые возмущали [католическую] церковь своим крайним аскетизмом. <...> Многочисленные и богатые города были наследниками духа свободы и старой средиземноморской цивилизации. Управлялись они по римскому праву, а демократически избиравшиеся органы власти — городской совет, консулы — были в них фактическими суверенами. Самые крупные из них представляли собой, по сути дела, автономные республики с собственным судопроизводством и таким количеством привилегий, о каких ещё долго мечтать не могли города Севера. В общественной жизни этих сообществ, в которых практически не было религиозных и расовых предрассудков, царила атмосфера свободы и равенства. Арабские врачи пользовались всеобщим уважением, а в составе городских властей не редкостью были евреи. <...> Задолго до появления первых университетов здесь действовали знаменитые школы медицины, астрономии и философии. Именно в Тулузе, а не в Париже, впервые стали преподавать Аристотеля при посредничестве арабов. <...> Если верен метод поиска в единственном слове [выражении] какого-нибудь языка ключа к пониманию умершей цивилизации, то тем же, чем для греков была «*καλὸς καὶ ἀγαθός*» (совокупность качеств: красоты и добродетели, выражающих гармонию), а для римлян «*virtus*» (мужественность), для Юга было «*paratge*», слово, бесчисленно встречающееся в стихах трубадуров и означающее, и честь, и благородство, и равенство, <...> и уважение к человеческой личности. Так что можно смело утверждать, что на юге современной Франции существовала особая цивилизация, и крестовый поход против альбигойцев был столкновением двух культур. Поражение, которое потерпело Тулузское графство – это такая же катастрофа, как гибель цивилизации Крита или цивилизации майя» [10, с. 176—178].

В свете вышесказанного важно признать, что средневековый мир не был миром непроницаемых границ. Не только толерантность и *paratge* (староокс.) Окситании способствовали развитию уникальной культуры, но также и тесные связи с ее ближайшим соседом, Каталонией, а через нее — со всей Арабской Испанией и мусульманским миром. Мусульманская Испания была для европейского Средиземноморья своеобразным окном в мир более утонченной цивилизации, с ее роскошью и несравненно более высоким уровнем жизни, с более изысканными манерами и правилами хорошего тона, а также с ее мистической любовной поэзией [16, p.163—176].

Дуновения, доносящиеся из этого «окна», в 1912 году были обоснованы испанским филологом-арабистом и музыковедом, Хулианом Рибера-и-Тарраго (1858—1934) в виде «арабской гипотезы» происхождения поэзии трубадуров (всегда исполняемой под музыкальный аккомпанимент). Эта гипотеза до сих пор не является общепризнанной, несмотря на то, что ее поддержали многие исследователи. Как сообщает отечественный арабист Л. А. Петрова, до «открытия» Риберы существовали две теории: «античная», видевшая истоки провансальских трубадуров в античной традиции, и «средневеково-христианская» — возводящая ее к латинским церковным гимнам. Но античная поэзия не знала рифмы, тогда как поэзия трубадуров отличалась новыми поэтическими формами с четкими комбинациями точнейших рифм [9, с. 124]. Х. Рибера, обратившись к поэтическому наследию испано-арабской поэзии, заметил возникшую в IX в. необычную строфическую форму *мувашишах*, совершенно отличную от форм моноримической арабской поэзии классического периода, и более позднюю строфическую форму *заджалъ*, которая достигла наибольшего совершенства в творчестве поэта Ибн Кузмана (1080—1160). Поэтический материал, заключенный в *диване* Ибн Кузмана, согласно открытию Риберы, свидетельствует о бесспорной близости между испано-арабской строфической поэзией и лирикой трубадуров, которую отметил Рибера. Это — и темы, и образы, и ритмическое оформление и, наконец, сама манера исполнения, предполагающая музыкальное сопровождение или пение солиста с хором [там же, с. 125].

Также известный отечественный поэт и переводчик А. Г. Найман подчеркивает сходство в строфической структуре *заджалей* Ибн Кузмана с почти половиной песен первого из известных нам трубадуров, Гильема IX (1071—1127), графа де Пуатье и герцога Аквитании [7, с.4], яркой исторической личности, владения которого на рубеже XI и XII вв. превышали владения французского короля. Примечательно, что ряд французских исследователей XX²⁶ века отмечают, при этом, что Гильем Аквитанский был также первым из высокопоставленных покровителей катаров [12, p.121].

²⁶Такие как: М. Деода Роше, Р. Бриффо, Ролан-Мануэль и др.

Обычно отмечается, что Гильем был участником одного из крестовых походов и мог соприкоснуться с арабским миром именно в ходе военной службы.

Однако, в XI и XII вв., когда общение между мусульманским Востоком и Западной Европой было наиболее тесным, оно происходило отнюдь не только в результате военных столкновений. Следует отметить, что и ранее культурные контакты с мусульманами существовали в Западном мире: ещё при Карле Великом, в конце VIII века между империей Каролингов и Аббасидским (Багдадским) халифатом во главе с Харуном ар-Рашидом были установлены мирные дипломатические отношения и обмен посольствами [5, с. 168].

После падения Толедского эмирата в ходе Реконкисты в 1085 году, для Европы распахнулись двери великолепных мусульманских библиотек, начался активный период переводческой деятельности, своеобразного «интеллектуального туризма», паломничества ради знания.

Следы культурного обмена с миром ислама особенно заметны также по многочисленным заимствованиям европейскими мастерами из мусульманской архитектуры, скульптурного декора, изысканных предметов быта. Другим из ярких свидетельств тесного мирного культурного контакта между мусульманским Востоком и христианским Западом были литературные состязания, проходившие по обе стороны Пиренеев, о чем сохранились также и художественные свидетельства. Как сообщает известный французский антрополог Робер Бриффо (1876—1948):

«При аристократических дворах Испании провансальские трубадуры выступали бок о бок с «трубадурами» мусульманскими. На таких литературно-музыкальных турнирах, несмотря на общность романо-арабского разговорного языка, всегда присутствовали переводчики. Для исполнителей песен, для трубадуров и их жонглеров (трубадуры были авторами и музыки, и поэтического текста, а жонглеры — исполнителями, но зачастую и сами трубадуры исполняли свои песни — прим. наше, Е. А.), не существовало границ в средневековом мире, все они были неутомимыми путешественниками. Следы их странствующего образа жизни сохранило старинное прозвище трубадура-жонглера (в одном лице): *cercamon*(окс.) [12, р. 10].

Cercamon происходит от окситанских слов *cercar*— «искать» и *mon* — «мир», что можно перевести как «перекати-поле» (более дословно в русском варианте: «искать [удачу]по всему миру»). За одним из трубадуров, это прозвище, *Cercamon*, так и закрепилось в качестве имени собственного. Серкамоны были желанными гостями везде, а граничащие на Западе и на Востоке с Окситанией, Испанией и Италией, были для них второй родиной [Ibid].

Кроме того, не только трубадуры и их жонглеры были неутомимыми и образованными путешественниками, способными, и выступить при испанских, итальянских (и более удаленных) аристократических дворах, но и воспринять иноземную культуру речи, а также:

«испанские евреи сыграли очень важную роль в распространении андалузских песен, как и всей арабской литературы и науки. Они очень быстро овладели профессией жонглеров. Музыка и пение были в среде испанских евреев излюбленным занятием. К тому же многие из них, следуя образцам арабо-испанской поэзии, умели слагать стихи – и на арабском, и на романском языке. Все они были полиглотами и могли превосходно переводить при провансальских дворах. Наиболее известные еврейские поэты в XII веке обосновались в Провансе. Одним из них был Авраам ибн Эзра, переводчик Аверроэса и арабской философии, который также был и поэтом» [Ibid, p.150].

Его же упоминает известный исследователь еврейской мистики, Моше Идель, как каббалиста.

Также и А. Г. Найман, высказываясь в пользу арабской гипотезы, упоминает о еврейском влиянии на формирование окситанского языка:

«В пользу этой («арабской» – прим. наше, Е. А) гипотезы говорят и расшифровки большого числа так называемых *хардж* — заключительных строф некоторых *заджалей*, написанных на разговорном романском языке (разумеется, арабским алфавитом), а также *хардж* из поэзии на древнееврейском языке. Эти расшифровки особенно ясно показали синкретический арабо-романский характер хронологически наиболее ранней поэзии Пиренейского полуострова, которая, при единстве средневековой культуры, могла разноситься и за ее пределы. Наконец, возможно, что через Испанию трубадуры в какой-то мере знакомились не только с арабской, но и с персидской любовной поэзией, достаточно популярной в то время в арабском мире. «Куртуазная любовь» трубадуров имеет, во всяком случае, много общего с суфийскими представлениями о любви» [7, с.6].

Вопреки авторитетному мнению знаменитого литературоведа и медиевиста Гастона Париса (1839—1903) о том, что именно трубадуры Прованса изобрели новый стиль всей последующей европейской поэзии [12, p.15], Брифффо сообщает, что халифы Севильи и Кордовы были поэтами и окружали себя поэтами,

«они прославляли любовь как наиболее возвышенную форму счастья и как источник наиболее утонченного духовного переживания. Они воспевали красоту своих возлюбленных, печаль неразделенной любви и жестокость недоступных дам. Именно они создали новые жанры, такие как *альба* и весенние песни. <...> Испано-мавританская поэзия была широко знакома суфийской мистикой, а также содержала ее многочисленные отголоски. Вся андалусийская лирика находилась под ее влиянием» [Ibid, p.23-26].

Возвращаясь к мотиву *l'amor de lonh* рассмотрим его в свете суфийского учения.

Суфизм — это и эзотерическое измерение ислама, и религиозно-философское мировоззрение, неотделимое от практики, предполагающее возможность для человека (ещё при жизни) духовного соединения с Богом (*uniomystica* – лат., *фанà*, *бакà* – араб.)

Учителями суфизма были разработаны различные методики для идущих по духовному пути в поиске достижения духовного соединения с Богом. Этот «путь», начиная со II века от *хиджры*²⁷ (VIII в.), начинает осознаваться не столько как путь отшельнического благочестия и аскетизма, но как путь Любви. Отношение к Богу, как к Возлюбленному, получило развитие лишь в исламском мистицизме и было выражено непревзойденным образом в творчестве поэтов-мистиков, в отличие от ортодоксального ислама, в котором всегда доминировала идея смирения и покорности перед всемогущим и карающим Господом.

Уже ранние суфийские мистики начинают говорить о своем духовном опыте при помощи любовно-эротических метафор, поскольку:

«язык любви позволяет высказывать глубочайшие эзотерические истины, избегая конфликта с догматическим богословием. В конце концов, упоение любовью символически соответствует формам познания, превосходящим дискурсивную мысль». [2, с. 26].

Но не всем суфиям удавалось хранить «любовную тайну» мистического опыта и не вступать в конфликт с «догматическим богословием». Великий суфийский мистик, Мансур аль-Халладж (858—922) был казнен за свои смелые высказывания, он утверждал, что конечной целью не только для суфиев, но и для всех живых существ является соединение с Богом, реализующееся через Любовь, которая преобразует верующего, возвышая его душу до высшей ступени [6, с.100].

Два века спустя, последователь учения Халладжа, представитель образованной элиты, персидский поэт и суфий Ахмад Газали (ум.1123/26) скажет: *«Путь души к себе самой пролегает через любовь. Пока не пройдет она через любовь, которая полностью подчинит ее себе, не достигнет душа самой себя»* [4, с. 48].

Вот откуда, возможно, доносится «далекая песнь» о «дальней любви». Парадоксально, но «далекое» мыслилось необходимым для познания наиболее близкого человеку, его собственной души. И в стремлении к любви *дальней* и познанию собственной души важное место занимало *любование* красотой, явленной в человеческом образе, когда и «близкое», и «далекое» соединялись перед внешним и внутренним взором суфия.

Как сообщает немецкая исследовательница исламского мистицизма Аннемари Шиммель, восхитительная красота, явленная в человеческом лице: молодой девушки, (а нередко и юноши), воспринималась мистиком, как манифестация красоты Божественной, и ее созерцание уподоблялось богослужению:

²⁷ Переселение мусульманской общины из Мекки в Медину, произошедшее в 622 г. под руководством пророка Мухаммеда.

«Назар, «созерцание», превращается в один из центральных моментов мистического любовного переживания. Мистик, всецело поглощенный своей любовью, созерцает в своей возлюбленной только совершенную манифестацию Божественной красоты, которая *так же далека от него, как Сам Бог*» [11, с.288].

И, наконец, итальянский исследователь середины XX века, Анджело Интальята делает важнейшее замечание:

«Бесконечная дистанция, на которую сетуют все трубадуры, это не то, что разделяет провансальского певца с *Midons*, воспеваемой им владелицей замка, но это та дистанция, которая разделяет землю и небо, человека и Бога, земного влюбленного и его божественную возлюбленную, которую персидские поэты называют «милая подруга» и это именно та Донна, о любви к которой поют все трубадуры и другие *Верные Любви*, понимающие любовь не как удовлетворение своих чувств, но как путь спасения души» [14, р. 28, 29].

Правда, согласно мнению Р. Брифффо «ни один трубадур не поднялся до высот суфийской духовности и того чистейшего вдохновения, что стоит за всей мусульманской поэзией» [12, р.26].

«*Милая подруга*» суфийских мистиков становится «*Милым другом*», *Bel Cotranho* у трубадуров Прованса. По примеру поэтов из Арабской Испании, провансальцы восприняли культ поклонения женщине, неожиданно ставшей подобием ангела, а не исчадием зла и виновницей греха, как она воспринималась в раннем христианстве.

«Теория куртуазной любви получила развитие через европейских трубадуров, следующих в точности той же идеологии, что и поэзия испано- арабская: повиновение женщине, служение ей по всем правилам вассалитета, все это возводило женщину не просто в мужской статус, но в статус господина *midons* (окс.) или *senhor* (в поэзии галло- португальской). Также и в арабской поэзии, когда влюбленный обращался к своей возлюбленной, он называл ее мой господин, *saiydi*, *mawlaya*, в мужском роде, не в женском: *saiyidati* или *mawlati*» [16, р. 163–176].

Культ поклонения Прекрасной Даме становится своеобразной религией Окситании. Появляется полностью противоречащее традиционным нравам представление о женщине, – она возвышается над мужчиной, становясь его идеалом, по которому он тоскует, (ведь избранная Дама была, как правило замужней) и при котором целью становится не удовлетворение чувств, а само переживание неразделенного чувства, как духовная практика. Эта любовь- поклонение порождает поэзию с определёнными, сложными, утончёнными формами – не имевшую аналогов ни в Античности, ни в период Раннего (Высокого)²⁸ Средневековья и даже во время Каролингского Возрождения²⁹.

²⁸ Период до 1000 года, который в отечественной традиции принято называть Раннее Средневековье, в европейской традиции называется Высокое Средневековье, к примеру: L'Alto Medioevo (ит.). В отечественной традиции Высоким Средневековьем, наоборот, принято обозначать Средневековье позднее.

И де Ружмон, и Брифф, и другие исследователи, полагают, что не следует видеть в этой поэзии социальный контекст, якобы лучшее положение южанок по сравнению с положением женщины в феодальном обществе северных земель. Положение уроженок *Midi* было таким же бесправным, как и на севере Франции и повсюду в Европе. Однако в куртуазной культуре была доля протестной реакции на только что введенный закон о нерасторжимости брака. Напомним, что Папой Римским Григорием VII в конце XI века в ходе проведения реформ, названных григорианскими, брак был узаконен, как священное таинство, и наделен статусом нерасторжимости, (за развод после этой реформы отлучали от церкви). Также и катары в своем учении осуждали брак, как союз плотский, вынужденный, не заключенный по любви. Здесь следует отметить, что катары делились на *совершенных* (катарское духовенство), для которых был обязателен целибат, и простых верующих, которые, в большинстве своем, состояли в браке и имели семьи. Катары в Окситании были настолько многочисленны, что к ним относились различные социальные группы населения от аристократии до крестьян.

В катарском учении существовало понятие *мистическая свадьба* (между «душой» и «духом»). В этой связи скажем, что де Ружмон высказывает смелое предположение о том, что *далекая любовь* Джауфре Рюделя, возможно, является не чем иным, как духовной или ангельской частью самого трубадура, с которой его душа жаждет соединения: «Не была ли она *Анимой*, или, точнее, той духовной частью мужчины³⁰, к которой взывает его заточенная в узилище тела душа, любя и тоскуя?» [17, p.102].

Катарский обряд «утешения», (*consolament* – окс., *consolamentum* – лат.) был способом утоления этой «тоски» и имел много общего с аналогичным обрядом гностиков-валентиниан и манихеев. В манихейской традиции

«издавна существовал обряд поклонения «*форме света*», что в каждом человеке выражает его дух (пребывающий на Небесах, в полной незримости), принимающий подношение от своей души приветствием и поцелуем... <...> Не этого ли ожидал от «Дамы своих мыслей», неприступной по существу, всегданаходящейся слишком высоко для него, трубадур, страждущий истинной любовью? Одного поцелуя, одного только взгляда, одного приветствия» [Ibid.].

Обряд «утешения», (подобный обряду крещения³¹), в результате которого призывался дух Утешитель или Параклет, происходил посредством наложения рук *совершенного* (*perfech*) на голову неофита, подобный же ритуал

²⁹период расцвета культуры (768 — 877) при дворе каролингских императоров Карла Великого, его сына Людовика Благочестивого и его внука Карла Лысого.

³⁰следует подчеркнуть, что женщины точно также как и мужчины, допускались к обряду *консоламента* и даже могли сами его проводить, будучи *совершенными*. Также и в этом моменте проявляется невиданная для Средневековья толерантность окситанского общества.

³¹термин «крещение» от слова «крест» здесь не очень уместен, но мы его используем за неимением другого. Дело в том, что катары не разделяли догмат о Воплощении и, соответственно, не признавали реальности страданий Спасителя на кресте. Крест не был для них священным символом, как и крещение водой Иоанна Крестителя.

существовал и у манихеев. Согласно катарской вере, наложение рук на голову означало полноценное посвящение, инициацию, как в древних мистериях, сопровождаемую духовным преображением новообращенного, который в этот момент должен был испытывать подлинное состояние соединения души и духа с Высшим источником. Именно в этом и заключалась «мистическая свадьба», *la noça mistica*.

Согласно катарской доктрине, человеческие души изначально составляли сизигию со своей ангельской частью; поэтому ангелы спускались в мир, каждый — в поиске своей души, разделенной с ними. И только после воссоединения со своей душой, когда свершилось узнавание и «отпразднована» «мистическая свадьба», только в таком единении душа и дух могли вернуться к Отцу Небесному. Таково было истинное значение *консоламент*. Особенно важно было принять его перед смертью. При жизни для неопита принятие обряда «утешения» означало посвящение в истинную веру, т.е. в катарскую веру, *bona fi (fe)*.

Прилагательное *добрый*, *bon* — это один из наиболее явных признаков катарского конвенционального языка. Известно, что катаров называли *добрыми людьми*, *bons òmes/bonagen*, а сами они называли себя *добрыми христианами*, *miibonscrestians*. Катарская вера называлась *bonafe (fi)*, то есть *добрая вера*, а катарская церковь, называлась *la Glèisa de Dieu*, *Церковь Бога*, но подразумевалось, что не просто Бога, а *Доброго Бога*, *Dieu Bono*. В важнейшей для катаров молитве «Отче наш» (*Payre sant*) есть выражение *bons sperits*, добрые духи, главный катарский ритуал — крещение, *consolament*, проводился не только ради *мистической свадьбы*, *la noça mystica*, но этот опыт означал обретение гнозиса или буквально: *знание добра*, *entendensa de be*.

Поэтому, когда у Бертрана де Вентардорна мы находим следующие строки:

*Per bona fe e ses enjan
Am la plus bel'e la melhor...*

то, на наш взгляд, совершенно неверно переводить *perbonafe* иначе как «*ради истинной веры*», буквально «*ради доброй веры*», т.е. ради катарской веры, (что подразумевается). Здесь это никак не «*говорю честно*», как дано в переводе Т. Б. Алисовой [1, с. 111], который заявлен как подстрочник. Здесь нет формы глагола «говорить» в 1 лице. Подстрочник явно должен быть иным:

Ради истинной веры и без притворства, Я люблю самую красивую и лучшую (Даму)...

Смысл этих строк (и последующих) совершенно меняется при таком прочтении: «Ради истинной веры, я люблю (и я люблюсь) прекрасной дамой, ради духовной практики во имя спасения души, ради соединения с Богом». Открытое поклонение замужней женщине не сулило никоим образом ожидания

земных радостей, это не могло быть сватовством, но в этом поклонении не было притворства, о чем автор говорит прямым текстом: *без обмана* (фальши, притворства), а *ради истинной веры* он любит *самую красивую*. Потому что красота – это отражение Бога в человеке.

Мы также предполагаем, что такой *senhal* (знак, заменяющий прямое обращение к Даме) как *Bon Vezi*, *Добрый (Милый) Сосед* или *bona amia*, *добрая/милая подруга* также является весьма красноречивым указанием на связь с катарской доктриной. При этом:

«в куртуазной риторике, превозносящей вышнюю любовь вне брака, следует искать не рассудочно точный аналог катарского учения, но лирическое и певческое развитие основных его символов» [17, р. 77].

Bel companho, подобно *Bon Vezi*, на наш взгляд, может представлять собой не только *senhal*, знак, указывающий на Даму, но и указание на катарскую доктрину об ангелах, спустившихся в этот мир в поиске потерянных душ, представляющих с ними изначальную сизигию. *Милый Друг*, как и *Милый Сосед* — это, предположительно, ангел, ищущий свою душу, затерянную в мире, согласно катарской доктрине. Эта эзотерическая метафизика, возможно, выражена в поэтической игре трубадура Гираута де Борнеля двойственностью смыслов. Нет необходимости «подозревать» певца куртуазной любви в суровом аскетизме катарских «совершенных» — лишь в выражении возвышенной философии *fin amors*, которая, тем не менее, отражает некоторые черты катарского учения.

Приведем две начальные строфы *альбы*:

*Reisglorios, verais lumseclartatz,
Deus poderos, senher, si a vos platz,
al meu companh siatz fizels ajuda,
qu'eu non lo vi pois la noitz fon venguda
etadesseral'alba.
Bel companho, si dormetz o veillatz,
non dormatz plus, suau vos ressidatz ,
qu'en orien vei l'estela creguda,
c'atena-l jorn, qu'eu l'ai ben coneguda,
etadesseral'alba.*

*Государь небесный, истинно светлый и славный,
Бог всемогущий, Господь, если вам угодно,
будьте моему другу верной защитой,
ведь я не видел его с тех пор, как наступила ночь,
И скоро настанет рассвет
Милый друг, спите вы или бодрствуете,
не спите больше, потихоньку поднимайтесь,
ведь на востоке я вижу восходящую звезду,*

она приводит [за собой] день,
я хорошо ее знаю, и скоро настанет рассвет
[1, с. 130, 131].

Д. де Ружмон трактует альбу, обращая внимание на выражение *verais lums* (свет истинный), к которому, как и к Господу, обращена мольба поэта о воссоединении его с «милым другом» (*Bel companho*). Ученый отмечает, что использование слова «истинный» перед словами «Бог, Свет, Вера и Церковь» является красноречивым указанием на катарские взгляды трубадура. Катары пользовались чуть изменённым языком христианской ортодоксии, но нюансы в выражениях для посвящённого имели значение [17, p.77]. В самом деле, в важном катарском источнике, сохранившемся до наших дней, у Джованни ди Луджио, (он же Джованни ди Бергамо) в «Книге двух начал» (*Liber de duobus principiis*) многократно повторяется сочетание *истинный Бог*, особенно в главе «О всемогуществе Господа Бога истинного» [18, p.127–258].

Но вернемся к трактовкам де Ружмона:

«...рассвет должен его воссоединить с «Милым Другом», *Bel companho*, по дороге и, значит, по испытаниям в мире (разве не являлись ли эти два «приятеля» душой и телом? Душой, связанной с телом, но желающей духа? Вспомним также об обычае катарских проповедников отправляться в дорогу вдвоем» [17, p.97].

Мы со своей стороны, убеждены, что *два приятеля* – это не *душа и тело*, а душа и дух, жаждущие воссоединения, т. е. мистической свадьбы, как в катарском учении. Но попробуем предположить также, что образованные еврейские жонглеры, выступающие вместе с трубадурами при дворах окситанской аристократии, могли быть знакомы с каббалистическим учением, (подобно упомянутому нами, Аврааму ибн Эзра), и, будучи, согласно Бриффю, *распространителями андалузских песен*, они могли быть также и распространителями каббалы, которая вдруг вышла из многовекового подполья именно в Провансе. При этом, важно отметить различие в каббалистических школах, которое изначально наметилось уже в XII веке, между двумя видами каббалы: условно именуемой «теософской», получившей развитие в испанской Жироне, и условно «экстатической», получившей в XIII веке развитие в Италии, но вышедшей, как и куртуазная поэзия, из Окситании. Как сообщает М. Идель:

«символизм экстатической каббалы может быть characterized как «символизм восходящий», поскольку означает возвышение над человеческой плотской природой к метафоре причастия человеческой души вышним силам» [13, p. 9].

Как вновь не вспомнить *далекую любовь* Джауфре Рюделя и не озадачиться вопросом о близости такого символизма тому, который используют трубадуры, воспевая Прекрасную Даму, вечно недоступную?

Интересно также различие в представлениях каббалистических школ, излагаемое Иделем:

«Каббала теософская относится к божественной манифестации, как к компаньону женского рода, т. е. как к спутнице, в то время как библейские герои, идеальные мистики древности, наделяются мужскими качествами. Экстатическая каббала, наоборот, представляет мистика или его духовные способности, как женские, в то время как высшие силы, такие как Активный Интеллект или Бог, ими наделяются мужским полом» [Ibid].

Снова возникает параллель, даже если на основе ее не стоит делать скоропалительных выводов: вспомним обращение, принятое у трубадуров по отношению к Даме, «мой господин» (*midons*) и, наоборот, обычай у поэтов сладостного стиля, у *Fedelid'Amore*, мужчин, *Верных Любви*, называть друг друга *donna*, госпожа, как в знаменитой канцоне Гвидо Кавальканти, обращенной к молодому Гвидо Орланди: «*Donna mi prega...*» («Донна меня просит...»)

Подводя итог всему вышесказанному, следует признать, что мы скорее обозначили вопрос, чем успели дать на него исчерпывающий ответ. Но для нас очевидно, что несмотря на гибель Окситанской цивилизации, «окситанское вдохновение» не иссякло, оно побудило уже итальянских поэтов к стремлению к «*далекой любви*». Таков закат и такова роль «мистического ренессанса» XII века, дальнейшее развитие которого хорошо иллюстрируют слова Р. Бриффо:

«Провансальцы в период декаданса куртуазной эпохи приспособили любовную поэзию к требованиям католической церкви, попросту заменив вдохновительницу их песен, то есть Прекрасную Даму, на Святую Деву. В версии францисканцев, вроде "шута Бога" Якопоне да Тоди, изысканная провансальская поэтическая традиция превратилась в незамысловатую и наивную выразительницу народной веры. Но поэты *сладостного нового стиля* и, в особенности, Данте пошли дальше простой адаптации. Вдохновленные мистическими арабскими доктринами³², они создали те формы любовной лирики, которые явились средством передачи эзотерической метафизики и теологии. В их лице поэтическая традиция сблизилась с тем мистицизмом, который кажется платоническим, но на самом деле, берет начало из источников александрийских, а также суфийских и иудейских, близких к неоплатонизму Прокла, Филона, Псевдо-Дионисия Ареопагита и таинствам каббалы» [12, p.150].

Интересно признать, что после выхода в свет в Париже в 1945 году книги Бриффо, в 1949 году в Ватикане выходит монументальный труд Энрико Черулли «Книга Восхождения и вопрос арабо-испанских источников Божественной Комедии» («*Il Libro della Scala e la questione delle fonti arabo-spagnole della Divina Commedia*»), в котором ученый собрал воедино множество доказательств, свидетельствующих о том, что во времена Данте Западный мир был прекрасно знаком с мистическими идеями ислама, благодаря существованию переводов с арабского – кастильских, латинских, французских, итальянских, - распространившихся в Европе, начиная с XIII в.

Литература

1. Алисова Т. Б, Плужникова К. Н. Старопровансальский язык и поэзия трубадуров. Учебное пособие / М.: Макс-пресс, 2011. — 175 с.
2. Бурхардт Т. Введение в доктрину суфизма/ Пер. с англ. Н. П. Локман. Таганрог: Ирби, 2009 — 143 с.
3. Вейль С. В чем состоит окситанское вдохновение. Тетради. Т.3 / Пер. с фр. П. Епифанова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2020. — с.406—417
4. Газали А. Саваних. Наития влюбленных / пер. с англ. и фарси Н. Пурджавади. М.: Риэлитивеб, 2013 — 256 с.
5. Даркевич В. П. Аргонавты Средневековья / М.: Наука, 1976 —200 с.
6. Корбен А. История исламской философии/ пер. с фр. А. Кузнецова. М.: Садра, 2010 — 181с.
7. Найман А. Г. Песни трубадуров. / Пер. со старопрованс. А. Г. Наймана. М.: Наука, 1979. — 262 с.
8. Нелли Р. Катары. Святые еретики. / Пер. с фр. А. М. Иванова. М.: Вече, 2005 — 400с.
9. Петрова Л. А. Античные и испано-арабские влияния на лирику Прованса //Античный мир и археология. Т.1. Саратов, 1972. вып.1 с.122—132
10. Херберт З. Варвар в саду. / пер. с польс. Л. Цывьяна. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2004 — 328 с.
11. Шиммель А. Мир исламского мистицизма. / пер. с англ. Н. И. Пригариной и А. С. Рапопорт. М.: Садра, 2012. —536 с.
12. Briffault R. Les troubadours et le sentiment romanesque. — Paris: LES ÉDITIONS DU CHÊNE, 1945—219 p.
13. Idel M. Cabala ed erotismo. Metafore e pratiche sessuali nella cabala./Milano: Memisis, 1993 — 102 p.
14. Intagliata A. Il mistero di Madonna Intelligenza nella lirica dei Fedeli di Amore e di Dante. / Messina: Casa Editrice D'Anna, 1953 — 179 p.
15. Manetti R. Dante e I Fedeli d'Amore. / Firenze: Mauro Pagliali Editore, 2018. — 134 p.
16. Nunes N. Amor courtois des troubadours et l'amour soufi l'importance de la femme//Revue Annales du patrimoine, Université de Mostagenem n.20, 2020. 163—176 p.
17. Rougemont D. de. L'Amour et l'Occident. 3 ed. /Paris: Plon, 1972. — 316 p.
18. Valli L. Valli L. Il linguaggio segreto di Dante e dei Fedeli d'Amore. — 2 ed. / Milano: Luna Editrice, 1994. —515 p.
19. Zambon F. (a cura di) La cena segreta. Rituali e trattati catari. / Milano: Adelphi Edizioni, 1997. — 470 p.

Пило Боил ди Путифигари Чечилия
кандидат филологических наук, РХГА,
кафедра зарубежной филологии и лингводидактики
cecilia173@yahoo.com

КОММУНИКАТИВНАЯ ФУНКЦИЯ СОНЕТА В КРУГУ ПОЭТОВ «ДОЛЬЧЕ СТИЛ НОВО»

Данная статья обращает внимание на особую коммуникативную функцию, которую приобрела стихотворная форма сонета к концу XIII века в кругу флорентийских поэтов «Дольче стил ново». На основе анализа обмена сонетами между молодым Данте Алигьери с его «первым другом», поэтом Гвидо Кавальканти, исследуются коммуникативные аспекты этих произведений и их значение в истории отношений двух авторов, как человеческих, так идеологических и профессиональных. Роль сонета как наиболее предпочтительного канала общения и порой даже коллективного обсуждения литературных и социальных проблем подтверждают также другие группы сонетов, связанные с обсуждением Данте разного рода вопросов с поэтами-современниками.

Ключевые слова: сонет, Данте Алигьери, Гвидо Кавальканти, коммуникативная функция

THE COMMUNICATIVE FUNCTION OF THE SONNET IN THE CIRCLE OF POETS OF THE “DOLCE STIL NOVO”

This article draws attention to the special communicative function that the sonnet form acquired by the end of the 13th century in the circle of Florentine poets ‘Dolce stil novo’ (The sweet new style of poetry). By analysing the exchange of sonnets between the young Dante Alighieri and his ‘first friend’, the poet Guido Cavalcanti, the article explores the communicative aspects of these works and their significance in the history of the relations, both human, ideological and professional, between the two authors. The role of the sonnet as a privileged channel of communication and sometimes even collective discussion of literary and social problems is also confirmed by other groups of sonnets related to Dante's discussion of various issues with contemporary poets.

Keywords: the sonnet, Dante Alighieri, Guido Cavalcanti, communicative function

Сонет как стихотворная форма зародился в лоне сицилийской поэтической школы и в течение относительно короткого периода времени, наряду с «канцоной», стал одним из главных поэтических жанров поэзии на итальянском вольтаре.

Синтетическая и гармоничная конструкция этой стихотворной формы удачно сочетается со сжатой организацией мыслей и характеризуется кратким, но завершенным изложением главной идеи, часто не лишенной метафоричности.

Наиболее известные сонеты сицилийской школы (1230–1250-х годов), относящиеся к тематике, унаследованной от провансальских поэтов, повествуют о состоянии влюбленности, о страданиях поэта, переживающего любовь к избраннице, своей «госпоже и повелительнице» [1, 425], о добродетелях самой дамы, и вместе с тем о ее неприступности (см. Джакомо да Лентини, Ринальдо д’Аквино). Также в сиколо-тоscanской поэзии (1250–1270-е годы) и чуть позже в сочинениях поэтов «сладостного стиля» («Дольче стил ново» по определению самого Данте – *Чистилище*, XXIV, 57) мы можем обнаружить знаменитые прекрасные сонеты со своего рода «феноменологией» страданий влюбленного поэта и с описанием добродетелей любимой дамы. Тот же опыт будет воспринят стихами и сонетами Франческо Петрарки.

Нам хотелось, все-таки, обратить внимание на то, как в дружном и дружеском кругу поэтов «сладостного стиля», включая творчество одного из самых ярких представителей младшего поколения, Данте Алигьери, сонет переживает свой золотой век, приобретя еще одну, новую до того времени функцию – коммуникативную, диалогическую, социальную (*relazionale*). С помощью сонета, или, точнее, обмена сонетами, разворачиваются дискуссии и укрепляется дружба. Это особенно заметно в одном очень известном сонете Данте раннего периода, обращенном к своим друзьям-поэтам и опубликованном в сборнике “Rime” – “Guido i’ vorrei che tu e Lapo ed io” [3, 521].

В сонете Данте прямо обращается к своему лучшему другу из круга «Дольче стил ново», Гвидо Кавальканти, но вносит туда еще третий персонаж – их общего друга, поэта Лапо Джанни, чтобы поделиться с ними мечтой о волшебном путешествии на корабле. Поэт предлагает своим друзьям поплыть по морю в «узком кругу избранных» и чудесной компании своих дам. Этому сонету автор осознанно придает легкий, беспечный характер (не случайно была отмечена близость сонета к жанру провансальского «плазера» (*plazer*), в котором традиционно перечислялись пожелания всяческих благ): мечта автора представляется в виде заманчивой фантазии, которая может осуществиться только с помощью волшебства, как показывает и прямой намек на участие в плавании мага Мерлина). Несмотря на этот условно-литературный аспект, главный акцент сделан на крепости дружеских уз между поэтами, гармоничности их сообщества и единстве в мастерстве стихосложения, т.е. именно на тех элементах, особенно последним, которые и связывают трех поэтов/персонажей.

A GUIDO CAVALCANTI

Guido, i’ vorrei che tu e Lapo ed io
fossimo presi per incantamento
e messi in un vassel, ch’ad ogni vento
per mare andasse al voler vostro e mio;

sì che fortuna od altro tempo rio
non ci potesse dare impedimento,
anzi, vivendo sempre in **un talento**,
di stare insieme crescesse 'l **disio**.

E monna Vanna e monna Lagia poi
con quella ch'è sul numer de le trenta
con noi ponesse il buono incantatore:

e quivi ragionar sempre d'amore,
e ciascuna di lor fosse contenta,
sì come i' credo che saremmo noi.
(Dante Alighieri, *Rime*)

Многие комментаторы обращали внимание на необыкновенную силу первого слова стихотворения, где автор, можно сказать, выкрикивает имя друга: «Гвидо». Согласно правилам латинской грамматики, имя поставлено в форме вокатива. Это придает избранному собеседнику, к которому обращен сонет, особую ауру. В этом имени сосредоточена вся надежда автора (Данте) на своего друга, его вера в силу этой дружбы, а также призыв к другу быть вместе. Это громко произнесенное имя, благодаря своей позиции в начале произведения и силе номинации, и придает всему сонету особую силу притяжения и убеждения. С первого же слова Данте как бы вовлекает друга в свою мечту.

Второе опорное слово данного сонета звучит в конце второго четверостишия (т.е. в середине произведения) – “un talento”, буквально «живя вместе в едином увлечении, мастерстве», усиленное наречием «всегда», “sempre”. К этому слову примыкает и слово следующего стиха “l disio” – Данте надеется, что жить в единстве увлечений как раз и усилит «желание, стремление» поэтов держаться вместе.

Выдающийся русский филолог И.Н. Голенищев-Кутузов, курировавший издание ряда сонетов поэтов «Дольче стил ново», прекрасно понимал, насколько взаимосвязаны эти сонеты. Не случайно он их разместил не по авторам, а в их хронологической последовательности вопрос-ответ [1]. Можно лишь посочувствовать, что именно в переводе этого сонета, в котором так изящно переданы ритмика и волшебство полета фантазии Данте, эти опорные слова отходят на второй план (*О если б, Гвидо*), или вовсе теряются.

ДАНТЕ – К ГВИДО КАВАЛЬКАНТИ

О если б, Гвидо, Лапо, ты и я,
Подвластны скрытому очарованью,
Уплыли в море так, чтоб по желанью
Наперекор ветрам неслась ладья,
Чтобы фортуна, ревность затая,

Не помешала светлому свиданью;
И, легкому покорные дыханью
Любви, узнали б радость бытия.
И монну Ладжу вместе с монной Ванной
И той, чье "тридцать" тайное число,
Любезный маг, склоняясь над волной,
Заставил говорить лишь об одной
Любви, чтоб нас течение унесло
В сиянье дня к земле обетованной.
(перевод И.Н. Голенищева-Кутузова)

С первого трехстишия к тесной мужской общине прибавляется женская компания, состоящая из трех избранниц, а вместе с этим – и тема любви. Для поэтов «Дольче стил ново» любовь – не просто творческая тема, это философия жизни, вид «посвящения» на всю жизнь – если верить тем ученым, которые называли этих поэтов «верными любви», “fedeli d’amore” [4]. В любом случае, тема любви к прекрасной даме, появившаяся во второй части сонета, служит еще одним связующим элементом между персонажами произведения.

Главные коммуникативные элементы данного сонета выстроены таким образом: обращение, акцент на дружеские отношения, усиление понятия о тесной общине, присутствие дам, ожидание ответа.

В этом отношении средневековый сонет, выпестованный в культуре итальянских коммун, напоминает другую поэтическую форму, которая в античности, а потом вновь, начиная с эпохи гуманизма, играла в литературной среде схожую коммуникативную функцию. Это эпиграмма.

К этому виду сонетов очень подходят определения, которые литературоведы относят к эпиграмме, отмечая, помимо сжатости, синтетичности формы, и ее коммуникативные особенности: “Per la sua grande capacità di comunicazione l’epigramma invita spesso a una replica, suscita il desiderio della risposta. Così, nell’antichità come ai nostri tempi, i poeti hanno spesso dialogato tra loro attraverso epigrammi: quasi un botta e risposta sullo stesso tema in cui intervengono, a volte, anche più autori” («Благодаря своим высоким коммуникативным качествам, эпиграмма подталкивает к произнесению реплики, вызывает желание ответить. Итак, в древности, как и в сегодняшние дни, поэты часто ведут диалог с помощью эпиграмм – это вопросы и ответы на одну и ту же тему, в обмене которыми часто принимают участие несколько авторов») [5].

Действительно, сонет Данте, обращенный к другу, послужил толчком к созданию стихотворного ответа Гвидо Кавальканти, тоже в форме сонета:

ГВИДО КАВАЛЬКАНТИ -- К ДАНТЕ
О если б я любви достоин был -
Во мне лишь память о любви всевластна -
И дама не была б столь безучастна,

Такой корабль мне стал бы, Данте, мил,
А ты, из тех, которых посвятил
Амор, смотри -- жду милость ежечасно,
Но дама в сердце целится бесстрастно,
Как ловкий лучник: жду, чтоб он сразил
Меня. Амор натягивает лук
И, торжествуя, радостью сияет:
Он сладостную мне готовит месть.
Но слушай удивительную весть -
Стрелой пронзенный дух ему прощает
Упадок сил и силу новых мук.
(перевод И.Н. Голенищева-Кутузова)

Этот сонет отличается сдержанностью и в целом отказом Кавальканти участвовать в грезе друга, вероятно, не из-за идеологической критики старшего поэта к младшему (согласно интерпретации одного известного итальянского литературоведа, Контини), а потому что в поэтическом мире Кавальканти, как отмечает и Голенищев-Кутузов [1, 494], неприступность дамы и терзания любви воспринимаются более негативно, порой даже трагично, и именно это не позволяет поэту поддаваться чарам беспечного путешествия на корабле. Если обратиться к оригиналу, все-таки, мы видим, что и в этом случае переведенный текст неправильно передает коммуникативные элементы оригинала: нарушен баланс, в этот раз в сторону их усиления. На самом деле, в итальянском тексте отсутствует вздох в начале сонета, и не звучит имя Данте.

*S'io fossi quelli che d'amor fu degno,
del qual non trovo sol che rimembranza,
e la donna tenesse altra sembianza,
assai mi piacerea sì fatto legno.*

Именно сдержанность Кавальканти и отсутствие обращения к Данте показывает, что автор совершает усилие, чтобы не поддаваться чарам и зову, чтобы держать дистанцию, разрушая своим холодным разумом наивную фантазию своего друга. Это становится еще заметнее, если сравнить сонет с двумя более ранними сонетами Кавальканти, обращенными к Данте, где напротив, в теплой дружеской атмосфере, имя Данте ласково звучало.

В обоих рассмотренных нами сонетах уровень коммуникативных элементов очень высок. Коммуникативная функция, в частности, интенция к усилению, или наоборот расслаблению дружеских уз, превышает идейный элемент и в какой-то мере определяет в реципиенте восприятие содержательного компонента

Чтобы лучше и глубже понять этот сонет, было бы полезно изучить контекст, в котором он создавался, а также сопоставить с остальным наследием самого Данте (хотя тут помешают проблемы с определением авторства многих сонетов) и с сонетами других поэтов «Дольче стил ново». В частности, можно

обратиться к группе сонетов, связанной с вопросом, с которым Данте да Майано обращается к друзьям-поэтам: что в любви причиняет человеку наибольшую боль.

На этот сонет, обращенный к коллективу поэтов, отвечает не только Данте. Эти произведения обладают той же функцией, что и в предыдущем случае, они созданы с той же целью – коммуникативной. Часто оставаясь при этом анонимными, они связывают людей и определяют характер их взаимоотношений. В случае обмена сонетами, связанным с сонетом-вопросом Данте да Майано, речь идет уже о коллективном обсуждении неких важных вопросов. Насколько важных и в каком смысле – это отдельная тема. Но нельзя не отметить, что если эпиграмма охватывает все сферы жизни, то тут создается ощущение, что круг обсуждаемых вопросов по какой-то тайной договоренности сужается. Может быть, авторы хотят говорить только о любви. Это означает, что сонеты круга поэтов «Дольче стил ново» можно назвать моно-тематическими. Но обращаются ли они к светской и легкой стороне этой темы или остаются глубоко философскими?..

К этому корпусу произведений примыкают также группы сонетов, связанных со спором (*tenzone*) Данте с Форезе Донати, которые характеризуются более жестким тоном, и частично сонеты Чекко Анджелиери [2, с.142], обращенные к Данте, вызывающие, провокационные, которые, возможно, так и остались без ответа.

Литература

1. Данте Алигьери, Малые произведения (под редакцией И.Н. Голенищева-Кутузова), – Москва, «Наука», 1968.
2. Alberto Asor Rosa, Storia e antologia della letteratura italiana. La poesia del Duecento e Dante, Firenze: La Nuova Italia, 1981.
3. Dante Alighieri, Rime // Dante Alighieri, Tutte le opere, Roma, Newton Compton editori, 2011, pp. 713-777.
4. Manetti Renzo, Dante e i Fedeli d'Amore, Firenze: Mauro Pagliai Editore, 2018. — 136 p.
5. Treccani. L'enciclopedia italiana. Epigramma [Online: [https://www.treccani.it/enciclopedia/epigramma_\(Enciclopedia-dei-ragazzi\)/](https://www.treccani.it/enciclopedia/epigramma_(Enciclopedia-dei-ragazzi)/)]
Lelli Emanuele, Enciclopedia dei ragazzi, 2005.

Литвиненко Елизавета Леонидовна
Русская Христианская Гуманитарная Академия,
Санкт-Петербург, Россия

ОБУЧЕНИЕ ЛЕКСИКЕ НА СРЕДНЕМ ЭТАПЕ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА (на примере итальянского языка)

Статья посвящена проблеме обучения новой лексике на среднем этапе изучения иностранного языка. В статье рассматриваются способы семантизации лексики, представлены критерии её отбора для составления лексического минимума по изучаемой теме. В качестве примера введения, закрепления и активизации новой лексики представлен фрагмент урока итальянского языка для обучающихся на среднем этапе.

Ключевые слова: обучение лексике, семантизация лексики, лексический минимум, лексические навыки.

Litvinenko Elizaveta
Vocabulary training at the middle stage of learning a foreign language
(using the example of the Italian language)

The article is devoted to the problem of teaching new vocabulary at the middle stage of learning a foreign language. The article discusses the ways of semanticizing vocabulary, presents the criteria for its selection for compiling a lexical minimum on the topic under study. As an example of the introduction, consolidation and activation of new vocabulary, a fragment of an Italian language lesson for students at the middle stage is presented.

Keywords: vocabulary training, vocabulary semantization, lexical minimum, lexical skills.

Лексика, как один из аспектов языка, является важнейшим компонентом речевой деятельности. Её ведущая роль в речевой деятельности обусловлена тем, что она обслуживает все сферы деятельности человека – без неё процесс коммуникации между людьми невозможен. При этом лексика неразрывно связана с фонетикой и грамматикой языка. Эти три системы, представляющие язык на различных уровнях, оказывают друг на друга взаимное влияние; таким образом, обучение одному аспекту языка невозможно без одновременного обучения другому.

Изучение лексики иностранного языка представляет собой не только запоминание новых слов, но и усвоение имеющихся между ними фонетических, грамматических, синтагматических, смысловых и ассоциативных связей. Каждая лексическая единица имеет в своём составе план выражения и план содержания. План выражения отражает форму слова – его звуковую оболочку в устной речи и графическую в письменной; план содержания отражает значение

слова. Между планом выражения и планом содержания слова часто наблюдается асимметрия: одна форма может иметь разные значения (многозначные слова, омонимы); одно значение может реализовываться в разных формах (синонимы). При обучении языку на всех этапах важно учить работать со словарём: различать омонимы и паронимы, правильно подбирать синонимы и антонимы к словам.

Новая лексика изучается не отдельно, а в составе текста, представленного графически, либо в звуковом формате [1, с. 403]. Изучение новой лексики включает работу с фонетикой (звучанием и произношением слова) и грамматикой (разными грамматическими формами слова). Перед преподавателем стоит несколько задач, отражающих разные аспекты обучения языку. Они представлены в таблице ниже.

Аспект обучения языку	Задача преподавателя
Фонетический	научить слышать и распознавать слово в речи; научить правильно произносить слово
Лексический	научить правильно читать и записывать слово; научить правильно определять значение слова; научить правильно сочетать слово с другими словами в составе текста
Грамматический	научить правильно образовывать нужную грамматическую форму слова

В зависимости от характера речевой деятельности в методике различают активную и пассивную лексику. Активный словарный запас учащегося включает те лексические единицы, которыми он пользуется для осуществления продуктивной речевой деятельности (письма и говорения). Пассивный словарный запас служит для восприятия поступающей информации при чтении и аудировании.

Соотношение между активным и пассивным словарным запасом учащегося зависит от целей обучения, его сроков и интенсивности, уровня языка и от общей образованности учащегося.

Преподаватель, обучающий иностранному языку, на всех этапах его изучения студентами – от начального до продвинутого, сталкивается с двумя проблемами:

- ✓ определение лексического минимума по изучаемой теме (чему учить?);

- ✓ определение способа подачи нового лексического материала и развития лексических навыков у учащихся (как учить?).

Трудности при отборе лексического минимума связаны также с распределением новых слов между активным и пассивным словарным запасом учащегося. Какая лексика при изучении темы будет первична для её освоения, а какая вторична?

При составлении лексического минимума по изучаемой теме преподавателю рекомендуется пользоваться следующими *критериями отбора лексических единиц*:

- частотность употребления слова;
- соотнесённость слова с данной ситуацией или темой;
- семантическая ценность слова – необходимость его использования в данном значении в конкретной ситуации общения;
- сочетаемость слова с другими словами, необходимыми для общения на представленную тему;
- словообразовательные возможности слова;
- учебно-методическая целесообразность введения слова;
- профессиональная необходимость введения слова.

Составление лексического минимума напрямую зависит от этапа изучения языка, языкового уровня учащихся. На начальном этапе обучения количество синонимов, паронимов и омонимов должно быть минимизировано. При введении многозначного слова рекомендуется остановиться на одном-двух его значениях, связанных с изучаемой темой и контекстной ситуацией. Работа с антонимами занимает значительное место на начальном этапе обучения. Противопоставляя значение одного слова значению другого, учащийся лучше семантизирует и запоминает его.

На среднем и продвинутом этапах обучения работе с синонимами и многозначными словами должно отводиться достаточно много времени. При работе с синонимичными рядами важно объяснять учащимся стилистическую окраску и ситуацию употребления каждой лексической единицы. Новые лексические единицы вводятся в контексте – при прослушивании или чтении текста [1, с. 403]. Это позволяет учащемуся обнаружить синтагматические связи новых слов и, иногда, самому догадаться об их значении.

При объяснении новой лексики преподавателю желательно избегать перевода на родной язык учащегося, так как переведённое слово не всегда точно передаёт значение слова на иностранном языке, его стилистический оттенок. К переводу следует прибегать только в случае невозможности использования других способов семантизации слова: например, при

объяснении значения абстрактных понятий. Нельзя использовать перевод при семантизации безэквивалентной лексики, фразеологизмов.

Преподавателю желательно обращаться к следующим *способам объяснения значения новой лексики*:

- наглядность – демонстрация обозначаемого предмета, явления, действия (рисунок, изображение, пантомима);
- подбор синонимов и/или антонимов;
- словообразовательный анализ;
- подбор родового понятия к видовому или наоборот;
- описание значения слова, его толкование;
- описание значения слова с опорой на данный контекст.

Как правило, слово запоминается учащимся в начальной форме или в той форме, в которой учащийся увидел/услышал его в контексте. Для формирования *лексического навыка*, правильного употребления слова в речи, одного запоминания слова недостаточно. *Учащийся должен*: научиться слышать слово в речи носителей языка, правильно произносить и писать слово, понять морфологические и синтаксические особенности слова, его словообразовательные возможности, научиться активно употреблять слово в речи.

Отработка лексического навыка требует выполнения большого количества разнообразных упражнений. Ниже представлен фрагмент урока, включающий серию упражнений, направленных на развитие лексического навыка у учащихся на среднем этапе изучения итальянского языка (уровень В1 согласно Общеввропейским компетенциям владения иностранным языком) [3].

Фрагмент урока итальянского языка по теме «История Италии. Средневековые города-государства»

Этап №1. Введение новой лексики и её семантизация

Упражнение 1. Семантизация с помощью толкования слова. В левом столбике указаны новые слова из текста, который вам предстоит прочитать. Подберите к каждому слову подходящее описание из правого столбика.

Слово	Значение
1. comune	a. ingresso delle forze armate nel territorio di un altro Stato
2. divenire	b. inizio di una nuova fase di attività dopo una pausa
3. vitale	c. persona che possiede qc
4. potere	d. nominato ad una carica tramite votazione
5. cittadino	e. chi svolge l'attività di commercio

6. invasione	f. forma di governo autonomo di una città
7. barbaro	g. chi lavora la terra per conto di un padrone
8. cessare	h. appartenente ad una classe superiore
9. ripresa	i. essere controllato da qu
10. svilupparsi	j. possibilità e facoltà di votare, di eleggere qu
11. secolo	k. diventare
12. eletto	l. governatore
13. diviso	m. appartenente alla borghesia come classe sociale
14. classe sociale	n. salita al potere, presa del potere
15. nobile	o. qualsiasi persona che ha un potere
16. proprietario	p. residenza di un sovrano
17. borghese	q. abitante di una città o di un Paese
18. mercante	r. ampliare, rendere più larghe le proprietà di terra
19. contadino	s. cento anni
20. diritto di voto	t. chiamare alla corte e ospitare gli artisti
21. essere in mano a qu	u. rendere più bello, decorare
22. ascesa al potere	v. relativo alla vita
23. capo della città	w. chi possiede una banca
24. trasmettere	x. conflitto armato
25. rappresentante del potere	y. crescere, migliorare
26. espandere il dominio	z. per gli antichi Greci e i Romani appartenente ad un'altra civiltà, quindi straniero
27. guerra	aa. trasferire qc ad un'altra persona
28. corte	bb. non unito, separato
29. abbellire	cc. facoltà di fare, agire, governare
30. banchiere	dd. insieme di persone appartenenti allo stesso ceto
31. accogliere gli artisti	ee. smettere, finire

Упражнение 2. В таблице указаны синонимы и антонимы к словам из *Упражнения 1*. Найдите в *Упражнении 1* эти слова и впишите их в левую колонку.

Слово	Синоним	Антоним
	diventare	-----
	smettere, finire	cominciare, iniziare
	-----	regresso
	-----	unito
	commerciante	-----
	essere sotto controllo di qu	-----
	presa del potere	perdita del potere
	governatore	-----
	allargare	restringere
	conflitto armato	pace
	ospitare	-----

Упражнение 3. Словообразовательный анализ. Найдите в *Упражнении 1* однокоренные слова к данным в таблице и впишите их в нужную колонку.

Существительное	Прилагательное	Глагол
	comunale	comunicare
vita		vivere
	potente	potere
	cittadino	-----
	invadente	invadere
barbaro		-----
	-----	riprendersi
sviluppo	sviluppati	
elezione	eletto	
divisione		dividere
	nobile	-----
	proprio	appropriarsi
	borghese	-----
	contadino	-----
	-----	votare
	ascendente	ascendere
trasmissione	trasmesso	
		rappresentare
espansione	espansivo	
	guerriero	-----
abbellimento	bello	

Этап №2. Чтение и разбор текста

Упражнение 4. Прочитайте текст и подчеркните в нём слова из предыдущих упражнений (*Упражнения 1-3*) [4, с. 64].

Упражнение 5. Работа со словарной статьёй. Указанные в левом столбике слова – многозначные. В правом столбике дано несколько значений каждого слова. Выберите то значение, в котором слово употребляется в прочитанном вами тексте.

Слово	Значения
Comune	1. forma di governo autonomo cittadino nell'Europa dopo l'anno Mille; 2. relativo a una comunità di persone socialmente organizzate; 3. paese, borgo, cittadina nell'Italia odierna
Potere	1. avere la possibilità, la capacità morale o materiale, o anche gli strumenti per compiere una data azione; 2. facoltà di fare secondo la propria volontà
Console	1. sommo magistrato in molti comuni e repubbliche medievali; 2. agente che uno Stato mantiene in città

	straniere con funzioni amministrative e d'informazione
Classe	1. aula in una scuola; 2. insieme delle persone di una stessa condizione sociale, di uno stesso ceto; 3. insieme di alunni di una scuola
Signore	1. titolo di cortesia o di rispetto per uomini; 2. principe, sovrano
Corte	1. spazio all'aperto, di solito recintato; 2. titolo di alcuni organi giurisdizionali (costituzionale, di giustizia ecc.); 3. residenza di un sovrano
Vitale	1. indispensabile alla vita; 2. relativo, connesso alla vita

Этап №3. Наблюдение за сочетаемостью слов и их грамматическими особенностями

Упражнение 6. Дополните данные предложения словами из прочитанного текста.

La piazza _____ il nuovo centro _____ delle città. Nelle piazze _____ di molte città italiane si trovano ancora oggi la cattedrale e i palazzi del _____.

In questo periodo le _____ cessarono e, grazie alla _____, le città _____ lentamente _____ e divennero _____, con consoli _____ direttamente dai _____.

La popolazione era allora divisa in tre _____: nobili, ricchi _____; i borghesi, la nuova _____ formata da _____ e professionisti; infine il popolo, cioè _____ e lavoratori che non avevano _____.

La scelta del _____ era ristretta alle famiglie più _____, nobili e borghesi, che spesso _____ in conflitto tra loro.

Molti Comuni, già _____ a poche famiglie ricche, videro _____ di un Signore che divenne _____ assoluto della città.

Il potere _____ di padre in figlio, e così i cittadini persero il diritto di _____ i propri _____.

I Signori cercavano di _____ il proprio _____, ed erano frequenti _____ sanguinose con le città vicine: l'idea di un'Italia _____ era molto lontana.

Alcuni Signori chiamarono nelle loro _____ i migliori artisti dell'epoca per _____ le città di opera d'arte. Tra queste famiglie ricordiamo a Firenze quella dei Medici, ricchi _____. Altre famiglie che _____ gli artisti nelle loro _____ furono gli Sforza a Milano, gli Este a Ferrara, i Montefeltro a Urbino.

Упражнение 7. Постройте свои предложения с данными словами и словосочетаниями.

Divenire; vitale; principale; potere (potente); cittadini; invasione; ripresa; svilupparsi; eleggere (elezioni); classe sociale; nobili; borghesi; contadini; lavoratori; proprietario; mercante; banchiere; diritto di voto; entrare in conflitto; in mano a qu; ascesa al potere; capo; rappresentante; espandere il dominio; guerra; corte; abbellire; accogliere.

Этап №4. Закрепление и активизация новой лексики

Упражнение 8. Ответьте на вопросы по тексту.

1. Quando si formò la nuova forma di governo cittadino – il Comune?
2. Che parte della città divenne il suo centro vitale? Quali erano gli edifici più importanti nella città?
3. Quali furono i due motivi per cui le città lentamente si svilupparono?
4. Come si chiamava il capo di un Comune?
5. In quante classi era divisa la popolazione di un Comune?
6. Quali classi avevano il diritto di voto e quali invece no?
7. Come e per quale motivo i Comuni divennero Signorie e Principati?
8. Perché i cittadini persero il diritto di eleggere il capo della città?
9. Quali erano le cause delle frequenti guerre tra diversi Signori e Principi?
10. Perché si dice che in quell'epoca "Guerra e creazione artistica andavano di pari passo"?
11. Che professione svolgevano all'inizio i Medici?
12. Chi, prima di tutto, fece abbellire Firenze di opere d'arte?
13. Quali erano altre famiglie potenti nell'Italia rinascimentale?
14. Ricordate altri artisti italiani che lavoravano alle corti dei Signori e Principi nel periodo del Rinascimento?

Упражнение 9. Перескажите текст с опорой на вопросный план, данный в *Упражнении 8*.

Упражнение 10. Подготовьте небольшой доклад на тему «Жизнь в одном из средневековых городов Италии».

Завершающее упражнение, помимо коммуникативной, направлено на развитие лингвострановедческой компетенции. Оно требует определённого времени для подготовки ответа, поэтому может быть дано в качестве домашнего задания.

Преподавателю важно стремиться к тому, чтобы учащиеся не просто заучивали слова, а запоминали их на занятии во время выполнения упражнений по прослушанному или прочитанному тексту. Методисты утверждают, что слово входит в активный словарный запас учащегося, если оно представлено ему не менее 6 раз. Скорость запоминания слов индивидуальна, но считается, что в среднем, в течение одного занятия, взрослый человек может запомнить около 20 новых слов. Для общения на повседневные бытовые темы учащемуся достаточно освоить 500-600 слов иностранного языка; на продвинутом этапе обучения активный словарный запас учащихся достигает 6000 слов. [2, с. 110] Для наиболее эффективного усвоения новой лексики учащимися преподавателю необходимо чётко следовать критериям отбора лексики при составлении лексического минимума по изучаемой теме, а также применять разнообразные упражнения для её введения, закрепления и активизации в речевой деятельности.

Литература

1. Данько О. А. Развитие компетенций студентов на основе использования технологии знаково-контекстного обучения. Аксиология иноязычного образования, 2016. С. 402-409.
2. Козлова А. А. Зачем и как учить новые слова на иностранном языке: некоторые приёмы эффективной работы с новой лексикой. Научный альманах, 2017 №3-2 (29). С. 109-112.
3. Общеевропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и

спорту Совета Европы; Перевод выполнен на кафедре стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. проф. К. М. Ирисхановой. — М.: Изд-во МГЛУ, 2003.

4. T. Marin, S. Magnelli. Nuovo Progetto Italiano 2. Corso multimediale di lingua e civiltà italiana. Libro dello studente. Edilingua, 2009. P. 55-67.

СЕКЦИЯ 3

Восточная мозаика

УДК 94(5) (+294.3)

Сеитов Руслан Маратович

Аспирант, ассистент кафедры

Новосибирского государственного университета

seitofuruslan@gmail.com

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ УЧЕНИЯ НИТИРЭНА В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ НА ПРИМЕРЕ СОКА ГАККАЙ

В статье рассматривается деятельность и организация буддийских нитирэнистских сект в современной Японии, их связь и преемственность со школой Нитирэн-сю и с личностью Нитирэна. Обозреваются декларируемые цели и постулаты сект, стиль руководства и устройство, а также степень их соответствия с изначальным учением Нитирэна. Выявлено, что в буддийской школе Нитирэн-сю значительную роль играет личность и деятельность её основателя, монаха Нитирэна. Показано, как современные секты могут отсылаться к личности основателя учения, возводить к нему своё происхождение и деятельность, а также какую влияние его личность и характер руководства оказывают на современное состояние нитирэнистских сект. Так, для нитирэнистских сект из числа «новых религий» характерен авторитарный стиль управления и опора на харизматических лидеров, а биографии основателей Сока гаккай могут отсылать к биографии самого Нитирэна.

Ключевые слова: Нитирэн, Нитирэн-сю, Сока гаккай, новые религии, Япония.

Seitov Ruslan Maratovich

Continuity of Nichiren's teachings

in modern Japan on the example of Soka Gakkai

The article examines the activities and organization of Buddhist Nichirenist sects in modern Japan, their connection and continuity with the Nichiren-shu school and with the personality of Nichiren. The declared goals and postulates of the sects, the leadership style and structure, as well as the degree of their correspondence with the original teachings of Nichiren are reviewed. It has been revealed that in the Nichiren-shu Buddhist school, the personality and activities of its founder, the monk Nichiren, play a significant role. It is shown how modern sects can refer to the personality of the founder of the doctrine, trace their origins and activities to him, as well as what influence his personality and the nature of the leadership have on the current state of Nichirenist sects. Thus, Nichirenist sects from among the “new religions” are characterized by an authoritarian style of management and reliance on charismatic leaders, and the biographies of the founders of the Soka Gakkai may refer to the biography of Nichiren himself.

Key words: Nichiren, Nichiren-shu, Soka Gakkai, new religions, Japan.

Буддийское учение Нитирэн-сю было основано в XIII в. Нитирэном, и быстро стало одним из ведущих направлений японского буддизма. Сегодня Нитирэн-сю является единственной крупной школой японского буддизма, называемой по имени её основателя, и это не случайно. Личность Нитирэна оказала колоссальное влияние на возникновение и развитие школы.

По сей день религиозные и политические общества, основанные на идеях нитирэнизма, являются видной общественной и политической силой в Японии. Кроме того, деятельность нескольких нитирэнистских сект вышла на международный уровень. В документах и деятельности подобных организаций зачастую отмечается их прямая преемственность от Нитирэна и следование его заветам. При этом стоит отметить, что за свою историю школа Нитирэна была как в оппозиции правительству, так и активно включалась в политику и получала поддержку от действующей власти. В наши дни нитирэнистские общества и секты имеют огромное влияние в политических и финансовых кругах Японии, а также широкое представительство во многих странах мира, что приводит к необходимости актуализировать учение и приспособить его под современные политические и правовые реалии.

Как отмечает виднейший отечественный исследователь нитирэнизма А.Н. Игнатович, «система взглядов Нитирэна всегда воспринималась в неразрывной связи с его личностью» [1, с. 5]. Деятельность монаха разворачивалась на фоне экономического и социально-политического кризиса. На время жизни Нитирэна также выпали монгольские вторжения и различные природные катаклизмы, что усилило его убеждённость в пришествии эпохи «конца закона» и собственной избранности. Выдающаяся биография монаха и его непростые отношения с властью и обществом позже стали неотъемлемой частью идентичности учения и сект на его основе. До сих пор яркая личность Нитирэна остаётся объектом почитания и интереса среди многих японцев.

Нитирэн родился в 1222 г., и согласно современным исследователям, был выходцем из семьи низшей аристократии [1, с. 57]. При этом, сам монах и его последователи подчёркивали его низкое и провинциальное происхождение, что было использовано в целях распространения учения.

Свой духовный путь Нитирэн начал как монах школы Тэндай, и позже он развивал своё учение с существенным упором на доктрину этой школы, в частности, на почитание Лотосовой сутры. При этом, уже на заре его религиозной и интеллектуальной деятельности проявляется нетерпимость Нитирэна к другим буддийским учениям, в частности к Дзёдо-сю и Дзен. Он критиковал амидаистов и дзэн-буддистов за отступление от «истинной веры»

Деятельность Нитирэна с самого начала не ограничивалась только вопросами религии. В соответствии со своим видением, а также будучи

образованным и амбициозным человеком, он активно проповедовал как среди городского населения, так и среди монашества других храмов. За попытки вмешательства в региональные и государственные дела Нитирэна ссылали, пытались казнить и устраивали облавы.

Уже при жизни Нитирэна вырисовывались некоторые установки и основы деятельности школы, сохранившиеся по сей день. Нитирэн отвергал жёсткие обеты, активно принимал мирян, в том числе и женщин, которые не уходили в монастыри. Последователи Нитирэна из числа монашества зачастую жили и проповедовали в своих прежних храмах, раз в год собираясь в Камакура чтобы послушать своего учителя. Монахи, не принявшие обет, проповедовали среди горожан и жили в их домах.

В 1260 г. Нитирэн написал и представил властям трактат «Риссё анкокурон» — «Трактат об установлении справедливой и мирной страны». С этого момента начинаются попытки Нитирэна начать политическую деятельность и продвинуть своё учение среди властной верхушки, однако эти попытки оказались тщетными. Рвение монаха в обличении школ, имеющих тесные связи с правящими сословиями, послужило основой для обвинений в ереси и политической неблагонадёжности. При этом, Нитирэн не был противником государства или власти, а наоборот, видел свою задачу в построении сильного феодального государства с теократическим правлением.

Нитирэн называл себя «столпом Японии» и заявлял, что без него страну ждёт разрушение и крах. Несмотря на жесткое противопоставление своего учения другим буддийским школам, Нитирэн, суд по всему, благосклонно относился к синтоистским божествам. Например, он подчёркивал, что в его родной провинции Ава пребывает главная богиня синтоистского пантеона Аматаэрасу. Также считается, что в имени, которое он взял себе, зашифрованы главные символы синтоизма (яп. «нити» — солнце, символ Аматаэрасу) и буддизма (яп. «рэн» — лотос) [2, с. 62].

Развивая своё учение, Нитирэн также называет себя перерождением бодхисаттвы Дзёгё-босацу, который упоминается в Сутре лотоса как самый важный из четырёх главных бодхисаттв, которые «выпрыгнули из-под земли» в то время, как Будда Шакьямуни передавал учение этой самой сутры. В своих проповедях и трактатах монах заявлял, что он — первый и единственный возвестник учения «чудесной дхармы» и «истинного закона», и что только он знает путь спасения через декламацию названия Лotosовой сутры. Кроме того, Нитирэн возводил преемственность своего учения через учителей Сайтё и Чжии к самому Будде Шакьямуни. Позже, в средние века последователи учения уже возводили преемственность Нитирэна напрямую к Будде, называя это «внутренней линией преемственности» [2, с. 95].

Доктрина нитирэнизма опирается главным образом на Лotosовую сутру, или «Сутру лотоса благого Закона», которая считается наивысшим учением и уникальным откровением. Главным постулатом этой сутры Нитирэн видел

идею о «всеобщности спасения», и считал, что достижение спасения и счастья должно стать не только личным делом каждого человека, но и общества в целом. Кроме того, школу отличала установка не на стремление к посмертному раю или хорошему перерождению, а достижение благоденствия уже в этой жизни. Эти идеи заложила основы широкой общественной и политической деятельности, которая присуща современным последователям нитирэннизма.

Для достижения всеобщего спасения, согласно Нитирэну, необходимо следовать «трём великим тайным законам», каждый из которых связан с почитанием Лotosовой сутры. Первый из них — поклонение «истинно почитаемому», коим выступает само название Сутры, выраженное в пяти знаках «Мё-хо-рэн-гэ-кё». Это «истинно почитаемое» Нитирэн называет *хондзон* или *гохондзон*, и графически представляет его в виде мандалы – свитка, с написанной в центре мантрой «*Наму мёхо рэнгэ кё*» и именами будд, бодхисаттв и синтоистских божеств, написанных по краям.

Второй «тайный закон» – место почитания *гохондзона* под названием *кайдан*. Вообще в буддизме *кайдан* – это место в буддийском храме, отведённое под церемонию «принятия заповедей» для монахов. Нитирэн же расширил функцию *кайдана* и сделал его местом посвящения в том числе и мирян, поскольку считал, что, каждый человек нуждается в приобщении к учению. Нитирэн предполагал, что впоследствии будет построен Великий *Кайдан*, в котором будет помещён Великий *Гохондзон*, и который будет распространять учение на всех японцев и, шире, вообще всех людей. Кроме того, *кайдан*, по задумке Нитирэна, должен духовно преображать людей для достижения гармонии в обществе и процветания в государстве.

Третий «тайный закон» — *даймоку*, специальная фраза, имеющая значение мантры или молитвы. В качестве *даймоку* также служит мантра, основанная на названии Сутры лотоса — *Наму мёхо рэнгэ кё*. Согласно Нитирэну, одно лишь повторение этой мантры способно привести к спасению и открыть суть учения. Кроме того, согласно легенде, повторением этой мантры Нитирэн спас свою мать, которая была при смерти, и продлил ей жизнь на 4 года.

Нитирэн был сторонником активного распространения, и порой даже навязывания своего учения. В отличие от других буддийских течений Японии того времени, Нитирэн-сю был присущ прозелитизм и агрессивная вербовка последователей с применением доктрины *сякубуку*, что можно перевести как «ломать и подчинять» [1, с. 63]. Кроме того, судя по некоторым данным, ученики Нитирэна отправились проповедовать учение в Маньчжурию и Монголию уже в 1295 г., что делает именно Нитирэн-сю первой японской буддийской школой, которая начала зарубежную миссионерскую деятельность.

Таким образом, учение школы Нитирэн-сю очень жёстко завязано на личности, идеях и деятельности её основателя — монаха Нитирэна. С течением времени статус учения постепенно менялся. В XIX в. нитирэннизм стал основой для возникновения и деятельности многочисленных сект, ведомых

харизматическими лидерами, а в первой половине XX в. появились нитирэнистские организации, как яростно поддерживающие милитаристический и националистический курс правительства, так и находящиеся в опале. Во второй половине XX в. нитирэнистские движения начали развиваться с новой силой в питательной среде послевоенной разрухи и нищеты. В этой связи интересен путь, который прошло учение Нитирэна, какие из его элементов получили развитие и как его личность отражается в политике современных нитирэнистских сект.

Мы изучили веб-сайты и другие материалы основных современных нитирэнистских сект, в том числе относящихся к т.н. «новым религиям». Изучение материалов показало, что наиболее полная и интересная для нашего исследования информация содержится на сайте нитирэнистской секты Сока гаккай. Кроме того, она является самым известным и влиятельным обществом нитирэнистского толка. Для сравнения мы также изучили сайты оригинальной школы Нитирэн-сю, а также сайты нитирэнистских сект «новых религий» Рэйюкай и Риссё косэйкай. Таким образом, мы можем проследить, как современные нитирэнистские секты позиционируют себя в контексте нитирэнистского учения.

Сока гаккай (яп. 創価学会, «общество создания ценностей») было образовано в 1930 г. школьным учителем Макигути Цунэсабуро. Как отмечается, Макигути, вдохновившись учением Нитирэна, видел в системе образования потенциал к построению более счастливого общества. Он считал, что система образования императорской Японии не поощряет индивидуальность учеников, мешает их независимости и креативности. Свою педагогическую теорию он представил как теорию «создания ценностей», и вокруг этой идеи было основано «общество создания педагогических ценностей» — Сока кё:ику гаккай.

Особо подчёркивается конфронтация Макигути с репрессивными властями императорской Японии, неприятие его идей. Макигути критиковал современную ему систему образования как репрессивную машину, которая лишь воспроизводит послушных слуг. Противостояние основателя и первого президента общества с милитаристскими властями и его последующее заключение в 1943 г. и смерть в 1944 г. можно рассматривать как мученичество за идею и религию.

При этом стоит отметить, что на данном этапе в биографии Макигути нитирэнизм не играет столь большой роли, однако общество стремится показать, что его основатель нашёл в идеях Нитирэна созвучные ему гуманистические идеи [3].

Следующий этап развития общества связан с Тода Дзёсэй, ближайшим учеником основателя общества. Тода был заключен в тюрьму вместе с Макигути, и именно там он проникся идеями нитирэнизма. Как сообщается в разделе «наша история» на сайте общества, в тюрьме Тода активно

декламировал мантру *наму мёхо рэнгэ кё* и имел откровение, что «Будда – это и есть сама жизнь». Кроме того, в преамбуле к конституции Сока гаккай 2017 г. говорится, что в тюрьме Тода также получил откровение, что он — Бодхисаттва земли [4].

В 1951 г. Тода заново собирает общество уже под современным именем «Сока гаккай» и становится его вторым президентом. Он видит распространение учения Сутры лотоса как свою главную цель. [5]

В это же время Тода использует термин «человеческая революция», чтобы выразить своё понимание главной задачи учения Нитирэна – изменить себя, достичь просветления в этой жизни и помочь другим людям встать на истинный путь [6]. Особыми заслугами Тода признаются его признание за каждым человеком права на жизнь и активное участие в антиядерном движении, а также расширение паствы общества до 750 тысяч домохозяйств.

В 1958 г. незадолго до своей смерти Тода доверяет своему ученику Икэда Дайсаку дальше вести и развивать общество. Икэда становится президентом общества в 1960 г. в возрасте 32 лет. Он начинает активно развивать различные направления деятельности общества, делая упор на искусство, образование, молодёжные организации и международную деятельность. В 1964 г. при правлении Икэда обществом была образована политическая партия Комэйто, которая до сих пор представляет собой значительную политическую силу (следует оговориться, что партия была преобразована в 1998 г.). В 1975 г. Икэда основал Международное общество Сока гаккай (Soka Gakkai International), тем самым внося ещё больший вклад в распространение идей Нитирэна и Лотосовой сутры среди населения всего мира.

С 2006 г. Икэда формально передал пост президента общества Минору Харада, однако сам остался на руководящей должности в качестве «почётного президента». Фактически же он продолжал руководить как японской, так и международной структурой Сока гаккай, вплоть до своей смерти в декабре 2023 г.

Магикути, Тода и Икэда закреплены в конституции общества от 2017 г. как три президента-основателя. В настоящее время Минору Харада практически никак не фигурирует в новостях и иных материалах общества. В то же время информация про президентов-основателей представлена достаточно полно и подробно, также про каждого из них есть отдельный сайт. Кроме того, на русскоязычном сайте общества Сока гаккай огромное внимание уделяется личности, деятельности и творчеству Икэда, поскольку он много лет укреплял и поддерживал отношения с известными деятелями СССР и РФ.

Огромная роль отводится и личности самого Нитирэна. Так, в той же конституции он назван «Буддой последних дней Закона» и «Будда Сока гаккай». Таким образом, общество пытается присвоить себе эксклюзивное право на идентификацию с личностью Нитирэна. В 1991 г. Сока гаккай отделилась от официальной школы Нитирэн-сю, что расценивается самой

сектой как «духовная независимость» от «авторитарного и традиционалистского духовенства». В конституции общества закреплено почитание *даймоку* и *гохондзона* как ведущих религиозных заветов, однако ничего не говорится про *кайдан*.

При этом, в отличие от сайта оригинальной школы Нитирэн-сю [7], где представлена более полная и подробная информация о жизненном пути Нитирэна и философских основаниях его учения, на сайте Сока гаккай фигурируют только имена Нитирэна, Будды и президентов-основателей, что наводит на мысль о том, что общество возводит преемственность от президентов-основателей напрямую к Нитирэну и от него к Будде Шакьямуни.

Авторитарный и патерналистский стиль руководства характерен также для сект Рэйюкай [8] и Риссё косэйкай [9] которые основывают своё учение на догматах Лотосовой сутры. В них также большую роль играют личности президентов-основателей и нынешнего руководства. При этом, личность и «три тайных закона» Нитирэна никак не упоминается на сайтах, а учение Лотосовой сутры возводится к Будде Шакьямуни. Тем не менее, эти секты также активно участвуют в политике и в основе своей деятельности видят распространение «Закона» Сутры лотоса среди всего японского общества и, шире, населения всех стран. Кроме того, эти секты, как и Сока гаккай, имеют в своём распоряжении огромные залы собраний, что можно считать проявлением *кайдана*.

Таким образом, мы рассмотрели риторику, деятельность и устройство современных японских нитирэнистских сект. На материале веб-сайтов можно увидеть, что не всегда подобные секты строго придерживаются догматов и буквы учения Нитирэна. Однако, за исключением оригинальной Нитирэн-сю, можно сказать, что нитирэнистские течения следуют «духу» учения Нитирэна, а именно разворачивают широкую политическую и общественную работу, нацеливаются на распространение учения, в том числе и за рубежом, а также имеют довольно авторитарную структуру, и значительную роль в таких обществах играют харизматические лидеры. Так, президенты-основатели Сока гаккай имеют в своих биографиях некоторые черты жизни самого Нитирэна: конфронтация с властями, религиозное откровение, истовая поддержка и распространение учения. Исходя из этого, можно предположить, что уже существующие нитирэнистские секты продолжают своё развитие под руководством сильных лидеров, а также не исключено, что в случае социально-политической нестабильности в Японии могут возникнуть и новые секты нитирэнистского толка.

Литература

1. Игнатович А.Н., Светлов Г.Е. Лотос и политика: необуддийские движения в общественной жизни Японии. М.: Мысль, 1989. — 300 с.
2. Игнатович А.Н. Школа Нитирэн. М.: Стилсервис, 2002. — 480 с.

3. Сайт общества Сока гаккай, страница «Макигути Цунэсабуро». URL: <https://www.sokaglobal.org/about-the-soka-gakkai/lives-of-the-founding-presidents/tsunesaburo-makiguchi.html> (Дата обращения 31.03.2024).
4. Конституция Сока гаккай. URL: <https://www.sokaglobal.org/resources/constitution-of-the-soka-gakkai.html> (Дата обращения 31.03.2024).
5. Сайт общества Сока гаккай, страница «Наша история». URL: <https://www.sokaglobal.org/about-the-soka-gakkai/our-history.html> (Дата обращения 31.03.2024).
6. Сайт общества Сока гаккай, страница «Человеческая революция». URL: <https://www.sokaglobal.org/resources/study-materials/buddhist-concepts/human-revolution.html> (Дата обращения 31.03.2024).
7. Сайт школы Нитирэн-сю. Страница «Учение». URL: <https://www.nichiren.or.jp/english/teachings/> (Дата обращения 31.03.2024).
8. Сайт секты Рэйюкай. Страница «Учение». URL: <http://reiyukaiglobal.org/teaching/> (Дата обращения 31.03.2024).
9. Сайт секты Риссё косэйкай. Страница «Лотосовая сутра». URL: <https://rk-world.org/lotus-sutra/> (Дата обращения 31.03.2024).

Солодкова Мария Михайловна
*сотрудник научно-просветительского отдела
Шереметевского дворца - музея музыки
(филиала Санкт-Петербургского государственного
музея театрального и музыкального искусства)*
solodkovamaria@mail.ru

ОБРАЗ ТРАДИЦИОННЫХ ЯПОНСКИХ САДОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ МУЛЬТИПЛИКАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются исторические особенности формирования садовой культуры в Японии на протяжении всей ее многовековой истории. Автор анализирует этапы и специфика формирования и развития японских садов в каждый исторический период. Также исследуются традиционные компоненты садовой культуры, которые нашли отражение в современной японской мультипликации, ведь в стиле «аниме», ставшем к настоящему времени основой для молодежной субкультуры не только Японии, но и многих других стран, нашлось место и для традиционных японских садов. О том, как современные японские режиссеры используют образы садов для усиления художественной выразительности своих картин, также идет речь в данной статье.

Ключевые слова: японские сады, японская мультипликация, аниме, транслирование традиций, молодежная субкультура

Solodkova Mariia Mikhailovna
*The image of traditional Japanese gardens in
modern Japanese animation: historical and culturological aspect*

The paper deals with the historical features of the formation of garden art in Japan throughout the course of its long history. The author analyzes the stages and specifics of the formation and development of the gardens in each historical period of Japan. The traditional components of garden art reflected in modern Japanese animation are also explored. The anime, developed into the youth subculture in many countries, not only Japan, gives room for traditional Japanese gardens too. The paper also covers the discussion about the usage of the images of gardens by modern Japanese directors for enhancement of the artistic expressiveness of their films.

Keywords: Japanese gardens, Japanese animation, anime, transfer of the tradition, youth subculture

Сады на протяжении веков были важнейшим элементом японской культуры, имели материальную и духовную ценность. Различные социальные слои страны «Восходящего солнца» в разные эпохи развивались под влиянием, в частности и садового искусства. Сад служил для японца уединенным местом

для созерцания, там можно было постигать суть своего бытия, в саду проявлялись потребности человека отобразить идеальную природу.

Поэтому неудивительно, что сады, как ценностный атрибут восточной культуры, нашли место и в современном стиле японской мультипликации «аниме». Аниме в данный момент играет значительную роль не только в Японии и сопредельных ей странах, но и в западноевропейском социуме. Став основой оригинальной молодежной субкультуры, аниме приобрело особую актуальность, как инструмент влияния на процессы формирования ментальности части молодого поколения этих стран.

Но прежде, чем рассматривать образ японских садов в аниме, кратко рассмотрим историю, периоды развития и элементы садов.

Японский сад прошёл долгий путь становления. Его истоки восходят к VI веку, когда из Индии через Китай и Корею искусство сада проникло в Японию. В VIII веке с проникновением в Японию буддизма из Китая возникают первые пейзажные сады по типу китайских. Но садовое искусство, как оригинальный вид японского художественного творчества, зародилось ближе к XII веку под влиянием учения буддийской школы дзэн (в Китае чань-буддизм) с ее проповедью приобщения к красоте вселенной для достижения внутренней гармонии. По мнению российского исследователя Н.С. Николаевой, в культурном коде японских садов «естественность и величие природы — то идеальное впечатление, к которому стремился художник и которое возникает у зрителя благодаря продуманной точности композиции сада». [4, с. 90].

В целом в развитии японского сада можно выделить несколько периодов, соответствующих историческим:

- Период Асука 飛鳥 (530-710) – проникновение садов в Японию из Индии через Китай и Корею. Воспроизводятся модели древнекитайских садов.

- Период Нара 奈良 (710-794) – под влиянием китайской культуры стали появляться первые сады пейзажного типа. Как и столица, сады создаются по типу китайских с основными элементами – скалы (камни) и вода. Создаются базовые модели японского сада.

- Период Хэйан 平安 (794-1185) характеризуется развитием искусства. Сады становятся более изысканными, появляется планировочная схема и эстетические основы пейзажного искусства. Меняется назначение сада - не только для созерцания и отдыха, но и для праздников и развлечений. К основным элементам добавляется остров.

- Период Камакура 鎌倉 (1185-1333) ознаменован приходом к власти военного сословия, усиливается влияние дзэн-буддизма, что отражается в садовом искусстве. С этого времени сады становятся частью храмового

комплекса. Возникают типы садов – холмистый (цукияма 築山) и равнинный (хиранива 平庭).

- Период Муромати 室町 (1336-1573) считается не только расцветом садового искусства, но также классическим периодом в развитии сада. Продолжается создание садов при монастырях. Появляется новый тип – сад камней (карэсансуй 枯山水).

- Период Адзуты-Момояма 安土桃山時代 (1573-1603) положил конец феодальной раздробленности Японии периода Сэнгоку. В страну проникает христианство. В конце XVI века возникают сады для чайной церемонии и сады-парки при императорских резиденциях.

- Период Эдо 江戸 (1603-1868) стал финальной точкой в развитии японских садов. Создавали сады для чайной церемонии и многофункциональные сады даймё - величественные по масштабу и со сложной планировкой, демонстрирующей могущество их хозяев. Происходит возврат к пейзажному типу садов, но произошли изменения: сад уже не вписывался в естественный пейзаж, а создавался с нуля, имитируя реальную природу.

- Период Мэйдзи 明治 (1868-1912) и в последующие периоды до наших дней в садовом искусстве Японии находят отражение западные модели и веяния времени. Сады становятся похожи больше на современные произведения искусства, нежели на «природные» творения предыдущих веков. [4, с. 23-24]

Если говорить о письменном наследии садовой культуры Японии, то первые записанные учения о садах «Сакутэйки» 作庭記 (Записи о создании садов) появились в XI веке. Начало учения о типах ландшафтов, которое в современном паркостроении является общепринятым и играет большую роль при разработке композиции парков, относится к концу XV века и носило название «Тикуяма сансуй дэн» 築山山水伝 (Предание о садах). [1, с. 37]. В 1735 году появляется трактат «Цукияма-тэй дзодэн» (Комментарий о разбивке сада), который собирает воедино сложившиеся тенденции и при этом передает веяния времени. [6]. К XVIII веку в письменных руководствах, посвященных устройству садов, выделялись три основных типа садов: холмистый – «цукияма» 築山, равнинный – «хиранива» 平庭, «сухой сад» или сад камней – «карэсансуй» 枯山水. [2]

Теперь следует рассмотреть главные составляющие сада. Согласно традиционным учениям японский сад должен включать в себя пять компонентов:

- а) идею, как духовный элемент;
б) также 4 материальных компонента:

- камни;
- вода;
- растения;
- архитектурные элементы.

Все вместе они создают гармонию, поэтому нельзя исключить ни один элемент. [4]. Элементы могут быть представлены и символически (например, вода заменена галькой и т.д.).

Архитектурными элементами могут быть пагоды, мосты, фонари, беседки, ворота, цукубаи и пр.

Фонари являются неотъемлемой частью японского сада. Как сам сад и многие другие элементы, фонари пришли в Японию из Китая. Изначально они устанавливались у главного входа буддийских храмов. Фонари в садах пейзажного типа выполняли в основном декоративную функцию, но позже, в садах для чайной церемонии, они использовались по прямому назначению – были светильниками. Основным материалом для фонарей служит камень, что является главным отличием японских фонарей от китайских.

Как правило, в садах пейзажного типа, в которых есть пруд с островами, можно увидеть разнообразные мосты.

Для европейцев привычнее использовать мосты для переправы с берега на берег, в то время как в японских садах у них совершенно другие функции. Мосты устанавливаются не только там, где пруд, и служат дорогой к острову, но также и на участках, где нет никакой воды, даже символической. В таком случае они не предназначены для ходьбы, скорее выполняют эстетическую функцию. С другой стороны, они могут служить символом. Если мост лежит к острову, то он будет символизировать дорогу в страну бессмертных [9, с. 75].

Теперь вернемся к такому современному явлению как аниме. Для анализа в рамках данной статьи нами были выбраны три знаковых мультипликационных работы: «Сад изящных слов» (2013 г., реж. Макото Синкай), «Наруто» (2002-2017 гг., реж. Хаято Датэ) и «Тетрадь дружбы Нацумэ» (2008-2018 гг., реж. Такаhiro Омори, Косака Харумэ, Дэй Котоми) Действие этих аниме происходит в разное время, разных локациях и, главное, в разных реалиях.

Сразу хочется отметить, что творчество японского режиссёра и аниматора Макото Синкай оказало огромное влияние на молодежь 2000-х годов, как в Японии, так и за рубежом, в первую очередь благодаря своей яркой визуальной выразительности и повествовательности, которая трогает сердце каждого зрителя. В «Саду изящных слов» режиссером успешно используется анимация различных видов дождя, например, для передачи изменений в душевном состоянии героев. Помимо красивых пейзажей, которые являются

особенностью работ Синкая, в этой картине впечатляет использование широкой палитры красок, которые отражают цвета, светотени пейзажа и даже тени персонажей. У зрителя возникает ощущение, что мысли героев вытекают из их образов, а сцены вытекают из их слов [5].

И, конечно, особая роль в картине отведена саду. Сад не только узнаваем, но ещё и назван в самом фильме как «парк в самом сердце Синдзюку». Речь о парке Синдзюку-Гёэн, который включает в себя три разных сада – пейзажный английский, регулярный французский и пейзажный японский.

Исторически Национальный сад Синдзюку-Гёэн являлся частью особняка Эдо, который Токугава Иэясу подарил своему вассалу Найто. Это была обширная территория. Говорят, что Иэясу передал его своим доверенным вассалам не только по военно-политическим соображениям, но и с целью охраны этой территории.

Национальный сад Синдзюку-Гёэн занимает площадь 178 000 цубо (58,3 га), часть этой территории (около 95 000 цубо (31,4 га)) принадлежала семье Найто.

Кроме того, японский сад, расположенный вокруг пруда Тамамо, который в настоящее время расположен в конце ворот Окидо, является частью сада Тамагава семьи Найто, который был построен в 1772 году с использованием остатков воды из реки.

Национальный сад Синдзюку-Гёэн был завершён в мае 1906 года, а церемония открытия состоялась в присутствии императора Мэйдзи. [7] Во время Второй мировой войны парк был почти полностью разрушен и его восстанавливали в течение нескольких лет.

В одном из интервью Макото Синкай говорил, что на него произвели сильное впечатление природные катастрофы 2011 г., поэтому он захотел «сохранить» красоту этого парка на случай подобной катастрофы. Режиссёр делал много фотографий в парке, а «главным героем» его картины стала пагода из японского сада Синдзюку-Гёэн. Помимо этого, зрители могут увидеть в фильме разные элементы сада – пруды, фонарь, растения. Синдзюку-Гёэн – яркий пример важного для японцев сада с историей.

Автор манги «Наруто» Масаси Кисимото и режиссёр Хаято Датэ, создавший успешную аниме-экранизацию манги, показывали вроде бы выдуманную вселенную, но при ближайшем рассмотрении мы видим, насколько она реальна. В тех эпизодах аниме, где показывают дома семьи Утиха и семьи Нара, можно увидеть в их дворах пейзажные сады, приближенные аналоги которых можно найти в Японии. [3]

В этих садах так же есть традиционные элементы – пруд, камни, фонарь и растения. Такие сады характерны для периодов Адзути-Момояма, когда появляются чайные сады, и Эдо, когда создавались сады даймё и более скромные сады горожан. Дома в картине представлены также традиционного типа, есть веранда для созерцания сада. Это было характерно также для

храмовых садов. Например, подобные сады и сейчас можно увидеть в Киото и Токио.

Сад возле дома Нара Сикамару с двумя прудами, фонарями, деревьями напоминает сад возле замка Нидзё только меньшего размера. Сад из дома Утиха с дорожкой, камнями, фонарями и прудом напоминает и сад в музее скульптуры Асакура в Токио, и некоторые миниатюрные храмовые сады, к примеру, пейзажный сад храма Тисяку-ин.

В картине «Тетрадь дружбы Нацумэ» [8] показаны несколько разнообразных садов. Друг главного героя - Танума Канамэ - живёт с отцом в храме, где присутствует типичный храмовый пейзажный сад: к нему ведёт выложенная камнями тропинка, в пруду плавают кои (ещё один важный символ японского сада), рядом находятся камни и фонарь.

В доме другой героини этого аниме - Таки Тоору - также есть небольшой сад в углу двора: в пруду плавают кои, рядом стоят фонари.

В некоторых рёканах (традиционных гостиницах), где происходит действие картины, зрители также видят пейзажные сады с традиционными элементами.

В одной из серий про Наттори Сюити сам Наттори оказывается в доме, где есть чайный сад – дорожки, маленький пруд, камни, фонари, а также цукубаи – сосуд для омовения рук. Цукубаи различных типов являются неотъемлемой частью японской чайной церемонии.

Большой интерес вызывает сад, который можно увидеть в одном из последних эпизодов 6 сезона: это японский пейзажный сад, сделанный по типу китайского. Группировка зданий отсылает зрителя к типичной для периода Хэйан, когда сад был в центре, а здания выстраивали «квадратом» или буквой «п». Мы уже рассматривали ранее, какой сад относится к типу китайских садов – пейзажный, с большим водоемом, мостом, в некоторых вариантах с пагодой и беседкой. Именно эти элементы сада можно увидеть в данном эпизоде. В центре водоема красная беседка в китайском стиле, к ней ведет мост, чуть поодаль стоит пагода, по периметру расставлены камни разных размеров, несущие определенную символику.

Ещё в одном эпизоде можно увидеть мост яцухаси (八つ橋 яцу 八つ – «восемь», хаси 橋 – «мост»). Состоит такой мост из восьми частей и в нём заключен глубокий смысл: он напоминает зигзаг и пройти по такому мосту довольно сложно. Одно из символических значений – тяжелый путь к достижению рая. Другое же предназначение у таких мостов – неспешная прогулка по саду с любованием пейзажами.

Магический смысл яцухаси заключается в избавлении от преследующей человека нечистой силы, так как она может передвигаться только по прямой. Этот момент вызывает особый интерес, ведь аниме «Тетрадь дружбы Нацумэ» о ёках (мифических существах), но в дом, к которому вёл этот мост, могли

пройти только «хорошие» ёкаи и люди, а вот «злые» демоны пробраться уже не могли.

Аниме имеет огромное влияние не только в Японии, но и во всем мире. Это дает возможность современным японским режиссёрам транслировать традиционные ценности своей страны через многосерийные и полнометражные аниме.

В заключение хотелось бы отметить, что японские сады, имея вековую историю, не канули в лету, а продолжают существовать и развиваться даже в наши дни. Значение японских садов в настоящее время настолько велико, что они «вышли» за пределы Японии: во многих странах создаются современные японские сады, основываясь на традициях. Также стоит отметить, что мультипликационный стиль «аниме», имея огромное влияние на мировую культуру, является для японцев прекрасным способом трансляции своих традиционных ценностей и элементов национальной культуры в другие страны. В данной статье мы лишь затронули тему, но её можно продолжить и на примере фестивалей, архитектуры, кулинарии, показанных в различных культовых аниме.

Литература

1. Жирнов А.Д. Искусство паркостроения. Львов: Высшая школа, 1977. – 208 с.
2. Котобанк. コトバンク. URL: <https://kotobank.jp/> (дата обращения 28.03.2024).
3. Наруто. ナルト. URL: <https://naruto-official.com/> (дата обращения 28.03.2024).
4. Николаева Н.С. Японские сады. М.: Изобразительное искусство, 1975. – 280 с.
5. Сад изящных слов. 言の葉の庭. URL: <https://www.kotonohanoniwa.jp/> (дата обращения 28.03.2024).
6. Сады даймё и горожан эпохи Эдо. URL: <https://magisteria.ru/japanese-gardens/edo> (дата обращения 29.03.2024)
7. Синдзюку-Гёэн. 新宿御苑. URL: <https://www.env.go.jp/garden/shinjukugyoen/> (дата обращения 29.03.2024).
8. Тетрадь дружбы Нацумэ. 夏目友人帳. URL: <https://natsume-movie.com/> (дата обращения 29.03.2024).
9. Conder Josiah. Landscape gardening in Japan: The 100-year-old classic. Tokyo: Kodansha, 2002. – 247 p.

Зинченко Алина Витальевна
аспирант, ассистент
Новосибирского государственного университета
alinazin1998@gmail.com

ПРИЧИНЫ ТЕСНОЙ СВЯЗИ ДЗЭН-БУДДИЗМА С ТРАДИЦИОННЫМИ ИСКУССТВАМИ ЯПОНИИ

В данном исследовании автор рассматривает влияние школы Риндзай на формирование чайной церемонии в Японии и ее воздействие на другие благородные искусства Японии. В качестве примера тесной связи этих искусств с дзэн-буддизмом автор рассматривает комплекс «Семь ритуалов», включающий в себя все три главные вида японских искусств – чайную церемонию, искусство аромата и искусство аранжировки срезанных цветов.

Ключевые слова: школа Риндзай, комплекс «Семь ритуалов», японское чайное искусство, искусство аромата, ко:до:, искусство аранжировки срезанных цветов, кадо:, икэбана.

Reasons for the close connection of Zen Buddhism with traditional arts of Japan

In this study, the author examines the influence of the Rinzai school on the formation of the tea ceremony in Japan and its impact on other noble arts of Japan.

As an example of the close connection of these arts with Zen Buddhism, the author considers the complex "Seven Rituals," which includes all three main types of Japanese arts - the tea ceremony, the way of fragrance, and the way of flower.

Keywords: Rinzai school, Seven Rituals tea complex, Japanese tea ceremony, the way of fragrance, kōdō, the way of flowers, kadō, ikebana.

Буддизм зародился в VI в. до н.э. в Индии. В XXI в. буддийские сообщества существуют, за редкими исключениями, во всех странах мира. Однако стоит понимать, что буддизм не является однородным образованием, а, подобно другим мировым религиям, разделен на различные направления и школы.

Одним из важнейших направлений буддизма в Японии является дзэн-буддизм. В Японии он затрагивает все сферы жизни. Этот факт особенно ярко проявляется в связи дзэн с благородными тремя главными искусствами Японии 日本三芸道 *нихон сангэйдо:*, включающими в себя чайную церемонию 茶道 *садо:*, искусство аранжировки срезанных цветов 花道 *кадо:* и ароматическое искусство 香道 *ко:до:*.

Сложные практики в рамках этих благородных искусств выполняют двойственную функцию: с одной стороны, они служат средством развлечения, а с другой – несут в себе сакральное значение, связанное с дзэн-буддизмом.

Буддизм проник в Японию в VI в. Согласно летописям Нихон-сёки в 552 г. Сонмён, ван государства Пэкче, преподнёс Императору Киммэй, правителю Ямато, золотую статую Будды, буддийские ритуальные предметы, а также послание, превозносящее Закон Будды [7, с. 53].

Подобные подарки, связанные с передачей буддийских регалий, происходили неоднократно, зачастую вызывая сопротивление императоров по причине того, что подобное могло разгневать «японских» богов.

При этом, в Нихон-сёки подчеркивается, что каждая попытка императоров противодействовать распространению буддизма строго каралась свыше. Примером может служить история императора Бидацу, сына императора Киммэй [7, С. 69–79]. В данной истории фигурируют три лица:

1. Сам император Бидацу.
2. Влиятельный царедворец Мононобэ-но Югэ-но Мория.
3. Сога-но Умако-но Сукунэ, получивший титул О-оми и почитающий учение Будды.

Император Бидацу описывается в Нихон сёки таким образом:

«Государь не верил в Закон Будды... Двадцати девяти лет от роду он стал престолонаследником».

Мононобэ-но Югэ-но Мория обратился к государю:

«Отчего ты не следуешь словам твоих слуг? И при твоём покойном отце, и в твоё правление случается много болезней — силы народа истощаются. И все это — из-за того, что Сога-но О-оми поклоняется Закону Будды!».

Государь согласился с ним, после чего произошел следующий эпизод:

«Мононобэ-но Югэ-но Мория-но О-мурадзи отправился в храм Будды... Он повелел изрубить пагоду и сжечь ее. Сожгли и статую Будды, и дворец Будды... В этот день дул ветер и шел дождь, хотя облаков не было видно. Он бранил Умако-но Сукунэ и тех, кто вслед за ним стал почитать Закон Будды, зародив в их сердцах смущение».

Далее последовала следующая сцена между Умако-но Сукунэ и императором:

«Болезни твоих подданных все еще не излечены. Без помощи Трех Сокровищ³³ спастись будет нельзя». Тогда государь повелел Умако-но Сукунэ: «Исполни Закон Будды один. Но не обращай [в свою веру] других».

Следующая строка:

«Государь тяжело занемог и скончался в Большой Зале».

В Нихон-сёки также косвенно подчеркивается значение буддизма в стране, путем упоминания определенных буддийских концепций:

³³ Будда, его учение и монахи.

«Тонэри же был из слабого десятка, изменившись в лице, он залез на дерево, и уже более не владел своими пятью чувствами» (Нихон сёки 1, С. 351)

В данном примере «пять чувств» – это отсылка на буддийскую концепцию «пяти корней», включающих в себя глаза, уши, нос, язык и тело. «Пять корней» рождают «пять чувств» – радость, гнев, любовь, страх и злобу.

В этом же заключается одно из важных различий Нихон-сёки с Кодзики. Будучи ориентирована сугубо на синтоистские ценности, Кодзики совершенно не отражает не только процесс распространения буддизма – один из основных объектов описания «Нихон сёки», призванных поставить Японию в один ряд с другими «цивилизованными» государствами Дальнего Востока (прежде всего с Китаем) [6, С. 81–82].

Получив начальное развитие, японский буддизм оформился в шесть школ периода Нара (VIII век): Санрон, Хоссо, Куся абхидхарма, Дзёдзицу, Риссю, и Кэгон. В дальнейшем также появились школы Тэндай, Сингон, направление буддизма Чистой Земли и т.д.

Однако все эти школы буддизма никак не были связаны ни с японской чайной церемонией, ни с искусством ароматов, ни с искусством цветов.

Наконец, в XII в. в Японию из Китая пришло учение дзэн. Учение дзэн пришло в рамках двух школ – Риндзай и Сото.

Возросшая роль этого направления была напрямую связана с первым патриархом школы Риндзай – монахом Эйсаем (1141–1215). Во время своей второй поездки в Китай в 1187 г., он проникся учением Линьцзи – школой в рамках чань-буддизма [3, С. 25]. Характерной чертой школы Линьцзи было проповедование ученикам отрешения от влияния культа и догматов в пользу раскрытия их собственной природы Будды.

Иными словами, учение Линьцзи предполагало уход от классического пути достижения буддизма, включающего следование догматом и чтение сутр, а поиск Будды в себе путем достижения определенного состояния духа.

Находясь под влиянием этой трактовки буддизма, Эйсай вернулся в Японию, где создал школу Риндзай.

В XIII в. произошел расцвет дзэн-буддизма в Японии т.к. вышедшее на политическую арену военное дворянство основным образом упиралось на «новые» буддийские школы [С. 21-22]. К этим школам относились амидаизм, нитирэннизм и дзэн.

Особой популярностью у самурайской прослойки пользовалась школа дзэн-буддизма Риндзай, т.к. с одной стороны эта школа целенаправленно культивировала у своих последователей необходимость заниматься боевыми искусствами (в рамках уже упомянутого достижения особого состояния духа). Ее идеология во многом способствовала возникновению самурайского кодекса *бусидо*. С другой стороны, отказ от следования строгим ограничениям в пользу поиска «Будды в себе» импонировал возросшей самурайской прослойке.

Доминирующая позиция школы Риндзай в Японии закрепилась к периоду Эдо (1603–1868), когда каждый сёгун из рода Токугава имел при себе советника, принадлежащего к школе Риндзай.

Чтобы рассмотреть влияние дзэн-буддизма на три благородных искусства, рассмотрим становление этих искусств в Японии.

Чайная церемония в Японии:

Традиция пить чай в форме определенного действия зародилась в Китае. Изначально данная традиция не выходила за пределы монастырей и служила, с одной стороны, способом борьбы с сонливостью, с другой, выступала своеобразным религиозным ритуалом.

Чай появился в Японии приблизительно в VIII в. на волне распространения на островах континентальной культуры. Однако из-за прекращения дипломатических отношений с Китаем в конце IX в. обычай пить чай практически исчез из повседневной жизни аристократов, при этом в определенной мере сохраняясь в качестве религиозного ритуала у монахов.

В XII–XIII вв. произошло стремительное развитие чайного искусства в Японии. Оно совпало с вышеупомянутым становлением и усилением школы Риндзай.

Первый патриарх школы Риндзай, Эйсай, не только принес дзэн-буддизм в Японию, он также выступал активным популяризатором чая и чайной церемонии. Эйсай изложил свои взгляды на чай и чайную церемонию в трактате «Записки о питии чая и поддержании жизни» (喫茶養生記 *Кисса ё:дзё:ки*) [3, С. 25–26]. В своем трактате Эйсай рассуждает о явлении, которое он называет «концом Дхармы». В упрощенной трактовке это понятие можно трактовать как конец света. В тоже время Эйсай определяет чай как «целительное средство святых, которое может поддержать жизнь в конце мира, способное продлить жизнь человека». Необходимо подчеркнуть, что понятие «продление жизни» касается не столько заботы об улучшении физического состояния, сколько спасения жизни в век «конца Дхармы». Здесь проявляется явная опора на учение Сингон [3, С. 28]. Взгляды Эйсай на чай в дальнейшем были преобразованы в базовые концепты чайной церемонии.

После смерти Эйсай за дальнейшее развитие чайного дела в Японии взялся его ученик Мё:э (1173–1232). Мё:э сформулировал три основных назначения чая – чай должен был избавлять от сонливости, неправильного положения тела и рассеянности мыслей.

Собственное производство чая в Японии наладилось только в XIII–XIV вв.

В XVI в. впервые появились предпосылки полагать, что чай вышел из сферы исключительно религиозной, в сферу светскую. В этот период сложились так называемые «чайные поединки» 闘茶 *то:тя*, которые хоть и проводились в Японии начиная с периода Камакура, но обрели популярность

именно в XVI в. Окончательный классический вид японская чайная церемония приобрела в XVI в. благодаря стараниям Сэн-но Рикю (1522–1591).

В рамках перехода чая в светскую сферу стали формироваться различные обучающие и развлекающие комплексы, одним из которых может служить комплекс «Семь ритуалов». При этом чайная церемония до сих пор сохраняет сильную связь с дзэн-буддизмом, о чем будет рассказано ниже.

Искусство аромата в Японии:

Считается, что искусство аромата в Японии берет свое начало в VI в., когда в Японию из стали прибывать разнообразные ароматические растения.

Проникновение ароматических растений в Японию совпадает с проникновением в страну буддизма. Атрибутика буддийских алтарей традиционно подразумевает окуривание помещения благовониями. Следовательно, уже на заре развития искусство ароматов, оно было неразрывно связано с буддизмом [2, С. 130–131].

Еще до формирования данной практики как искусства, различные категории населения использовали благовония. Так, считалось, что многие ароматические растения имеют целебные свойства, а самураи готовились к битве, очищая свой разум и тело благовониями, нагревая ароматическую древесину 香木 *ко:боку*.

Спустя несколько столетий, а именно в эпоху Муромати (1392–1573), когда принципы возжигания благовоний оформились в стройную систему и стало возможно говорить о существовании искусства, известные японские мастера Сандзёниси Санэтака и Сино Со:син составили классификацию ароматов.

Было выделено шесть сортов по названию шести стран: 伽羅 *кяра* (Индия), 羅国 *ракоку* (Таиланд, Мьянма), 真那伽 *манака* (Малакка, Малазия), 寸聞多羅 *сумотара* (Суматра), 真南蛮 *манабан* и 佐曾羅 *сасора* (страны Юго-Восточной Азии). Дополнительно были введены еще «пять вкусов» различных ароматов: 甘 *кан* (сладкий), 酸 *сан* (кислый), 辛 *син* (острый), 鹹 *кан* (пересоленный), 苦 *ку* (горький) [2, С. 131].

При этом стоит упомянуть, что, хотя данные личности и остались в истории как мастера искусства ароматов и придворные эпохи Муромати, они не были далеки от буддизма. Так, Сандзёниси Санэтака в 1516 году покинул все должности, став буддистским монахом. А школа ароматического искусства Сино существует до сих пор. Патриархи данной школы обучаются в храме Дайтоку-дзи, главном храме буддийской школы Риндзай [10].

С эпохи Камакура по аналогии с чайными соревнованиями 闘茶 *то:тя* стали проводить состязания по отгадыванию ароматов 闘香 *то:ко*. Появление аналогичных развлекательных видов искусств говорит, во-первых, о тесной

связи чайной церемонии с искусством ароматов. Во-вторых, об аналогичном переходе искусства ароматов в светскую сферу.

Многие концепции искусства ароматов, искусства чая и искусства цветка пересекаются, так, мы можем наблюдать пересечение в понятии «Десяти добродетелей» [1, С. 179–180]. Существуют перечни «Десять добродетелей» аромата, чая и цветка – 香の十徳 *ко:-но дзю:току*, 茶の十徳 *тя-но дзю:току* и 花の十徳 *хана-но дзю:току* соответственно. Данные добродетели соотносятся как с идеями дзэн-буддизма, так и буддизма в целом.

В настоящее время в Японии благовония существуют в различных формах и используются во всех сферах жизни – в развлекательных практиках, как медицинское средство, как часть буддийских практик и т.д.

В основе искусства ароматов лежит глубокая связь с философией дзэн, призывающая нас быть в настоящем моменте, свободными от оков отвлекающих факторов. Эта практика ведет участников к отбрасыванию умственного беспорядка и погружению в чувственный опыт.

Искусство аранжировки срезанных цветов в Японии:

Искусство аранжировки цветов зародилось в Японии еще в эпоху аристократии. Антологии поэзии вака, такие как Манъёсю и Кокин Вакасю периода Хэйан (794–1185), включали множество стихов на тему цветов. С появлением буддизма в стране подношение цветов к буддийским алтарям стало обычным явлением.

Как было упомянуто выше, атрибутика буддийских алтарей традиционно подразумевает окуривание помещения благовониями и обязательное наличие живых цветов. Интересным различием является тот факт, что в Индии, где буддизм зародился, широко используется лотос. В то время как в Японии для каждого случая для этой цели выбирали сезонные цветы.

Позже, среди других видов буддийских подношений, подношение *мицугусоку*, включающее в себя предоставление цветов, стало популярным в периоды Камакура (1185–1333) и Нанбоку-тё (1336–1392) [5, С.35]. Различные буддийские писания были названы в честь цветов, таких как «Сутра цветочной гирлянды» и «Лotosовая сутра».

Искусство аранжировки цветов развивалось, и многие школы возникли только в конце XV века. Восьмой сёгун Асикага, Ёсимаса (1436–1490), был покровителем чайной церемонии и искусства аранжировки срезанных цветов. Позже Ёсимаса отрекся от своего поста, чтобы посвятить свое время искусству, и разработал концепции, которые затем способствовали формулированию правил пути цветка. Одним из наиболее важных является то, что цветы, предлагаемые во всех церемониальных случаях и возлагаемые в качестве подношений перед богами, не должны предлагаться свободно, а должны символизировать время и мысль.

Значительные изменения в икэбана произошли в связи с распространением в Японии чайной церемонии. Классическая чайная комната всегда содержит в себе нишу *токонома*. В этой нише стоит цветочный букет. Искусства аранжировки цветов, также, как и искусство аромата, стало важной составляющей чайной церемонии.

В настоящее время существуют различные игровые практики, связанные с искусством цветка.

Пример синкретизма благородных искусств и их связи с дзэн-буддизмом на примере комплекса «Семь ритуалов»:

«Семь ритуалов» 七事式 *ситидзи-сики* – это относительно новый комплекс в системе японского чайного действа, разработанный седьмым патриархом школы «Омотэ-сэнкэ» Дзёсинсаем совместно с восьмым патриархом школы «Ура-сэнкэ» Ю:гэнсаем в первой половине XVIII в [8, С. 5-6].

Комплекс включает в себя семь церемоний, направленных на отработку навыков необходимых для успешного участия в чайной церемонии, включающих в себя не только навыки работы с чаем, но и навыки манипуляции с благовониями и цветами.

Комплекс неразрывно связан с дзэн-буддизмом. Данная связь реализуется на трех уровнях – уровне, характерном для японских благородных искусств в целом, уровне, характерном для комплекса «Семь ритуалов» в целом и уровне, характерном для каждой церемонии данного комплекса в отдельности [4. С. 46].

1. Чтобы подчеркнуть связь трех главных искусств Японии с дзэн-буддизмом на общем уровне, мы можем отметить, что некоторые ключевые понятия дзэн-буддизма распространяются на все три искусства. Это понятия «гармонии» 和 *ва*, «почитания» 敬 *кэй*, «чистоты» 清 *сэй* и «покоя» 寂 *дзяку*.

«Гармония» подразумевает объединение гостей и хозяина на некоем метафизическом уровне, где перестают ощущаться различия между отдельными людьми; «почитание» предполагает, что гость должен почтительно относиться к «хозяину» церемонии и остальным гостям; «чистота» – это принцип, подразумевающий духовное и телесное очищение перед участием в церемониях, чтобы отринуть все земное и грязное, и, наконец, «покой» подразумевает спокойное состояние психики и духа, необходимое для поиска «Будды в себе».

2. Когда мы говорим о связи, характерной для комплекса в целом, мы имеем в виду тот факт, что создатели комплекса, Дзё:синсай и Ю:гэнсай, долгое время изучали дзэн-буддизм, поэтому они объединили комплекс «семи ритуалов» с буддийским концептом «семи внутренних и внешних дел» (内ノ七事 *ути-но ситидзи* и 外の七事 *сото-но ситидзи* соответственно), характерных для благородного человека.

3. Чтобы рассмотреть связь каждой церемонии комплекса с дзэн-буддизмом в отдельности, рассмотрим три церемонии:

1. Ити-ни-сан «Один-два-три» (реализуется путь чая);
2. Мавари-дзуми «Уголь по кругу» (реализуется путь аромата);
3. Мавари-бана «Цветок по кругу» (реализуется путь цветка).

В церемонии **ити-ни-сан** участвует шесть человек – один хозяин и пять гостей. Помощник хозяина вносит поднос с карточками 十種香札 *дзиссюко:-фуда* («карты десяти ароматов»). Хозяин в соответствии со строгими правилами заваривает чай, а гости, выпив его, оценивают мастерство хозяина.

В **ити-ни-сан** используются шесть карт: «луна-один», «луна-два», «луна-три», «цветок-один», «цветок-два» и «цветок-три». Карта «луна-один» обозначает самый хороший результат, ею отмечают «мастера»; карта «луна-два» соответствует более слабому результату, она достается «помощнику мастера», карта «луна-три» называется сто очков. Соответственно, карта «цветок-один» выставляется при одной ошибке, карта «цветок-два» при нескольких ошибках, картой «цветок-три» отмечается самый посредственный результат.

В основе ритуала **ити-ни-сан** лежит дзэнское понятие 修證即不無, 汚染即不得 *сю:се-ва сунавати накинниарадзу сэнъосурэба эдзу*.

Буквальный перевод понятия – «совершенствовать и постичь – можно, загрязнить – нельзя». Эта фраза является отрывком из «Сутры помоста шестого патриарха».

Смысл понятия заключается в том, что для постижения какого-либо дела и становления в нем мастером, нужна долгая практика, но во время практики нельзя «загрязнять» то, чем ты занимаешься – нужно задумываться не только о технической стороне процесса, но и о его сути.

Это понятие очень хорошо отражает суть ритуала, т.к. в нем оценивается не подготовка новичков, а мастерство хозяина, имеющего долгую практику.

В церемонии участвует **мавари-дзуми** пять или шесть человек – один хозяин и гости. В рамках ритуала гости под руководством хозяина оформляют чаши с пеплом. Неотъемлемой частью ритуала является правильное расположение ароматических шариков 練り香 *нэрико* и углей в чашах и очаге. Гости, после оформления чаш с пеплом, должны под руководством хозяина правильно выложить уголь и *нэрико* в очаг, тем самым осуществляя поворот угля.

В основе **мавари-дзуми** лежит дзэнское понятие 端的底看嚮 *тантэки тэи-ни сяку-о миё*:. Происхождение данного понятия связывают с китайской притчей:

Однажды чаньский учитель спросил ученика, есть ли огонь в очаге или нет? Ученик ответил, что огня в очаге нет, он потух. После чего его учитель

поскреб золу в печи, что привело к появлению небольшого огонька. Показав это, он сказал: «Ты говорил, что его нет, но, как видишь, он есть».

Иными словами, одно и то же явление может выглядеть совсем по-другому с разных сторон. То, что кажется нам очевидным, может оказаться совсем иным, если посмотреть на это под другим углом.

Смысл понятия в контексте ритуала заключается в том, что все угли и благовония, закладываемые в чаши с заготовленными пеплом и очаг, не могут лежать одинаково, их внешний вид и эстетическая составляющая всегда будут различаться, поэтому не существует ничего постоянного и абсолютного [9, с. 7].

В церемонии *мавари-бана* принимают участие пять человек. Помощник хозяина вносит поднос с ветками и цветами. Все гости встают с татами и подходят к нише *токонома*, любясь составленной цветочной композицией. Их задача – составить цветочную композицию в бамбуковой вазе.

Каждый гость достает из композиции по одному цветку и добавляет свой. Задача каждого из гостей – сохранить эстетическую ценность композиции, внося в нее свой элемент, при этом важно не разрушить существующую гармонию. Так реализуется "поворот-цветка". В основе церемонии лежит понятие 色即是空 *сикисоку дзэку*: *сирё: корасэба сунавати сомуку*. В отечественной научной литературе оно переводится, как «всё на этом свете призрачно, иллюзорно».

Дзэн утверждает, что не существует ни самого человека, ни его окружения, так как всё это является лишь «иллюзией сознания». Гости меняют цветы, но никогда не видят общей картины и сути, потому что ее не существует.

Таким образом, на основе исследования становления и расцвета направления дзэн в Японии, а также на основе изучения влияния этого направления на три главных искусств Японии, автор делает следующие выводы:

1. В рамках дзэн-буддизма для просветления необходимо определенное состояние духа, именно поэтому направление дзэн с самого начала своего зарождения в Японии покровительствовало развитию благородных искусств. В рамках сакрального восприятия данные церемонии являются определенным способом медитации, необходимой для поиска «Будды в себе».

2. Более того, все составляющие искусства чая, аромата и цветка являются неотъемлемой частью буддийских ритуалов, т.к., как было упомянуто выше, атрибутика буддийских алтарей традиционно подразумевает окуривание помещения благовониями и обязательное наличие живых цветов. В то время как искусство чая апеллирует к вкусовым ощущениям, так или иначе связанным с концентрацией на себе.

3. Автору представляется вероятным тот факт, что среди причин изначального покровительства школы Риндзай благородным искусствам мог лежать личный интерес к чайной церемонии первого патриарха школы Эйся. В

Китае он тщательно изучал чай, по возвращении написал несколько трактатов о нем. Это объясняет тот факт, что школа Сото, хоть и тоже относится к направлению дзэн, не играла такой важной роли в становлении трех главных искусств Японии. В это же время развитие чайной церемонии происходило не обособленно, а находясь в синкретизме с искусством цветов и аромата.

4. Вероятно, возвышение именно школы Риндзай в Японии (и, соответственно, связанная с этим возможность покровительства искусствам) связана с рядом удачных стечений обстоятельств. В XII в. в Японии правящая верхушка фактически стала состоять из самурайского сословия, в то время как император и его придворные стали играть исключительно формальную роль. Более того, школа Риндзай покровительствовала боевым искусствам, что также могло расположить к ней правящую верхушку военной элиты.

Литература

1. Войтишек Е. Э. Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Корея, Япония). Новосибирск, 2009. 296 с.
2. Войтишек Е. Э., Никитина Я. А. Искусство ко:до: («путь аромата») в традиционной и современной культуре досуга Японии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2011. Т. 10, вып. 4: Востоковедение. С. 130-138.
3. Игнатович А. Н. Философские, исторические и эстетические аспекты синкретизма (на примере чайного действия). Москва: Русское феноменологическое общество, 1997. 288 с.
4. Зинченко А.В. Идеиные основы комплекса «Семь ритуалов» в японской чайной культуре. Новосибирск, 2022. 110 с.
5. Нелидова Ю.М. Первая школа икэбаны икэнбо и формирование основных стилей икэбана // Сборник статей XXIV Международного научно-исследовательского конкурса "Лучшая студенческая статья 2019". Пенза, 2019. С. 34–39.
6. Нихон сёки. Анналы Японии Т.1. / Пер. Ермаковой Л.М., Мещерякова А.Н.. Москва: Гиперион, 1997. 494 с.
7. Нихон сёки. Анналы Японии Т.2. / Пер. Ермаковой Л.М., Мещерякова А.Н.. Москва: Гиперион, 1997. 426 с.
8. Хориноути Со:кан. Ситидзи-сики уэ [七事式上]. Семь ритуалов. Ч. 1. Токио: Сюфу-то-сэйкацу-ся, 1989. 215 с.
9. Хориноути Со:син. Ситидзи-сики. Мавари-дзуми. Мавари-бана [七事式 廻り炭 廻り花 花 寄せ]. Семь ритуалов. Мавари-дзуми, мавари-бана, хана-ёсэ. Сэкай бункася, 2008. 111 с.
10. Kodo – The traditional Japanese culture of Incense. URL: <http://discovernagoyatours.com/10samurai/kodo/> (дата обращения: 25.03.2024).

Тапилина Ксения Григорьевна
Старший преподаватель кафедры
зарубежной филологии и лингводидактики, РХГА им. Достоевского
kseniayena@yandex.ru

СОЗДАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИИ ТОКУСАЦУ В КАМЕН РАЙДЕР W

В статье рассматривается история франшизы «Камен Райдер» и отдельно сезон «Камен Райдер Дабл», который является первым сезоном, снятым во второй половине эпохи Хэйсей. «Камен Райдер Дабл» является уникальным сезоном, так как создатели сериала создают с нуля целую киновселенную, начиная от самого места действия и заканчивая терминологией, которой пользуются герои.

Ключевые слова: токусацу, культура, киножанр, культура, камен райдер.

Tapilina Ksenia Grigorievna
Russian Christian Academy for the Humanities, senior lecturer
Tokusatsu "Kamen Rider W": creation of terminology (仮面ライダーW)

The paper deals with the history of Kamen Rider franchise and Kamen Rider W series, the first season of the second part of Heisei Era. Kamen Rider W is very unique because the plot was created from scratch, including setting and terminology of the Kamen Rider W universe.

Key words: tokusatsu, Japan, film genre, culture, kamen rider.

Жанр токусацу

Жанр токусацу является уникальным в мировом кинематографе. Само название произошло от японского слова 特撮 («специальная съемка») и изначально обозначал технику съемки, при помощи которой снимались сериалы и фильмы: окружающий мир создавался при помощи макетов, изображение накладывалось на искусственно созданные городские или иные пейзажи, а монстров изображали актеры в костюмах. Позднее токусацу стали называть жанр, в котором супергерои сражались против сил зла – монстров или инопланетных захватчиков, а часть съемок в токусацу стали комбинировать со съемками лайв-экшн. Создатели сериалов поднимают важные вопросы, на которые главный герой ищет ответ: откуда взялась сила, как ей воспользоваться для спасения людей, как оставаться стойким даже в сложных ситуациях, и другие.

仮面ライダーW (Камен Райдер Дабл): общие сведения

«Камен Райдер Дабл» открывает вторую половину эпохи Хэйсей. Сезон был снят в 2009 году и рассказывает историю вымышленного города Футо, в котором постоянно происходят странные вещи и пропадают люди. В сериале два главных героя: Хидари Сётаро, частный детектив, работающий в небольшом детективном агентстве своего погибшего начальника, и Филипп – молодой человек, которому, в результате странного происшествия, доступны все знания о мире. Филипп способен подключаться к библиотеке Гайя-мемори и находить искомое, по ключевым словам, и просчитать исход любой ситуации. Вдвоем они превращаются в Камен Райдер Дабла, уникального супергероя с точки зрения всей вселенной «Камен Райдер»: при активации гайя-мемори Филиппа, его сознание переносится в тело Сётаро, а при помощи драйвера запускается превращение. При этом в момент превращения Филипп теряет сознание и может очнуться только после окончания боя.

Сётаро и Филипп сражаются против допантов – мутантов, получающих свои суперспособности от гайя-мемори (USB-флеш-накопитель, дающий суперсилу тому, кто его использует).

Основные понятия вселенной Kamen Rider W

Для проведения анализа терминологии необходимо составить список понятий, с которыми работает данный сериал и вселенная «Камен Райдер» в целом. Эти термины будут применяться в дальнейшем для классификации данной информации.

1. 仮面ライダー (かめんライダー、kamen rider, Камен Райдер) - название супергероя вселенной «Камен Райдер». В переводе на русский язык – «наездник в маске».
2. ドライバー (ドライバー, драйвер) - специальное устройство, используемое для превращения в Камен Райдера.
3. ガイアメモリ (gaia-memori, гайя-мемори) - устройство, дающее возможность превратиться в допанта. Внешний вид: USB-флеш-накопитель с цветным корпусом и буквой английского алфавита на корпусе, обозначающей тип способности.
4. マキシマムドライブ(makusimamu doraibu, максимум драйв) – общее название финальной атаки Камен Райдера.
5. ドーパント (doopanto, допант) – люди, получившие суперспособности в результате использования гайя-мемори.
6. NEVER (аббревиатура Necro-Over) – солдат, созданный из

мертвого тела с помощью клонирования клеток и биостимуляторов.

7. 変身言葉 (へんしんことば、henshin kotoba, хэнсин котоба)
- слова, которые говорят во время превращения.

8. 変身 (へんしん、henshin, хэнсин) - в переводе - «превращение». Слово, которое произносит Камен Райдер, чтобы запустить работу драйвера.

Название супергероя

Во вселенной Камен Райдер Дабл можно выделить следующих основных героев: 仮面ライダーW (ダブル) - Камэн Райдер Дабл, 仮面ライダーアクセル - Камэн Райдер Аксель, 仮面ライダースカル - Камэн Райдер Скалл, 仮面ライダーエターナル - Камэн Райдер Этернал.

Согласно канонам вселенной Камен Райдер, в названии каждого супергероя есть сочетание 仮面ライダー, состоящее из слов 仮面 (かめん、ka-men, маска), являющимся канго, и ライダー (raidaa, райдер), являющимся гайрайго. Названия самих Камен Райдеров происходят от названия гайя-мемори, которые они используют (Аксель – Аксель, Скалл – Скалл, Этернал – Этернал). Однако название 仮面ライダーW является уникальным с точки зрения составления: официально имея в названии W, читается как ダブル (daburu) - произошло от названия буквы английского алфавита. Данное название указывает на то, что двое человек превращаются в одного Камен Райдера и являются единым целым как в сознании, так и телом. Так же Хидари Сётаро и Филипп являются партнерами в детективном агентстве и хорошими друзьями, и именно на это указывают создатели сериала.

Отдельно сделаем выводы по общему названию класса супергероев и названиям. 仮面ライダー состоит из комбинации канго и гайрайго. Названия состоят полностью из гайрайго (включая W).

Названия драйверов

Само слово ドライバー является гайрайго. Если рассмотреть названия видов драйвера, то можно выделить:

- メモリードライバー (ダブルドライブギア)
- アクセルドライバー
- ロストドライバー

Все эти названия по своему происхождению являются гайрайго и отличаются друг от друга. メモリドライバー (ダブルドライブギア) произошло от английских слов memory driver (double drive gear). Само по себе устройство имеет два отверстия для гайя-мемори. アクセルドライバー произошло от “accel driver” и отличается от двух других драйверов наличием одного отверстия под гайя-мемори Аксель, а также внешним видом напоминает руль мотоцикла. ロストドライバー получил свое название от lost driver и его отличительная особенность – возможность использования T2 гайя-мемори, а так же одно отверстие под гайя-мемори.

Таким образом, в этой категории безусловным лидером по использованию становится гайрайго.

Максимум драйв – финальная атака Камен Райдера

В сезоне 仮面ライダーW финальная атака с использованием гайя-мемори любого типа называется マキシマムドライブ, от английского словосочетания maximum drive. Рассмотрим общие закономерности составления.

Названия финальных атак Камен Райдер Дабла содержат в себе название гайя-мемори, способность которой будет усиливаться при помощи драйва, а также вид финальной атаки или эффект, например:

ジョーカーマキシマムドライブ! ジョーカーエクストリーム! - Прыжок с сильным ударом с высоты. При атаке происходит разделение тела на две половины – Циклон и Джокер.

ジョーカーマキシマムドライブ! ジョーカーグレネード Прыжок с разделением камен райдера на две части и усилением энергии с двух сторон.

Названия финальных атак Камен Райдер Акселя содержат только названия атак, так как гайя-мемори Аксель немного отличается по своему способу использования, включая отдельный вид драйвера. Например:

アクセルタービュラーフェニックス - покрывается языками пламени в формы буквы А и совершает удар с высоты.

Аналогично у Камен Райдер Скалла:

必殺キック - выпускает большой череп из энергии из груди, который обездвигивает цель и взрывается.

Камен Райдер Этернал использует гайя-мемори, хоть и T2, но принцип такой же, как и у Камен Райдер Дабла:

エターナルマキシマムドライブ! エターナルレクイエム - нейтрализует все гайя-мемори в поле зрения, навсегда лишая их силы, кроме T2. Так же может давать эффект rider kick.

Условно типы атак можно разделить на четыре вида. Для удобства

классификации мы введем новые термины, основываясь на видах финальных атак:

- ライダーキック – Райдер кик – сильный удар ногой с высоты, усиленный энергией,
- ライダーパンチ – Райдер панч – сильный удар рукой, усиленный энергией,
- ライダーシューティング – Райдер шутинг – стрельба,
- ライダーイリュージョン – Райдер иллюзия – атака при помощи создания иллюзий.

Если рассматривать все названия финальных атак, то опять же преобладает гайрайго. Однако есть одно исключение – финальная атака Камен Райдер Скалла, которая содержит в себе канго + гайрайго: 必殺キック.

Названия противников

Здесь мы будем рассматривать названия противников Камен Райдер Дабла в сериале и полнометражных фильмах.

В сериале это ドーパント (doopanto, допант) – люди, получившие суперспособности в результате использования гайя-мемори. Можно сделать предположение, что ド – сокращение от слова «допинг» (ドピング), т.к. введение в организм гайя-мемори стимулирует тело человека изменяться и он приобретает суперспособности. パント, вероятно, является отсылкой к греческому аффиксу pant (значение «все, всё, каждый»). Таким образом, само название «допант» тесно связано с историей происхождения термина «гайя-мемори».

В полнометражных фильмах появляются NEVER. Как объясняет Филипп, это аббревиатура Necro-Over. Согласно сюжету, перед получением финансирования проект по разработке и производству гайя-мемори соперничал с проектом NEVER, цель которого была оживлять мертвые тела при помощи клонирования клеток и биостимуляторов, создавая непобедимого солдата. Но этот проект не был принят комиссией.

Хэнсин котоба

Отличительная черта сериалов в жанре токусацу – наличие особых слов или словосочетаний, который использует главный герой, чтобы запустить превращение в супергероя. Обычно это 変身 – «превращение». Воспользуясь

этим термином, мы вводим термин 変身言葉 – слова, используемые для запуска превращения и во время превращения, которые произносит либо сам человек, либо драйвер (часто озвучивается закадровым голосом). Вселенная Камен Райдер Дабла в этом плане так же отличается от других. Мы будем рассматривать хэнсин котоба каждого Камен Райдера, учитывая особенности драйвера и гайя-мемори.

Хэнсин котоба Камен Райдер Дабла обязательно содержат названия используемых гайя-мемори, которые озвучиваются путем активации гайя-мемори, после чего ее вставляют в драйвер. Специфика Дабла состоит в том, что два человека становятся одним супергероем, в связи с чем используются две гайя-мемори (кроме соло-превращений в Джокера Хидари Сётаро). Основная комбинация サイクロン、ジョーカー, однако возможны варианты на базе одной из этих гайя-мемори: так Циклон может сочетаться с Металлом, а Джокер с Жаром, и так далее. При активации базовой комбинации сознание Филиппа переносится в голову Хидари Сётаро. В случае, если сознание Хидари Сётаро переносится в Филиппа, остается возможной только одна комбинация – Фанг (Клык) и Джокер, где основная гайя –мемори- Фанг.

Камен Райдер Аксель как основную гайя-мемори использует Аксель, в связи с чем в его хэнсин котоба есть только название используемой гайя-мемори и само слово «хэнсин», однако в случае усиления и использования других гайя-мемори хэнсин котоба меняется (аналогично у Камен Райдер Дабла).

Камен Райдер Скалл и Камен Райдер Этернал при превращении используют только название своей гайя-мемори и слово «хэнсин».

Анализируя состав хэнсин котоба, отмечаем, что используется как канго, так и гайрайго. В связи с большим разнообразием гайя-мемори, если не считать само слово «хэнсин», используются только заимствованные слова.

Девиз Камен Райдера

Девиз Камен Райдера – это слова, которые говорит Камен Райдер после превращения. Здесь можно отметить только одну фразу, которую говорит Камен Райдер Дабл - さ、お前の罪をかぞえろ！ - «Ну что ж, пересчитаем твои преступления!». В этой фразе уже не встречается гайрайго, как в других категориях, используется ваго. Фраза составлена таким образом, чтобы была понятна любому простому зрителю, а также для указания того, что сам по себе тот, кто является Камен Райдером, живет в Японии и близок к жителям города. Но при этом есть отсылка к работе частного детектива.

Причины использования гайрайго как преобладающего типа лексики

По результатам анализа терминов токусацу в каждой из категорий (за

исключением девиза) гайрайго используется намного больше, нежели ваго или канго. Рассмотрим причины использования гайрайго.

Сезон «Камен Райдер Дабл» открывает вторую половину эпоху Хэйсей, что отразилось и на самом сериале. Важную роль сыграли открытия в области физики и химии, за которые японские ученые получили Нобелевскую Премию (Эйити Нэгиси стал первооткрывателем реакции Нэгиси и проводил исследования металлоорганических реакций; ученые Масакава Тосихидэ, Кобаяси Макото и Намбу Йоитиро проводили исследования с кварками). Изменения в окружающем мире волновали не только ученых, но и обывателей, которые так же думали о том, как можно использовать новые возможности. Вероятно, так в сериале и появилась организация под названием Музей, где проводились различные эксперименты с человеком и окружающим его явлениями, а ученые конкурировали между собой за право финансирования своего проекта. Немаловажную роль играет сотрудничество и с международными организациями Музея, находящегося в Футо. Это подтверждается появление Марии Кронберри (Марии Дайдо). Мария Дайдо является исследователем, работающим на Музей и Фонд Х, которая также является агентом международной исследовательской организации и автором проекта NEVER.

Таким образом, можно объяснить происхождение «гайя-мемори» и их названий: вероятно, эксперименты над человеком при использовании гайя-мемори должны были выйти за пределы Футо и самой Японии в дальнейшем, а допанты - стать носителями определенных знаний. Но и не только по этой причине - названия гайя-мемори происходят из английского языка и адаптируются в виде гайрайго: сами гайя-мемори являются накопителями данных о существах и явлениях, помимо отсылок к явлениям в биологии, физике и химии, существует связь с информатикой, где основным языком общения является английский язык. В японском языке есть гайрайго, что позволяет адаптировать слова в более понятной манере для японцев.

Именно с этим также связано и происхождение других терминов вселенной «Камен Райдер Дабл», в том числе и финальных атак, в связи с чем почти вся терминология является гайрайго, а само название зависит от используемой гайя-мемори.

Литература

1. Encyclopedia of ecology, Gaia Hypothesis, P. J. Boston, 2008. - p. 1727-1731.

Список электронных ресурсов

1. Способы словообразования. URL:
http://www.xliby.ru/medicina/latinskii_jazyk_dlja_medikov_konspekt_lekcii/p8.php (дата обращения 21.05.2021)

2. Электронный словарь Kotobank. URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%89%B9%E6%92%AE-582544> (дата обращения 17.02.2019)
3. Hikawa Ryusuke “Radiation and Postwar Anime and Tokusatsu Culture”. URL: <https://garagemca.org/en/exhibition/takashi-murakami/materials/poslevoennaya-kultura-anime-i-tokusatsu-i-radiatsiya-ryusuke-hikawa-radiation-and-postwar-anime-and-tokusatsu-culture-by-ry-suke-hikawa> (дата обращения 08.04.2019)
4. Kamen Rider Web. URL: <https://www.kamen-rider-official.com/history> (дата обращения 15.05.2021)
5. Kamen Rider Wiki. URL: https://kamenrider.fandom.com/wiki/Kamen_Rider_W (дата обращения 14.05.2021)
6. Kobayashi Makoto. URL: <https://www.britannica.com/biography/Kobayashi-Makoto> (дата обращения 21.05.2021)
7. Merriam – Webster Dictionary “Gaia”. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/Gaia> (дата обращения 21.05.2021)
8. Negishi Eiichi. URL: <https://www.britannica.com/biography/Negishi-Ei-ichi> (дата обращения 21.05.2021)
9. Osamu Shimomura (National Academy Of Science). URL: <http://www.nasonline.org/member-directory/deceased-members/20030490.html> (дата обращения 21.05.2021)
10. The Nobel Prize in Physics 2008. URL: <https://www.nobelprize.org/prizes/physics/2008/summary/> (дата обращения 21.05.2021)
11. Yazovskaya Olga “Artistic language of mass culture as illustrated by Takashi Murakami (on materials from “Under the radiation Falls” exhibit, 2017-2018, Moscow)
12. Yoichiro Nambu (National Academy of Science). URL: <http://www.nasonline.org/member-directory/deceased-members/52211.html> (дата обращения 21.05.2021)
13. 仮面ライダー スカル. URL: <https://dic.nicovideo.jp/a/仮面ライダー スカル> (дата обращения 19.05.2021)
14. ガイアメモリ. URL: <https://dic.pixiv.net/a/ガイアメモリ> (дата обращения 15.05.2021)
15. ミュージアム. URL: <https://dic.pixiv.net/a/ミュージアム%28仮面ライダーW%29> (дата обращения 15.05.2021)

Рогов Егор Олегович

ассистент Санкт-Петербургского государственного университета

rogovegor98@mail.ru

ИСТОРИЯ ВЫПУСКА ЯПОНСКИХ БАНКНОТ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЭПОХИ МЭЙДЗИ (1870-Е ГГ.)

В статье рассматривается история выпуска первых банкнот Японии, номинированных в национальной валюте – иене, на фоне масштабных изменений, которые происходили в стране в первые годы эпохи Мэйдзи (1868-1912). Рассматриваются обстоятельства, в которых создавалась единая денежная система страны, особенности производства первых японских банкнот, а также приводится анализ их изображений с точки зрения формирования государственной идеологии и национальной идентичности.

Ключевые слова: иена, банкноты Японии, эпоха Мэйдзи, бонистика, национальная идентичность.

Rogov Egor Olegovich

History of Japanese Banknote Issuance at the Beginning of the Meiji Era (1870s)

The article examines the history of the issuing of Japan's first bank notes as the national currency, yen, against the background of large-scale changes that occurred in the country in the early years of the Meiji era (1868-1912). It covers the circumstances in which the country's unified monetary system was created, the features of the production of the first Japanese banknotes are examined, and an analysis of their images is provided from the point of view of the formation of state ideology and national identity.

Key words: yen, Japanese banknotes, Meiji era, notaphily, national identity.

В последней трети XIX века Япония переживала драматический по масштабу изменений период своей истории. В 1868 году группа молодых политиков, сплотившихся вокруг фигуры юного императора Мэйдзи (яп. 明治天皇, правил 1868-1912 гг.), свергла сёгунат Токугава (яп. 徳川幕府, 1603-1868), военное правительство Японии, управлявшее страной на протяжении нескольких столетий. Придя к власти, они принялись проводить реформы, стремясь превратить Японию из отсталой феодальной страны в передовую державу, способную конкурировать с западными государствами. В этот период в Японии появились конституция и парламент, были построены телеграф и железная дорога, стали выпускаться газеты, появились армия и флот западного образца. Для проведения преобразований требовались средства, поэтому, разумеется, денежная реформа и налаживание финансовой системы стали одними из первых шагов нового правительства.

К моменту, когда правительство Мэйдзи готовило денежную реформу, денежная система Японии была достаточно запутанной: сёгунат выпускал золотые, серебряные и медные монеты, в то время как местные князья, даймё (яп. 大名) в разных регионах страны выпускали свои бумажные деньги [1, с.100]. Основными монетами, которыми осуществляли крупные платежи, были золотые монеты кобан (яп. 小判), известные своей характерной овальной формой. Именно такую монету держит «манэки-нэко» (яп. 招き猫, «завывающая кошка») – распространенная японская фигурка кошки, машущая лапкой, которую часто устанавливают в магазинах и кафе в Японии и за её пределами – считается, что она приманивает удачу [3, с.34]. Монеты кобан появились в начале семнадцатого века в период Эдо (яп. 江戸時代, 1603-1868), и их появление способствовало нормализации торговли и экономическому росту страны. К сожалению, за более чем двести пятьдесят лет денежная система Японии пришла в упадок – вес кобан постоянно менялся, разумеется, зачастую в сторону уменьшения золотого содержания.

Основной разменной монетой был мон (яп. 文) – бронзовая монета китайского образца с характерным отверстием в центре, появившаяся в Японии еще в середине XII века. Такой вид монет на протяжении веков был в ходу на всем Дальнем Востоке. Примечательно, что после введения денег западного образца японское правительство отправило в китайский портовый город Гуанчжоу (кит. 廣州市) два корабля, груженных старыми бронзовыми монетами, чтобы обменять их у местных торговцев, которые охотно принимали их из-за возникшей нехватки разменных денег на фоне недавнего восстания тайпинов (кит. 太平天国, 1850-1864). Сбытые таким образом японские монеты еще какое-то время были в обращении в Китае. Более того, их до сих пор находят в США в местах, где разбивали свои лагеря строители первых американских железных дорог – на их строительстве было задействовано много китайских мигрантов, которые привозили с собой азиатские монеты, но использовали их уже не как деньги, а как амулеты и игральные фишки [4, с. 115].

Словом, денежная система Японии к 1870-м годам стала архаичной и по сути, и по виду. Япония стремилась войти в один ряд с западными державами, а для этого ее национальная валюта должна была соответствовать лучшим западным образцам.

История японской иены официально начинается в 1871 году с издания Акта о новой валюте (яп. 新貨条例) [10]. Иена состояла из ста сэн (яп. 錢) или тысячи рин (яп. 厘). Монеты изготавливались в Японии и были привычной европейцам круглой формы. Номинал был указан не только на

японском, но и на английском языках – страна активно приглашала иностранных специалистов и была открыта миру как никогда прежде.

В отличие от европейских держав, на иенах так и не появился портрет императора – японский император считался прямым потомком богини-солнца Аматаэрасу (яп. 天照大御神) и его изображение считалось сакральным. Но император все-таки присутствовал на японских деньгах – в виде дракона и шестнадцатилепестковой хризантемы – символов японского императорского трона [2, с.234].

Вместе с монетами в обращение были введены банкноты. Поскольку японцы не обладали технологиями и производственными мощностями, необходимыми для выпуска качественных банкнот на должном уровне, заказ было решено разместить за границей, в Германии. В 1870 году по рекомендации генерального консула Северо-Германской конфедерации компании Dondorf und Naumann было поручено произвести 200 миллионов банкнот для правительства Японии. Были разработаны банкноты девяти номиналов, от десяти сэн до ста иен [9, с. 763], которые были выполнены в разных цветах и формате, но имели одинаковое оформление: японский дракон и феникс под японской государственной печатью [7, с.45].

Гравером, работавшим над первыми японскими банкнотами, стал итальянец Эдоардо Кьоссоне (ит. Edoardo Chiossone, 1833-1898), гравёр и художник, ранее работавший над банкнотами Национального банка Королевства Италии (ит. Banca Nazionale nel Regno d'Italia). Поскольку транспортировка полностью готовых банкнот по длинному морскому пути была рискованной, фирма отправила в Японию готовые печатные формы, необходимое оборудование и нескольких специалистов во главе с Кьоссоне. Приехав в Японию, Эдоардо Кьоссоне получил от японского правительства приглашение остаться в Японии и обучать местных специалистов искусству гравировки и технологии печати.

Кьоссоне прожил в Японии до самой смерти, его авторству принадлежит несколько серий японских банкнот и почтовых марок, а также один из самых известных портретов императора Мэйдзи [6, с. 109]. Итальянский художник коллекционировал японское искусство и обращался к нему в поисках вдохновения для работы над японскими банкнотами – так, например, на банкнотах 1877 года помещена его работа, изображающая Дайкоку-тэн (яп. 大黒天) – одного из семи буддийских божеств счастья, снабжающего верующих едой, который почитался купцами как покровитель бизнеса [5, с.193].

Японская денежная система создавалась быстро и непоследовательно. Работа была сопряжена со множеством трудностей, связанных с выбором подходящей западной модели и ее адаптации. Так, в 1870-е годы была предпринята попытка перенять модель США, где существовала

децентрализованная система национальных банков, которые выпускали свои собственные банкноты. В 1872 году в Японии был обнародован указ о Национальных банках [1, с.102]. Для них в США были заказаны специальные банкноты номиналом одна, две, пять, десять и двадцать иен [9, с.764]. Их дизайн был значительно сложнее первых японских банкнот, при этом он во многом повторял дизайн и композицию американских долларов того времени. Банкноты этой серии представляют собой свидетельство формирования государственной идеологии Японии того времени.

На самой крупной банкноте номиналом двадцать иен изображен брат богини-солнца Аматерасу, бог бури Сусаноо (яп. 須佐之男命). Дизайнеры пошли на невиданное до тех пор новшество – изображение синтоистского божества мифологического времени в антропоморфном виде [2, с.230]. Помещая на банкноту божество из синтоистского пантеона, государственные идеологи хотели подчеркнуть самобытность и уникальность Японии, страны богов.

Иронично, что сама идея обращения к традиционным, но при этом сильно переосмысленным образам и сюжетам заимствуется японцами у западных государств, которые в это время активно помещают на банкноты аллегорические женские фигуры в античных одеяниях, олицетворяющие нацию («Британия» на британских фунтах, «Германия» на немецких марках), или фигуры мифических или квази-мифических персонажей (Минерва-Афина или Меркурий-Гермес на купюрах целого ряда европейских государств) [8, с.320].

На пятиеновой купюре изображена сцена сбора и посадки риса, призванная подчеркнуть сельскохозяйственный характер японского общества. Примечательно, что, хотя основу японского рациона составляли рис и рыба, рыбаков на японских банкнотах не увидеть – в отличие от сельского хозяйства рыболовство не считалось достойным занятием [2, с. 230].

На купюре номиналом в две иены изображены Ниита Ёсисада (新田義貞, 1301-1338) и Кодзима Таканори (яп. 児島高德) - два храбрых воина, верно служивших императору Годай-го (1318-1339) в бурные годы его правления [2, с. 234].

На десятиеновой купюре помещено конное изображение древней правительницы Дзинго-когу (яп. 神功皇后, правила около 201-269), которая по легенде возглавила завоевательный поход против Кореи. Политическая элита с самого начала ставила цель построить империю, и Корея, вассал слабеющего Китая, выглядела самым притягательным и доступным объектом для колонизации. Дискуссия о завоевании Кореи в японском правительстве началась ещё в 1870-е, но было решено отложить поход до лучших времён. Изображение Дзинго-когу на банкноте напоминало о том, что от планов по

захвату Кореи не отказывались [2, с.234]. Стоит заметить, что этим планам суждено было сбыться – в конце эпохи Мэйдзи, в 1910 году, Корея все-таки окончательно вошла в состав Японской империи и оставалась японской колонией до 1945 года. Память о колониальном прошлом до сих пор оказывает серьезное негативное влияние на отношения с обеими корейскими республиками.

Банкноты национального банка отличало высокое качество печати и внимание к деталям – как в эстетическом, так и в идеологическом плане. Номинальный ряд банкнот рассказывал миру и, в первую очередь, самим японцам, которые пока только привыкали к мысли о себе как о единой нации, какая она, Япония – страна древних богов, добродетельных и трудолюбивых крестьян, верных подданных императора, готовых в любой момент отправиться в завоевательный поход на соседей, чтобы расширить границы «Великой Японской империи» (яп. 大日本帝国), как официально называлась тогда Япония.

Япония, будучи островным государством, никогда не воспринимала себя как морскую державу. До революции Мэйдзи страна поддерживала режим изоляции, и строительство крупных кораблей, способных отойти далеко от берега, было законодательно запрещено. Однако, имперские амбиции новой Японии требовали строительства большого сильного флота. Япония активно заказывала военные корабли в Европе, приглашала западных специалистов, чтобы обучить матросов и офицеров.

Стремление обзавестись собственным сильным флотом, способным конкурировать с морскими силами западных стран, нашло отражение в оформлении новой одноиеновой купюры 1877 года, выпущенной Национальным банком японской империи (яп. 大日本帝国国立銀行) [9, с.765]. На ней изображены фигуры двух японских матросов в флотской форме западного образца, стоящих на палубе у штурвала корабля. Другая важная тенденция, развитие промышленности, отражена на пятииеновой купюре 1877 года [7, с. 765]. На ней изображены кузнецы за работой, а на заднем фоне расположены фабричные корпуса и труба, из которой идет дым – понятный символ индустриализации, только начинавшей набирать в Японии обороты. Банкноты 1877 года стали первыми иеновыми купюрами, выпущенными в Японии.

Таким образом, в 1870-е годы в Японии после принятия новой единой национальной валюты было выпущено три серии банкнот – первые иеновые банкноты 1872 года, заказанные в Германии, банкноты для национальных банков Японии, выпущенные в США в 1873 году, и банкноты 1877 года, выпущенные в Японии. Эти купюры важны не только как свидетельство становления финансовой системы современной Японии, но и как отражение процесса поиска национальной идентичности в период, когда закладывался

идеологический фундамент государства, задавший траекторию развития Японии на многие десятилетия вперед.

Литература

1. Емельянова, О. Н. Использование опыта США с целью развития банковской системы Японии в эпоху Мэйдзи (1868-1912 гг.) // США и Канада: экономика, политика, культура, 2018. – С. 98-113.
2. Мещеряков, А. Н. Император Мэйдзи и его Япония /– М., Наталис, 2009. – 735 с.
3. Садокова, А. Р. История формирования образа "кошки с поднятой лапкой" (манэки-нэко) в японской культуре / А. Р. Садокова // Культурология и искусствоведение: материалы III Международной научной конференции, Санкт-Петербург, 20–23 июля 2017 года. – Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. – С. 34-37.
4. Akin Marjorie, Bard James C. Asian Coins Recovered from Chinese Railroad Labor Camps: Evidence of Cultural Practices and Transnational Exchange. Historical Archaeology, 2015, Vol. 49, No. 1, The Archaeology of Chinese Railroad Workers in North America, 2015, pp. 110-121
5. Failla, Donatella. "The God of Wealth in Western Garb: Kawanabe Kyōsai's Portrait of Edoardo Chiossone as Daikokuten." Monumenta Nipponica, vol. 61, no. 2, 2006, pp. 193–218.
6. Fukuoka, Maki. "Handle With Care: Shaping the Official Image of the Emperor in Early Meiji Japan." Ars Orientalis, vol. 43, 2013, pp. 108–124.
7. Glanzstücke. Aus der Numismatischen Sammlung der Deutschen Bundesbank 2015, Frankfurt am Main // Die ersten japanischen Yen-Geldscheine, P. 44-48.
8. Hymans, Jacques E. C. "International Patterns in National Identity Content: The Case of Japanese Banknote Iconography." Journal of East Asian Studies, vol. 5, no. 2, 2005, pp. 315–46.
9. Standard Catalog of World Paper Money, General Issues, 1368-1960, 15th edition. Krause Publications, 2014. – 1296 p.

Интернет-источники:

10. Bank of Japan. 日本銀行についてお札は誰が発行しているのですか？ URL: <https://www.boj.or.jp/about/education/oshiete/money/c02.htm> (Дата обращения: 22.03.2024)

УДК 72.03

Битиева Эвелина Николаевна

ассистент кафедры зарубежной филологии и лингводидактики

РХГА им. Ф.М. Достоевского

bitiewa@mail.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ АРХИТЕКТУРЫ

В ЯПОНИИ В ЭПОХУ МЭЙДЗИ

Статья посвящена образованию в сфере архитектуры в Японии в эпоху Мэйдзи. В данной работе рассматриваются государственные и частные образовательные учреждения в сфере высшего и среднего образования. Также анализируются разные печатные издания, периодические и учебные, которые также стали частью образовательного процесса в сфере архитектуры данного периода. Среди подобных изданий можно выделить как переводные работы, так и труды, созданные японскими авторами. Комплексное изучение

образовательной деятельности в указанные период важно для исследования последующего исторического развития в сфере архитектуры.

Ключевые слова: архитектура Японии, история японской архитектуры, эпоха Мэйдзи, образование.

Bitieva Evelina Nikolaevna

Architectural education in Japan during the Meiji era

The article is dedicated to architectural education in Japan during the Meiji era. This paper examines public and private educational institutions in the field of higher and secondary education. Various publications, periodicals and educational ones, which also became part of the educational process in the field of architecture of this period, are also analyzed. Among such publications both translated works and works created by Japanese authors can be highlighted.

Keywords: Japanese architecture, history of Japanese architecture, Meiji era, education.

Образование в сфере архитектуры в эпоху Мэйдзи претерпело значительные изменения. Образовательный процесс до середины XIX века основывался преимущественно на традиционных методах и знаниях, передаваемых через ученичество. В эпоху Мэйдзи на первый план выходит личность архитектора, однако актуальным стал вопрос о профессиональной деятельности архитектора. Как подчёркивает Чери Венделькен, «Инженер или творец? Вопрос о роли архитектора хоть и звучит немного наивно, но остаётся актуальным как для начала эпохи Мэйдзи, так и для более позднего периода» [11, с. 28]. Поэтому, говоря об образовании в сфере архитектуры в данный период, нужно обратить внимание на образование, связанное со строительством, инженерным делом, обучение технологиям.

Образование в этой сфере заложило прочную основу для развития японской архитектуры в последующие десятилетия, оказав влияние как на традиционные, так и на современные стили. Современный язык архитектуры Страны восходящего солнца играет значительную роль в контексте мирового культурного наследия. При этом стоит сказать, что именно изменения во второй половине XIX – начале XX вв. заложили основу дальнейшего успешного развития данной области. Также многие архитектурные школы и институты, созданные в эпоху Мэйдзи, продолжают существовать в настоящее время. Поэтому комплексное изучение образовательной деятельности в указанный период важно для исследования последующего исторического развития в сфере архитектуры.

Первым государственным заведением, где можно было получить образование в сфере архитектуры, является Императорский технический колледж (工部大学校), который был основан в 1871 году и стал первым инженерным учебным заведением в Японии. Обучение в целом длилось шесть лет и было разделено на три блока: первый – подготовительные курсы, изучение математики и английского языка, второй – лекции и лабораторные

работы по отдельным специальностям, третий – практика вне учебного заведения. Всего было семь учебных отделений: строительство, машиностроение, плотницкое дело, телеграфия, химия, металлургия, горное дело. Первые выпускники окончили учебное заведение в 1879 году. В 1882 году появился дополнительный факультет судостроения. В 1885 году было упразднено Министерство общественных работ, колледж был передан в управление Министерства образования. В 1886 году был объединён с Технологическим факультетом Токийского университета и стал Инженерным колледжем Императорского университета.

Как подчёркивает Тагаки Масахито, «императорский университет стал первым университетом в мире, имеющим инженерный факультет» [8, с. 1]. Также профессор отмечает, что система преподавания в Императорском колледже была построена по примеру лучших высших школ в западных странах. В XVIII веке передовым технологическим центром считалась Англия, где обучение технических специалистов строилось на практической деятельности. В XIX веке научным центром стала Политехническая школа во Франции. В данном заведении обучение строилось на академических результатах, полученных в сфере естественных наук, также внедрялись практические технологии. Так во Франции один за одним выпускались превосходные специалисты в данной области. Также примером стал университет Цюриха в Швейцарии и его инженерно-технологический факультет. Таким образом обучение в Императорском колледже было построено по модели Политехнической школы, учитывая достоинства вышеперечисленных учебных заведений [8, с. 3].

Отдельно стоит сказать про вклад отдельных специалистов, сыгравших роль в становлении архитектурного образования в Японии в эпоху Мэйдзи. Одним из них был Генри Дайер (Henry Dyer), инженер из Шотландии, много лет проработавший в Стране восходящего солнца. Именно Дайер разработал шестилетнюю учебную программу для колледжа, адаптировав собственные знания и практический опыт к конкретным научным и техническим потребностям Японии. Нобухиро Миёси отмечает особый вклад, который Генри Дайер внёс в развитие Японии как ведущей промышленной державы [6, с. 2].

Кристина Гуф отмечает: «Модернизация Японии заключалась не только в триумфе нового над дискредитировавшим себя старым, но также включала в себя сознательное и весьма избирательное переосмысление культуры прошлого» [9, с. 17]. Одним из наглядных примеров подобного разворота в сторону национальных строительных традиций можно назвать деятельность инженера-плотника Киго Киёёси. Его семья много лет служила при дворе. В эпоху Эдо они были личными плотниками рода Токугава. В эпоху Мэйдзи Киго Киёёси был одним из тех, кто занимался проектом Императорского дворца.

В создании проекта принимали участие известные специалисты того времени. Джосайя Кондер предложил построить дворец на западный манер, в основе которого принцип симметрии, монументальный фасад, геометрия и строго организованная логика внешнего и внутреннего членения. Тацуно Кинго и Киго Киёёси предложили проект, основанный на принципах японской традиционной архитектуры: нерегулярный план, ориентация север-юг, сообщение внутренних пространств с внешней окружающей средой. Окончательный проект объединял в себе два подхода: личные резиденции были выполнены в японском стиле (和風), залы для приёмов были оформлены в западном стиле (洋風), на полу был уложен паркет, а в оформлении использовали европейские предметы мебели.

Через год после завершения строительства дворца Мэйдзи, Киго предложили вести преподавательскую деятельность в Императорском университете. Чери Велделкен подчёркивает практическую направленность его лекций: «Благодаря сохранившимся записям известно, что он рассказывал не про отдалённые исторические периоды, а о живой традиции в оформлении и конструировании зданий» [11, с. 31].

Помимо Императорского университета Токио, другие учебные заведения, такие как технические школы и частные академии, также предоставляли возможность получить архитектурное образование в эпоху Мэйдзи.

Изменения в сфере архитектуры затронули не только сферу высшего образования, но и значительно повлияли на среднее. В Министерстве общественных работ был специальный отдел, занимавшийся техническим образованием, в том числе в сфере архитектуры. Особенно в начальный период эпохи Мэйдзи был значительный недостаток инженеров, и для того, чтобы восполнить нехватку, нужно было обеспечить практически применимый и быстрый образовательный процесс.

Одним из решений Министерства общественных работ стали краткосрочные курсы, которые предлагали преимущественно обучение, посвящённое строительным и инженерным работам. Так как не хватало специалистов среднего уровня, подобное ускоренное обучение дало возможность увеличить количество специалистов в сфере архитектуры.

В качестве ещё одного примера подобных учреждений Киичи Симидзу приводит Школу подготовки инженеров Железнодорожного управления. Учёба в данном заведении была нацелена на практическую деятельность, предполагала ускоренный учебный процесс и выпускала неплохих специалистов среднего класса. В школе преподавали как японские специалисты, так и приглашённые иностранцы. Среди предметов можно выделить математику, топографию, черчение и картографию, а также общие принципы работы транспортной системы. Профессор Симидзу относит данное учебное заведение к сфере архитектурного образования, основываясь на том, что

полученные знания позволяли выпускникам работать не только в сфере железных дорог, но и переквалифицироваться в область строительства и архитектуры [4, с.143].

Среди других учебных заведений можно выделить Народную вечернюю школу в Токио, она была основана 9 июля 1879 года. Просуществовала всего два года и была упразднена 15 июля 1881 года. После открытия было зачислено 193 студента. Согласно «Таблице студенческих профессий и классов» было представлено на выбор более пятидесяти профессий, среди них плотники (3), изготовление татами (3), каменщики (1), столяры (7).

Также стоит отметить ещё одну образовательную инициативу, которая стала одной из первых, предлагающих образование в сфере архитектуры. Это были производственные классы в Токийской школе Кайсэй (東京開成学校), основанные в феврале 1874 года. Производственное обучение делилось на два основных направления: изучение химических технологий и ремесленное отделение, специализировавшееся на изготовлении столярных изделий и деревообработке. Целью была, как и в вышеупомянутых заведениях, подготовка инженеров среднего звена. Следом было основано Токийское ремесленное училище. Основная деятельность не была направлена на архитектуру, но затрагивала также химию и прикладные ремёсла. На основе этих инициатив в 1887 году в Торгово-промышленном институте было открыто отделение деревообработки. В 1890 году данные образовательные инициативы объединились с Токийским ремесленным училищем. Как отмечают, это можно считать началом полномасштабного архитектурного образования в области среднего образования [4, с.148].

Кроме этого стоит отдельно сказать про частные инициативы, которые также оказали большое влияние на образовательные процессы в сфере архитектуры во второй половине XIX века. Одним из таких учебных заведений стала школа Кайкося (開工舎), основанная в 1883 году Томоката Татэкава (立川知方). Он проработал в Министерстве общественных работ, участвовал на руководящей должности в строительных работах Императорского дворца. Также принимал участие в строительстве Национального музея в городе Нара. Образовательная деятельность в данной школе отличалась практической направленностью занятий. Именно они считались важнейшими в техническом образовании, основанном на системе ученичества, в отличие от нового в тот период технического подхода с использованием большого количества вычислений и чертежей. Как подчёркивает Киити Симидзу, образовательный подход в этой школе отличался, поскольку была поставлена под сомнение возможность вестернизации методов картографии и черчения. Поэтому целью Кайкося было не обучение западным архитектурным методам, а обучение традиционным столярным приёмам, которые унаследовал Татэкава Томоката [4, с.144].

Изменения в архитектуры привели к появлению книг и журналов, которые сыграли ключевую роль в распространении знаний и формировании нового архитектурного языка в эпоху Мэйдзи. Книги по архитектуре стали чрезвычайно важным ресурсом для архитекторов, поскольку через них специалисты знакомились с последними знаниями, которые стремительно развивались в данной области.

Одним из важных изданий был журнал Тэйкоку бунгаку (帝国文学). Он выходил с 1889 по 1906 гг. В данном издании был представлен всесторонний обзор как японской, так и зарубежной архитектуры с подробными описаниями, иллюстрациями и фотографиями различных сооружений. С помощью данного журнала архитекторы знакомились с современными архитектурными стилями, методами и материалами, которые использовали в Западных странах. Стоит подчеркнуть, что наравне с подробным рассказом о западной архитектуре, в журнале особо отмечалась важность включения аспектов западной архитектуры при сохранении традиционных японских элементов.

Ещё одной важной работой, которая была издана в эпоху Мэйдзи, была «История западной архитектуры» (西洋建築小説), автор – Джосайя Кондер. Благодаря данной работе архитекторы эпохи Мэйдзи могли познакомиться с основными архитектурными идеями, принципами и историей строительства в Западных странах. Можно сказать, что работа Кондера сыграла решающую роль в формировании архитектурного образования в эпоху Мэйдзи. Его творчество вдохновило японских архитекторов на творческие эксперименты с элементами западной архитектуры. Как подчёркивает Н.А. Коновалова, «его книги, сопоставимые с энциклопедическими знаниями, наряду с его постройками для Японии, стали одним из главных мостов, способствующих взаимопониманию европейской и японской культур» [2, с. 163].

Помимо вышеупомянутых работ, на протяжении второй половины XIX – начала XX вв. распространялись различные журналы и другие издания. Они охватывали широкий круг тем, включая теорию архитектуры, городское планирование, принципы проектирования, методы строительства и различные строительные материалы. Японские и зарубежные авторы делились своим опытом, чтобы познакомить специалистов и широкий круг читателей со стремительно меняющимся миром архитектуры. Доступность книг и их быстрое распространение очень повлияли на архитектурную практику того времени.

Одним из важных периодических изданий в эпоху Мэйдзи стал Кэнтику дзасси (建築雑誌). Журнал, с одной стороны, стал важным ресурсом для архитекторов, поскольку в нём публиковались статьи по теории архитектуры, методам строительства и другим техническим аспектам. С другой стороны, журнал сыграл важную роль в формировании общественного мнения и повышении осведомлённости о значении архитектуры для общества,

подчёркивая то, что стоит уделять внимание проектированию зданий, поскольку это влияет на улучшение условий жизни населения и эстетического облика городов.

Стоит отметить, что основной темой публикаций становились не только новейшие технологии и достижения западных стран, но и традиционная архитектурная деятельность нередко привлекала внимание специалистов. Среди таких работ можно выделить статьи, опубликованные в 1889 году. Это были публикации, написанные на основе деятельности вышеупомянутого плотника Киго Киёеси и его учеников. Под их началом был осуществлён проект по восстановлению и реконструкции тридцати восьми буддийских и синтоистских храмов на территории городов Нара и Киото. Среди памятников архитектуры, над которыми они работали, можно выделить Тодайдзи, Хорюдзи и Бёдоин. Практическая деятельность специалистов легла в основу важнейших теоретических работ [11, с. 32].

Также среди отдельных статей можно выделить, например, статью «Будущее японской архитектуры с точки зрения развития архитектуры» Ито Тюта (伊東忠太), одного из ведущих архитекторов и теоретиков архитектуры второй половины XIX – начала XX вв. Работа была опубликована в «Кэнтику дзасси» в январе 1909 года. Основой статьи стал текст лекции, которую исследователь прочитал в январе 1908 года на собрании архитектурного общества. Как подчёркивает Сюнсуке Кураката, «...отталкиваясь от содержания, работа приобрела название «теория эволюции архитектуры», это была первая работа, в которой было уделено внимание архитектурным концепциям» [5, с. 163].

Таким образом, образование в сфере архитектуры затронуло и государственные учреждения в сфере высшего и среднего образования, изменения в сфере в целом повлекли за собой появление частных образовательных инициатив. Внимание уделялось не только введению новых западных технологий во время проектирования и в процессе оформления интерьеров и экстерьеров, но и передаче многовековых архитектурных традиций. Особую роль сыграли печатные издания, завезённые или напечатанные в Японии во второй половине XIX – начале XX вв. Данные процессы заложили основу для дальнейшего развития японской архитектуры.

Литература

1. Дуглас Хаулэнд. Перевод с западного: Формирование политического языка и политической мысли в Японии XIX века. Москва; Челябинск: Социум; Мысль, 2020. 378 с.
2. Коновалова Н.А. Творчество Джошуа Кондера в Японии как первый пример межкультурного взаимодействия после открытия страны // Вопросы всеобщей истории архитектуры. М.: Нестор-История, 2016. №7 (2). С. 150-164.

3. Дзюро Кикиути 菊池重郎. Мэйдзики сёки-ни окэру ARCHITECTURE-но якуго-ни цуитэ 明治初期における ARCHITECTURE の訳語について [О переводе термина «ARCHITECTURE» в начале эпохи Мэйдзи] Нихон кэнтику гаккай ронбун хо:кокусю: 日本建築学会論文報告集 [Сборник отчётов собрания Архитектурного института Японии]. 1961. №67. 162-168 pp.
4. Киити Симидзу 清水慶一. Мэйдзи сёкки-ни окэру сёто: ・ тю:то: кэнтику кё:ику-но кэнкю: 明治初期における 初等 ・ 中等建築教育の研究 [О начальном и среднем архитектурном образовании в начале эпохи Мэйдзи]. 日本建築学会論文報告集 [Сборник отчётов собрания Архитектурного института Японии]. 1981. №30. 142-150 pp.
5. Кураката Сюнсюкэ 倉方俊 輔. Кэнтикусинка-но гэнсоку ёри митару вагакуни кэнтику-но дзэнто-но суси 建築 進化の原則より見たる我邦建築 の前途の主旨について. [Будущее японской архитектуры с точки зрения развития архитектуры – главное] Нихон кэнтикугаккай кэйкакукэй ронбунсю: 日本建築学会計画系論文集 [Сборник трудов японского общества архитектуры и проектирования]. 2004. №581. 190-198 pp.
6. Нобухиро Миёси 三好 信浩. Хэнри: ・ Даиа: ко:へ ン リ ー ・ ダ イ ア ー 考[Генри Дайер]. Кё:икугаку кэнкю: 教育学研究 [Исследования в области образования]. 1976. №43 (1). 1-12 pp.
7. Сигэясу Икэгами 池上重康. Дадзё:кан бунко сю:сю: кэнтику канрэн ё:сё-ни цуитэ 太政官文庫蒐集建築関連洋書について [Книги об архитектуре, закупленные правительством Японии], Нихон кэнтикугаккай кэйкакукэй ронбунсю: 日本建築学会計画系論文集 [Сборник трудов японского общества архитектуры и проектирования]. 2007. №72 (615). 207-214 pp.
8. Тагаки Масахито 高木真人. Ко:гаку кё:ику-но 150 нэн 工学教育の150年 [150 лет инженерному образованию], О:кан 横 幹 [Окан: журнал междисциплинарной федерации Науки и Технологии] 2023. №17 (1). 1-3 pp.

9. Guth Christine M.E. Japan 1868-1945: Art, Architecture, and National Identity // Art Journal, 1996. №55 (3). 16-20 pp.
10. Imperial University of Japan // Science. American Association for the Advancement of Science, 1890. Vol.16, №399. 176-177 pp.
11. Wendelken Cherie. The tectonics of Japanese Style Architect and Carpenter in the Late Meiji era // Art Journal, Japan 1868-1945: Art, Architecture and National Identity, 1996. №55 (3). 28-37 pp.
12. Wada Masanori. Accessing Technical Education in Modern Japan. // The Fall of the Imperial College of Engineering: From the Imperial College of Engineering (Ko-bu-dai-gakko-) to the Faculty of Engineering at Imperial University, 1886. Режим доступа <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/9781912961269-010/html> [Дата обращения: 10.07.2023]

УДК 811.521

Ващенко Оксана Сергеевна
Руководитель – Дьяченко Екатерина Александровна
Студент Колледжа
Русской Христианской
Гуманитарной Академии имени Ф.М. Достоевского
gilles.oxana@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКОГО ИНТЕРНЕТ-СЛЕНГА

В статье рассматривается один из лексических пластов современного японского языка – интернет-сленг, широко используемый в виртуальной коммуникации японских интернет-пользователей. Анализируются причины формирования, специфика употребления и влияние данного пласта лексики на традиционный японский язык. Также приводится сформированная классификация японского интернет-сленга на основе его анализа и выделения отдельных характерных признаков.

Ключевые слова: Интернет, сленг, японский язык, коммуникация

Vashchenko Oxana Sergeevna
Features of Japanese Internet slang

The paper deals with one of the lexical layers of the modern Japanese language – Internet slang, widely used in the virtual communication of Japanese Internet users. The reasons for the formation, the specifics of use and the influence of this layer of vocabulary on the traditional Japanese language are analyzed. It also provides a formed classification of Japanese Internet slang based on its analysis and the allocation of individual characteristic features.

Keywords: Internet, slang, Japanese language, communication

Хорошо известно, что с развитием общества и его уровня жизни непременно происходит рост роли коммуникации. На сегодняшний день значительная часть общения людей осуществляется в интернет-пространстве. С развитием, совершенствованием и внедрением в повседневную жизнь информационно-коммуникационных технологий в Интернете возникают группы по интересам, создаются форумы, блоги и социальные сети, язык виртуального общения в которых становится всё более вариативным и свободным. С появлением мобильных приложений основное общение между собеседниками стало осуществляться в виде текстовых сообщений с новыми способами передачи информации, обеспечивающими скорость и краткость. Новые условия коммуникации приводят к образованию особого лексического пласта и переносу специфики, свойственной устной речи, в письменную, способствуя дальнейшему сближению обеих форм языкового взаимодействия.

Сеть Интернет, являясь всемирной единой системой хранения и передачи информации, активно способствует расширению сферы использования этого нового особого пласта лексики. В настоящее время интернет-лексика одного языка, используемая в социальных сетях для общения, быстро и без препятствий входит в активный обиход виртуальной коммуникации и других языков.

Данная работа посвящена исследованию японского интернет-сленга – причин его появления, особенностей функционирования, классификации по определённым признакам и влияния на лексический, грамматический и стилистический состав традиционного японского языка. В работе также рассматривается результат внедрения информационно-коммуникационных технологий в повседневную жизнь японского общества и их воздействие на развитие японского языка, в частности слияние устной и письменной речи.

При написании статьи были использованы следующие источники: японские блоги, сайты и личные переписки в сети Интернет; литература об особенностях функционирования японских социальных сетей и виртуальной коммуникации. На основании данных материалов был проведен анализ, позволивший выделить и отразить в работе наиболее характерные черты японского сленга, а также составить его классификацию по определенным признакам.

Несмотря на то, что каждый язык по своей сущности уникален и имеет индивидуальные черты, в интернет-лексике любого языка четко прослеживаются схожие признаки. Среди наиболее характерных из них представлены следующие:

- активное употребление неологизмов, аббревиатур и заимствований из других языков;

- слияние устной и письменной речи, перенос свойств устной речи в письменную;
- размывание различий между монологом и диалогом, официальным и неофициальным стилем общения;
- обилие элементов устной речи в синтаксической структуре текстов коммуникации: инверсия (перестановка слов или словосочетаний, нарушающая их обычный порядок), эллипсис (пропуск в тексте или речи элемента предложения, который восстанавливается посредством контекста), преобладающее использование простых предложений, пренебрежение орфографией и пунктуацией;
- отсутствие паралингвистических признаков (паралингвистика - раздел языкознания, изучающий невербальные средства, сопровождающие устную речь - мимику, жесты, интонацию, тембр, громкость звучания);
- дополнение эмоциональной составляющей текста с помощью идеограмм (письменный знак/рисунок, условно изображающий понятие и соответствующий определённой идее автора), смайлов и определенного порядка знаков препинания (умножение знаков препинания, а также согласных и гласных букв);

Развитие информационно-коммуникационных технологий и расширение возможностей виртуального общения не обошли стороной и Японию, значительно повлияв на японский язык. Широко распространяющаяся коммуникация в интернет-пространстве привела к созданию новой языковой ситуации с её характерными отличиями, а также к всё большему устранению монолингвизма, то есть владения и орудования только одним языком.

В современном японском обществе, особенно среди молодых людей, изучающих в образовательных заведениях иностранные языки, употребление в повседневной речи заимствованных слов и виртуальное общение в Интернете как с соотечественниками, так и с иностранными собеседниками перестало считаться чем-то необычным. «Модное» употребление иностранных слов и выражений часто расценивается молодыми людьми как показатель образованности и прогрессивности, тем самым способствуя постепенному увеличению доли и важности нового пласта лексики в японском языке [2, с.141-152]. В настоящее время около 90% говорящих на японском языке в той или иной форме используют Интернет, и это является самым высоким показателем в мире.

Такое активное использование сети Интернет и общение на японском языке в интернет-пространстве не могло не отразиться на различных аспектах языка. Так, виртуальная коммуникация оказала значительное влияние на модификацию лексического состава и изменение орфографических, стилистических и пунктуационных норм оформления речи японского языка. Помимо этого, язык, используемый японскими интернет-пользователями для

виртуального общения в сети (сленг, неологизмы и т.д.), безусловно обладает рядом отличительных черт.

В Японии, где традиционно существуют устная и письменная стили речи, отличающиеся грамматически, лексически и стилистически, выбор стилей вежливости при общении зависит от социальной, возрастной и гендерной принадлежности собеседников. Однако язык, используемый для коммуникации в Интернете, значительно модифицируется, а именно устраняет строгие правила в отношении обращения к собеседнику. Компьютерная среда создаёт новые условия общения при отсутствии прямого визуального контакта и ограничении доступа к личной информации пользователя. В социальных сетях люди часто остаются обезличенными: указывать ли в своем профиле настоящее имя или использовать псевдоним, добавлять ли место работы или учёбы, размещать ли своё фото – данный выбор остаётся правом каждого пользователя.

Следовательно, интернет-пространство, а в частности социальные сети объединяют множество пользователей разных возрастных, социальных и гендерных групп, излагающих в письменной форме свои впечатления, мысли и комментирующих определённые события. В реальной жизни их взаимодействие либо отсутствовало бы вообще, либо осуществлялось бы по установленным правилам этикета – к старшим следовало бы обращаться с использованием вежливых глагольных форм и префиксов, а о себе говорить скромно, принижая свою позицию перед позицией собеседника. В Интернете же отсутствие достоверной информации о собеседнике и прямого контакта с ним, а также возможность оставаться неопознанным при общении привели к появлению особой языковой специфики, проявляющейся в стирании различий между устной и письменной, неофициальной и официальной речью современных японцев.

На этой почве пользователи Интернета активно применяют различный интернет-сленг, так как необходимости вежливого обращения к обезличенному собеседнику попросту не возникает. Но что же обозначает понятие «сленг»? Сленг – слой лексики, представляющий собой совокупность новых слов или новых значений уже существующих слов, употребляемых в различных группах людей (например, молодежный сленг, компьютерный сленг, интернет-сленг).

Интернет-сленг, употребляемый в японском интернет-пространстве, безусловно обладает рядом отличительных черт. Спецификой употребления японскими пользователями социальных сетей сленга является:

1. Применение сленга как японского происхождения, так и английского. Однако, данное явление характерно не только социальным сетям, но и японскому языку в целом.

Примерами сленга японского происхождения являются:

やだ [yada] «нет», выражение несогласия, отказа;

無理 [muri] «невозможно»;

めっちゃ [metcha] «обалденно, очень»;

やばい [yabai] «ничего себе», «ужас»;

だるい [darui] «бесит», «скучно»;

まったりする [mattari suru] «релаксировать», «отдыхать»;

萌え [moe] «захватывающий»;

ウザイ [uzai] «раздражающий»;

調子どう? [chyoushi dou?] «как дела?», «как здоровье?»;

ごめんちゃい [gomenchyai] «прости»;

すこ [suko] «нравится».

Среди сленга английского происхождения можно отметить:

セルフィ [serufi] от англ. selfie «селфи»;

リアタイ [riatai] от англ. real time «настоящее время», «сейчас»;

すている [sutiru] от англ. still «все еще», «до сих пор»;

ワズ [wazu] от англ. was «был».

2. Существенное увеличение количества слов, написанных азбукой катакана, традиционно используемой в словах иностранного происхождения – «гайрайго». Иногда катаканой записывается и лексика японского происхождения, обычно фиксируемая азбукой хирагана, с целью её выделения или акцентирования на ней особого внимания. Но в комментарийной части Интернет-пространства в среднем более половины всего текста записывается либо катаканой, либо смешанной азбукой. Например, カワイイ [kawaii] «мило, кохлякосо [kochirakoso] «взаимно».

3. Долгота в словах как японского, так и иностранного происхождения указывается знаком удлинения катаканы, например: ありがとう [arigatou] «спасибо», おいしそう [oisisou] «выглядит вкусно», 海かな [umikanaa] «это, наверное, море».

По правилам орфографии в словах японского происхождения она должна фиксироваться знаком хираганы, соответствующим данному гласному звуку. Но в интернет-пространстве знак хираганы как удлинение гласного чаще всего помогает пользователю передать эмоции, например:

みましたあ [mimasitaa] «ой, видел(а)), ほしいなあ [hosiinaa] «как хотелось бы...», でも美味しそう [demo utsukusisouo] «однако выглядит красиво!».

Подобная фиксация звуков как бы имитирует произносимое слово, чем передаёт эмоциональный настрой участника диалога – раздумье, радость или затруднительную ситуацию.

4. Активное использование знака вопроса (?) и восклицательного знака (!), более характерных для текстов западноевропейских языков, нежели для типично японских предложений. В традиционной японской письменности вопросительные предложения оформляются частицей か ka и знаком точки (。), ставящимся в конце. Например: これは何ですか。 [korewa nandesuka] «что это?». Но в рекламах, на афишах, на главных страницах веб-сайтов часто встречаются восклицательные знаки, часто выделяемые цветом с целью привлечения внимания читателей. Например: イチ [ichi] «номер один» (реклама японского лимонада Suntory).

5. Отсутствие и в монологической части, и в комментарийной частях грамматической формы вежливости кейго, поскольку нет необходимости выстраивать личностные отношения и проявлять уважение к собеседнику. Текст информативной части может быть написан с использованием либо простых (фамильярных) форм, либо нейтрально-вежливых. Однако комментарийная часть в большинстве содержит отзывы, написанные простыми формами речи и редко – с использованием нейтрально-вежливых форм ます、です.

Тексты комментариев в основном состоят из простых, часто безличных предложений или кратких реплик. Например:

やって見よ。 [yatte miyo] «давай попробуем!»;

行ってみたーい。 [itte mitaai] «как же хочу туда сходить!»;

たまには頑張って作らなきゃ。 [tamaniwa gambatte tsukuranakya] «иногда нужно постараться и сделать!».

6. Инверсия с целью придания большей выразительности:

ダメだこりゃー [dameda koryaa] «не годится...вот это» (вместо нормативного порядка слов こりゃーはダメだ [koryaa dame da] «это не годится»);

たまらなくておいしそう、ビールは [tamaranakute oisisou, biiruwa] «выглядит очень аппетитно...это пиво» (вместо нормативного порядка слов ビールはたまらなくておいしそう [biiruha tamaranakute oisisou] «это пиво выглядит очень аппетитно»).

7. Активное использование эмодзи.

В японском обществе не принято бурно проявлять свои чувства перед незнакомыми людьми из-за опасения «потерять лицо» и доставить собеседнику неудобства, связанные с необходимостью корректно реагировать на выказанные эмоции. А пользователи интернета, широко используя различного рода картинки-смайлики, не имеют подобных опасений и активно стремятся продемонстрировать свой эмоциональный настрой. Привыкшие визуально определять семантику иероглифов японцы могут вести переписку, состоящую полностью из таких картинок. Это произошло путём внедрения специальной графической системы картинок-смайликов 絵文字 [emoji] «эמודзи», ставших элементами молодёжной культуры Японии и её интернет-лексики [3, с 132-134].

Одной из наиболее популярных идеограмм среди молодёжи в Интернете является фраза 草生える [kusahaeru] «растёт трава» или в сокращённом варианте просто 草 (kusa) «трава». Число её использований в различных видах виртуальной коммуникации составило 109182 раза за один день. Считается, что первоначально в японских чатах вместо иероглифа 笑 う [warau] «смешно/смеяться» использовалась первая буква английской транскрипции warau (w). Японцы посчитали, что при её многократном повторении получается нечто похожее на траву - www. Отсюда и возникло выражение «растёт трава», обозначающее бурный смех и получившее за счёт своей оригинальности популярность среди японских интернет-пользователей [4].

Многие особенности японского Интернет-сленга совпадают с особенностями японской устной разговорной речи. Таковыми являются:

8. Употребление сокращённых форм отдельных частей речи, например:

食べちゃう [tabetchyau] - образован от глагольной формы 食べてしまう [tabete simau] «съесть»;

こりゃ — [koryaa] «это» - образовано от местоимения これ и частицы は [kore wa];

しなきゃ [sinakya] - образовано от условной глагольной формы しなければ [sinakereba] «если не сделать»;

みせとく [misetoku] - от глагола 見せておく [miseteoku] «показать».

9. Частое использование междометий (う ん [un]、ねえ [nee] «ну...»), оноματοпозитических (звукоподражательных) наречий (ふつふつ [futsufutsu] «жаловаться»), эмоциональных (восклицательных) частиц (ぞ [zo] - решимость、かな (kana) - раздумье、よ [yo] - призыв к чему-либо/уверенность/сильные

эмоции), а также заимствованных восклицаний (うわう [uwau] – от англ. wow, あつ [atsu] - от англ. ah, おつ [otsu] – от англ. oh);

присутствие почти в каждом предложении заключительных частиц, употребляемых в устной речи с целью апелляции к собеседнику, например: 何でしょうね [nandesyoune] «что же это?», ね [ne] «да?», よね [yone] «да ведь?», ねえ [nee] «не так ли?».

10. Отсутствие показателей падежей, что также встречается в устной речи, например:

いったい何処行くんだ! [ittai doko ikunda] «Куда же едешь-то!» (опущен показатель места へ: いったい何処へ行くんだ!).

頭大丈夫か? [atama daijyoubuka] «Всё в порядке с головой?» (опущен показатель именительного падежа は: 頭は大丈夫か?).

11. Редкое использование глаголов в правильной грамматической форме. Чаще используются контракционные формы, например:

人間って残酷やなあー [ningente zankokuyanaa] (вместо 人間というのは残酷 だなあ [ningen toiu nowa zankokudanaa]) «Человек жесток!»;

しってこと [sittekoto] (вместо 知っているということ [sitteiru toiu koto] «Знаю об этом»;

こうなっちゃうんだね [kou natchyaundane] (вместо こうなってしまうのだ [kou natte simaunoda] «Так вот произойдёт».

Так, были рассмотрены отличительные черты и особенности употребления японского интернет-сленга. На основе анализа данных характеристик можно предложить оригинальную классификацию японского интернет-сленга по отдельному отличительному признаку, а именно по способу образования сленгового слова. Такая классификация позволяет лучше понять происхождение и значение слов, используемых в виртуальной коммуникации среди японцев, так как многие сленговые слова имеют неаппонское происхождение и способ образования.

Среди групп в такой классификации можно выделить следующие:

1. Интернет-сленг, распространённый в Европе и США

Используется в случаях, требующих быстрой реакции ввода слов-сокращений по типу онлайн-овых игр. Используемые английские

аббревиатуры, имеющие аналоги на японском языке, могут быть взаимозаменяемыми, как:

lol (laugh out loud) 「大笑い」[oowarai] «очень смешно!»;

ty (thank you) 「ありがとう」[arigatou] «спасибо»;

fyi (for your information) 「参考までに」[sankoumadeni] «к твоему сведению»;

afk (away from keyboard) 「一時退席中」[ichiji taisekichyuu] «отлучусь»;

irl? (In real life?) 「現実で?」[genjitsude] «реально?»;

BRB (Be right back) 「すぐ戻る」[sugumodoru] «скоро буду»;

2. Морфемная контракция

проявляется в следующих случаях:

а) при сжатии слов, написанных как азбукой хирагана, так и азбукой катакана, например:

おめ [ome] (от おめでとう [omedetou]) «поздравляю!»;

あり [ari] (от ありがとう [arigatou]) «спасибо, благодарю»;

ぽ [po] (от おかえり, ぽかえり [okaeri, rokaeri]) «с возвращением!»

コピペ [kopipe] (от コピー&ペース [kopii&reesu]) «скопируй и перешли» (перепост);

ヨロ [yoro] (от よろしく [yorosiku]) «ну, пока!»;

б) при эллипсисе части фразы, например:

誰得 [daretoku] 「誰が得するんだよ!」[daregatokusurundayo] «кто же выиграет?!»;

俺得 [oretoku] 「俺が得するんだよ!」[oregatokusurundayo] «я выиграю! / моя взяла!»;

в) при замене слова на один иероглиф:

乙 (お疲れ様 [otsukaresama]) «до свидания!/хорошо поработали!»;

念 (コピペ [kopipe]) «сохранить и переслать»;

芝 (わらう [warau]) «смешно!»;

3. Смешанные сокращения

Они образуются в случаях:

а) использования в одном слове или словосочетании знаков японских азбук и букв латинского алфавита:

こ n (от こんにちは/こんばんは [konnichiwa/konbanwa]) «добрый день / добрый вечер»;

б) цифровой аббревиации, встречающейся и в китайском интернет-пространстве, при которой слово графически фиксируется цифрами-фонетиками, не отражающими его смыслового значения, например:

55 [goo-goo] (от ゴーゴー [goo-goo], go, go) «давай давай! / начинай!» (при игре);

46 [yon-roku] (от よろしく [yorosiku]) «ну, пока!» (при расставании);

4. Семантическое несоответствие

Подбор иероглифики по иероглифам-фонетикам, не связанный с семантическим использованием:

今北 [ima kita] (от 今来た) «только что пришёл»;

産業 [san gyou] (от. 三行 / 三行で短く説明してくれ [san gyoude mijikaku setsumei sitekure] «объясни вкратце, в трёх словах»;

5. Смешанные неологизмы

К особенностям словоупотребления в социальных сетях можно отнести и смешанные неологизмы, в которых используется как азбука для написания слов иностранного происхождения (катакана), так и иероглифика. Например, официально признан общепринятым и зафиксирован с 2006 г. в словарях глагол ググル [guguru] «искать в поисковой системе Google», образованный от английского to google, но изменяемый в соответствии с японской грамматикой, например: ググレ [gugure] или ググって来い [gugutte koi] «поищи в Google». При переводе такой глагол звучит аналогично русскому «погуглить». Любопытно, что многие японцы используют этот глагол и когда речь идёт о другой поисковой системе, например, Yahoo. Нередко встречается и глагол ヤフル [yafuru] «поискать в поисковой системе Yahoo» ヱィキル [wikiru] «поискать в Википедия» [4].

Также популярным является искусственно созданное слово ふあぼ [fabo], образованное от английского favorite (フエイバリット [feibaritto]) и первоначально означавшее для японцев что-либо любимое или понравившееся. В настоящее время пользователи интернет-сети употребляют это слово в значении «хорошо, подходит!». Встречается оно и в знак подтверждения того, что высланное сообщение прочитано. Часто от него образуют глагольные формы, например, ふあぼった [fabotta] «было хорошо!», ふあぼる [faboru] или

ふあぼする [fabosuru] «будет здорово!», и в настоящее время оно перестало восприниматься как сленг [5].

Основываясь на списки новых слов 小学館 [Shogakukan] и 三省堂 [Sanseido] за 2017-2018 гг. можно выделить использование следующих неологизмов японскими пользователями социальных сетей: インスタ映え [insuta bae] «засиять в Инстаграме»; 都民ファーストの会 [tomin fasuto: no kai] «Жители столицы – превыше всего»; 横入り [yokohairi] «лезть без очереди»; シンデレラフィット [sinderera fitto] «Сидит, как на Золушке»; 忖度 [sontaku] «предугадывать невысказанные пожелания другого человека» [6];

Таким образом, на основе анализа интернет-сленга японского интернет-пространства можно сделать вывод о том, что язык, применяемый для виртуальной коммуникации, существенно отличается от привычного нормативного японского языка. Отличается он довольно сильно как от устного разговорного и вежливого, так и от традиционного письменного. Виртуальная коммуникация в социальных сетях даёт основание сделать вывод о том, что изменённые условия общения способствуют дальнейшему сближению устной и письменной речи как двух форм языкового существования японцев.

Помимо этого, совершенствование компьютерных технологий способствует активному проникновению в японский язык неологизмов и заимствований, возникающих на основе мультилингвизма. По большей части они подчиняются нормам японской фонетики и грамматики, однако под их влиянием письменная фиксация передаваемого текста все же часто претерпевает значительные отклонения от принятой нормы. Наиболее употребляемые в социальных сетях молодыми пользователями «слова-трансформеры» и сленг часто переносятся ими в реальную действительность и становятся частью лексического слоя современного японского языка. Знание и учёт современной специфики виртуального общения важны для адекватного восприятия текстового содержания и ориентации в японском интернет-пространстве.

Современный японский интернет-язык представляет собой графическую смесь письменной и устной речи. В текстах комментариев и реплик прослеживается тенденция к сближению письменной речи по форме фонетической фиксации с европейскими языками, ранее не характерной для японского языка и отмечавшейся российскими лингвистами в качестве одной из его специфических особенностей [1, с.41]. Благодаря отсутствию прямого контакта в интернет-пространстве происходит формирование письменной разговорной речи, анализ, учёт и умение орудовать которой важны для адекватного и незатрудненного восприятия информации, а также лучшей ориентации в японском интернет-пространстве.

Как следствие, японский интернет-сленг, являясь отдельным пластом лексики, определенно имеет огромное влияние на развитие японского языка, в какой-то степени упрощая и делая его более удобным для быстрой передачи информации, знаний, эмоций и мнений. Несмотря на те отклонения от общепринятых норм традиционного японского языка, которые порождает внедрение сленга, он позволяет языку выйти на новую ступень развития и не отставать от прогресса других языков мира. С течением времени и под влиянием внешних факторов любому языку свойственно в той или иной степени изменять свои составные части – этот процесс естественен, он был, есть и останется неизбежным.

Данная статья может выступить базой и источником для дальнейших исследований на тему японского-интернет сленга – его развития и влияния на традиционный (нормативный) японский язык.

Литература

1. Алпатов В.М. Япония: язык и общество. Москва: Наука, 1988. 135с.
2. Раздорская Н.В. Иностранные заимствования в текстовых материалах японских СМИ. Москва: изд-во «Ключ-С», 2017. С.141–152.
3. Ёнэкава А. Наблюдение за словами. Введение/米川明彦「ことば観察にゆうもん」. Токио: Фукуинкан сётэн, 2010. 46 с.
4. Информационный сайт JapanesePod101.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.japanesepod101.com/blog/2019/07/23/japanese-text-slang/> (дата обращения 16.03.2024).
5. Сайт рейтинга блогов за 2017 год от 16.01.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://jikitourai.net/schoolgirl-ai-rinna-funny> (дата обращения 20.03.2024).
6. Веб-сайт японской поисковой системы Yahoo! [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yahoo.co.jp> (дата обращения 21.03.2024).

Приложение

1. やだ [yada] «нет», выражение несогласия, отказа;
2. 無理 [muri] «невозможно»;
3. めっちゃ [metcha] «обалденно, очень»;
4. やばい [yabai] «ничего себе», «ужас»;
5. だるい [darui] «бесит», «скучно»;
6. まったりする [mattari suru] «релаксировать», «отдыхать»;
7. 萌え [moe] «захватывающий»;
8. ウザイ [uzai] «раздражающий»;
9. 調子どう? [chyoushi dou?] «как дела?», «как здоровье?»;
10. ごめんちゃい [gomenchyai] «прости»;

11. すこ [suko] «нравится»;
12. セルフィ [serufi] от англ. selfie «селфи»;
13. リアタイ [riatai] от англ. real time «настоящее время», «сейчас»;
14. すている [sutiru] от англ. still «все еще», «до сих пор»;
15. ワズ [wazu] от англ. was «был»;
16. カワイイ [kawaii] «мило»;
17. コチラこそ [kochirakoso] «взаимно»;
19. 草生える [kusahaeru] «растёт трава»;
20. ググル [guguru] «искать в поисковой системе Google»;
21. ヤフル [yafuru] «поискать в поисковой системе Yahoo»;
22. ヱィキル [wikiru] «поискать в Википедии»;
23. ふあぼ [fabo] «любимый», «нравится»;
24. ふあぼる [faboru] или ふあぼする [fabosuru] «будет здорово!»;
25. インスタ映え [insuta bae] «засиять в Инстаграме»;
26. 忖度 [sontaku] «предугадывать невысказанные пожелания другого человека»;

УДК 811.521

Шкондина Валерия Сергеевна
студентка Санкт-Петербургского государственного института
культуры
Shkondina_valery@mail.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯПОНСКИХ НАРЕЧИЙ (на материале корпуса BCCWJ)

В статье рассматриваются стилистические особенности японской лексики в соответствии с классификацией Ц. Иноуэ. В качестве материала отобрано 38 японских наречий с частотностью свыше 10 000 употреблений, представленных в лингвистическом корпусе BCCWJ. Анализируется, какие наречия наиболее характерны для четырёх типов текстов подкорпусов BCCWJ: 白書 (белые книги), 国会 (протоколы заседаний парламента), 書籍 (книги), 知恵袋 (форум Yahoo! «Тиэбукуро»). Проводится сравнительный анализ всех подкорпусов BCCWJ на предмет типичности использования наречий.

Ключевые слова: наречие, японский язык, стилистика, корпус BCCWJ

Shkondina Valeria
Stylistic features of Japanese adverbs on BCCWJ corpus material

The article deals with the stylistic features of the Japanese lexicon according to T. Inoue's classification. 38 Japanese adverbs with a frequency of over 10,000 uses, represented in the

BCCWJ linguistic corpus, are selected as material. It is analyzed which adverbs are most characteristic of four types of BCCWJ subcorpus texts: 白書 (white papers), 国会 (records of National Diet proceedings), 書籍 (books), 知恵袋 (Yahoo! Chiebukuro forum). A comparative analysis of all BCCWJ subcorpora leads to a conclusion about the typicality of adverbial usage in certain types of texts.

Keywords: adverb, Japanese language, stylistics, BCCWJ corpus

Введение

Японские наречия рассматривали с различных точек зрения, включая семантико-прагматические особенности синонимичных групп лексики [Чиронов, 2015, 2016] и отдельных наречий, особенности использования данного слоя лексики как носителями японского языка, так и изучающими японский как иностранный [萩原, 2006]. Отдельные авторы проводят синхронический и диахронический анализ наречий, например, Я. Хигурэ [日暮, 2023] сравнивает употребление японских наречий степени.

Ряд работ посвящён и стилистическим особенностям наречий. Например, Н. Накамата [中俣, 2020] проводит подробный анализ 164 наречий, встречающихся в BCCWJ и в экзамене на знание японского языка JLPT, классифицирует синонимичные наречия и выявляет стилистические различия между синонимами. Таким образом, большинство исследователей фокусируется в основном на особенностях использования отдельных синонимичных групп японских наречий в текстах разных жанров.

Однако данные корпусной лингвистики позволяют рассмотреть отдельные функциональные стили японского языка. Цели данной статьи - изучить, какие наречия, независимо от их семантики, чаще используются в различных типах текстов, представленных в корпусе BCCWJ, и для каких текстов в большей степени типично использование такой части речи, как наречия.

Предыдущие исследования

Стилистические особенности японского языка анализируются в работах Ц. Иноуэ [井上, 2010], Т. Миядзима [宮島, 1972, 1977], А. Танака [田中, 1999], Л.А. Пашковский [1973], И.В. Жукова [2002] и др.

Т. Миядзима [宮島, 1972, с. 709] строго различает стиль слова и стиль предложения и в отношении стилей слова выделяет три категории:

- 「俗語」 (сленг): только разговорная лексика, не используется в письменной речи или официальной устной речи;
- 「日常語」 (обиходная лексика): как в устной, так и в письменной речи, без особых стилистических ограничений.
- 「文章語」 (письменная лексика): в письменной или разговорной речи в формальных ситуациях.

Классифицируя слова по стилистическим признакам, Т. Миядзима затем [宮島, 1977, с. 873] разделяет «обиходную лексику» на три типа: 「くだけた日常語 (неформальная обиходная лексика), 「無色透明な日常語」 (нейтральная лексика), 「あらたまった日常語」 (формальная обиходная лексика). В результате выделяется пять стилей слов.

Ц. Иноуэ [井上, 2009], анализируя тексты подкорпусов корпуса BCCWJ, определяет стилистическую принадлежность четырёх из них: в 白書 (белые книги) входит письменная лексика 文章語, в 国会会議録 (протоколы заседаний парламента) - あらたまった日常語 (формальная обиходная лексика), 書籍 (книги) - 無色透明な日常語 (нейтральная), а 知恵袋 (форум Тиэбукуро) - 日常語 (обиходная лексика). Т. Миядзима [宮島, 2008] анализирует стиль текстов корпуса на основе стиля лексики и отмечает, что в 白書 входит больше, чем в другие тексты, книжной лексики, в 知恵袋 - разговорной.

Методология и сбор данных

В данной работе анализируются наиболее частотные наречия японского языка, представленные в частотных списках корпуса BCCWJ.

В качестве материала были отобраны 38 наречий, чья частотность превышает 10 000, поскольку низкая частотность сделала бы данные наречия менее значимыми для изучения различий между текстами разных жанров. Используются все лексемы, которые классифицированы корпусом как наречия, хотя в отдельных случаях допускаются трактовки: так, いろいろ может в отдельных примерах выступать в качестве полупредикативного прилагательного.

При сборе данных и дальнейшем построении графиков использовалась не абсолютная частотность, а показатель PMW (frequencies per million words). Это стандартное представление частоты токена, которое вычисляется относительно условного корпуса в миллион единиц и не зависит от объёма реального корпуса [Копотев, 2014].

В качестве источников данных были выбраны типы текстов, входящие в подкорпуса корпуса BCCWJ:

- 1.出版サブコーパス (PSC, подкорпус изданий): 書籍 (Книги, литература), 雑誌 (Журналы).
- 2.図書館サブコーパス (LSC, библиотечный подкорпус): 書籍 (Книги, литература).
- 3.特定目的サブコーパス (SSC, подкорпус для специальных целей): ベストセラー (Книги-бестселлеры), 知恵袋 (Форум «Yahoo! Тиэбукуро»), 法律 (Тексты законов), 国会会議録 (Протоколы заседаний парламента), 広報紙

(Информационные буклеты), 教科書 (Учебники), 韻文 (Поэзия), 白書 (Официальные обращения), ブログ (Блоги).

Результаты

Опираясь на классификацию Ц. Иноуэ касательно стилистической принадлежности лексики в четырёх типах текстов корпуса BCCWJ, проанализируем частотность использования наречий в каждом из них.

а. 白書 Белая книга

«Белая книга» - это официальное сообщение в письменном виде. К данным типам текстов могут относиться государственные сообщения, официальная документация и др. Как видно на рис. 1 (смотреть приложение), для данных текстов особенно характерно использование трёх лексем, выделенных корпусом BCCWJ как наречия: さらに (783.73), 特に (568.16), 最も (428.64). Заметим, что данные наречия не отличаются самым большим показателем PMW среди всех проанализированных лексем. Далее идёт ряд наречий, чья частотность гораздо ниже, однако данные лексемы также характерны для письменного языка: いずれ, ふつう, かなり, すでに и др. Заметим, что для официальных письменных обращений наречия не так характерны, как для других текстов данного корпуса.

б. 国会会議録 Протоколы заседаний парламента

Ц. Иноуэ отнёс вхождение данного жанра к формальному повседневному стилю. Для данных текстов в большей степени, чем для белых книг, характерно использование наречий, что объясняется, вероятно, более частым использованием разговорной, а не письменной лексики, однако интересно сравнить эти данные с другими текстами разговорного стиля, что будет обсуждаться в 4.5. Для протоколов заседаний парламента наиболее характерными оказались наречия やはり (1190.52), もう (882.67), こう (638.12) и др.

с. 書籍 Книги

Тексты, отнесённые в тип 書籍, «книги, литература», встречаются в двух подкорпусах, 出版サブコーパス (подкорпус изданий) и 図書館サブコーパス (библиотечный подкорпус), поэтому особый интерес представляет не только анализ частотности употребления наречий и выделение конкретных лексем, но и сравнение двух подкорпусов с текстами одинакового стиля.

На рис. 3 представлены данные обоих подкорпусов, при этом шкала подкорпуса изданий расположена над шкалой библиотечного подкорпуса. Можно заключить, что шкалы приблизительно равны друг другу, что говорит об общих стилистических характеристиках наречий, использованных в текстах обоих подкорпусов, однако требуется более подробный анализ с учётом специфики использования каждого наречия и более тщательного определения

типов текстов, входящих в данные подкорпуса. Самым частотным наречием в текстах книг является そう (926.69 в библиотечном подкорпусе и 687.15 в подкорпусе изданий), гораздо реже встречаются лексемы もう (528.84 и 393.95 соответственно), さらに (348.38 и 416.11), まだ (327.36 и 240.29) и т.п.

d. 知恵袋 Форум Yahoo! Тиэбукуро

Стиль лексики в текстах форума Тиэбукуро охарактеризован Т. Иноуэ как «повседневный». По сравнению с текстами, проанализированными ранее в данной работе, очевидно, что в данном случае частотность наречий гораздо выше, чем в текстах других жанров (рис. 4). Чаще всего на форуме употреблялись наречия そう (557.46), やはり (474.05), ふつう (461.79) и др. с заметным преобладанием そう.

e. Все подкорпуса

Сбор данных о частотности наречий позволил также изучить показатель RMW каждого отобранного наречия во всех подкорпусах корпуса BCCWJ (рис. 5).

Собранный материал позволяет на основе статистических данных проиллюстрировать, для каких типов текстов, и, соответственно, для каких стилей японского языка в большей или меньшей степени характерно использование наречий. Так, крайне мала частотность наречий в белых книгах (白書), информационных буклетах (広報紙) и текстах законов (法律). Однако, как показывают данные корпуса, употребление наречий крайне характерно для книг, вошедших в категорию «Бестселлеры» (ベストセラー), текстов форума Yahoo! Тиэбукуро (知恵袋), и особенно – для заседаний парламента (国会会議録). Можно было бы предположить, что такой результат достигается за счёт высокой частотности лексем やはり и いろいろ, однако даже без их учёта общая частотность наречий в 国会会議録, в устной речи с книжной лексикой, выше, чем 知恵袋, в письменной речи с употреблением разговорной лексики.

Заключение

В результате анализа четырёх типов текстов, охарактеризованных с точки зрения стилистической принадлежности в работе Ц. Иноуэ – белых книг, протоколов заседаний парламента, текстов книг и текстов форума Тиэбукуро – были выделены наиболее характерные для данных текстов наречия, а также проведена общая характеристика данных текстов на предмет типичности использования наречий. Сравнительный анализ всех подкорпусов корпуса BCCWJ позволяет предположить, что использование японских наречий характерно больше для текстов с разговорной, чем книжной лексикой, однако высокая частотность наречий в устной речи с книжной лексикой требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Копотев М.В. Введение в корпусную лингвистику: Учебное пособие для студентов филологических и лингвистических специальностей университетов. — Прага: Animedia, 2014. — 230 с.
2. Пашковский Л. А. К изучению стилевой ситуации в Японии. // Вопросы японской филологии. Вып. 2. М., 1973.
3. Стилистика японского языка / И.В. Жукова. — 2-е изд., доп.— М.:Вост. лит., 2002.— 111с— ISBN 5-02-018342-3 (в обл.).
4. Чиронов С.В. Наречия истинностной характеристики: прагматический потенциал (по данным корпуса японского языка). Актуальные вопросы современной науки, 2015. (42), с. 197-208.
5. Чиронов С.В. Японские наречия ограничительной семантики. Приоритетные научные направления: от теории к практике, 2016. (24-2), с. 54-67.
6. 中俣尚己 主成分分析を用いた副詞の文体分析 計量国語学 2020, 32 巻 7 号 中俣 pp.419-435.
7. 日暮康晴 程度副詞使用実態の横断的・縦断的調査:「通時話し言葉コーパス」の試み. 言語資源ワークショップ 2023 発表論文, 2023. Pp. 95-108.
8. 萩原孝恵 母語話者と非母語話者間のオンラインの意味構築:「よく」が使用された会話分析からの考察 昭和女子大学大学院言語教育・コミュニケーション研究, 2006. 巻 1, p. 17-30.
9. 宮島達夫『動詞の意味・用法の記述的研究』秀英出版, 1972.
10. 宮島達夫「単語の文体的特徴」松村明教授還暦記念会（編）『国語学と国語史』, 1977. Pp. 871- 903.
11. 井上次夫「日本語コーパスに基づく『語の文体』の明確化」文部科学省科学研究費特定領域研究「日本語コーパス」『平成 20 年度公開ワークショップサテライトセッション予 稿集』 2009. Pp. 109-118.
12. 田中章夫『日本語の位相と位相差』明治図書 1999.
13. 宮島達夫「文章の文体と単語の文体—国研コーパスを利用して—」近代語学会（編）『近代語研究 第十四集』 2008. Pp. 388-375.

СЕКЦИЯ 4 ТЕКСТЫ КУЛЬТУРЫ

УДК 75

Хаунин Владимир Григорьевич

доцент Санкт-Петербургского государственного института культуры

haunin@yandex.ru

ГЛУБИНЫ СМЫСЛОВ И ПРИМЕРОВ В ЗАМЕТКАХ С.М. ЭЙЗЕНШТЕЙНА «ПРИНЦИП РАЗВОРОТА КОМПОЗИЦИИ», «ОСЯЗАЕМОСТЬ КОНТРАПУНКТА. ИНТРИГА И ФОРМА», «ПЛЕТЕНИЕ СЮЖЕТА» ИЗ СБОРНИКА «НЕРАВНОДУШНАЯ ПРИРОДА»

Дискурс нашего исследования – заметки С.М. Эйзенштейна о специфике взаимодействия формы и содержания, о влиянии новаторских приемов и методов на мировую культуру и искусство в целом, о роли Автора и его творениях на иррациональную природу творчества. Кинематограф – вид искусства молодой, но предыстория его начиналась не вчера и не позавчера, и об этом важно помнить и знать, – аргументированно и взволнованно призывает нас выдающийся режиссер, литератор, педагог и ученый. Мы открываем для себя, по сути, неизвестного Сергея Эйзенштейна с малоизученными многослойными текстами, вплотную примыкающими к культурологии и до сих остающимися актуальными, насыщенными и метафоричными.

Ключевые слова: С.М. Эйзенштейн, Неравнодушная природа, Осязаемость контрапункта, Плетение сюжета, полифония, автопортретирование, многоточечность, кинематограф, монтаж, маргиналии.

Haunin G. Vladimir

Associate Professor

Depths of meanings and examples in S.M. Eisenstein's notes "The principle of composition reversal", "Tangibility of counterpoint. Intrigue and form", "Weaving the plot" from the collection "Caring nature"

The discourse of our study is S.M. Eisenstein's notes on the specifics of the interaction between form and content, on the influence of innovative techniques and methods on world culture and art in general, on the role of the Author and his creations on the irrational nature of creativity. Cinematography is a young art form, but its prehistory began not yesterday and not the day before yesterday, and it is important to remember and know about it," the outstanding director, writer, teacher and scientist urges us with arguments and excitement. We discover the essentially unknown Sergei Eisenstein with his little-studied, multi-layered texts, which are closely related to cultural studies and still remain relevant, rich and metaphorical.

Keywords: S.M. Eisenstein, Caring Nature, Tangibility of Counterpoint, Weaving of Plot, Polyphony, Self-Portraiture, Multipoint, Cinematography, Montage, Marginalia.

Время умеет превращать, казалось бы, самый изощренный и тонкий творческий продукт в утиль, ветошь. Не то с эйзенштейновскими опусами, статьями, очерками, новеллами. Они не устаревают, потому как, удивительным образом, «Старик» Эйзенштейн (прозвище, данное ему в юности), который, конечно, совсем не старик, органично живет в них и каким-то удивительным образом разговаривает с нами. Вопросы, проблемы, поднимаемые ими, также не теряют своей актуальности и мощного энергетического заряда. Тот ассоциативный круг, который очерчивает Сергей Михайлович в исследованиях, эссеистике, набросках, мемуарах, открывает новые рубежи для анализа и профессиональной подпитки.

Книги в творческой лаборатории С.М. Эйзенштейна не просто подспудный инструмент, но нечто большее – незаменимый аналитический механизм для вскрытия проблем, явлений, течений, направлений. Это очень важно для Эйзенштейна: быть обладателем, первооткрывателем.

В «Принципе разворота композиции», как и в «Осязаемости контрапункта...» и в «Плетении сюжета» на первом плане рассказ не о книгах, рисунках и картинах, но они всё же на втором, третьем планах присутствуют и влияют на характер повествования. Можно сказать, что мы находимся непосредственно в *библиотеке памяти* Сергея Эйзенштейна, но также очевидно, что и в его собственной мирской библиотеке. Очень точно подмечает по этому поводу Н.И. Клейман, исследователь творчества С.М. Эйзенштейна.

«У Эйзенштейна есть заметки по поводу того, что каждое подлинное произведение искусства – это автопортрет художника, только на разных уровнях явленный. Автопортрет может быть в пейзаже, как, например, у Ван Гога. Все ваноговские пейзажи есть автопортрет его души. Это может быть реальный автопортрет – скажем, серия автопортретов Рембрандта. Это могут быть автопортреты концептуальные, как, например, у Пиранези, который выразил состояние своего духа в виде архитектурных фантазий. Но, так или иначе, художник всегда автопортретируется. Личное волнение по отношению к материалу Сергей Михайлович считал обязательным». [1, с. 141].

Казалось бы, данная мысль очевидна, да и в принципе по отношению к психологии творчества – прописная истина. Но это только на первый взгляд. Множество художников вовсе не волнуются в выражении описываемых ими объектах и предметах. Эйзенштейн *волнуется всегда!* И, безусловно, он отражается, или, по наблюдению Наума Клеймана, *автопортретируется* в них. Его субъективность, (а иногда и предвзятость) настолько сгущена, что, перейдя эту грань, он начинает приближаться к объективности. Парадокс? Но не больше, чем сам метод исследования С.М. Эйзенштейна. Каков он, этот метод вкратце? Мы бы называли «методом нырка». Он погружается целиком и полностью в проблему, а потом полностью выныривает на поверхность... и снова погружается. И так несколько раз... А вместе с ним (да и за ним) погружаемся и мы – его читатели и соучастники.

Три заметки из раздела книги «Неравнодушная природа» (подзаголовок «Музыка пейзажа и судьбы монтажного контрапункта на новом этапе») объединяет не только соседство с друг другом (разве что между «Принципом

разворота композиции» и «Осязаемостью контрапункта. Интрига и форма» «затесалась» главка «Человек внутри пейзажа. «Очеловечивание» природы как иносказание о человеке»), ясность и внятность письма, лаконичность и отсутствие фирменных авторских отступлений, но и схожесть научных проблем: свойства и характер контрапункта, принципы и законы композиции, взаимовлияние формы и драматургии. Есть и еще один сквозной мотив, впрочем, характерный практически для всей «Неравнодушной природы». Взгляд на темы и проблемы со стороны междисциплинарного метода, или иначе с точки зрения смежных искусств. Кинематограф в целом, монтаж и режиссура в частности, в любом аспекте остаются центральной осью дискурса, но обозримая периферия, как живопись и литература, рассматриваются не автономно, а как про-истоки искусства кино.

Стороннего читателя может ввести в заблуждение плотность исторических фактов, даже некоторое жонглирование ими, и он примет данные заметки за исторические очерки. Но в таком случае, мнение это будет ошибочным: Эйзенштейн меньше всего в своих исследованиях историк, равно как и коллекционер фактов и находок. Историко-культурной слой – важная часть нарратива в «Неравнодушной природе», но не в ней суть. Суть как раз в целеполагании природы кинематографа. При этом Эйзенштейн, естественно, не утверждает, что в начале было кино. Для него более чем очевидно, что кино не первично среди других родов и видов искусства. Но также и очевидно, что, образно выражаясь, кино зародилось не в безвоздушном пространстве, а произошло, к примеру, из живописи, литературы, музыки, и, безусловно, культуры в целом.

Сквозная мысль, сквозная тема. Во всех трех заметках сквозная мысль очевидна: кино не самостоятельно изначально, и не стоит закрывать на это глаза.

В «Принципе разворота композиции» основная проблема, исходящая из темы – непрерывность движения, свойственная природе кинематографу и проистекающая из видов-прародителей – живописи, архитектуры, литературы, театра.

То, что породило, предначертало путь более всего волнует и заботит Сергея Михайловича (далее сокращенно - С.М.). Речь здесь идет, прежде всего, о движении, непрерывности, текучести.

Эйзенштейн будто бы в рапиде прокручивает время назад, в докинематографическую эпоху, изыскивая степени родства и генетические связи. Собственно, поиски связей и истоков – вторая тема и т.н. внешний сюжет «Принципа разворота композиции».

В быстром темпе проходит перед нами обзор: картины-свитки из восточного искусства, гравюры Хогарта, живопись Делоне...

Когда-то, в свой романтический период «бури и натиска», Сергей Эйзенштейн призывал не к сопоставлениям и сцеплениям в монтаже, а к

столкновениям. В программной (как выяснилось позже) статье «За кадром» он пишет:

«Чем же характеризуется монтаж, а следственно, и его эмбрион – кадр? Столкновением. Конфликтом двух рядом стоящих кусков. Конфликтом. Столкновением». [2, с. 290].

Спустя примерно шестнадцать лет С.М. не так настойчив и категоричен и в вопросах монтажа, и в воззрениях на природу кинематографа. Метод Эйзенштейна, однако, остается прежним и его инструментарий, во-многом, найден на площадке статьи «За кадром». В первую очередь, это взгляд на проблему и на т.н. матрицу извне, возможности анализа с помощью смежных видов искусства и междисциплинарного исследования. В «Неравнодушной природе» и сам анализ, и примеры усложняются.

«Оказывается, что существует промежуточная стадия, лежащая между канонической формой картины-свитка – где обнаженно рядом бегут линии пластической партитуры, - и теми, не менее каноническими прямоугольными листами, где имеет место такая же строгая партитура взаимосвязи отдельных мотивов, но где они бегут уже не рядом, а наложены *друг на друга*. Это бесконечно усложняет возможность «прочесть» и «проследить» бег отдельных мотивов, мчащихся уже не *параллельно* друг другу, а *сквозь* друг друга!» [3, с. 348].

Размышления о композиции. О композиции картины. Композиции изображения. Тут тождественность с названием – «Принцип разворота композиции». Казалось бы... Но мысль Эйзенштейна глубже, объемнее. Он заглядывает через формальную сторону, через формотворческую чашу даже не в содержание... в сторону бесконечности и «потока сознания». Через различные примеры разных эпох из истории культуры, истории живописи, истории быта Сергей Эйзенштейн приходит к двадцатому веку, к авангарду, к кино. То есть через примитив, через Восток, через архаический «наив» Китая, от эпохи картин-свитков и китайских пейзажей, через живопись Хогарта и Гольбейна он приводит нас к примерам из живописи футуриста Бурлюка и дальше к примеру «возрождения» текучей непрерывности из романа Улисс» Джеймса Джойса.

Обращение Эйзенштейна к «Улиссу» и к технике «потока сознания» Джойса вовсе не сенсационно. Начиная с конца 1920 годов, он занимается разработкой внутреннего монолога на примере как раз последней главы из «Улисса». О методе Дж. Джойса он пишет в главе «Внутренний монолог» первого тома книги о режиссуре «Метод», а еще раньше (1932 год), в полемической статье «Одолжайтесь!».

«Только киностихии доступно ухватить представление полного хода мыслей взволнованного человека. Или уж если литературе, то только литературе, вышедшей за пределы своих ортодоксальных ограничений. Предельно блестяще это решено внутри жестоких рамок литературных ограничений в бессмертных «внутренних монологах» агента по сбору страховых объявлений Леопольда Блума в замечательном «Улиссе» Джеймса Джойса» [4, с. 77].

Любопытно в какой контекст вписан этот литературный прием и конкретно «случай» «Улисса»-Джойса – это контекст тех же маргиналиев, о которых идет речь выше в «Принципе разворота композиции». Маргиналиями (от латинского «крайний» и «обрамлять») называют записи, пометы и рисунки и, в сущности, заметки к «Неравнодушной природе» о которых идет речь, те же маргиналии (кстати, и рисунки, наброски самого С.М. также имеются). Но и примеры, приводимые им, маргиналии: записи, пометы, предания, апокрифы, эпитафии, т.е. низший, маргинальный слой культуры. Однако разрозненности, фрагментарности нет и в помине в эйзенштейновских заметках. Помимо непрерывности, текучести, движения – принципа разворота композиции, Мастер касается проблем эволюции культуры, искусства, и этот пласт необычайно важен в контексте всего исследования.

Ценно его признание в финале заметок «Принцип разворота композиции»:

«Характерно в этом отношении и то, что в моей личной исследовательской работе я на протяжении всех этих лет двигался от более *поверхностных* и *механических* концепций, свойственных японской трактовке наследия, полученного от Китая, к *органической сущности концепций самих китайцев*. Это совершенно естественный процесс исследования самого предмета, неминуемо идущего от *видимости* к *сущности*, от *признака* к *принципу*, от *приема* к *методу*». [3, с. 354].

Эйзенштейн идет по следу своей мысли, а мы за ним проникаем в лабораторию, где осознание метода является лучевой темой творчества и научного постижения проблем в целом. Особенность настоящих заметок в плотности авторской мысли и в концентрированности на анализируемых явлениях.

В «Осязаемости контрапункта...» исследуются взаимодействие формы и интриги, и рассматривается трансформация (с помощью контрапункта) произведения искусства в многоуровневую модель для сборки. И снова Эйзенштейн сталкивает архаику и авангард, периферию и магистраль сюжета, иносказательное и повествовательное, часть и целое, автора и его детища - творения. В меньшей степени С.М. здесь философ и эссеист, в большей степени своего рода ученый-археолог и отчасти хирург (конечно, фигурально выражаясь). Он оперирует примерами, как фактами и очень методично и отстраненно вскрывает проблемы дихотомии и полифоничности в художественном произведении. Примеры – практически все (кроме одного и о нем речь в конце) из области литературы, но разбор изначально и на выходе не литературе посвящен. Нормальная, можно даже сказать, рабочая парадигма Эйзенштейна. Его интересует, как литературные приемы и шире метод, служат кинематографу и что именно он – кинематограф приобретает, в связи с этим взаимодействием. Основной инструментальный анализа взят из теории музыки – это контрапункт, классифицируемый С.М. на два вида: контрапункт распада и контрапункт зарождения.

«Для кинематографа встреча *контрапункта распада* и *контрапункта зарождения* особенно интересна: то, что служит признаком затухания для «предыдущих» искусств, прямо переходит в начальные формы молодости нового вида искусства – кино! Может быть, не лишено интереса проиллюстрировать наличие этих двух контрапунктов – в *начальной* фазе и в фазе *закрывающей* – на одном примере из истории литературы в период ее наиболее бурного развития в сторону реализма на протяжении 19 века». [5, с. 368].

Сергей Михайлович обращается к роману Шодерло де Лакло «Опасные связи», как бы между прочим, выдвинув понятия «эпистолярный контрапункт», «полифония» и «un grand default» (большой недостаток). Эйзенштейну представляется сущностным, то, что вначале кажется недостатками и изъянами письма и стиля Лакло, именно «эти первоначальные отчетливые и самостоятельные ходы внутри контрапункта срастаются в единую плотную массу мелкозатканной ткани литературной материи». [5, с. 368]. Можно сформулировать это, как контрапункт внутри контрапункта (голос напротив голоса внутри голоса напротив голоса), то есть некая матрешка, где всё построено на тонкой литературной вязи. С.М. очень цепко держит мысль, не позволяя себе, казалось бы, привычных и фирменных отступлений. Он, что называется, на балансе историзма, исследовательских изысканий и сквозной актуальной проблемы – осязаемости контрапункта. Эйзенштейн проводит нас через строй эпистолярного контрапункта Лакло, Бальзака, Достоевского, Гоголя, Стендаля к «Антологии Спун Ривер» Ли Мастерса, где «мы вновь встречаемся с любопытнейшими образцами того, что мы называли «контрапунктом распада». [5, с. 369] Его также интересует тотальный контрапункт в художественном произведении, и еще материализация, если так можно выразиться, многоголосья. И подводит Сергей Михайлович к вполне логично вытекающей из обзора/анализа модернистских течений в литературе мысли: суть та же –

«на обширных «кусках» сюжета и события мы видим тот же принцип «многоточечного» изложения их – «с разных точек зрения» - то есть то, что в дальнейшем в искусстве кинематографа стало одним из основных методов монтажной съемки (предметов, среды, игры и драматических сцен в целом)». [5, с. 371].

К финалу заметок Мастером найдено определение – «многоточечность», то есть «монтажно-кинематографической смены *точек описания* внутри пределов отдельно взятой сцены». [5, с. 371]. Объективность, строгость в суждениях, сконцентрированность на явлении, теме, проблеме: вот основные черты стиля эйзенштейновского письма и сущности мысли в «Осязаемости контрапункта...». И как подарок себе и нам читателям – пример-«бриллиант»:

«тип описанного выше литературного сказа встречается и в кино - так парадоксальной свежестью новизны прозвучал этот прием, например, в прекрасном фильме Орсона Уэллса «Гражданин Кейн», где целые фрагменты биографии героя излагаются разными персонажами, знавшими его при жизни. Острота приема возрастала еще оттого, что эти «показания» давались не в последовательно хронологическом порядке, а *перетасованно* между собой». [5, с. 371-372].

В этом примере поразительно многое: и то, как С.М. вписывает фильм в систему доказательств действенности приема многоточечности/смены точек описания, и то, как сжато и емко вскрывает суть проблемы и прицельное сравнение с видимым ему-Эйзенштейну литературным аналогом – «Житейскими воззрениями кота Мурра» Э.Т.А. Гофмана. Поразительно так же чутье Сергея Михайловича, граничащее с провидением: фильм О. Уэллса, вышедший в США в 1941 году, он не просто аттестовывает, но успевает разглядеть, как новаторское произведение (хочется воскликнуть: когда он успел его посмотреть и осмыслить?!). При этом, автор не гарцует знаниями, энциклопедичностью, ибо знания и энциклопедичность здесь не самоцель, а способ раскрытия проблемы. И это фундамент нашего вывода: примеры могут и должны работать одновременно и как увлекательный нарратив, и как незыблемая часть системы доказательств, образуя естественную ткань интертекстуальности.

«И естественно спросить себя в этом месте, на чем построена привлекательность /.../ этих методов, связанных с *повторностью* мотива, с *преследованием* его сквозь другие мотивы, со *сплетением* и *расплетением* разных голосов, работающих как разветвление *единого целого?*» [5, с. 372].

Этим пассажем Сергей Эйзенштейн заканчивает главку. Заканчивает, плавно переходя к следующей – «Плетению сюжета». Не без иронии заметим, что она вся состоит из плетения и переплетения. Нередкий, впрочем, для Сергея Михайловича случай, когда название не просто отражает сущности проблемы, тем, смыслов, но и является неким маяком.

За внешней эффектностью письма и слаженностью слога скрываются явный подтекст, и как всегда у Сергея Эйзенштейна, несколько культурных слоев. Эти заметки чрезвычайно герметичные, отточенные по параболе мысли и развитию тем, и они же... будто незавершенные при всей своей отточенности и завершенности. Не есть ли и в них, упомянутый Н. Клейманом, фактор автопортретирования? Безусловно, это так. Потому что в самый последний период жизни и творчества Сергея Михайловича, всё к чему он прикасается и с чем взаимодействует, не будет завершено по одной-единственной причине – преждевременной (и вместе с тем ожидаемой, увы, им самим) смерти автора.

«Плетение сюжета» - своего рода обманка. При первом (а может и втором) прочтении ее можно принять за историко-литературоведческий очерк о сюжетосложении и о хитросплетениях драматургии на литературном поле. Эйзенштейн-лингвист и Эйзенштейн-архивариус органично находят здесь друг друга. Невероятный, просто-таки немислимый парад примеров, цитат и умозаключений. Этот как раз тот случай, когда представляется невозможным пересказать сюжеты и микросюжеты, к которым обращается и которыми оперирует автор. Ибо, если пересказать их, значит упростить двойную фабулу настоящих заметок.

На одной стороне фабулы (условно назовем ее нарративно-исторической) – сугубо субъективная история плетения и переплетения сюжета в литературе и в искусстве с парадом имен и наименований произведений; на другой стороне (научно-проблемной) – т.н. материальная часть с таблицей «Физические характеристики звуков речи» из книги М. Лиделла, анализом и воспроизведением рисунков узлов, узоров, шнурков по американскому изданию книги 1941 года «Энциклопедия узлов и веревочных узоров», а также схем, рукописно-графических набросков. Но всё же говорить о линейности двух фабул нельзя, потому что само повествование (похожее, кстати, на следствие) петляет и переплетается между собой. Не только рассказом, но и всей структурой заметок/очерков С.М. доказывает актуальность и остроту исследуемой проблемы – имеющим право на функционирование в искусстве нелинейностью повествования и непоследовательностью событий. Вот это и есть ядро проблематики «Плетения сюжета, и к раскрытию ее Сергей Михайлович подходит с экстраординарной архивной подготовкой, интуицией художника и режиссерской затейливостью. Нет примеров из собственной практики и биографии, полная сосредоточенность на теме, идеи, проблеме и распутыванию клубков и загадок вокруг нелинейного сюжета (в контексте истории искусства) как такового.

Несомненно, «Плетение сюжета» - своеобразный паноптикум по части примеров, наименований, плотности цитат и парафраз, достойный Книги рекордов Гиннеса и вполне претендующий (разумеется, в несколько переработанном виде) на автореферат по защите докторской диссертации (ученая степень доктора искусствоведения имела у С.М. Эйзенштейна за фильм «Александр Невский», но по существу она была дана, что называется по совокупности творческой деятельности и за заслуги перед советским кинематографом).

Калейдоскопом светятся, мелькают и мерцают Уильям Хогарт с «Анализом красоты», Мэри Робертс Райнхарт с «Круглой лестницей», Фенимор Купер, Эжен Сю, Бальзак, Гюго, Дюма-отец, Всеволод Крестовский с «Петербургскими трущобами», Шервуд Андерсон с «Историей рассказчика», Уильям Сароян с «Человеческой комедией», Скриб, Мопассан с «Пьером и Жаном», Шекспир с «Макбетом», Диккенс, Пушкин с «Выстрелом» и «Борисом Годуновым», Иван Бунин с «Легким дыханием», Стерн с «Тристрамом Шенди», Джозеф Конрад с «Лордом Джимом», Дж.Б. Пристли со «Временем и семейством Конвей», Лилиан Хеллман со «Сквозным ветром».

И это далеко не все, кто упоминаются в этом труде С.М. Есть еще «представители» смежных видов искусства – Дюрер, Леонардо да Винчи, Браманте, Микеланджело, Орсон Уэллс, Джованни Баттиста Пиранези, Иоганн Себастьян Бах, фокусник и иллюзионист Гудини, отдельно выделен автором Данте Алигьери... Итого более 80 различных имен, наименований, цитат и проч. на 13 страниц текста, но... зададимся вопросом: в цифрах и фактах, т.е. в

статистических ли данных дело? Конечно, нет, дело не в них. И даже не в стойкости мысли и темы великого «Эйзена» (одно из прозвищ С.М. Эйзенштейна). Автопортретирование – вот суть.

И в «Плетении сюжета», и в «Принципе разворота композиции», и в «Осязаемости контрапункта. Интриге и форме» Эйзенштейн остается Эйзенштейном. Самим собой. Везде экстраполируется собственный конгениальный внутренний мир. И это самое главное, что удастся нам почерпнуть из его блистательных и пока еще не в полной мере открытых и адекватно замыслам и помыслам автору прочитанных современным читателем заметок из цикла «Неравнодушная природа».

В «Осязаемости контрапункта...» Сергей Михайлович приходит к выводу, что многоточечность есть важнейший способ передачи реальности. В «Принципе разворота композиции» видимость, как естественный процесс исследования предмета ведет к сущности. В «Плетении сюжета» – *«принцип единства в многообразии»,* который пронизывает в природе не только явления одного и того же порядка, но и связывает между собой всё многообразие явлений вообще». [6, с. 388].

Скрытый (имплицитный) пафос «Неравнодушный природы» заключается в том, что границы восприятия искусства, а, следовательно, и жизни, можно и должно раздвинуть. В это верит Мастер. Культура и искусство двадцатого и двадцать первого веков подтверждают эту аксиому. Эйзенштейн в своем творчестве опережает время, оказывается чуть впереди открытий в универсумах Х.Л. Борхеса, Х. Кортасара, М. Бахтина, Р. Барта, К. Метца и многих других. Его интересуют новаторства и метафизические откровения в науке, культуре, искусстве и он их рассматривает, как некий гигантский сообщающийся коллективный сосуд. Мысль впоследствии, нашедшая воплощение в кинематографе, литературе, философии, музыке, театре, культурологии...

Прислушаемся к виртуальному голосу Эйзенштейна. Вчитаемся в его тексты.

Литература

1. Клейман Н.И. Эйзенштейн, «Бежин луг» (первый вариант): культурно-мифологические аспекты // Клейман Н.И. Формула финала. Статьи. Выступления. Беседы. Москва: Эйзенштейн-центр, 2004. С. 123-152.
2. Эйзенштейн С.М. За кадром // Эйзенштейн С.М. Избранные произведения: В 6 т. Т. 2. / сост. П.М. Аташева, Н.И. Клейман, Ю.А. Красовский, В.П. Михайлов. Москва: Искусство, 1964. С. 283-297.
3. Эйзенштейн С.М. Принцип разворота композиции // Эйзенштейн С.М. Неравнодушная природа: В 2 т. Т. 2. О строении вещей /сост. и коммент. Н.И. Клейман. Москва: Музей кино; Эйзенштейн-центр. С. 347-354.
4. Эйзенштейн С.М. Одолжайтесь! // Эйзенштейн С.М. Избранные произведения: В 6 т. Т. 2. / сост. П.М. Аташева, Н.И. Клейман, Ю.А. Красовский, В.П. Михайлов. Москва: Искусство, 1964. С. 60-81.

5. Эйзенштейн С.М. Осязаемость контрапункта. Интрига и форма // Эйзенштейн С.М. Неравнодушная природа: В 2 т. Т. 2. О строении вещей /сост. и коммент. Н.И. Клейман. Москва: Музей кино; Эйзенштейн-центр. С. 367-372.
6. Эйзенштейн С.М. Плетение сюжета // Эйзенштейн С.М. Неравнодушная природа: В 2 т. Т. 2. О строении вещей /сост. и коммент. Н.И. Клейман. Москва: Музей кино; Эйзенштейн-центр. С. 372-388.

УДК 75

Надежда Викторовна Филичева
искусствовед, доктор философских наук, профессор РХГА
nfilicheva@gmail.com

РОЛЬ КОНСТРУКТИВИЗМА В НОВЫХ ОТКРЫТИЯХ ТЕАТРАЛИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматривается период возникновения новых художественных направлений и их последующее влияние на театральное-декорационное искусство XX века. В статье анализируются такие понятия как конструктивизм, сценография, театральный конструктивизм, который рассматривается как сценическая версия главных идей конструктивизма в целом, параллельно другим авангардным направлениям первой трети XX века. Представителям авангарда, конструктивизма и других направлений театральная сцена представляла возможность реализации самых смелых художественных идей и проектов. Основное внимание в статье уделяется В.Э. Мейерхольду, анализу творческих поисков режиссера в осуществлении его смелых новаторских и сценических идей в пространстве театрального конструктивизма и создателя концепции актерской «биомеханики».

Ключевые слова: авангард, конструктивизм, В.Э.Мейерхольд, театральный конструктивизм, биомеханика, трансформация.

The article examines the period of emergence of new artistic trends and their subsequent influence on theatrical and decorative art of the twentieth century. The article analyzes such concepts as constructivism, scenography, theatrical constructivism, which is considered as a stage version of the main ideas of constructivism in general, in parallel with other avant-garde trends of the first third of the twentieth century. For representatives of the avant-garde, constructivism and other trends, the theater stage provided an opportunity to implement the most daring artistic ideas and projects. The main attention in the article is paid to V.E. Meyerhold, the analysis of the creative searches of the director in the implementation of his bold innovative and scenic ideas in the space of theatrical constructivism and the creator of the concept of actor's "biomechanics".

Keywords: avant-garde, constructivism, V.E. Meyerhold, theatrical constructivism, biomechanics, transformation.

В ряду наиболее интересных, сложных и неоднозначных явлений отечественной культуры перв. четв. XX века одно из ведущих мест занимает конструктивизм, появлению которого в России предшествовало абстрактное искусство Казимира Малевича, Василия Кандинского, Михаила Ларионова, Владимира Татлина, Любови Поповой, Александра Веснина, и др. художников.

Формирование конструктивизма в новом, молодом советском государстве происходило параллельно с развитием его на Западе, и шло от беспредметной живописи к рельефам, а затем к конструкциям и по-своему проявили себя в архитектурном и театральном пространствах.

Конструктивизм воспринимали как новый модный стиль, где первостепенное значение придавалось внешней формальной связи с технической конструкцией, которая стала как бы стилевой приметой конструктивизма.

С одной стороны, согласно исследованию О.А. Юшковой, конструктивизм оказался «болевым точкой художественной мысли 1910–1920-х годов; рожденный в процессе лабораторно-теоретических поисков, словно опротестовывая искусственность своего происхождения», с другой - «конструктивизм самым активным образом вторгается в жизнь», принимая на себя все катаклизмы действительности, и «из элитарно-теоретического дитя превращается в идеологизированного пролетария»³⁴. [Цит.10, с. 166].

В советской архитектуре конструктивизм никогда не понимался только как примат конструкции, в нем прежде всего видели новый метод проектирования. Один из авторитетнейших исследователей советского авангарда С. О. Хан-Магомедов настаивает на том, что «неправильно придавать этому термину сугубо стилистический смысл или связывать его с буквальным выявлением конструкции»³⁵ [11, с. 243].

Однако ни творческие принципы, ни теоретическая платформа архитектурного конструктивизма не могли быть просто заимствованы из другого искусства. Они складывались в процессе сложного взаимодействия, синтеза архитектуры с различными видами искусства и теоретическими концепциями, а в поисках новых театральных концепций, созвучных времени, отчетливо выявились тенденции, взаимодействие которых и сегодня определяет мировой театральный процесс.

Как направление в искусстве конструктивизм возник несколько раньше, чем была разработана его идеологическая, «агитационная» база. Изначально приверженцы конструктивизма видели социально-культурный идеал в функциональной организации жизни человека и общества. Предложенный ими функционально-конструктивный подход предполагал «чистоту» машинной геометрии и технической конструкции и делал ненужными традиционные формы.

Новые конструктивистские тенденции в создании нового искусства захватили и театр, перед которым встала еще одна проблема - поиск и осознание новых выразительных возможностей, путем установления определенной дистанции между жизненной реальностью и ее

³⁴ Юшкова О. А. Станция без остановки: Русский авангард. 1910–1920-е годы. М., 2008. С. 166.

³⁵ Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М., 1996. С. 343.

сценографическим воспроизведением. Первый серьезный переворот в сценографии отечественного театра совершили мирискусники, но в этот период почти одновременно вели различные поиски в театре К. Станиславский, В. Немирович–Данченко, В. Мейерхольд, А. Таиров, Е. Вахтангов, Н. Евреинов и др.³⁶

Значение художников объединения «Мир искусства», С.П.Дягилева в развитии театра, оперы, балета трудно переоценить. Они были ретроспективистами, за их неприятием действительности, со стремлением к ее театрализации, маскараду стояло ощущение неблагополучия мира и отчаянная попытка найти в нем гармонию. Но они самозабвенно любили театр и много сил отдавали сценографии и вскоре распространили свое влияние на драматический, оперный и балетный театр. Мирискусники, оказались силой, способной «европеизировать» русскую культуру. Наш легендарный соотечественник, антрепренёр, великий импресарио С.П. Дягилев своими «прорывами» в искусстве смог внушить миру такое уважение к России и русской культуре, что сейчас нам, возможно, следует чаще вспоминать и задумываться над тем, как средствами искусства можно изменить современную ситуацию в мировом пространстве культуры, политики, бизнеса, спорта и, вместо непонимания, экономических кризисов, военных угроз, ощущения надвигающихся современных катаклизмов и тревоги и удивить мир новыми открытиями в музыке, живописи, танце, театре и культуре в целом.

Уже А. Бенуа в декорациях к «Петрушке» поднялся до высот подлинного трагизма. В карнавалах и маскарадах К. Сомова уже можно было увидеть контуры будущих мейерхольдовских «арапчат», с которыми впервые в русское искусство вошла тема гротеска, марионеточности человеческой жизни.

Но к этому времени театр уже вступал на новый путь развития, который пришел с художниками авангарда, кубизма, футуризма, конструктивизма других новых течений. Вслед за П. Сезанном они обратились к кубу, шару, конусу, пирамиде, геометрическим фигурам, в сочетании которых им виделся мир. Свои самые смелые опыты художники переносили из мастерских на сценические площадки. Режиссером, остро ощутившим противоречие между декоративно-плоскостным принципом оформления и природой сценического действия, был А. Таиров. Неудовлетворенный принципами сценографии условного и натуралистического театра, А. Таиров искал художников, отвергавших живописно-плоскостное оформление сцены и в то же время несогласных с воспроизведением на сцене конкретного места действия. Такими художниками стали Александра Экстер, Аристарх Лентулов, Георгий Якулов, Александр Веснин. В театре, они получили неограниченные возможности для

³⁶ Примеч.: В это же время на площадках западноевропейского театра свои эксперименты осуществляли А.Антуан, Г.Фукс, П.Пикассо, Г. Крэг, А.Арто.

творческих поисков. Предложенная Камерным театром объемно-пространственная система оформления спектакля привлекала их как оптимальное решение пространства в рамках традиционной «сценической коробки», которая воспринималась ими как зал для новой живописи.

Однако, начиная со второй половины 20-х годов, такие яркие приверженцы новейших направлений изобразительного искусства в театре, как А. Таиров и В. Мейерхольд, меняют художественные ориентиры. Конструктивизм выходит на сценическую площадку.

Первым конструктивистом справедливо считают В. Татлина, показавшего контррельефы в своей мастерской (1913). Вслед за В. Татлиным «власть над пространством» и собственное современное понимание красоты захотели воплотить на театральной сцене А. Веснин, Г. Якулов, Эль Лисицкий, А. Родченко, В. и Г. Стенберги, Л. Попова, Н. Габо, А. Певзнер, В. Степанова и др. В театре конструктивизм впервые проявил себя в крупных эстетически осознанных формах. В декорациях начала 1920-х годов художники-конструктивисты создавали образы города будущего, нового быта, урбанизированной и механизированной среды. Попадая на сцену, новейшие конструкции и бытовые вещи приобрели новое качество, они (в соответствии с «эффектом замещения») оказались «эстетизированными» и вернулись в жизнь – в строительство, в производство – уже как элементы новой художественной культуры. Ибо в театре эти сугубо утилитарные элементы воспринимались эстетически (как образ эпохи), что подчас и не входило в намерение самих художников.

Театральная декорация стала точкой пересечения театра, изобразительного искусства и повседневной действительности. Утверждение режиссерского театра повлекло за собой проблему сценической среды, органичной стилю нового театра. Поиски своего художника и созвучного режиссеру направления живописи были характерны для К. Станиславского, А. Таирова, В. Мейерхольда. Но лишь В. Мейерхольду удалось создать новый *театр конструктивизма, театр будущего*. Открытия В. Мейерхольда еще при его жизни изменили представления о возможностях театрального искусства, раздвинули его привычные границы. Сильнейшее воздействие оказывают они и на современную сцену, способную самостоятельно, без привычной опоры на пьесу, «театрально» прочесть поэзию, прозу, драму. Поиски новых форм продолжаются также активно и в современном театральном пространстве.

Театральная система режиссера определяется индивидуальным преломлением фундаментальных сценических категорий – «пространства и времени». «Пространству жизни» К. Станиславского В. Мейерхольд противопоставил «пространство игры». Потом возникли и другие пространства, и в их числе «пространство эмоции» у А. Таирова. Но «пространство театра» В. Мейерхольда было одним из самых стройных, теоретически выверенных,

укрепленных в театральной традиции и отвечающих духу и формам искусства первой трети XX века.

Конструктивизм в театре не ограничивается сценографической реформой, он «переосмысляет» все компоненты спектакля, выдвигая самостоятельную концепцию. Основу конструктивистского метода составляет конструкция как некий создаваемый художником объект. Эта конструкция предусматривает практическое использование ее актером для раскрытия принципиально новых актерских возможностей, а также влияет на принципы режиссерского замысла в целом. Своеобразным преломлением идей конструктивизма в театре стала «актерская биомеханика» В. Мейерхольда³⁷, когда на смену декорации пришла конструкция, установка. В оформлении сцены режиссер исходил из убеждения, что художественные образы могут жить в различных условиях, однако натуралистические декорации изображают из множества возможных лишь один вариант, в котором изначальная «заданность» формирует пассивное сопереживание зрителя. Декорация же, составленная из конструкций, условна и рождает самые разнообразные ассоциации, способствуя ее активному восприятию. Естественно, что актеру, выстроившему четко, геометрически свои передвижения, для игры требовалось пространство «геометрических форм». Это была возможность выхода в трехмерное пространство художников-конструктивистов.

В. Мейерхольд, вместе с Л. Поповой и В. Степановой, первым сознательно внедрявший конструктивизм на сцене, искренне считал задачей конструктивистского решения спектакля освобождение оформления сцены и костюмов актеров от смысловых и изобразительных задач. Театральный конструктивизм оказался тем течением, которое давало оптимальные возможности для развития действия, подготавливало конец господству живописи на сцене, обеспечивало приход в театр художников, преданных ему целиком и полностью. Конструктивистские декорации спектаклей В. Мейерхольда сразу стали восприниматься как новое направление в художественном оформлении сцены. Завоевание конструктивизмом сценического, а затем архитектурного пространства, нахождение адекватной ему художественной формы, новое понимание красоты, пафос утверждения, свойственный всему молодому советскому искусству тех лет, не могли не привлечь В. Мейерхольда. Новый театр мыслился кузницей «квалифицированного человека», «сформированного» для радостной, качественной и производительной деятельности в новой среде.

Воплощением принципов конструктивизма в театре В. Мейерхольда стали три его постановки 1920-х годов: «Великодушный рогоносец» (апрель 1922 г.), «Смерть Тарелкина» (конец 1922 г.) и «Земля дыбом» (начало 1923 г.).

³⁷ Примеч.: Курс лекций «Биомеханики» был разработан и прочитан В. Мейерхольдом в 1921–1922 годы на курсах Государственных высших театральных мастерских (ГВТМ).

Первым художником-конструктивистом, пришедшим в театр к режиссеру, была Л. Попова. В отличие от В. Мейерхольда, Л. Попову трудно было обвинить в эклектическом понимании современной эстетики: она была конструктивистом вполне «ортодоксальным», но «проклятое прошлое» в ней сидело прочно, как и в В. Мейерхольде, что обусловило гармоничность их союза. Путь Л. Поповой к конструктивизму типичен для художника ее поколения: импрессионизм, кубизм (учеба в Париже), влияние К. Малевича (супрематизм), работа с В. Татлиным. Типично для авангарда и понимание Л. Поповой архитектурной пластики как всеобщей меры вещей, действующей во всех видах искусства.

В «Великодушном рогоносце» (1922) Л. Попова создала конструкцию, «станок» из настоящего материала в реальном пространстве, мыслимом ею значительно шире, чем позволяли возможности «сценической коробки». Сконструированная ею установка являлась самостоятельным произведением, она обладала законченностью форм и эстетической цельностью. Независимость конструкции Л. Поповой импонировала В. Мейерхольду. Режиссер был тогда одержим идеей спектакля, никак не связанного со сценой и исполняемого на площадях, заводах, фабриках. Художница мыслила пространство как категорию действия; эта особенность ее творческого метода обусловила ее приход в театр, к В. Мейерхольду, и быстрое постижение законов сценического времени и пространства, которое принесли успех «Великодушному рогоносцу». Конструкция Л. Поповой, никем, по мнению А. Гвоздева, впоследствии не превзойденная, была «первым станком в полном смысле слова, это сразу угадывалось „тогдашним“ зрителем, как мгновенно угадывается и нами при взгляде на ее макет. Она была предназначена не для обыгрывания ее актером, а для самой игры – аналогично тому, как пианист или скрипач играют не с роялем или скрипкой, но на рояле или скрипке» [3, с. 28].

Таким образом, на сцене театра «утверждался конструктивизм», и «установка» являлась на смену декорациям, ставя точку на их многовековом господстве в театре. Конструктивизм декларировал цельность материала и его формы, единственность, закономерность, жесткость этих соединений.

В. Мейерхольд, показывая «Великодушного рогоносца», предупреждал о его «построенности» и «заведомой сконструированности». Подобно художнику, организующему пространство для сценического действия, «организовывал» свое тело и актер. Б. Арватов назвал актерскую биомеханику «первым действительным прыжком из театра в жизнь» [2, с.120], а А. Гвоздев отмечал, что «биомеханика, по сути, была конструктивизмом актерского мастерства» [3, с. 28].

В «Великодушном рогоносце» происходило одновременное утверждение конструктивизма и биомеханики, обнаруживалась их родственность, позволявшая им скреститься в едином театральном действии. В. Мейерхольд объяснял: «Спектакль должен дать основания новой технике игры в новой

сценической обстановке, порывавшей с кулисами и порталным обрамлением места игры» [6, с. 47].

Очевидно, что Мейерхольд не менее чем художники-конструктивисты стремился к объективности метода. Только материал его был живой, а отсюда и работа с ним была более сложной. Актеру возвращалось его исходное предназначение – игра. Конструкция была «вещью», с которой играли, ни на секунду не лишая и ее этой возможности. Конструктивизм выступал как антитеза всему предшествующему периоду развития театральной декорации. В своем исследовании «Театр в контексте культуры» Л. С. Овэс обращает внимание на то, что «установка ничего не украшала, не декорировала, не являлась фоном для действия, не создавала настроения. Обладая самостоятельной эстетической ценностью, на нее не претендовала, устанавливалась для и ради драматического действия» [1, с. 116-117].

Работу над «Смертью Тарелкина» (1922), проводимой совместно с В. Степановой, В. Мейерхольд считал ошибкой. «Производственный» конструктивизм, имея положительные стороны, театру был чужд, но теория производственного конструктивизма была создана. Идеи «производственного искусства» возникли у живописцев Московского института художественной культуры (ИНХУКа), которые объявили станковое искусство «бесцельным» и постановили уйти в производство. Выдвигался принцип социальной ответственности. ИНХУК из ведомства Комиссариата просвещения переходил в Высший совет народного хозяйства. «Производительность» настроений также была чертой времени. Велико было стремление скорее «пересоздать», построить новый, гармоничный и совершенный быт, созвучный новым общественным отношениям.

«Производственным» искусством в 1920-е годы увлекались Н. Альтман и Л. Попова, В. Татлин и А. Экстер, К. Малевич и Эль Лисицкий, В. Степанова и А. Родченко. Наиболее тесно связанными с идеями производственного искусства, в силу специфики своего творческого метода, оказались конструктивисты. Отсюда и название – «производственный конструктивизм». Художник, прошедший школу конструктивизма, овладел методом, дававшим ему возможность непосредственно участвовать в процессе создания утилитарных вещей.

Конструируя «аппараты для игры», В. Степанова представляла образцы будущей функциональной мебели, проектируя костюмы, сама того не желая, создавала контуры не театрального, а бытового костюма; художница решала в театре свои задачи. Проекты новой мебели и одежды, создаваемые ею, были в то время практически неосуществимы. Конструктивный подход и качественно новое эстетическое содержание предмета, предлагаемые В. Степановой, могли быть восприняты лишь много лет спустя, хотя значение художника в промышленной эстетике огромно: она стала одним из первых отечественных дизайнеров. Ее творчество лежало в русле последних пластических идей,

уровень же промышленности тех лет исключал малейшую надежду на воплощение проекта. В то же время работа В. Степановой имела историческое значение для развития театрального конструктивизма, до сих пор недооцененное.

В спектакле В. Мейерхольда «Земля дыбом» (1923) Л. Попова определила свою задачу как выбор и соединение «вещественных элементов в целях наиболее агитационного воздействия» [4, с.25]. На самом же деле, «объединяя черты фарса и балагана... с чертами высокой трагедии», «то вызывая смех, то потрясая, то обращая спектакль в митинг, агитируя, проповедуя, издеваясь», В. Мейерхольд монтажом реальных вещей – «через зрительный зал на сцену, шумя и треща, вкатывал мотоциклы и автомобили» [5, с. 302] – не просто производил ошеломляющий зрелищный эффект, но и заново «опредмечивал» действие, по-прежнему сохраняя за актером роль его главного носителя. Не случайно С. Мокульский, авторитетный театровед, литературовед, один из основоположников отечественной науки о театре высоко оценивший спектакль, заметил, что «Земля дыбом» все же «заключает в себе целый ряд компромиссов со старым театром» [8, с. 13]. И главным из этих компромиссов, не расшифрованных критиком, является, на наш взгляд, возвращение к «предметности».

Творчески перерабатывая в сценических формах пространственно-временных композиций приемы, выработанные веками, В. Мейерхольд умел всегда сказать новое слово. Вот почему его театральный конструктивизм оказался не очередной «манифестирующей» идеей, а основанием режиссерской методологии. В. Мейерхольд был не просто театральный конструктивист, а «еще бездонный пластик, драматург не меньший, чем режиссер, и удивительный историк, живой и волеустремленный, потому что ежедневно в лице своего дела любит часть ее живого будущего...» – писал великий поэт XX века Б. Пастернак великому режиссеру [7, с. 279].

Сценический конструктивизм возник во взаимодействии декорации и спектакля, на пересечении задач театра и художника. Параллельность существования исключалась. «Если мы обращаемся к новейшим последователям Пикассо и Татлина, то мы знаем, что имеем дело с родственными нам... Мы строим и они строят...» – говорил В. Мейерхольд [Цит. по:1, с.123]. Как ни один другой советский режиссер, он чувствовал и понимал взаимосвязанность искусств.

Конструктивистская методология Мейерхольда, безусловно, повлияла и на искания сегодняшних театральных художников, понимающих сценическое пространство как «образное воплощение действия» и выдвинувших концепцию «трансформирующейся игровой площадки» [9, с.231]. Искания режиссуры и изобразительного искусства, обилие театральных концепций, сложнейших творческих контактов и аналогий внутри художественных процессов, которыми так богато и прошлое, и настоящее, постоянно находят отражение в новейших

находках творцов театра. И в сценической практике продолжают жить, «меняя обличья» различные концепции театрального конструктивизма, альтернативные «творческому театру». Они, как и прежде, рождают споры и ждут своих исследователей.

Литература

1. Взаимосвязи. Театр в контексте культуры: Сб. науч. трудов. Л., 1991.
2. Арватов Б. Театр как производство // О театре: Сб. статей. Тверь. 1922.
3. Гвоздев А. А. Театр имени Вс. Мейерхольда. 1920–1926. Л., 1927.
4. Гиляровская Н. Театрально-декорационное искусство за 5 лет. Казань, 1923.
5. Марков П. А. О театре: В 4 т. М., 1974. Т. 1.
6. Мейерхольд Вс. Как был поставлен «Великодушный рогоносец» // Новый зритель. 1926, № 39.
7. Мейерхольд В. Э. Переписка. 1896–1939. М., 1976.
8. Мокульский С. Гастроли театра Мейерхольда // Жизнь искусства. 1924. № 23.
9. Титова Г. В. Творческий театр и театральный конструктивизм. СПб, 1995.
10. Юшкова О. А. Станция без остановки: Русский авангард. 1910–1920-е годы. М., 2008. – 224 с.
11. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: В 2 кн. Кн. 1: Проблемы формообразования. Мастера и течения. М., 1996. – 709 с.

СЕКЦИЯ 5 ТЕХНОЛОГИИ И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

УДК 372.881.111.1

Шилова Ильмира Равильевна
учитель английского языка
ilmirashilova@gmail.com

ОТКРЫТЫЕ УРОКИ: ОТ ЗАДУМКИ ДО ВОПЛОЩЕНИЯ (на примере УМК «Английский в фокусе»)

Данная статья посвящена комплексному рассмотрению процесса подготовки и проведения открытых уроков. В статье освещаются этапы подготовки открытого урока, практическое назначение и приводятся примеры реализации открытых уроков. Статья адресована педагогам, желающим повысить свою профессиональную компетентность в области организации и проведения открытых уроков. Материалы статьи могут быть полезны как начинающим, так и опытным преподавателям, стремящимся к самосовершенствованию и повышению эффективности своей работы.

Ключевые слова: открытый урок, типология, классификация, групповая работа, уроки английского языка

Shilova Ilmira Ravilevna
Open lesson: from idea to realization

This article is devoted to a comprehensive review of the process of preparing and conducting open lessons. The article highlights the stages of preparing an open lesson, its practical purpose and provides examples of the implementation of open lessons. The article is addressed to teachers who want to improve their professional competence in the field of organizing and conducting open lessons. The materials of the article can be useful for both beginners and experienced teachers who strive for self-improvement and increase the effectiveness of their work.

Keywords: open lesson, typology, classification, group work, English lessons

В современном образовательном пространстве открытые уроки играют всё большую роль. Они предоставляют возможность учителю продемонстрировать свои педагогические навыки, поделиться опытом с коллегами, а также получить ценную обратную связь. Для учащихся же открытый урок – это шанс проявить себя, применить полученные знания на практике и взглянуть на учебный процесс с новой стороны.

Открытый урок - это учебное занятие, которое проводится перед педагогическим сообществом, студентами, родителями или другими заинтересованными лицами с целью продемонстрировать методику преподавания, использование новых технологий в образовании, а также

показать способы взаимодействия учителя и учащихся. Открытые уроки помогают педагогам обмениваться опытом, улучшать свои методики и получать обратную связь от коллег и зрителей. Такие мероприятия способствуют развитию профессиональных навыков учителей и повышению качества образования в целом. Часто открытый урок проводится:

- как один из этапов различного рода конкурсов, например, «Учитель года», «Московский учитель» и другие;
- как демонстрация мастерства учителя перед администрацией и коллегами школы или учебного центра с целью показать другим преподавателям эффективные методики преподавания английского языка, новые подходы к обучению, использование современных технологий и интерактивных методов;
- как отчетное мероприятия в конце учебного периода для родителей, например, на Дне открытых дверей.

Проведение открытого урока – это сложный и многогранный процесс, требующий от учителя тщательной подготовки, креативности и умения работать с аудиторией. Успешная подготовка к открытому уроку – это залог его успешного проведения.

При планирование открытого урока как и любого другого необходимо учитывать следующие этапы:

1. Определить цель и задачи урока - четко сформулируйте, чего вы хотите достичь на уроке: какие знания и умения должны усвоить учащиеся, какие навыки развить, какие ценности привить и сформулируйте конкретные задачи, которые помогут достичь поставленной цели.

2. Выбрать тему и содержание урока - тема урока должна соответствовать учебной программе и быть интересной и актуальной для учащихся. Определите объем учебного материала, который будет рассмотрен на уроке.

3. Изучить аудиторию - узнайте возрастные особенности учащихся, их уровень подготовки, интересы и потребности. Это поможет вам выбрать оптимальные методы обучения и подготовить задания, которые будут интересны и доступны для всех учащихся.

4. Выбрать тип и форму урока - определитесь с типом урока. Классификация уроков английского языка разнообразна, например, по признаку основного способа их проведения [3] или за основу классификации взяты главные этапы учебного процесса (стадии или моменты хода обучения) [2]. Выбор типа и формы урока должен соответствовать поставленной цели и задачам, а также учитывать особенности учащихся.

5. Подобрать необходимые материалы и оборудование - подготовьте учебники, рабочие тетради, наглядные пособия, технические средства обучения и другие материалы, которые понадобятся вам на уроке. Проверьте работоспособность оборудования заранее.

6. Разработать план урока - составьте подробный план урока, в котором укажите последовательность этапов урока, время, отведенное на каждый этап, и используемые методы обучения.

7. Продумать оформление класса - создайте в классе атмосферу, которая будет способствовать учебной деятельности и вдохновлять учащихся. Используйте наглядные пособия, плакаты, рисунки, цитаты.

8. Подготовить раздаточный материал - если на уроке планируется групповая или индивидуальная работа, подготовьте необходимый раздаточный материал для учащихся.

С целью проведения открытого урока на Дне открытых дверей для родителей учащихся 6-8 классов мною был организован открытый урок «Создаем праздник». В линейке учебников «Английский в фокусе» уделяется большое внимание изучению страноведческого материала, в том числе дети знакомятся с культурой страны изучаемого языка и традициями празднований.

На данном уроке дети работают в группах, в зависимости от состава участников рекомендуется организовать разновозрастные группы. В таких группах старшие обучающиеся не только передают имеющиеся у них знания, но и, взаимодействуя с младшими, приобретают опыт сотрудничества, планирования совместной работы, общения, пробуют устанавливать контакты, излагать свои мысли, аргументированно спорить, находить компромиссы.

На первом этапе в качестве разминки и актуализации знаний учащимся предлагается викторина «Своя игра», в ходе которой повторяется материал по названиям, датам, символам, блюдам англоязычных стран. На втором этапе участникам смотрят видеорецепт традиционного праздничного блюда и восстанавливают последовательность его приготовления. На заключительном этапе учащимся предлагается придумать свой праздник, включая его название, дату, символ и рецепт традиционного блюда по заданному шаблону. По итогам групповой работы участники презентуют свою идею другим группам. В заключении занятия рекомендуется провести рефлексию — подвести итоги проделанной работы, отметить сильные стороны выполненных работ и уровень взаимодействия в группах. Дополнительно можно провести письменный опрос для родителей с целью получения обратной связи.

Таким образом, отправной точкой для подготовки к уроку стали накопленные знания участников о культуре стран изучаемого языка и страноведческий материал учебника «Английский в фокусе», в дополнение взяты игровые методики и завершающим моментом урока - создание нового «продукта».

В среднем звене обучения у учащихся накоплен достаточный лексический и грамматический материал для построения разных траекторий демонстрации знаний на открытом уроке, в то время как в начальной школе разнообразие лексики и грамматических форм ограничено. В связи с этим построение обобщающего занятия с достаточно логичными переходами становится

затруднительным. Решением может стать построение урока по принципу путешествия, например, на паровозике, от станции к станции или полет с планеты на планеты на космической ракете. Станции или планеты могут носить названия тем модулей учебного пособия, например, в учебнике «Английский в фокусе — 2» [1] дети изучают темы «Алфавит», «Моя семья», «Мой дом», «Мой день рождения», «Мои питомцы» и «Мои каникулы». Таким образом, участники открытого урока путешествуют от станции к станции и выполняют различные задания: поют песню, разгадывают кроссворд, демонстрируют мини-диалог или рассказ о доме, играют в игры с целью продемонстрировать знания пройденные за учебный период. Линейное построение открытого урока помогает педагогу избежать трудностей перехода от одного задания к следующему, а учащимся наблюдать за успешным продвижением к цели, что способствует мотивации и положительному настрою на занятии.

Мы рассмотрели две модели открытого урока — в средней и в начальной школе. Подводя итоги, можно сказать, что открытый урок – это не просто рутинное мероприятие, а уникальная возможность для педагога продемонстрировать свои профессиональные качества, творческий потенциал и любовь к своему делу. Это шанс поделиться опытом, вдохновить коллег и учеников, а также получить ценную обратную связь для дальнейшего самосовершенствования.

Путь от задумки до воплощения открытого урока — это комплексный процесс, требующий тщательной подготовки, продуманности каждой детали и, конечно же, искреннего желания сделать урок интересным и запоминающимся. Важно помнить, что успех открытого урока определяется не только блестящим владением методикой преподавания, но и умением создать в классе атмосферу доверия, взаимопонимания и творчества.

Литература

1. В.Г. Альпаков, Н.И. Быкова, М.Д. Пospelова. Английский язык. Сборник примерных рабочих программ. Предметные учебные линии «Английский в фокусе». 2-11 классы. М: Просвещение, 2020. - 237с.
2. Иванов, С.В. Типы и структура урока. – Воронеж: Б.И., 1952 – 152 с.
3. Казанцев И.Н. «Урок в советской школе». // М., 1956 — 350 с.

УДК 372.881.111.1

Ильичёв Илья Игоревич, Янс Рейнир Питер,
учителя английского языка, ГБОУ гимназия №190
Центрального района, г.Санкт-Петербург.

**ПРАКТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТЕКСТОВ ПЕСЕН
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ**
(Practical usage of lyrics in the educational process).

Yans Rainir Peter and Ilia Igorevitch Ilyichev
In search of the Zeitgeist: Songbook of popular songs in the Russian and English language

This paper deals with a Songbook of both Russian and British/American songs. A “Songbook” is the canon of the most significant and influential popular pop/ rock songs of the 20th century (1950-2000)³⁸, this era is considered as the heyday of rock music. The songs have stood the test of time and reflect the Zeitgeist or the spirit of the age of the second half of the twentieth century. We will mainly focus on the lyrics of songs, which are representations of their time, and eventually became part of the collective memory of postwar generations.

Keywords: lyrics, language, youth culture, Zeitgeist, Songbook, modern culture, songbook, generation, spirit of the age.

Introduction

Since the 1950's the English language has been playing a prominent role in international youth culture. It is generally accepted that the English language is one most suitable languages for modern music. Many bands and artists even prefer Anglo-Saxon lyrics to their native speech. It is attractive to think that the domination of English for more than 70 years in popular music also implies high quality lyrics, but do these words truly depict the spirit of the age or is it just easier to rhyme syllables in English? By breaking down some of the most famous song texts of a few celebrated artists, we have tried to find the spirit of the age. This has resulted in a songbook of English Popular (rock) music of the second half of the 20th century.

A “Songbook” is the canon of the most important and influential popular pop/ rock songs from heydays of the 20th century (1950-2000). The songs have stood the test of time and reflect the Zeitgeist (the spirit of the age) of the second half of the twentieth century.

³⁸ Great american songbook music // Last.fm URL: <https://www.last.fm/tag/great+american+songbook> (дата обращения: 20.08.2024).

Approach and limitations

Being fully aware that it is impossible to analyze thousands of songs we have decided to choose one song from each decade. This approach will surely lead to discussion, as tastes differ and even more one song per decade may be too scarce.

The goal of today's seminar is to create a Russian songbook of the same period (1950-2000); for that we need the input of the participants (students, teachers, parents) of this seminar. Before we start working on this issue, we would like to present 'our subjective findings': a Songbook of British/American songs (1950-2000)

The 1950's

The 1950's were arguably the hay days of Rock and Roll. Elvis Presley, Little Richards, Jerry Lewis were the pioneers of the post war generation of stars. Youth culture developed with films starring James Dean, 'the rebel without a cause'. Many Rock and Roll celebrities starred in movies, and one the most famous songs is Bill Haley's 'Rock around the Clock'. The world was recovering from the Second World War, and future seemed bright and worriless

An excerpt:

When the clock strikes two, three and four
If the band slows down we'll yell for more
We're gonna rock around the clock tonight
We're gonna rock, rock, rock, 'til broad daylight
We're gonna rock, gonna rock, around the clock tonight³⁹

The 60's

The sixties are in hindsight the period, which triggered many changes, there was much talk about revolution, emancipation and equality; however, the great alterations followed in next decades. Some events are printed in the collective mind of many: the Berlin wall, the murders of JFK and Martin Luther King, Woodstock and the moon landing.

The time are changin' Bob Dylan (verse 2 and 3)

Come senators, congressmen
Please heed the call
Don't stand in the doorway
Don't block up the hall

³⁹ Rock Around the Clock // Genius.com URL: <https://genius.com/Chubby-checker-rock-around-the-clock-lyrics> (дата обращения: 20.08.2024).

For he that gets hurt
Will be he who has stalled
The battle outside ragin'
Will soon shake your windows
And rattle your walls
For the times they are a-changin'

Come mothers and fathers
Throughout the land
And don't criticize
What you can't understand
Your sons and your daughters
Are beyond your command
Your old road is rapidly agin'
Please get out of the new one
If you can't lend your hand
For the times they are a-changin'⁴⁰

1970's

The 1970's started optimistically, which also seemed to be reflected in the music, disco without worries, and the Art for art's sake progressive rock like Emerson, Lake and Palmer, Yes and Genesis. There was plenty of everything, everybody felt free and happy and did what pleased them, unfortunately at the end of the decade the first tears in hedonist utopia were appearing.

Hotel California- Eagles (last three verses)

Welcome to the Hotel California
Such a lovely place (such a lovely place), such a lovely face
We're living it up at the Hotel California
Oh, what a nice surprise (what a nice surprise), bring your alibis
Mirrors on the ceiling
With pink champagne on ice, and she said
"We are all just prisoners here of our own device"
And in the master's chambers
They gathered for the feast
Stab it with their steely knives
But they just can't kill the beast
Last thing I remember
I was running for the door
Had to find the passage back to the place I was before
"Relax", said the night man

⁴⁰ The Times They Are A-Changin' // Genius.com URL: <https://genius.com/Bob-dylan-the-times-they-are-a-changin-lyrics> (дата обращения: 20.08.2024).

"We are programmed to receive"

You can check out any time you like, but you can never leave⁴¹

1980's

The 1980's were definitely grimmer than the seventies, the cold war, the Falklands war, aids and the economic crisis that led to unemployment, disillusion and poverty. The fear of a nuclear war was always present.

Sign 'O' the Times - Prince (verse1)

Oh yeah!

In France, a skinny man died of a big disease with a little name
By chance his girlfriend came across a needle and soon she did the same
At home there are seventeen-year-old boys and their idea of fun
Is being in a gang called 'The Disciples'
High on crack and totin' a machine gun⁴²

1990's

During the post crisis years, after the fall of the Berlin wall, the future seemed to be brighter than the somewhat darkish eighties. The fear of a nuclear war had disappeared. However, another and even more disturbing problem occurred: enough of everything led to lack of ideas and ideals. There wasn't anything worth fighting for anymore, the new enemy was called moral emptiness, bluntly uttered by Nirvana.

Load up on guns, bring your friends
It's fun to lose and to pretend
She's over bored and self-assured
Oh, no, I know a dirty word
Hello, hello, hello, how low?
Hello, hello, hello, how low?
Hello, hello, hello, how low?
Hello, hello, hello
With the lights out, it's less dangerous
Here we are now, entertain us
I feel stupid and contagious
Here we are now, entertain us
A mulatto, an albino
A mosquito, my libido, yeah⁴³

⁴¹ Hotel California // Genius.com URL: <https://genius.com/Eagles-hotel-california-lyrics> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴² Sign O' the Times // Genius.com URL: <https://genius.com/Prince-sign-o-the-times-lyrics> (дата обращения: 20.08.2024).

⁴³ Smells Like Teen Spirit // Genius.com URL: <https://genius.com/Nirvana-smells-like-teen-spirit-lyrics> (дата обращения: 20.08.2024).

Goal(s)

The goal of the seminar was to create a Russian songbook of the same period (1950-2000), preferably combined with some significant historical facts of the Soviet Union and Russia. For that the input of the participants of the seminar was needed. The participants were asked to create a long list of ‘candidate’ songs from 1950 -2000 and relate these songs to historical facts and the context of this period.

Results, feedback and future

The students (English language 3rd year) delivered their list of songs, together with the historical context. Many students involved their parents and grandparents in the process, especially concerning the first decades. This resulted in a fascinating overview of songs and socio-cultural and historical events that stayed in public memory, reflecting the spirit of the age. The investigation has not ended, some future actions might or even should be taken: more input can be obtained from other groups of students, for example evening students or students of different disciplines. Certainly the handed in material should be analyzed in order to compose a Russian songbook. Finally the results of this analysis will be published in the form of an article ‘the Russian songbook 1950 – 2000’.

СЕКЦИЯ 6 МЕЖДУ ПОЭЗИЕЙ И ФИЛОСОФИЕЙ: ИДЕЙНОЕ НАСЛЕДИЕ ХАННЫ АРЕНДТ

Доклады данной секции отражают результаты исследований, выполненных за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00925, <https://rscf.ru/project/23-28-00925/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

УДК 111.83

Лощевский Кирилл Владимирович
кандидат философских наук,
Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов, Русская христианская
гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского
cantalamessa@mail.ru

«ДУИНСКИЕ ЭЛЕГИИ» РАЙНЕРА МАРИЯ РИЛЬКЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЮНТЕРА АНДЕРСА И ХАННЫ АРЕНДТ: НА ПУТИ К ОНТОЛОГИЧЕСКОМУ ПОВОРОТУ⁴⁴

Доклад посвящен анализу статьи Г. Андерса и Х. Арентд «“Дуинские элегии“ Рильке», в которой дана философская интерпретация поэзии Р.М. Рильке. Устанавливается тематическая и содержательная связь между подходом Андерса и Арентд и «поворотом» в мышлении М. Хайдеггера.

Ключевые слова: Х. Арентд, Г. Андерс, М. Хайдеггер, Р. М. Рильке, поэзия, философия, бытие

Lostchevsky Kirill Vladimirovich
RILKE'S "DUINO ELEGIES" IN THE INTERPRETATION OF G. ANDERS AND H.
ARENDT: TOWARD AN ONTOLOGICAL TURN⁴⁵

The report is devoted to the analysis of the article by G. Anders and H. Arendt “Rilke’s Duino Elegies,” which gives a philosophical interpretation of the poetry of R.M. Rilke. A thematic and substantive connection is established between the approach of Anders and Arendt and the “turn” in the thinking of M. Heidegger

Keywords: H. Arendt, G. Anders, M. Heidegger, R. M. Rilke, poetry, philosophy, existence

⁴⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00925, <https://rscf.ru/project/23-28-00925/> «Ханна Арентд и вопросы литературы: поэтическое мышление как особая форма философствования»; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

⁴⁵ The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00925, <https://rscf.ru/project/23-28-00925/> “Hannah Arendt and Literature Issues: Poetical Thinking as a Special Way of Philosophizing”; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

В 1930 году вышла в свет статья Ханны Арендт и Гюнтера Андерса ««Дуинские элегии» Рильке», в которой поэзия Райнера Мария Рильке интерпретируется с позиций, которые можно назвать близкими фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. Как известно, такой жанр философствования – медитация над поэтическим текстом, проясняющая важнейшие философские понятия и категории – оформился именно благодаря Хайдеггеру. Однако Хайдеггер превращает истолкование поэтических текстов в один из своих самых известных методологических приемов только со второй половины 30-х годов, после «поворота», ознаменовавшего переход от экспликации базисных структур человеческой экзистенции к вопросу о бытии сущего как таковом. Поэтому можно сказать, что статья Андерса и Арендт предвосхищает это будущее направление хайдеггеровских размышлений.

В «Бытии и времени» Хайдеггер фиксирует тесную взаимосвязь двух фундаментальных модусов человеческого существования – бытия-в-мире и бытия-к-смерти. Мир, в котором обитает человек, есть у него именно потому, что ему открыта его собственная конечность. Бытие-к-смерти понимается здесь как необходимое условие бытия-в-мире, тогда как «бессмертное» животное существует лишь в рамках своего замкнутого «окружающего мира», детерминированного его биологической спецификацией. Поэтому смерть – не эмпирический факт, а фундаментальная структура самой человеческой жизни, продуцирующая экзистенциальный ужас, которым впервые только и разомкнут мир как мир [3, с. 187]. Для животного же собственная конечность не составляет высшей и последней реальности, оно не ведает экзистенциального ужаса, и потому не пребывает в открытости сущего как такового в целом [5, с. 337], которая, собственно, и составляет мир [5, с. 428].

Андерс и Арендт обнаруживают сходный мотив и в «Дуинских элегиях»: Рильке также выявляет специфику пребывания человека в мире, связывая ее с тем, что нам, людям, открыта наша собственная смертность, и противопоставляя анималистической непосредственности. Однако Рильке понимал эту взаимосвязь иначе. Бытие-к-смерти не раскрывает потенциально беспредельный мир, а наоборот, замыкает открытость мира в узком пространстве персональной судьбы. Животное репрезентирует определенное бытие-в-мире, которое представляет собой растворение в чистом настоящем, бытие-без-срока, а тем самым без смерти и без будущего [1, S. 114]. Именно в нем состоит подлинное бытие, которому противопоставляется «судьба» – временное бытие, ограниченное смертью [1, S. 116]. У животного нет судьбы, оно пребывает в открытости мира, человек же отчужден от мира судьбой, замкнут в узости своего пространственного и темпорального горизонта. Человек, по словам Андерса и Арендт, характеризуется «непонятливостью» [1, S. 123], то есть его бытийные возможности не связаны друг с другом и не

соотнесены с миром, тогда как животное, напротив, «понятливо», оно настолько принадлежит миру, что его причастность к миру фактически составляет часть его самого. Не зная окончательного изгнания из мира, оно «свободно от смерти» и пребывает в чистом свершении своего бытия, протекающего в модусе отсутствия будущего и всякого «и-так-далее» [1, S. 124], в том, что Рильке называет «Открытым». Перед нами же, принципиально перенастроенными смертью, никогда не простирается это «Открытое», у нас есть лишь косвенная возможность его увидеть. Здесь ограниченное человеческое бытие противопоставлено животному, а смерть как непреодолимая граница безнадежно закрывает доступ к Открытому и тем самым к подлинному бытию. Человеческое бытие-в-мире всегда включает в себя в качестве своего конститутивного условия бытие-не-в-мире, отчужденность от мира, человек не экзистирует в открытости сущего, а лишь видит его отблеск, он не находится у себя дома в этом мире и не находит пути к миру иному [1, S. 126].

Если для Хайдеггера смерть означала фундаментальную возможность раскрытия мира как потенциально безграничного поля бытийных возможностей, то в элегиях Рильке (в прочтении Андерса и Арендт) она обуславливает изгнание человека из мира, отчуждение от возможности быть в «Открытом», замыкание на себе самом и своей индивидуальной судьбе.

Спустя несколько лет в курсе лекций, посвященных Пармениду Элейскому, Хайдеггер обращается к восьмой дуинской элегии, отмечая, что в ней Рильке осуществляет своего рода иерархическую инверсию отношения между человеком и животным, совершаемую в ракурсе того, каковы возможности обоих видов живых существ по отношению к «открытому» [6, с. 333]. Однако эта инверсия остается в рамках европейской метафизической традиции, новоевропейской «биологической метафизики» [6, с. 336]. Без обращения к онтологической дифференции, различию между бытием и сущим, мы не сможем осмыслить существо открытости. Но само это различие не поддается осмыслению в рамках антропологически ориентированной онтологии. Поэтому между Открытым Рильке и открытым как *alētheia*, которое, согласно Хайдеггеру, есть открытое в подлинном смысле, поскольку мыслится исходя из онтологической дифференции, пролегает пропасть. Оно открыто лишь человеку, смотрящему в него и устанавливающему свое отношение к сущему, поскольку он стоит в открывающей и открытой проекции бытия [6, с. 343].

Если у Андерса и Арендт рациональность человека загораживает ему доступ к Открытому, то для Хайдеггера она возможна только вследствие уже имеющейся расположенности в открытости к сущему, предшествующей логосу и составляющей основополагающую антропологическую характеристику. Но это означает, что постижение ее существа должно осуществляться не из перспективы человеческого существования, а каким-то иным путем. Именно в

этом состоит «поворот» Хайдеггера, который может быть понят как отказ от того, чтобы исследовать смысл бытия посредством прояснения бытийной структуры человеческой экзистенции и «переход к прямому изъяснению истины самого бытия, понятой в качестве его несокрытости» [2, с. 16].

Хотя в интерпретации «Дуинских элегий» Р.М. Рильке, предпринятой Г. Андерсом и Х. Арендт, речь еще не идет ни о решающем значении онтологической дифференции, ни о том, чтобы мыслить бытие без оглядки на обоснование бытия из сущего [4, с. 391], то обстоятельство, что подлинное бытие связывается в ней с первичной открытостью сущего и последовательно деантропологизируется, позволяет рассматривать ее как один из первых опытов движения в этом направлении.

Литература

1. *Arendt H., Anders G. Schreib doch mal „hard facts“ über Dich: Briefe 1939 bis 1975. Texte und Dokumente / hrsg. von K. Putz. München: C.H. Beck Verlag, 2016.*
2. *Паткуль А. Б. Кризис программы построения научной онтологии и проблема «поворота» в философии Мартина Хайдеггера // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2020. № 1 С. 12–25.*
3. *Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.*
4. *Хайдеггер М. Время и бытие / Пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993.*
5. *Хайдеггер М. Основные понятия метафизики / Пер. с нем. В. В. Бибихина, Л. В. Ахутина, А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2013.*
6. *Хайдеггер М. Парменид / Пер. с нем. А. П. Шурбелева. СПб.: Владимир Даль, 2009.*

УДК 82.1

Крюкова Екатерина Борисовна

кандидат философских наук,

Русская христианская гуманитарная академия

им. Ф.М. Достоевского

kriukova.jr@yandex.ru

«С ГРУСТЬЮ И БОЛЮ, ЧТО ЗНАЧИТ – ЛЮБОВЬЮ». К ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ХАННЫ АРЕНДТ И УИСТЕНА ХЬЮ ОДЕНА⁴⁶

В статье отношения между поэтом У. Х. Оденем и философом Х. Арендт рассматриваются сквозь призму их представлений о дружбе и любви. Феномен любви, которую Оден понимает как всеобъемлющую силу, способную удержать человеческий мир от

⁴⁶ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00925 (<https://rscf.ru/project/23-28-00925/>) «Ханна Арендт и вопросы литературы: поэтическое мышление как особая форма философствования»; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

соскальзывания в пропасть, сопоставляется с идеей Арендт о «безмирности» любви, изложенной в книге «*Vita activa*». Несмотря на видимую контрарность двух версий, интуиции Арендт и Одена во многом совпадают, если принять в расчет арендтовскую концепцию дружбы. Именно дружба (которая связывала и обоих авторов) обеспечивает единство социума – но делает это не в ущерб его множественности и разнообразию.

Ключевые слова: Арендт, Оден, любовь, дружба, мир, философия, поэзия, язык.

Kriukova Ekaterina

*A HISTORY OF THE RELATIONSHIPS OF HANNA ARENDT AND WYSTAN HUGH
AUDEN⁴⁷*

The article explores the relationship between poet W. H. Auden and philosopher H. Arendt through their ideas on friendship and love. Auden views love as a powerful force that prevents the human world from falling into chaos, while Arendt's book *The Human Condition* presents the idea of the "worldlessness" of love. Despite the apparent contrast between the two versions, Arendt's and Auden's intuitions coincide in many ways. This is particularly evident when we consider Arendt's conception of friendship. Friendship, which bound both authors, ensures the unity of society without sacrificing its plurality and diversity.

Keywords: Arendt, Auden, love, friendship, world, philosophy, poetry, language.

Ханна Арендт и Уистен Хью Оден познакомились в 1958 г. в Нью-Йорке. Пожалуй, это могло бы произойти и раньше, поскольку оба к тому моменту почти двадцать лет уже находились в Америке. Свое эссе, написанное на смерть Одена в 1973 г., Арендт начинает словами: «Я встретила Одена в поздний период его и моей жизни – в том возрасте, когда легкая, сознательная близость друзей, возникающая в юности, уже недостижима, потому что жизни осталось, или мы полагаем, что осталось, не столь много, чтобы делить ее с другими» [2, с. 7]. Воссоздавая панораму дружбы на излете пройденного пути, Арендт ссылается на сдержанность, свойственную Одено, и называет это качество «*déformation professionnelle*» [2, с. 8]. Однако, как минимум один раз сдержанность изменила поэту. В 1970 г. после смерти Генриха Блюхера, мужа Арендт, Оден сделал ей предложение – и получил отказ. Этот эпизод ярко высвечивает два модуса межличностных отношений, любовь и дружбу, которые в мировосприятии и творчестве обоих авторов играют ключевую роль.

Одним из первых шагов к сближению была рецензия Одена на философское сочинение Арендт «*Vita activa*, или О деятельной жизни», напечатанная в журнале *Encounter* в июне 1959 г. В ней Оден откровенно говорит, что труд Арендт принадлежит к разряду тех, которые кажутся ему написанными специально для него. «Поэтому мое отношение к этой книге –

⁴⁷ The research was funded the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00925, <https://rscf.ru/project/23-28-00925/> "Hannah Arendt and Literature Issues: Poetical Thinking as a Special Way of Philosophizing".

ревнивое собственничество. Я не хочу, чтобы ее читал кто-то другой; я хочу, чтобы она была только моей» [5, р. 72]. Бросающееся в глаза противоречие: с одной стороны, декларируемое Оденом желание сохранить работу Арендт для себя, с другой – хвалебный отзыв на нее в одном из самых читаемых американских журналов (эта фраза была сочтена издателями отличной рекламой и часто выносилась на обложку последующих тиражей книги Арендт) – снимается, если воспринимать признание Одена как признание в любви. Должно быть, Арендт именно так к нему и отнеслась. Во всяком случае своей лучшей подруге Мэри Маккарти она пишет, что была «смущена», прочитав рецензию Одена [6, р. 58].

Любовь для Одена – настолько мощная сила, что способна сносить всякие барьеры, в том числе стирать демаркационные линии между единичным и множественным, частным и публичным, автономностью и совместностью. Остановить ее могут лишь время и смерть – об этом повествует, например, знаменитый «Похоронный блюз» («I thought that love would last for ever: I was wrong») или менее известное стихотворение «Я вышел прошвырнуться». Но в самом начале последнего текста, еще до того, как Оден вводит в игру время с его разрушительным потенциалом, есть такая строка: «Love has no ending» [4, с. 132]. И эта бесконечность любви в каждом конкретном «здесь и сейчас» является для поэта панацеей от всех бед, даже если довелось жить в катастрофический век. Неслучайно, в программном произведении «1 сентября 1939 года», описывая мрачную атмосферу тех дней и изображая неутешительные реалии мира, охваченного насилием и равнодушием, Оден уповаet на целительную силу великого чувства: «We must love one another or die» [4, с. 206]. Эта жесткая альтернатива, по сути, означает, что само выживание человечества зависит от любви.

Если в представлении Одена любовь скрепляла мир и не давала ему распасться, то для Арендт она обладала противоположным свойством. Мир – а его, без сомнения, можно назвать основным понятием политической теории Арендт – не является некоей константой, реальностью, заранее нам данной и существующей независимо от нас. Напротив, он становится общим местом взаимодействия и диалога, которое образуется и поддерживается усилиями множества людей – равных, но разных. И чтобы допускать различия, а не сглаживать их, необходимо, согласно Арендт, соблюдать дистанцию – только держась на определенном расстоянии, мы способны выносить суждение относительно слов и поступков других людей, критически оценивать или подхватывать их инициативы. Собственно, мир – это не сумма индивидов, его наполняющих, а пространство *между* ними, нити, связывающие их друг с другом. Такому политическому идеалу больше всего соответствует дружба с присущим ей уважением. Любовь же – и в этом Арендт солидарна с Оденом – не знает границ и в неоторимой тяге к другому стремится слиться с ним, нивелировав различие. «В страсти, с какой любовь схватывает лишь *кто*

другого человека, – пишет она в “Vita activa”, – то срединное пространство мира, через которое мы и связаны с другими и одновременно от них отделены, словно расплавляется в огне. Любящих отделяет от человеческого мира их безмирность, мир между любящими сгорел» [1, с. 321]. Потому категоричное заявление Арендт: «Любовь по своему существу не только безмирна, но и разрушительна для мира» [1, с. 322], – лишь будучи вырвано из контекста, звучит слишком резко. Но по смысловой направленности ее теории, ориентированной на необходимость созидания человеческого мира как публичного пространства, оно оказывается совершенно закономерным.

Правда, для поэтов Арендт делает исключение – «любовь для них, и только для них, есть не просто решающий жизненный опыт, а нечто прямо необходимое для их поэтического бытия» [1, с. 321]. В эссе об Одене она не без горечи вспоминает, «как сведущ он был в бесконечных вариациях неразделенной любви, среди которых приводящая в ярость путаница между восхищением и любовью занимала важное место» [2, с. 7]. В системе координат Арендт восхищение является атрибутом дружбы, а не любви: оно распространяется не на человека в целом со всеми его достоинствами и недостатками, а на конкретные дела, произнесенные слова, написанные книги и т.д. Оден же таких границ не проводил, и дружба для него была одной из форм любви. Не исключено, что здесь коренится недопонимание, которое можно обнаружить в личных отношениях Арендт и Одена. Но как бы ни отличались их взгляды, оба сходятся в том, что лишь совместное бытие с другими (любовь – в случае Одена, дружба – в случае Арендт), выстраивание и укрепление межчеловеческих связей, нахождение общего языка как залога общего мира способны противостоять разделяющей силе обособленного существования.

В самом начале последней, незаконченной книги «Жизнь ума», которую считают философским завещанием Арендт, она пишет: «Не Человек, но люди населяют эту планету. Множественность – закон земли» [3, с. 25]. Первая фраза перекликается со строчкой из уже цитированного выше стихотворения Одена, ставшего реакцией поэта на начало Второй мировой войны: «And no one exists alone» [4, с. 206]. Присутствует ли здесь скрытая отсылка к оденовскому тексту, наверняка сказать сложно (прямые цитаты из Одена в «Жизни ума» встречаются пять раз). Но это вполне вероятно, потому что второе предложение, где множественность возводится Арендт в закон, вызывает в памяти другое произведение Одена – «Law like love», созданное, как и его антивоенный манифест, в сентябре 1939 г. В стихотворении перечисляются различные определения закона, которые каждый из персонажей дает, руководствуясь собственной оптикой: для садовода закон – это солнце, для старика – мудрость прожитых лет, для священника – молитва, и т.д. Оден, подобно Арендт, имеет здесь в виду не право или власть, а именно «закон земли». На это косвенно указывает то, что дефиниция, отстаиваемая в стихотворении юристом, выглядит самой смехотворной из всех перечисленных:

«Law is The Law» [4, с. 208]. По сравнению с этой пустой тавтологией, вариант, который предлагает в финале лирический герой, уподобляя закон самой любви, полон глубокого экзистенциального смысла. Любовь, испытываемая всякий раз как нечто уникальное, вытягивает человека из индивидуальности чувственного переживания в мир, населенный другими людьми. Сближение арендтовского и оденовского идеалов проявляется в направленности навстречу Другому, и потому множественность и любовь, рассмотренные в фокусе межличностных связей, следует понимать не как антагонистические моменты, а через их взаимодополнительность и согласованность.

Литература

1. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина. СПб.: Алетейя, 2000.
2. *Арендт Х. Вспоминая Уистена Хью Одена* / Пер. с англ. Ш. Кроло. СПб.: Jaromír Hladík Press, 2023.
3. *Арендт Х. Жизнь ума* / Пер. с англ. А.В. Говорунова. СПб.: Наука, 2012.
4. *Оден У.Х. Собрание стихотворений* / Сост., пер. с англ. В. Топорова. СПб.: Евразия, 1997.
5. *Auden W.H. Thinking What We Are Doing // Encounter*. June 1959. Pp. 72–76.
6. *Between Friends. The Correspondence of Hannah Arendt and Mary McCarthy. 1949–1975* / Ed. by C. Brightman. New York, San Diego, London: Harcourt, Brace & Company, 1995.

УДК 82.1

Коваль Оксана Анатольевна
кандидат философских наук,
Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф.М. Достоевского
ox.koval@gmail.com

ПРОСТРАНСТВО ФИЛОСОФСКОГО ДИАЛОГА: ХАННА АРЕНДТ И ГЕРМАН БРОХ⁴⁸

В докладе обосновывается гипотеза, что одна из важнейших философских идей Ханны Арендт о разрыве традиции, в которой нашло отражение ее оригинальное понимание времени и истории, была инициирована романом Германа Броха «Смерть Вергилия» и диалогом, который мыслительница очно и заочно вела с австрийским писателем. Высоко оценив произведение Броха, Арендт отмечала в качестве главных достоинств этого литературного шедевра именно то, что ему удалось запечатлеть неуловимый момент

⁴⁸ Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 23-28-00925 (<https://rscf.ru/project/23-28-00925/>) «Ханна Арендт и вопросы литературы: поэтическое мышление как особая форма философствования»; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

настоящего, темпоральный зазор между прошлым и будущим, который она связывала с модусом мышления.

Ключевые слова: Арендт, Броч, «Смерть Вергилия», время, Кафка, мышление.

Oxana Koval

*THE SPACE OF PHILOSOPHICAL DIALOGUE: HANNAH ARENDT AND HERMANN BROCH*⁴⁹

The paper substantiates the hypothesis that one of Hannah Arendt's most important philosophical ideas about the "break of tradition", which reflected her original understanding of time and history, was initiated by Hermann Broch's novel "The Death of Virgil" and the dialog the thinker had with the Austrian writer in person and in absentia. While praising Broch's work, Arendt noted as the main merits of this literary masterpiece precisely because it succeeded in capturing the elusive moment of the present, the temporal gap between past and future, which she associated with the modus operandi of thinking.

Keywords: Arendt, Broch, "The Death of Virgil", time, Kafka, thinking.

В своем первом публичном высказывании о Германе Броче Ханна Арендт ставит австрийского писателя в один ряд с такими великими модернистами, как Марсель Пруст и Франц Кафка. Помимо того, что подобное заявление свидетельствует о безусловном признании литературного мастерства Броча, здесь намечается и определенная диспозиция, которая проливает свет на более позднюю теорию Арендт о разрыве традиции, изложенную ею в сборнике «Между прошлым и будущим» (1969). Если творчество Марселя Пруста, выдержанное в «тональности "больше-не"», выступает «последним и прекраснейшим прощанием с миром XIX столетия» [3, S. 169], а потому символизирует прошлое, утраченное время, то романы и притчи Франца Кафка маркируют противоположный полюс: в смутных очертаниях надвигающейся на Европу катастрофы художник слова различал облик будущего, «как если бы он мог обрести пристанище лишь в мире, которого "еще не" существует» [3, S. 170]. Броча же на этой литературной шкале Арендт помещает ровно посередине, определяя таким образом его задачу как самую сложную – схватить настоящее, понять собственное время, запечатлеть актуальный момент перехода. Его роман «Смерть Вергилия» – это, по мнению Арендт, «мост над бездной пустого пространства – между "больше-не" и "еще-не"» [3, S. 170].

Появившаяся в 1945 г. книга Броча «Смерть Вергилия» повествует – на первый взгляд, опровергая утверждение Арендт – о глубокой древности и погружает читателя в последний день жизни великого римского поэта Публия Вергилия Марона (70–19 до н.э.). Поскольку исторических источников, описывающих кончину Вергилия, не сохранилось и узнать достоверные

⁴⁹ The research was funded the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00925, <https://rscf.ru/project/23-28-00925/> "Hannah Arendt and Literature Issues: Poetical Thinking as a Special Way of Philosophizing".

сведения даже о его жизни крайне проблематично, сочинение Броха является чистым вымыслом. Сюжетная канва очень проста. Приплывший в Брундиций в составе императорского флота Вергилий смертельно болен. Его проносят в сопровождении юного раба через приветствующую Цезаря толпу в покои Августа. Ночные размышления поэта приводят его к неутешительному выводу о тщетности своих литературных трудов, подталкивая к радикальному шагу – сжечь рукопись незавершенной «Энеиды». Благодаря последним распоряжениям, отданным Вергилием на утро друзьям-душеприказчикам, о роковом решении становится известно императору. Он лично приходит к умирающему, чтобы убедить его принести рукопись в дар Риму, во имя которого она и создавалась. Финальная часть романа описывает агонию поэта [2].

Однако в декорациях клонящейся к закату античной культуры без особых усилий можно распознать реалии Веймарской республики, еще «мирного» этапа перед падением страны в пропасть национал-социализма. В этом преддверии катастрофы остро ощущается темпоральный разрыв между тем, что было, и тем, что грядет. Но, по сути, таким разрывом выступает всякий миг настоящего. Момент «сейчас», промежуточное мгновение, которое мы неизбежно упускаем в бесконечной череде повседневных дел, подчеркивается в романе самой ситуацией умирания. Заклячая Вергилия между жизнью и смертью, Брох словно бы замедляет время перед окончательной остановкой и придает ему особую интенсивность, которой оно лишено в своем обыденном течении. Джером Кон, последний ассистент Арендт, акцентирует мастерство Броха в передаче этого хронологического зазора, каким его восприняла мыслительница: «Тем, что он постигает смерть Вергилия не как “цель жизни”, а, скорее, как последнюю “задачу живого человека”, Брох помещает своих читателей точно “на мост между невидимым и видимым, напряженными и вместе с ним захваченными потоком под ним”. Чрезвычайное достижение Броха заключается, согласно Арендт, в том, чтобы суметь сообщить своим читателям чувство, что это значит – стоять внутри настоящего во времени» [4, S. 38].

В поздний период своего творчества Арендт возвращается к идее «стояния во времени», идентифицируя этот модус существования именно как мышление. Правда, прибегает для его иллюстрации не к тексту Броха, а к притче Кафки под названием «Он». В небольшой зарисовке Кафка изображает своего анонимного героя ведущим борьбу с двумя противниками: один теснит его сзади, подталкивая вперед, а другой насаждает спереди, тесня назад. Зажатый между ними Он мечтает оказаться над линией боя. Если персонаж Кафки, по мнению Арендт, обречен умереть от истощения, то сама она видит выход. Он заключается в том, чтобы точку встречи двух временных координат сделать исходным пунктом собственного движения и устремиться по диагонали в бесконечность. «Эта диагональная сила, исток которой известен,

направленность которой определена прошлым и будущим, но конечная точка которой теряется в бесконечности, – идеальная метафора деятельности мышления» [1, с. 22]. И далее Арендт продолжает: «Если бы кафкианский “он” смог приложить свои силы по этой диагонали, ... он не соскочил бы с линии боя и не оказался бы над схваткой, как того требует притча, – ведь эта диагональ ... остается привязана к настоящему и укорена в нем. Вместо этого он открыл бы, – теснимый, как и прежде, своими противниками в единственном направлении, откуда он может видеть и изучать то, что имеет к нему самое близкое отношение, то, что возникло лишь с его собственным самовнедряющимся появлением, – огромное, постоянно меняющееся пространство-время, созданное и ограниченное силами прошлого и будущего» [1, с. 22].

То, что не вышло у героя Кафки, получилось у броховского Вергилия. Пускай перед лицом смерти, но он все же достиг той целостности познания, которая для самого Броча означала победу над смертью. Для Арендт брешь во времени, которую смог запечатлеть Броч в своем романе, являлась прежде всего «областью духа или, вернее, дорогой, вымощенной мышлением, той тропинкой вневременности, которую деятельность мышления протаптыкает в пространстве-времени смертных людей и где мысль, память и предвидение спасают все, чего касаются, от разрушения историческим и биографическим временем» [1, с. 23–24]. Герман Броч блестящим эпосом о последнем дне Вергилия инициировал Арендт на размышления, раскрывающие природу и ценность человеческой способности думать.

Литература

1. *Арендт Х.* Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Изд-во Института Гайдара, 2014.
2. *Броч Г.* Смерть Вергилия / Пер. с нем. Ю. Архипова, А. Карельского // Броч Г. Избранное. Сборник. М.: Радуга, 1990. С. 241–558.
3. *Arendt H., Broch H.* Briefwechsel 1946 bis 1951 / Hg. von P.M. Lützeler. Frankfurt a. M., 1996.
4. *Kohn J.* Das ungeschriebene Vermächtnis Hannah Arendts // Treue als Zeichen der Wahrheit. Hannah Arendt. Werk und Wirkung / Hg. Von K.-H. Klein-Rüsteberg. Essen, 1997.

Юрина Екатерина Сергеевна
кандидат философских наук,
Русская христианская гуманитарная академия
им. Ф.М. Достоевского
k.iurina@mail.ru

ГРЕЧЕСКОЕ ЭХО В ФИЛОСОФИИ ХАННЫ АРЕНДТ: ПРОМЕТЕЙ КАК МЕТАФОРА МЫШЛЕНИЯ *HOMO FABER*⁵⁰

Автор статьи рассматривает особый тип мышления, присущий *homo faber*, человеку-создателю, в контексте философии Ханны Арендт, уподобляя его мышлению Прометея. С одной стороны, автор осмысляет разграничение Арендт процесса мышления и процесса познания, к последнему из которых принадлежит образ мыслей *homo faber*. С другой стороны, показывается, что фигура Прометея не только содержит в себе характеристики когнитивного мышления, но и является одной из представляющих особенную способность ума, *μητις*, связанную с хитростью. Таким образом, демонстрация искусных способностей Прометея позволяет понять важность различения Ханной Арендт двух процессов жизни ума, так тесно связанных в одном персонаже.

Ключевые слова: *homo faber*, Прометей, мышление, познание, *μητις*, Ханна Арендт

Iurina Ekaterina
*THE GREEK ECHO IN HANNAH ARENDT'S PHILOSOPHY: PROMETHEUS AS A
METAPHOR FOR HOMO FABER THINKING*⁵¹

Annotation: The author of the article examines the special type of thinking inherent in *homo faber*, the creator of the human artifice, within the framework of Hannah Arendt's philosophy by likening it to Prometheus' thinking. On the one hand, the author clarifies Arendt's differentiation between the process of thinking and the process of cognition. The latter belongs to *homo faber*'s way of thinking. On the other hand, it is indicated that the figure of Prometheus not only contains the characteristics of cognitive thinking but is also one of the representatives of a cunning faculty, or *μητις*. Thus, the demonstration of Prometheus' skilled abilities makes it possible to understand the importance of Hannah Arendt's division between two processes of the life of the mind, so closely connected in one character.

Keywords: *homo faber*, Prometheus, thinking, knowing, cognition, *μητις*, Hannah Arendt

⁵⁰ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00925, <https://rscf.ru/project/23-28-00925/> «Ханна Арендт и вопросы литературы: поэтическое мышление как особая форма философствования»; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

⁵¹ The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00925, <https://rscf.ru/project/23-28-00925/> "Hannah Arendt and Literature Issues: Poetical Thinking as a Special Way of Philosophizing"; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Ханна Арендт часто уподобляет деятельность мышления работе Пенелопы [3, р. 88], жены хитроумного Одиссея, вынужденной по причине долгого отсутствия мужа защищаться от назойливых женихов при помощи особенного ухищрения – плетения и расплетения ткани (φῆρος) [7, 19.137]. Мышление точно так же, как и работа Пенелопы, не имеет ни результата, ни цели, внешней ему самому [3, р. 129]. Однако мудрая жена сына Лаэрта ткала и распускала с определённым умыслом – отсрочить свадьбу, то есть использовала весь этот процесс как средство обмана для достижения цели. Если пользоваться терминологией Ханна Арендт, образ Пенелопы более подходит для описания человека *homo faber*, погруженного напрямую в сферу целей и средств.

Мышление *homo faber* неразрывно связано с деятельностью самого человека-творца. Если его работа заключается в овеществлении (reification) [2, р. 139], то тип такого мышления состоит в овеществлении мыслей, которые Ханна Арендт так и называет – things thoughts (овеществлённые мысли), к ним же относится и искусство (works of arts are thought things) [2, р. 169]. Мастер всегда руководствуется моделью, в согласии с которой он выводит неявленное в сферу явленного [2, р. 140]. Процесс создания целиком детерминирован категориями целей и средств [2, р. 143], и чтобы выйти из этого круга, *homo faber* должен мыслить себя как конечную цель, ради которой существует овеществлённый мир [2, р. 155]. Искусная работа *homo faber* аналогична процессу познания, где последнее выступает целью, ради которой осуществляется мышление. Парadoxально, но процесс создания одновременно несёт в себе и разрушение: мастер не только срубаёт дерево, чтобы соорудить стол, но и вправе разрушить сам стол, если тот более не понадобится. Иначе говоря, насилие вплетено в любую работу мастера.

Являясь негативной характеристикой в сфере создания, разрушение становится положительным атрибутом сферы ума. Ещё в *Vita Activa* Ханна Арендт пишет, что мысль, в отличие от познавательного процесса, не имеет ни цели, ни конца, ни результатов [2, р. 171]. Каждая мысль не застывает, а думается заново, потому что работа мышления состоит в разрушении (undo) застывших мыслей [3, р. 174]. Мышление неутомимо, находясь в постоянном поиске смысла (meaning) [3, р. 15]. Иначе обстоит дело с процессом познания, ведь с достижением цели завершается и сам когнитивный процесс [2 р. 171]. Хватаясь за произведённые концепты и нормы, за замороженные мысли, человек не мыслит, а делает всё по образцу, как *homo faber*. У мышления нет заранее подготовленных схем, оно вообще способно возникнуть из апории, из дезинтеграции, порождая дисбаланс (disunity) между человеком и миром [3 р. 153].

Одна из главных характеристик мыслительной деятельности – способность сделать отсутствующее присутствующим перед мысленным взором [3. р. 76], благодаря чему оказывается возможным осмысление прошлого и будущего. Предусмотрительность (the faculty of anticipating) имеет своим источником

память (the faculty of remembering): словно очищая восприятие от чувственных впечатлений (de-sense), мы можем использовать образы и предугадывать будущее, что Арендт называет продуктивным воображением [3, р. 86]. Так или иначе, мышление и познание тесно переплетены друг с другом, и важно отличать плетение Пенелопы как деятельность, которой уподобляется мыслительный процесс, от намерений Пенелопы и её искусного ума, характерного для мастера.

Я хочу обратить внимание на другую метафору деятельности ума – а именно, на фигуру Прометея. Ханна Арендт ссылается на греческого титана, когда описывает разницу между тем, как Бог творит мир – из ничего, и тем, как создаёт свой мир *homo faber* – посредством разрушения сотворенного Богом. Такое человеческое произведение путём уничтожения созданного Арендт называет бунтом Прометея [2 р. 139]. Культурный образ Прометея, укравшего огонь для людей и научившего их всем искусствам, подталкивает провести аналогию между титаном и *homo faber*. Однако Прометей вовсе не человек создания, хотя и обладает мышлением типа *homo faber*. Более того, известный бунтарь является представителем особого образа познания, имеющего более древние истоки.

Существуют три основных линии мифа о Прометее: линия Гесиода в поэмах «Труды и дни» (42-105) и «Теогония» (507-616), линия Эсхила в трагедии «Прометей прикованный» и линия Платона в диалоге «Протагор» (320c8 – 323a4). По версии Гесиода, бессмертный Прометей дважды обманывает Зевса, за что Гефест приковывает его к безлюдной скале, где днём орёл поедает его печень, вырастающую ночью вновь. Мучения сына Иапета прекращает Геракл [6, 526] (Аристофан в комедии «Птицы» вводит Прометея уже как освобождённого персонажа). В качестве наказания у Гесиода также присутствует подаренная Прометею Пандора, вылепленная из земли дева, благодаря которой род людской получает все несчастья [7, 81]. Эсхил обрабатывает конкретный сюжет мифа, где Прометей показан несправедливо страдающим от всепоглощающей тирании Зевса. В изложении же Платона никто не наказывает Прометея за его дар людям.

Во всех вариантах титан фигурирует как даритель искусств, τέχνη, из-за чего его легко можно спутать с мастером. Я настаиваю, что Прометей является не персонификацией *homo faber*, а скорее метафорой его мышления. Во-первых, никто из греческих авторов не указывает, что сам титан что-либо создаёт (разрушает) своими руками, он лишь даритель, а то и вор чужих искусств. Во-вторых, настоящим представителем *homo faber* и в версии Гесиода, и в версии Эсхила является бог Гефест. Именно он вылепляет из земли Пандору [6, 571], а в трагедии Эсхила жалуется на ненавистное ему самому собственное искусство – μισθθεῖσα χειρωναξία [1, 45]. Не по доброй воле, но по приказу тирана приковывает Гефест нерушимыми цепями Прометея к скале, хотя титан и украл его гордость – «свечок искусного огня» (ἄνθος, παντέχνου πυρὸς σέλας) [1, 7].

Доказательством того, что Прометей репрезентирует деятельность мышления, а точнее даже особую способность мышления, служит смысл его имени, как и само его замысловатое искусство (τέχνη).

В переводе с греческого имя Προμηθεύς означает умеющего предвидеть, предусмотреть заранее, на что указывает корень этого слова -μαθ- [4, 940]. «Умеющий предусмотреть» имеет брата-близнеца Эпиметея (Επιμηθεύς), который в отличие от него может понять только после того, как что-то произойдёт [5, 18]. Неспособный предвидеть Эпиметей (и забывший о наставлении брата) принимает в дар Пандору. Посмеиваясь, Гесиод пишет: «δεξάμενος, ὅτε δὴ κακὸν εἶχ', ἐνόησεν» (он же, только приняв <Пандору>, понял, что за зло заполучил) [7, 90]. Прометею сопутствуют следующие эпитеты: αἰτυμήτης (с высокими помыслами) и ποίκιλος αἰολόμητις (обладающий многими трюками), указывающие на μῆτις (хитрость, ум, ловкость). Этой способности ума соответствует особый тип познания [5, 3]. Часто предусмотрительность и мудрость проявляется перед лицом опасности в мире, с которой нужно совладать посредством μῆτις. Так, всем известна слава многопретерпевшего Одиссея как обладателя μῆτις из-за нередко сопровождающего его эпитета – πολύμητις (хитроумный) [8, 4. 330; 2. 173; 4. 764; 7. 214; 5. 207, 240, 302]. Образцовый пример μῆτις можно встретить в 4 книге «Одиссеи», когда Менелай попадает на остров Фарос к Протею [8, р. 345-567]. В поисках пути домой спартанскому царю необходимо, прибегнув к хитрости, μῆτις, поймать морского старца Протея, знающего прошлое, настоящее и будущее. Подобное умение справиться с обстоятельствами описывается как переход из неопытного состояния νήπιος (незнающего) человека в состояние знания, полученного с помощью особенного τέχνη. И Гесиод, и Гомер называет такое искусство δολίη τέχνη (искусство хитрости) [6, 546, 560; 8, 4. 455]. Прометей прямо говорит о себе, что он научил неопытных людей (νηπίους) [1, 443] всем искусствам, ибо они, живя в пещере, не умели различать. Сущность такого искусства – в умении устроить засаду или связать того, кто так же, как Протей или Прометей, владеют δολίη τέχνη, хитрым искусством. Поэтому неслучайно, что Прометей привязан: только в таком положении, отстранённый от мира явлений, он способен рассказать о прошлом (о своих хитростях и неудачах) и о будущем (предрекая гонимой оводом Ио конец её пути).

Мотив связывания с целью узнать будущее или прошлое также хорошо известен в моментах актуализации μῆτις: это и Менелай, устроивший засаду Протею, и Одиссей, привязавший сам себя к мачте, чтобы выведать будущее у сирен, и люди в пещере Платона, связанные и не отличающие тени от реальности. Ричард Онианс пишет, что связывание имеет отношение к осмыслению судьбы, мойры: «Связывание, осуществляемое богами, – это не языковой оборот, но буквальное описание определенного процесса – присущего богам способа налагать на смертных их судьбу» [9, с. 320]. Прометей знает

свою судьбу, констатируя, что искусство, которым он обладает, намного слабее необходимости (τέχνη δ' ἀνάγκης ἀσθενεστέρα μακρῶ) [1, 514]. И то, что связано или πέπρωτα (дано) [1, 512], он сам не в силах развязать до определённого момента.

Согласно Арендт, мышление инициируют два способа столкновения с реальностью: удивление (философское мышление) [3, р. 143] и озадаченность (perplexity) [3, р. 172]. Иными словами, чтобы актуализировать способность мышления, нужно столкнуться с реальностью, которая сильно удивит или озадачит. Как только эта встреча происходит, мышление будто бы связывает тело, становясь Эпиметеем, после-мыслью, чтобы набросать план, что делать в той или иной ситуации. Такое планирование, присущее *homo faber*, предполагает репрезентативную способность мышления: будучи скованы, как Прометей, мы начинаем думать. В тот момент, пока мы думаем и не находим никакого результата, мы уподобляемся Пенелопе, распускающей сотканное. В тот момент, когда мы находим выход, мы уподобляемся Прометею. Мышление становится самым τέχνη, способностью μῆτις, актуализирующейся только при встрече с реальностью. Тем не менее эта хитроумная способность не является мышлением ради мышления. Она представляет собой когнитивную деятельность, связанную с познанием и преследующую определенную цель – быть мастером любой ситуации.

Литература

1. *Aeschylus. Prometheus Bound* / ed. by M. Griffith. Cambridge: Cambridge University Press, 2003 (1983). – 319 p.
2. *Arendt H. The Human Condition* / introduction by M. Canovan. 2nd ed. Chicago: University of Chicago Press, 1998. – 349 p.
3. *Arendt H. The Life of the Mind. The Groundbreaking Investigation on How We Think* / ed. by M. McCarthy: New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1981. – 521 p.
4. *Chantraine P. (ed.) Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots*. Paris, Klincksieck, 1968. – 1368 p.
5. *Detienne M., Vernant J.-P. Cunning Intelligence in Greek Culture and Society* / transl. from the French by J. Lloyd. Chicago: The University of Chicago Press, 1991. – 337 p.
6. *Hesiod. Theogony* / ed. with Prolegomena and Commentary by M.L. West. Oxford: Clarendon Press, 1966. – 459 p.
7. *Hesiod. Works and Days* / The Homeric Hymns and Homerica with an English Translation by Hugh G. Evelyn-White: Cambridge, MA., Harvard University Press; London, William Heinemann Ltd, 1914. – 657 p.
8. *Homerus. Odyssea* / ed. by Martin L. West: Walter de Gruyter GmbH, Berlin/ Boston, 2017. – 519 p.
9. *Онианс Р. На коленях богов. Истоки европейской мысли о душе, разуме, теле, времени, мире и судьбе*. М.: Прогресс—Традиция, 1999. – 592 с.

Новожилов Николай Александрович
магистрант, Русская христианская
гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского
nick.novo@yandex.ru

СОЗДАНИЕ ВЕЩЕЙ КАК СОЗДАНИЕ ИСТОРИЙ: АРЕНДТ, БЕНЬЯМИН И ГАБРИЭЛЬ ГАРСИА МАРКЕС

В докладе рассматривается зависимость между созданием вещей и созданием историй в контексте предложенного Ханной Арендт разделения человеческой деятельности на труд, создание и действие. Выявляется связь ее представлений с идеями Вальтера Беньямина из эссе, посвященного творчеству Николая Лескова. Концепции двух мыслителей иллюстрируются рассказом Габриэля Гарсиа Маркеса, в котором совместное творчество и созданные в процессе него истории выступают как средство преодоления отчуждения и превращения непонятного и чужого в местное и понятное.

Ключевые слова: Ханна Арендт, Вальтер Беньямин, Габриэль Гарсиа Маркес, отчуждение

Novozhilov Nikolay Aleksandrovich
Making things as making stories: Arendt, Benjamin and Gabriel Garcia Marquez

The paper examines the relationship between making things and creating stories in the context of division of human activity into labor, work, and action, proposed by Hannah Arendt. The connection between her ideas and the ideas of Walter Benjamin is revealed from his essay dedicated to the work of Nikolai Leskov. The conceptions of two thinkers are illustrated by a story by Gabriel Garcia Marquez, in which collective work and the stories created in the process act as a means of overcoming alienation and transforming the incomprehensible and alien into the local and understandable.

Keywords: Hannah Arendt, Walter Benjamin, Gabriel García Márquez, alienation

Вопрос, на который пытается ответить Ханна Арендт в книге «Vita Activa» – «Что мы делаем, когда заняты активной деятельностью?» [1, с. 14]. Все многообразие человеческих деятельностей она сводит к трем видам. Во-первых, это труд – то, что соответствует биологическим процессам человеческого тела и связано с удовлетворением жизненных потребностей. Это «голая» жизнь, которую человек разделяет со всеми остальными животными, простое поддержание базовых функций организма. Создание (изготовление) связано с производством артефактов материальной и духовной культуры. Оно порождает искусственный человеческий мир, отделенный от природы и придающий вечно подвижной жизни определенную меру устойчивости и долговечности. Третья из выделяемых Арендт деятельностей – действие. Оно состоит из речей и поступков и обусловлено множественностью, тем обстоятельством, «что не один единственный человек, а многие люди живут на Земле и населяют мир»

[1, с. 17]. Так же, как изготовление нуждается в природном окружении, снабжающем человека материалом, и в среде, где готовая продукция может продемонстрировать свои достоинства, так и действие, поступок нуждаются в мире людей, чтобы обратиться к нему.

Как совершённый поступок, так и произнесенная речь являются специфически человеческими деятельностями, высшим проявлением нашей природы. В то же время они оказываются и самыми недолговечными, исчезая сразу после того, как произойдут. Единственным остающимся от действия результатом является, согласно Арендт,

не осуществление предначертанных планов и целей, но истории, первоначально им вовсе не имевшиеся в виду, получающиеся, когда люди преследуют определенные цели, и для самого действующего сперва представляющиеся, возможно, лишь второстепенным случайным сопровождением его дела [1, с. 229].

В представленной Арендт модели человеческая деятельность организована иерархически. В самом низу находится труд, удовлетворяющий общие для всех животных телесные потребности; на вершине – действие, «политическая деятельность *par excellence*» [1, с. 19], результатом которой являются созданные истории. Между ними располагается создание (изготовление), производящее искусственный мир предметов. Этот общий для всех людей мир служит пространством и является необходимым условием для политического действия. Именно в исчезновении общего «публичного пространства явленности» видит Арендт опасность современной цивилизации. *Animal laborans*, человек трудящийся, использует орудия труда, первоначально созданные *homo faber*’ом, человеком-творцом, лишь для обеспечения более гладкого функционирования биологического жизненного процесса, максимизации комфорта и удовольствия. Извращение целей оборачивается коллапсом публичной сферы. Замкнутые в голой животности собственных тел, отчужденные друг от друга люди не имеют более общего пространства для реализации своих высших способностей – поступка и речи.

Обнаруженная Арендт связь между созданием вещей и созданием историй раскрывается с новых сторон в эссе Вальтера Беньямина «Рассказчик. Размышления о творчестве Николая Лескова». Беньямин ищет причины упадка искусства повествования в современном ему высокотехнологичном европейском обществе и приходит к выводам, предвосхищающим позднейшие построения Арендт. Для него эталонным местом, где создаются как новые вещи, так и новые истории, оказывается цех средневековой торгово-ремесленной корпорации, где встречаются, обмениваясь опытом и накопленными рассказами, оседлые мастера и странствующие подмастерья.

Если крестьяне и мореплаватели были родоначальниками искусства рассказа, то сословие ремесленников стало его вершиной. Здесь сходились вести из далеких мест, принесенные путешественниками, и вести из прошлого, достояние оседлых людей [2, с. 347].

Беньямин обращает внимание на возникшую в Новое время неизвестную ранее форму общения – информацию. Претендуя на объективность, она сопровождает описание события также его предполагаемым объяснением. Информация представляет интерес лишь в тот короткий отрезок времени, пока она является новой, и своим объяснением полностью исчерпывает себя. Противоположен ей рассказ, который описывает событие, но «не объясняет ничего», делая слушателя как бы со-творцом, производящим в размышлении над услышанным собственные уникальные интерпретации произошедшего. Беньямин приводит в пример «Историю» Геродота, немногословность и отсутствие навязанных смыслов в которой являются причиной, почему она «спустя века еще способна вызывать удивление и потребность подумать» [2, с. 351]. Но для реализации этой потребности, для возможности собственных размышлений над услышанными историями необходимо время, или, как говорит Беньямин, скука. Скука неотделима от размеренной монотонности ремесленного труда, но сейчас деятельности, связанные со скукой, остаются только в деревнях, вытесняемые массовым промышленным производством. Выделение информации как отдельной формы общения позволяет Беньямину объяснить, почему в Новое время начинается упадок искусства рассказа, и с другой стороны, показать связь между созданием вещей и созданием историй.

Связь искусства повествования с конечностью человеческой жизни оказывается еще одной темой, объединяющей Арендт и Беньямина. Для Арендт ценность историй в значительной степени обусловлена тем, что с их помощью преодолевается основное «*condition humaine*» всякого приходящего в мир человека – его индивидуальная смертность. Беньямин, в свою очередь, обращает внимание на изменение отношения к смерти в европейском обществе на протяжении XIX века, когда в силу «гигиенических, социальных, частных и общественных мероприятий» [2, с. 353] у людей значительно сократился непосредственный опыт встречи со смертью. В силу этого переживание собственной конечности затухает, отступает с переднего плана к границам повседневного опыта, и люди уже не испытывают так остро потребность сохранять память о себе ни путем создания историй, ни созданием уникальных совершенных вещей, способных пережить своего творца.

Удачной иллюстрацией представлений Арендт и Беньямина о связи между ремеслом и повествованием служит рассказ Габриэля Гарсия Маркеса «Самый красивый в мире утопленник». В рассказе группа женщин шьет одежду для трупа огромного размера. Сшитое одеяние не отвечает своему прямому назначению: оно плохо сидит на теле. Но эта одежда выполняет свою задачу в другом смысле – она позволяет женщинам увидеть тело в более привычном и понятном свете. Огромный рост Эстебана становится знаком неуместности и неуклюжести, а не идеализированного грандиозного величия. Пошив одежды позволяет женщинам вплести судьбу утопленника в свою собственную «ткань межчеловеческих связей». Он больше не странный чужак из другого мира, а

местный, знакомый, один из них. Благодаря совместному процессу создания и рассказывания, Эстебан становится для них своим, но при этом не умаляется. Его странность, пусть теперь и привычная, не списывается со счетов. Деревни, подобные той, о которой идет речь в этой истории, по мнению Маркеса, обречены оставаться отдаленными. Одно из потенциальных средств для преодоления этой разобщенности – совместное творчество и истории, которые возникают в его процессе. Маркес показывает, что истории, рождающиеся в процессе совместного творчества, обладают уникальной способностью делать странное и чужое местным и понятным – пусть самодельным и где-то нескладным, как пошитая для великана одежда, но от этого не менее удивительным.

Литература

1. Арендт, Ханна. Vita Activa, или О деятельной жизни / Ханна Арендт; пер. с нем. и англ. В.В. Бибикина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 416 с.
2. Беньямин В. Рассказчик. Размышления о творчестве Николая Лескова // Беньямин В. Озарения. – М.: Мартис, 2000. С. 345-365.
3. Гарсиа Маркес Г. Самый красивый в мире утопленник // Гарсиа Маркес Г. Полковнику никто не пишет: Повести, рассказы, эссе/ Пер. с исп. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. С. 234-241.

УДК 1

Бузмакова Оксана Владимировна
аспирант факультета философии, богословия и религиоведения
РХГА им. Ф. М. Достоевского
oblom01@mail.ru

ФЕНОМЕН МОНАШЕСКОЙ АСКЕЗЫ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКИХ РАЗМЫШЛЕНИЙ ХАННЫ АРЕНДТ

В статье предпринимается попытка приложить основные понятия, используемые Ханной Арендт в «Vita activa, или О деятельной жизни», к анализу феномена монашеской аскезы. Для объяснения античных и новоевропейских явлений общественной жизни и форм мысли Ханной Арендт противопоставляются активная и созерцательная жизнь и разграничиваются сферы частного и публичного. Данная схема не может быть без противоречий применена при осмыслении раннехристианского монашества, что указывает на уникальность этого явления.

Ключевые слова: Ханна Арендт, раннехристианское монашество, аскеза, аскетизм, созерцание

THE PHENOMENON OF MONASTIC ASCETICISM IN THE CONTEXT OF THE
PHILOSOPHICAL REFLECTIONS OF HANNAH ARENDT

The paper applies the basic concepts used by Hannah Arendt in *The Human Condition* to analyze the phenomenon of monastic asceticism. In order to explain ancient and modern European phenomena of social life and forms of thought, Hannah Arendt opposes active and contemplative life and distinguishes between the private and public realms. This scheme cannot be applied without contradictions when understanding early Christian monasticism, which indicates the uniqueness of this phenomenon.

Key words: Hannah Arendt, early Christian monasticism, asceticism, contemplation

Ключевыми темами в творчестве Ханны Арендт являются размышления о соотношении активной жизни (*vita activa*) и жизни созерцательной (*vita contemplativa*). Первой посвящена опубликованная в 1958 году *Vita activa, или О деятельной жизни*, а последней – незавершенная и изданная посмертно *Жизнь ума*.

Формы деятельности и мышления рассматриваются на примере характерных типов морали и социального устройства, свойственных различным историческим эпохам. В фокусе внимания Ханны Арендт находятся главным образом классическая античность и Новое время, христианское средневековье занимает автора лишь косвенным образом, в то время как феномен раннехристианского монашества вовсе остается без внимания. Не ставя перед собой задачу умалить значение ключевых понятий Ханны Арендт, мы покажем уникальность этого феномена, указав на противоречия, возникающие при попытке осмыслить монашество (отшельничество) сквозь призму центральных оппозиций книги «*Vita activa*», или «*О деятельной жизни*».

Приватное и публичное

Ханна Арендт противопоставляет сферы публичного и приватного в отношении видимости/ сокрытости осуществляемой деятельности. В то время как пространство публичного сопровождается максимальной открытостью разыгрываемого между людьми в общем для них рукотворном мире, ключевой характеристикой приватной сферы является потаенность, наиболее явно усматриваемая в осуществлении телесных функций. В отличие от киников, пренебрегая стыдом выносивших в публичное пространство то, что считалось уделом приватности (справление нужды и удовлетворение прочих естественных потребностей), монахи (об этом читаем, например, в житии Антония Великого) приближаются к другой крайности в отношении к тому, что традиционно принято совершать в тайне. Своя собственная телесность (как это было и у Плотина по свидетельству Порфирия) становится объектом стыда для монаха-пустынника. Он не ограничивается строгой диетой и изнурительным

трудом, направленными на умерщвление тела, но старается свести к минимуму собственное свидетельствование отправления своих же естественных нужд (так, Антоний Великий перестает мыться).

Собственность и свобода

Сфера частного рассматривается Ханной Арендт в сопряжении с собственностью и владением, обеспечивающими наличие скрытого от мира внутреннего пространства. Действительное вплоть до конца девятнадцатого века представление о свободе, связанное с собственностью (прежде всего земельной) и обеспечиваемой ею свободой (участия в гражданской жизни) и привилегией защиты закона, приобретает совершенно особенные очертания для монаха-пустынника. Владения, равно как и тесная связь с семьей и родом, рассматриваются как препятствия для достижения свободы, понимаемой как несвязанность обязательствами, мешающими приблизиться к идеалу созерцательной жизни. Так, правители-философы из платоновского Государства стремятся к уходу в чистое созерцание, но удерживаются необходимостью поддерживать существование подопечного им социального организма. Удаляясь от мира, избавляясь от собственности и отказываясь от ответственности за содержание и поддержание семьи и рода, отшельники выводят себя за рамки (политического) действия. Даже добродетель помощи ближнему снисходительно оставляется в качестве утешения тем, кто по тем или иным причинам не может покинуть мир.

Vita contemplativa u vita activa

Три основных вида человеческой деятельности, рассматриваемые Ханной Арендт как составляющие сущность понятия *vita activa* (труд, создание и действие), направлены в первую очередь на внешний мир. Они включают в себя аристотелевское понимание политической *bios politikos*, противопоставленной созерцательной жизни философа, пребывающего в сфере нетленной красоты и чуждого действию как политической деятельности. Конфликт между *vita contemplativa* и *vita activa* приобретает новое измерение для христианских аскетических авторов. Чтобы достичь высших ступеней созерцания, отшельнику следует пройти этап практической, деятельной жизни, которая, в понимании Евагрия, имеет целью очищение страстной части души и включает в себя телесные подвиги и дела милосердия и любви к ближнему. Плодом этого этапа является бесстрастие, исправление вожделевательной и раздражительной частей души, подготовка разума к восприятию истинного знания посредством созерцания. Этот практический этап осуществляется в условиях общежительного монашества или пустынничества, и его обозначение «практический» не имеет никакого отношения к действию/ поступку в полисе/ гражданской общине.

Литература

1. *Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни* / Пер. с нем. и англ. В. В. Бибихина. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
2. *Арендт Х. Жизнь ума*. СПб.: Наука, 2013.
3. Преподобный Антоний Великий. Житие и послания. М.: Синтагма, 2010.
4. Творения Аввы Евагрия. Аскетические и богословские трактаты. М.: Мартис, 1994.
5. История египетских монахов. М.: Изд. Православного Свято-Тихон. богослов. института, 2001.

УДК 1

Лозис Наталья (Ксения) Арнольдовна
магистрант,

Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского
xeniasprivat@gmail.com

ПОНИМАНИЕ ДЕЙСТВИЯ У ХАННЫ АРЕНДТ И СЕРЕНА КЕРКЕГОРА

В статье предпринимается сравнительный анализ текстов Ханны Арендт и Серена Керкегора, двух философов, исследующих отличительный феномен человеческой действительности. Для обоих авторов таким феноменом выступает действие, которое позволяет явиться – пусть даже непроизвольно, вне поставленных целей – самому деятелю. Для Ханны Арендт и Серена Керкегора действие – не просто теоретический конструкт, но активность, создающая «ткань» как личных историй, так и межчеловеческих отношений.

Ключевые слова: Ханна Арендт, Серен Керкегор, действие, случай, «Кто», «Я».

Lozis Nataliya (Xeniya) Arnoldovna
HANNAH ARENDT AND SØREN KIERKEGAARD'S CONCEPT OF ACTION

The article undertakes a comparative analysis of the texts of two leading philosophers investigating the distinctive phenomenon of human reality, Hannah Arendt and Søren Kierkegaard. For both authors, such a phenomenon, is an action that makes the actor himself apparent even involuntarily, outside of his goals. For Hannah Arendt and for Søren Kierkegaard, action is not just a theoretical construct, but something that weaves the fabric of both personal stories and interpersonal relationships.

Keywords: Hannah Arendt, Søren Kierkegaard, action, chance, «Who», «Self».

Ханна Арендт, обращаясь к писательскому наследию Серена Керкегора, в первую очередь подчеркивает схожесть эпох, в которых разворачивалась философская мысль датского мыслителя и философов XX века, что делает для нас его изыскания актуальными. Мир атеистической самодостаточности и светскости, восходящих в своих истоках к эпохе Просвещения, в котором датскому философу первому (как считает Ханна Арендт) довелось жить, уже ко

времени деятельности самой Ханны Арендт после двух мировых катастроф принес ужасающие плоды. Потому те вопросы, которые ставит перед собой Кьеркегор, столкнувшись с формалистским затуханием веры, поверхностным отношением к собственной жизни посреди спекулятивно объясненного и понятного мира, а именно, вопросы о серьезности выбора, об ответственности действия, приобретают для Ханны Арендт новое звучание в связи с человеческими крушениями XX столетия.

Мне хотелось бы рассмотреть понимание действия у двух мыслителей, показать, как оно становится местом явления неявного «Кто», в чем различия точек приложения действия, и самое важное – как происходящее в частной жизни самого Кьеркегора стало глубочайшей основой его экзистенциальной диалектики, послужило детальному исследованию структур единичного человеческого существования, а обретенные им подступы к новой предметной области и тонкие нити личных изысканий стали толчком для развития нескольких направлений философской и теологической мысли и стимулом для многих писателей последующей эпохи.

Для Арендт и Кьеркегора действие индивидов составляет сферу сугубо человеческой действительности. Кьеркегор пишет: «действительность – это прежде всего заинтересованность индивида в том, чтобы экзистировать в ней... Действительность, – это не внешнее действие, но внутреннее содержание, в котором индивид снимает возможность и отождествляет себя с тем, что помыслено, для того чтобы экзистировать в нем. Это и есть действие» [1, с. 367-369]. Примером тому может служить решимость Лютера: «на том стою и не могу иначе».

Для Кьеркегора действительность – это топос разворачивания экзистенции, того срединного места (inter-esse), где мышление (всеобщее, идея) соединяется с существованием в едином действии решимости индивида. Это прежде всего внутреннее действие решимости, которое становится движущим мотивом поступка.

Ханна Арендт полагает, что речь и действие выступают модусами человеческой деятельности, где «раскрывает себя сама человечность» [2, с. 229]. В ее понимании действие так же, как и у Кьеркегора, разворачивается «между», но этим «между» оказывается политическая жизнь, жизнь среди людей.

Именно в этих модусах проявляет себя уникальность каждого индивида. Посредством речи и действия человек включается в существующий задолго до него мир людей, в котором он теперь не просто рождается как один из многих живых единичных существ, но входит как новое начало, как единственный деятель, берущий на себя ответственность за факт приобщения к человеческому социуму.

Для Ханны Арендт принципиально важно увидеть, что действие разворачивается в сфере жизни каждого человека друг с другом. Люди

действуют среди своих современников, в вещном мире, и какие бы конкретные цели они перед собой ни ставили, как бы ни относились к миру вещей, всегда будет проявляться «Кто» действия. Речь имеет особую значимость для действия. Бессловесного действия, по мысли Ханны Арендт, не существует. И речь здесь играет не знаковую бесстрастную роль, как в математическом исчислении, и выполняет не функцию объяснения действия, а именно выводит из потаенности и идентифицирует деятеля. Через выговаривание деяние вплетается в значимую взаимосвязь с другими поступками и решениями. Свои способности «что» мы можем по желанию скрывать или обнаруживать, но «Кто» произвольно проявляется в каждом нашем поступке и речи и становится явным в глазах другого, но не моих.

Для Керкегора также единственной возможностью обнаружить себя будет предстояние перед другим, перед Б-гом. Отношения с Б-гом мыслятся только как свободные, поэтому вся мысль Керкегора устремлена к этому вопросу: как обрести свободу? «...не выбрав самого себя в абсолютном смысле, человек не может стать в свободные отношения к Б-гу», – пишет он [3, с. 86]. Поэтому «Кто» для Керкегора – это всегда экзистирующий во времени единичный «Я». «...в каждое мгновение своего существования «Я» находится в становлении, ибо Я (*ката δύναμις* – греч. реально, в своей мощи) реально не существует, – оно есть лишь нечто, долженствующее стать» [4, с. 307]. И так же, как для Ханны Арендт, для Керкегора важно, чтобы индивид, который приходит в мир, расчерченный всеобщими правилами и идеями, стал еще и собственным началом. Таким началом, как показывает Керкегор, будет мгновение нового рождения и последующее движение свободы к обретению самого себя. Это и есть действие внутренней решимости. Оно охватывает все уровни человеческого существования: самое время – на эстетической стадии, решимость выбора и обладание временем посредством удержания своего выбора – на этической стадии, и отношение к абсурду – ко Христу, вечности, пришедшему во-время и экзистирующему в нем – на стадии религиозной.

Если Керкегор осмысляет серьезность и ответственность человека, которая приводит к становлению и формированию его внутреннего «Я», то Ханна Арендт показывает, как в дальнейшем эта серьезность внутреннего «Кто» проявляется даже произвольно в действиях с другими и открывается им. На примере жизни самого Керкегора Ханна Арендт показывает, как случай, играющий в жизни Керкегора внешней, детерминирующую роль, становится для него глубоким размышлением о мере детерминирующего «вмешательства» Б-га и свободе решимости человека сделать детерминирующие факторы внешней жизни возможностью для своей свободы. «Мужество быть» собой.

Ханна Арендт показывает, как «маленькие истории», созданные взаимодействием друг с другом в мире, становятся большой Историей. Так, решимость Керкегора жить серьезно в случайных обстоятельствах жизни стало основанием его глубочайшего философского погружения, что в свою очередь

открыло новую предметную область – экзистенцию, которая, будучи впоследствии осмысляема другими, позволила Кьеркегору вплести свою нить в ткань общей философской мысли. «Действительная история, в какую впутала нас жизнь и от какой нам не увернуться, пока мы остаемся в этой жизни, – пишет Ханна Арендт, – не указывает ни на видимого, ни на невидимого автора, потому что она вообще не сочинена. Тот единственный Некто, кто ее разворачивает, выступает и остается героем истории, ...которая соответствует неуловимо-летучей и все же безошибочно неповторимой явленности, с какой лицо через поступок и слово присутствует в мире современников. Кто есть или был человек, мы можем узнать только выслушивая историю, где герой он сам» [2, с. 246].

Литература

1. *Кьеркегор С.* Заключительное Ненаучное Послесловие к “Философским крохам”. СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 2005.
2. *Арендт Х.* Vita Activa, или О Деятельной Жизни. СПб.: Алетейа, 2000.
3. *Кьеркегор С.* Гармоническое развитие в человеческой личности эстетических и этических начал. М., Берлин: Директ-Медия, 2020.
4. *Кьеркегор С.* Болезнь к смерти // *Кьеркегор С.* Страх и трепет. М.: Культурная революция, 2010.

СЕКЦИЯ 7 ЯЗЫК КАК СИМВОЛ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОЙ ПСИХОТРАВМАТОЛОГИИ

УДК 159.9

Защиринская Оксана Владимировна,
д. психол. н., профессор,
зав. кафедрой психотравматологии РХГА им. Ф.М. Достоевского,
профессор кафедры педагогики и педагогической психологии СПбГУ,
доцент кафедры клинической психологии и психологического
консультирования РГПУ им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

ЦИФРОВАЯ АЛЬТЕРНАТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ОКУЛОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ⁵²

В статье рассмотрены окулографические исследования, описывающие особенности восприятия графической и текстовой, а также мультимодальной информации детьми и подростками с особенностями развития в сравнении с нейротипичными детьми соответствующего хронологического возраста. В статье сформулирована возможность компьютерно-опосредованных средств альтернативной коммуникации на базе технических устройств и мобильных приложений.

Ключевые слова: окулография, дети с нарушениями интеллекта, айтирекинг, невербальные средства общения, компьютерно-опосредованные АДК.

O. V. Zashchirinskaia
DIGITAL ALTERNATIVE COMMUNICATION: OCULOGRAPHIC STUDY

The article discusses oculographic studies that describe the characteristics of the perception of graphic and textual, as well as multimodal information by children and adolescents with developmental disabilities in comparison with neurotypical children of the corresponding chronological age. The article formulates the possibility of computer-mediated means of alternative communication based on technical devices and mobile applications.

* Защирина Оксана Владимировна – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психотравматологии, Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского; профессор кафедры педагогики и педагогической психологии Санкт-Петербургского государственного университета; доцент кафедры клинической психологии и психологического консультирования Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, (Санкт-Петербург), zaoks@mail.ru

⁵² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01653, <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01653, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01653/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Key words: oculography, children with intellectual disabilities, eye tracking, non-verbal means of communication, computer-mediated AAC.

Технологические разработки и их внедрение аппаратно-технических средств, психофизиологических инструментов, программного обеспечения в различные сферы социальной жизни человека во многом определяют и снимают ряд бытовых вопросов, часть разработок является важнейшим инструментом для объективизации научных данных, формулирования новых научных задач и практических рекомендаций, подходящих для определенной группы людей [14]. В ряде научных дисциплин активно используется Eye Tracker (ай-трекер), представляющий собой технологию отслеживания глаз или окулографию.

Окулография представляет собою метод фиксации глазодвигательной активности, отражающий динамику когнитивных процессов, а также коммуникации. Открытие в 1879 Луи Эмилем Жавалем скачкообразного передвижения (саккады) с короткими остановками движения глаз (фиксации) при чтении напечатанного текста. Данное открытие вызвало определенный интерес и нашло отражение во многих исследованиях и практическом применении областях научных познаний [9].

В настоящее время использование метода окулографии или система айтрекинга активно внедрено в нейро- и экспериментальную психологию психологию [14], когнитивные науки (особенно психолингвистику и изучение процессов чтения), взаимодействие человек-машина, маркетинговые и медицинские исследования. Значительный вклад в возможности изучения окуломоторной активности внесла немецкая компания научного оборудования SensoMotoric Instruments (SMI), базирующаяся на производстве аппаратуры с видеорегистрацией активности движения глаз в инфокрасном излучении по системе «pupil-corneal reflex» [6]. Основными видами айтрекингов являются проникающие или контактные и бесконтактные или удаленные. Под контактными системами понимаются устройства, в которых один или несколько приборов фиксируется к глазу или коже для отслеживания движения. Данные системы можно встретить под наименованием инвазивные. К бесконтактным относят системы без физического контакта [1].

Использование окулографического метода в исследованиях позволяет акцентировать внимание на ряде вопросов и описании особенностей: что вызывает интерес и какая область попадает в зону интереса, фиксация зон интереса; как изменяются когнитивные и аффективные процессы при наблюдении за дилатацией зрачка; какие стимулы влияют на окуломоторную активность и их влияние на когнитивные процессы [14]; каковы правила обучения и способности привлечь внимание другого к объекту; как мы разделяем непрерывный опыт на значимые фрагменты в визуально-графическом контексте; как различные системы памяти (эпизодическая,

семантическая и рабочая память) взаимодействуют с воспринимаемой визуальной информацией.

Разработка и возможность проведения исследований на базе переносных айтрекеров позволяют проводить исследования в естественной для респондента среде [9], что снижает возникновение экспериментальных эффектов. Разнообразие видов айтрекеров, позволяет работать как в фиксированном режиме, так и в движении, рассматривая феноменологию движения глаз в режиме реального времени [14]. Исследования с применением айтрекинга на выборке позволяет создавать тепловые карты, отражающие области, в которых было зафиксировано большее и меньшее количество взгляда.

Реализация моделирования обучения в режиме реального времени является значимой задачей в когнитивной науке. Одним из айтрекеров, позволяющих демонстрировать стимульный материал, но и осуществлять одновременный дистанционный контроль, является установка iView X RED компании SMI. Установка состоит из двух мониторов с одним компьютером, портативного блока. Один из мониторов ориентирован на демонстрацию стимулов для участника эксперимента, второй монитор отводится исследователю для контроля [6].

Выполнение задач, базирующиеся на социально-когнитивных способностях, значительно различаются среди нейротипичных и хронологически равных по возрасту людей с интеллектуальными нарушениями в силу когнитивных особенностей [17]. Исследование паттернов восприятия невербальной информации в форме эмодиконов семи базовых эмоций (вина, удивление, страх, стыд, печаль, радость и интерес) на выборке нейротипичных подростков и подростках с интеллектуальными нарушениями с использованием айтрекинга позволяет сформулировать особенности глазодвигательных реакций выборок. Так, тепловые карты выборки подростков с интеллектуальными нарушениями и количественные показатели (время, количество фиксации и т.д.) указывают на то обстоятельство, что данным детям необходимо вдвое больше времени для выполнения задания, а также большее количество фиксаций на стимулах. При этом обе группы наиболее чаще узнают эмоции радости и страха, подросткам с интеллектуальными нарушениями свойственны сложности с идентификацией эмоций, вербальным анализом [18]. Выполнение задания, предполагающие не только понимание задания и его удержание, но и предполагающие идентификацию стимула с изображением, в значительной мере опираются на когнитивные способности, поэтому люди с интеллектуальными нарушениями традиционно демонстрируют более низкие результаты [17].

Исследования подтверждают разницу в фиксации внимания на определенных участках между нейротипичными и людьми с интеллектуальными нарушениями. Для нейротипичных детей и подростков характерно равномерное распределение внимание между несколькими

объектами [5], при предъявлении эмотиконов внимание фиксируется в область рта [18], при этом зрительная фиксация внимания у людей с интеллектуальными нарушениями во многом определяется синдромом: для детей с РАС характерно игнорирование область лица, а гиперсоциальность отмечается у детей с синдромом Дауна [17].

Исследования структурно-динамические показателей при восприятии текстовых символов позволяет сформулировать вывод о необходимости более длительных временных затрат при чтении текстового материала, большом количестве регрессов, фиксаций и их длительности, сокращении саккад у детей с нарушениями интеллекта по сравнению с нейротипичными детьми [7]. Увеличение числа фиксаций может быть вызвана суженным полем зрения [8] и нарушением процессов фонематического анализа [7]. В свою очередь сопровождение текстового материала иллюстрациями выступает дополнительным дистрактором [8], привлекающим внимание с игнорированием текстовой части для детей с нарушениями интеллекта [5].

Дизонтогенез детей с нарушениями интеллекта характеризуется низкими темпами и качественными особенностями психического, речевого, социального развития, в предметной деятельности, недостаточность пространственного восприятия и ориентирование в пространстве [13], в связи с чем обучение навыкам чтения также отличается своеобразием и трудностями при условии, что дети с нарушениями интеллекта проходят тоже стадии развития навыков чтения, но в три раза дольше нейротипичных детей [11]. К периоду 7-8 лет для нейротипичных детей окулomotorная активность при чтении тестовых стимулов сопровождается частыми фиксациями, короткими саккадами, частыми регрессами [2]. Для детей с интеллектуальными нарушениями усвоение букв, фонематическое восприятие и установление графемно-фонемных связей, различение оппозиционных звуков, зрительный анализ и синтез, пространственные представления составляют существенную проблему в овладении навыками чтения [11], что в совокупности с зрительной памятью, словарным запасом, отражается на восприятии текстовой информации. Данные положения находят отражение в увеличении количества фиксаций, частоты регрессов, низком уровне понимания текстового стимульного материала во время прочтения [2].

Использование айтрекинга при демонстрации текстового и графического материала позволяет дифференцировать зрительное восприятие и речевой контекст, определять значимые словесные конструкции для понимания текста и графических изображений [19]. Навыки владения речью определяют число и частоту фиксаций [10], в данном случае важным является понимание смысла текста, обусловленный рядом когнитивных процессов и широтой лексического запаса. Успешность когнитивных компонентов чтения определяется пониманием смыслов текста [2]. Для подростков с нарушениями интеллекта невербальные стимулы наиболее привлекательны, чем текстовые. Им проще

понимать визуальные образы, интерпретировать движения, мимику. Специфика понимания сюжетных картинок и текстовых стимулов у подростков с нарушениями интеллекта обуславливается пассивностью мышления, особенно данный факт очевиден при использовании графических и текстовых стимулов [19].

Исследования с использованием окулографии подтверждают доступность понимания невербальных средств общения для детей с нарушениями интеллектуального развития, обусловленные особенностями когнитивных процессов, речевой продукцией, а также моторными особенностями данной группы детей.

Исследование социально-когнитивной составляющей способностей невербальной коммуникации на примере доступности узнавания и понимания социальных жестов, позволил выявить большую нагрузку на когнитивный компонент 44,3%, при этом нагрузка на эмоционально-личностный компонент составляет 24,6%, на поведенческий компонент 5,8%. Дети с легкой умственной отсталостью при оценке визуального стимула ориентируются на эмоционально-оценочный компонент, что является их отличительной особенностью в сравнении с нейротипичными детьми и детьми со смешанными специфическими расстройствами психологического развития. Плановая работа с данной группой детей демонстрирует более интенсивные темпы развития в рамках невербальной коммуникации и систем в сравнении с нейротипичными детьми и детьми со смешанными специфическими расстройствами психологического развития [20].

Невербальные средства общения входят в системы альтернативной и дополнительной коммуникации. В отечественной науке проблема разработки стимульного материала и ее внедрения в рамках общеобразовательных программ пока находится на стадии разработок. В зарубежных источниках, имеющих достаточный опыт использования средств альтернативной и дополнительной коммуникации, подтверждается эффективность методов АДК в повышении коммуникативных навыков, языковой и социальной компетентности, а также появления спонтанной речи у детей с нарушениями интеллекта [15]. На сегодняшний день в отечественных исследованиях преимущественно проводятся с использованием низкотехнологических невербальных средств АДК, к которым можно отнести графические системы, язык жестов.

Одной из невербальных альтернативных систем коммуникации выступают пиктограммы, отражающие схематичное, символическое изображение явлений и предметов. В качестве пиктограмм используются преимущественно черно-белые изображения. Данная система знаков является наиболее распространенной и ежедневно встречаемой для людей с сохранным зрением: от пешеходных переходов до товарных знаков. Вместе с этим, правильность декодирования общественных знаков значительно отличается у детей с

нарушениями интеллекта. Когнитивная нагрузка в восприятии символов повышается за счет дополнения символов дополнительными деталями. Добавление в двухцветные пиктограммы желтого цвета как информации «осторожно» не несет в себе смысловой нагрузки и не воспринимается как индикатор опасности как нейротипичными подростками, так и подростками с умственной отсталостью. [3].

Многие существующие на сегодняшний день системы альтернативной коммуникации разрабатывались с ориентиром на конкретный синдром или особенность развития. При этом невозможно отрицать тот факт, что не существует одного универсального и подходящего для разных групп системы АДК. Когда-то низко технологические средства АДК, такие как LoCoS, Blissymbolics используются в качестве высокотехнологических средств, внедряя их в системы мобильных устройств и планшетов. Да недавнего времени к высокотехнологическим средствам относили системы генерации речи, базирующиеся на устройствах Apple. Расширилось количество приложений на мобильных устройствах, позволяющих осуществлять коммуникацию посредством технических средств: GoTalk9+, AMDi Tech/Plus 32, ablenet BIGmack; Logan, Iacono, Trembath [15], Proloquo2Go [16], Autism iHelp -Sorting», «Look At Me», «LetMeTalk», «Аутизм: общение», «Говори Молча» на базе картинок PECS, «Language Therapy For Children With Autism MITA», «Autism iHelp -Sorting» [12]. Использование компьютерно-опосредованных средств альтернативной коммуникации могут демонстрировать не менее лучшие положительные результаты в развитии речевых и коммуникативных навыков [4], обеспечивая наиболее доступный и комфортный формат предоставления информации. Цифровая среда – расширение возможностей специалистов в реализации образовательных технологий.

Каждое мобильное устройство разрабатывается с учетом безопасности для пользователя, но важным является учет мобильности пользователя, особенностей зрения и ряд других аспектов [12]. Интерактивные интерфейсы современных технологических устройств могут вызывать больший интерес у маленьких детей, следовательно, стимулируя их к дальнейшему восприятию таких стимулов и дополнительному взаимодействию с другими людьми.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01653, <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01653, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01653/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Литература

1. Акиньшин В. Д. Метод айтрекинга. Применение айтрекинга для оценки качества графического интерфейса пользователя // *Colloquium-journal*. 2020. № 9-1. С. 12-16.
2. Безруких М. М., Адамовская О. Н., Иванов В. В. Особенности зрительного восприятия и окулomotorной активности у первоклассников при чтении текстов различной сложности // *Физиология человека*. 2017. Т. 43. № 2. С. 56-65
3. Белимова П. А. Способность лиц с нарушением интеллекта к интерпретации общественных знаков // *Психология и психотехника*. 2023. №2. С. 101-109.
4. Бурцева А.Р., Андреев С.С. Формирование коммуникативных и социальных навыков у подростка с РАС с помощью электронных технологий (гаджетов) // *Аутизм и нарушения развития*. 2023. Т. 21. № 1. С. 33-40.
5. Глазодвигательные реакции при восприятии изображений младшими школьниками с легкой степенью умственной отсталости / Никишина В. Б., Природова О. Ф., Петраш Е. А., Севрюкова И. А. // *Вестник РГМУ*. 2021. № 1, С. 54-63.
6. Демидов А.А., Жегалло А.В. Оборудование SMI для регистрации движений глаз: тест-драйв // *Экспериментальная психология*. 2008. Том 1. № 1. С. 149–159.
7. Диневич К. В., Дунаевская Э. Б. Исследование зрительного восприятия текстов разного визуального формата у детей с умственной отсталостью // *Комплексные исследования детства*. 2019. № 2. С. 114–120.
8. Заширинская О. В., Скуратова К.А., Шелепин Е.Ю. Специфика глазодвигательной активности детей при чтении текстов разных визуальных форматов // *Сибирский психологический журнал*. 2019. № 73. С. 141–158.
9. Обзор исследований социальных взаимодействий с применением окулографического метода/ Агеев Н.Я., Дубовик И.А., Калинина Г.И., Конокотин А.В. // *Психолого-педагогические исследования*. 2023. Том 15. № 2. С. 49–67.
10. Соловьева В. А., Вениг С. Б., Белых Т. В. Анализ окулomotorной активности, наблюдаемой при изучении образовательного материала с экрана // *ИТС*. 2021. №1 (102). С. 91-109.
11. Специфические нарушения чтения и письма у детей с нарушениями интеллекта / Караптан Ю. С., Петрова Т. С., Цоцорина О. М., Михайлюкова К. Ф., Зиновкина О. А. // *Педагогика и психология: перспективы развития*. 2020. С. 162-164.
12. Твардовская А. А., Ефремов А. А. Мобильные приложения как средство развития речевой активности дошкольников с комплексными нарушениями // *Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки*. 2018. №3. С. 35-39.
13. Федосеева О. А. Особенности развития мышления у детей с умеренной умственной отсталостью // *Молодой ученый*. 2013. № 1 (48). С. 323-325.
14. Чернявская В. С., Панченко Л. Л. Психодиагностические возможности айтрекинга и перспективы использования метода окулографии в обучении психологов // *АНИ: педагогика и психология*. 2019. №2 (27). С. 400-402.
15. Augmentative and Alternative Communication for Children with Intellectual and Developmental Disability: A Mega-Review of the Literature / Crowe B, Machalicek W, Wei Q, Drew C, Ganz J. // *J Dev Phys Disabil*. 2022. № 34(1). Pp. 1-42.
16. Sigafoos J., O'Reilly M.F., Lancioni G.E. Augmentative and Alternative Communication for Individuals with Autism Spectrum Disorder and Intellectual Disability // *Curr Dev Disord Rep*. 2013. № 1. Pp. 51–57
17. The use of eye-tracking technology as a tool to evaluate social cognition in people with an intellectual disability: a systematic review and meta-analysis. / Jenner L. A, Farran E. K,

- Welham A., Jones C., Moss J. // J Neurodev Disord. 2023. №4 (15). URL: <https://doi.org/10.1186/s11689-023-09506-9>.
18. Zashchirinskaia O. V., Nikolaeva E. I, Udo H. Features of the perception and understanding of emoji by adolescents with different levels of intelligence // Mediterranean Journal of Clinical Psychology. 2020. № 8(20). URL: <https://cab.unime.it/journals/index.php/MJCP/article/view/2417/pdf> (дата обращения: 15.02.2024).
19. Zashchirinskaia O. V. Specific features of the comprehension of texts and story pictures by adolescents with intellectual disturbances // Neuropsychologica. 2020. № 18 (2). Pp. 221-231.
20. Zashchirinskaia O. V. Study of the Understanding of Gestural Communication in Children with Intellectual Disabilities in the Dynamics of Psychological Impact // Journal of Intellectual Disability - Diagnosis and Treatment. 2020. № 8 (4). Pp. 619-632.

УДК 159.9

Белимова Полина Андреевна
научный сотрудник кафедры
психотравматологии РХГА им. Ф.М. Достоевского;
Университет ИТМО,
инженер, Центр юзабилити
и смешанной реальности, (Санкт-Петербург)

ЯЗЫК ПИКТОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА КАК СРЕДСТВО АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ⁵³

В статье рассматриваются основные пиктографические системы альтернативной и дополнительной коммуникации. Описаны основные графические системы, используемые в качестве альтернативной коммуникации лицами с ограниченными возможностями: Blissymbolics, LoCoS ©, Sigsymbols, Lob-System, Picsyms, PIC, PCP, PCS, Makaton, Picsyms, Rebus, PECS, Pictogram. Отражены достоинства и недостатки описываемых систем, а также основные целевые группы пользователей. Дано определение иконичности графических систем.

Ключевые слова: иконичность, графические системы, селективная коммуникация, пиктографическое письмо, АДК.

P. A. Belimova

The language of pictographic script as a means of alternative and augmentative communication

* Белимова Полина Андреевна – научный сотрудник кафедры психотравматологии, Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского; инженер Центра юзабилити и смешанной реальности, Университет ИТМО, (Санкт-Петербург), belimova_polina@mail.ru

⁵³ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01653, <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01653, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01653/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

The article discusses the main pictographic systems of alternative and augmentative communication. The main graphic systems used as alternative communication by persons with disabilities are described: Blissymbolics, LoCoS ©, Sigsymbols, Lob-System, Picsyms, PIC, PCP, PCS, Makaton, Picsyms, Rebus, PECS, Pictogram. The advantages and disadvantages of the described systems are shown, as well as the main target user groups. The definition of iconicity of graphic systems is given.

Key words: iconicity, graphic systems, selective communication, pictographic script, AAC.

Использование графических визуальных образов в альтернативной и дополнительной коммуникации (АДК) при работе с людьми с различными нарушениями речи и особенностями развития, в первую очередь, обусловлено не только простотой, но и доступностью их понимания в силу исторического развития коммуникации [3, 4, 8]. Пиктографическое письмо является первоначальным типом письма и представляет собой графическое изображение каких-либо реальных событий, действий, явлений, и посредством этого выступает средством обмена информацией.

В отечественной психологии одним из первых начал использовать пиктограммы в исследовательской деятельности Л. С. Выготский. Впоследствии методика исследования опосредованного запоминания графических образов стала одним из инструментов диагностики патопсихологии. Одним из достоинств пиктограмм и пиктографического письма является его малая зависимость от культурных различий в силу иконоичности символа, которая выражается в прозрачности (угадываемости) или полупрозрачности (обучаемости) [12] и может способствовать символьной коммуникации за счет визуального сходства с предметным обозначением. Иными словами, внешний вид графического символа является доступным в понимании для партнеров по общению за счет легкости сопоставления символа с его значением [15]. Иконоичность пиктограммы определяется многокомпонентностью символов или составных элементов графического символа, тогда как однокомпонентные символы увеличивают когнитивную нагрузку [12].

В исследованиях 2008 и 2010 годов, проведенных группой японских исследователей, на примере чатов был подтвержден тезис культурной свободы в интерпретации пиктограмм высокой иконоичности и их эффективности в межкультурной коммуникации. Успешность кодирования и декодирования пиктографического письма между группами японских и иностранных студентов составила 83%, а между представителями других культур, рас, стран и носителями различных языков успешность толкования составила 91% [17, 18]. Похожие выводы были сделаны при исследовании пиктографического письма между детьми из Японии, Кореи, Австрии и Кении: отмечается влияние

культурных различий на процесс конструирования сообщения, но не на передачу его смысла [16].

Графические средства альтернативной коммуникации относят к селективной коммуникации (т. е. форма реакции единообразна для всех видов вербальных действий) [1]. Существующая на сегодняшний день селективная коммуникации не является исключительно пиктографической — она представлена сочетанием пиктограмм и идеограмм и представляет собою самую широкую вариацию альтернативной коммуникации. Для широкой группы населения пиктограммно-идеограммное общение отражено в различных общественных знаках: символах выхода из помещений, дорожных знаках. Подобные методы коммуникации ориентированы на быстрый, доступный и лаконичный способ передачи информации.

На первых этапах внедрения пиктографических систем в коррекционно-психологическую практику работа строится на расширении словарного запаса ребенка, формировании достаточного количества символов для инициирования общения, развитии когнитивной сферы и формировании предпосылок для устной речи. На следующем этапе направление работы ориентировано на расширение коммуникативного кода, что способствует развитию невербальной речи. На третьем этапе работа предполагает грамматическое структурирование, обучение символам, обозначающим грамматические категории родов, чисел и так далее [2].

Использование альтернативной и дополнительной коммуникации с использованием графических систем позволяет повысить навыки общения и лингвистический потенциал ребенка с ограниченными возможностями здоровья, испытывающего коммуникативные сложности, формируя его независимость и автономность [2]. Эффективность графических систем опирается на принцип взаимосвязи когнитивного, сенсорного и речевого развития [21]. Становление и развитие речи тесно связано с пониманием окружающих событий, оно опирается на сенсорные представления и развивается в единстве с мышлением [9, 22]. Для детей, не владеющих устной речью, сложно делать прогнозы развития вербальной коммуникации. Существует вероятность произношения только 2–3 слов, либо отсутствие устной речи как таковой. В связи с этим, возможность взаимодействия людей посредством графических методов является наиболее доступным и социально приемлемым способом [13].

Независимо от формы предъявления графических систем (в виде карточек или с использованием технических устройств), наиболее часто упоминаемыми и изучаемыми являются Blissymbolics, LoCoS ©, Sigsymbols, Lob-System, Picsyms, PIC, PCP, PCS, Makaton, Picsyms, Rebus, PECS, Pictogram [11]. Некоторые графические системы являются более доступными в изучении за счет своей иконоичности. Например, исследования на нормативно развивающейся выборке продемонстрировали большую иконоичность

пиктографических систем Picsyms и Rebus. Эмпирические исследования с участием нейротипичной выборки и людей с особенностями развития свидетельствуют о преимущественной легкости обучения системам Blissymbolics, Rebus и PIC по сравнению с традиционной орфографией. В то же время, системы PCS и Picsyms были более прозрачными и простыми в освоении, чем Blissymbolics [15]. Выбор той или иной графической системы определяется рядом факторов: психосоциальными, когнитивными, лингвистическими коммуникативными, моторными возможностями, особенностями развития и состоянием устной речи [2].

Система Blissymbolics была разработана Чарльзом К. Блиссом в 40 гг. XX века как дополнительное средство общения между носителями разных языков. В 1971 году данная система впервые использовалась в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья. На сегодняшний день Blissymbolics используется в 33 странах в качестве альтернативной коммуникации как с детьми, так и со взрослыми, имеющими нарушения развития и испытывающими сложности в коммуникации. Система насчитывает более 5000 символов, которые легко комбинируются между собой и трансформируются в новые значения. Символы включают как пиктограммы, так и идеограммы. Одним из недостатков данной языковой системы является его малая доступность для полного овладения детьми с различными нарушениями развития [10], так как сочетание нескольких символов придает иное толкование, в связи с чем отмечаются сложности кодирования и декодирования информации [11].

В 1964 году японским дизайнером Юкио Ота начал разрабатываться графический символный язык LoCoS © (*от англ.* «*Lover's Communication System*»), свободный от буквенных значений так же, как Blissymbolics. Особенностью данного символного способа общения является то, что основное содержание предложения размещается в центральном ряду, знаки сверху как прилагательные, а снизу — как наречия [14]. В отличие от Блисс-системы LoCoS менее абстрактен, обладает большей доступностью и иконичностью. Отмечается, что подростки с нарушением интеллекта способны понимать смысл без знания всех знаков [7].

Сигсимволы (*англ.* Sigsymbol) представляют собой графическую систему, включающую идеограммы, пиктограммы и жесты. Сигсимволы опираются на национальные жестовые языки, поэтому данная система в том числе используется для обучения жестовому языку и также выступает элементом письменной речи. Допускается комбинирование сигсимволов с другими графическими системами. Английская сигсистема на момент ее издания состояла из 240 символов, тогда как в американской версии насчитывается 390 символов, половина из которых основана на американском жестовом языке. Основными пользователями данной системы являются люди, использующие в качестве альтернативной коммуникации жесты и графические символы [11].

Во второй половине XX века немецкий специалистом Р. Лёбом была разработана Lob-System, включавшая 60 пиктограмм (символов), разделенных на 10 тематических групп, и ориентированная на работу как с детьми, так и со взрослыми с расстройствами аутистического спектра (РАС), нарушениями интеллекта и слуха [10]. Пиктограммы сопровождаются текстовым обозначением. При очевидной простоте использования, данная система имеет существенный и очевидный недостаток – ограниченное количество стимулов.

В 1980 году Ф. Карлсон и С. Джеймс разработали систему графических символов Pícsyms, основанную на языке маленьких детей. Хотя большинство систем, используемых неговорящими людьми, были адаптированы для них, система Pícsyms была создана специально для этой группы населения с ограниченными коммуникативными возможностями. Символы в системе Pícsyms, как правило, имеют семантическую основу. Следовательно, большинство символов имеют сильное соответствие формы и значения. Для расширения значения символов был разработан ряд тактик, таких как отображение фоновой информации пунктирными линиями и основных характеристик сплошными линиями [19]. В настоящее время словарь содержит около 850 категориальных слов и 1800 пиктограмм и идеограмм. Проведенные исследования подтвердили достаточную иконоичность рисунков и рекомендованы к использованию людям с когнитивными нарушениями. Система содержит в себе набор символов, посвященных чувствам, потребностям и иным аспектам [20].

В 70-80-х гг. активно разрабатываются, а затем используются в работе пиктографические системы, преимущественно представленные в двух цветах: либо черный символ на белом фоне, либо белый символ на темном фоне. К наиболее известным можно отнести систему «Пиктографическая идеографическая коммуникация» или Pictogram ideogram communication system (PIC), разработанную логопедом Subhas C. Maharaj в 1980 г. Система включает в себя 400 пиктограмм и идеограмм, ориентированных на поддержание коммуникативного взаимодействия, развитие когнитивных способностей и активизирование невербального интеллекта у не владеющих устной речью людей. Сама система способствует становлению импрессивной речи и зарождению экспрессивной. На сегодняшний день данная система насчитывается более 1 тысячи символов [10, 11].

Пиктографическая коммуникативная программа, или Pictogram communication program (PCP) М. Либероффа представляет собой набор из 340 черно-белых карточек с серыми полутонами, разбитых на 9 групп и подписанных сверху для обозначения понятия или действия. Особенность данной системы состоит в акценте на выражении чувств, потребностей, эмоций посредством одной карточки [10, 11].

Система «Картиночные символы коммуникации» (англ. «Picture communication symbols» (PCS), разработанная в 1981 году Мейер-Джонсоном,

представляет собой цветные и черно-белые картинки с текстовым обозначением снизу. Набор включает 5 тысяч символов, переведен на 40 языков [10]. Картинки легко рисуются от руки в случае отсутствия нужной карточки. Система ориентирована на установление контакта и общение с детьми с когнитивными нарушениями: использование карточек на побуждение детей к общению. Пиктограммы системы отражают различные понятия из повседневной жизни. Сама система PCS имела несколько названий. Первоначально она именовалась Ребус (*англ. Rebus*) и состояла из 950 пиктограмм и идеограмм, а в 1985 году появилась ее расширенная версия под названием Макатон (*англ. Makaton*).

Система Макатон представляет собой мультимодальный способ коммуникации, разработанный британским логопедом Маргарет Уокер в 70-х гг XX века для детей и взрослых с когнитивными и коммуникативными проблемами. Помимо изображений предметов и действия, данная система включает в себя пиктограммы жестов и опирается на национальную жестовую систему [10]. Позже система Ребус включилась в систему Виджит (*англ. Widgit*), которая позволяет создавать новые семантические значения посредством объединения символов, напоминая Блисс-систему [11].

Система Picture Exchange Communication System (PECS) разработана в 1985 году под руководством доктора философии Энди Бонди и логопеда Лори Фрост. PECS на сегодняшний день относится к наиболее популярной и распространенной графической системой для работы с детьми с РАС [7], а в настоящее время активно используется в работе с детьми с интеллектуальными нарушениями [10]. При организации работы по принципам комбинации методов, элементов, и форм работы, предложенной Л. Б. Баряевой, положительные результаты достигаются и с иными группами неречевых людей [13]. Принципы работы по данной системе заключается в общении посредством карточек с постепенным подведением ребенка к инициированию общения, при этом торможение устной речи не происходит [7]. Сами карточки просты в изготовлении и не требуют значительных финансовых затрат. Значительным преимуществом является то, что система имеет развернутую и детальную методику работы на русском языке. Сама система демонстрирует эффективность в работе с разными группами неречевых людей [6].

Пиктографическая система Pictogram активно разрабатывается специалистами Шведского Национального агентства по образованию для детей с особыми потребностями (National Agency for Special Needs Education and Schools) в сотрудничестве с пользователями, а также с логопедами, учителями, психологами и трудотерапевтами, имеющими большой опыт работы. Система Pictogram используется как для общения, так и в качестве вспомогательного средства для опосредованного запоминания. В настоящее время система включает около 2000 изображений. Преимуществом является свободный доступ к архиву пиктограмм и возможность адаптировать пиктограммы на

сайте организации: например, можно инвертировать цвет, преобразовав рисунок в белый на черном фоне, а также добавить или убрать вербальное обозначение [7].

Картинки (рисунки и фотографии) представляют собою первую форму графической коммуникации, с которой встречаются маленькие дети, которые способны узнавать объекты и предметы, но не понимать их смысл в силу сложности формирования процессов мышления. Поэтому главным процессом выступает не узнавание и интерпретация изображения, а организация коммуникации [11]. Несмотря на то, что в зарубежных источниках существуют исследования по включению в работу с графическими системами альтернативной коммуникации детей от 3 лет, в отечественном подходе использование систем графических АДК рекомендованы к использованию с возраста 6 лет, в частности Picsyms — с 6 лет. Исключение составляет система Pictogram communication program (PCP), допускающая возраст 4 года [10].

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01653, <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01653, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01653/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Литература

1. Аюпова Е.Е. Альтернативные средства коммуникации в работе с детьми со сложными и множественными нарушениями развития // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2017. № 2–1. С. 92–95.
2. Баряева Л. Б., Лопатина Л. В. Методика исследования и оценки навыков графической коммуникации у ребенка как потенциального пользователя дополнительной и альтернативной системы коммуникации // Специальное образование. 2018. №3 (51). С. 20–35.
3. Защиринская, О. В. Динамика адаптации педагогов специальных школ к коммуникативным стрессам социального генеза / О. В. Защиринская, О. А. Парфенова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 4(96). – С. 59-65. – DOI 10.24158/spp.2022.4.9. – EDN LCVBWR.
4. Защиринская, О. В. Тревожность и коммуникативные свойства личности / О. В. Защиринская, Е. И. Огарева, А. А. Никифоров // Педагогический ИМИДЖ. – 2023. – Т. 17, № 2(59). – С. 170-181. – DOI 10.32343/2409-5052-2023-17-2-170-181. – EDN DTSDIA.
5. Защиринская О.В., Белимова П.А. Нарушение интерпретации пиктографических систем подростками с легкой умственной отсталостью // Российский психиатрический журнал. 2022. №1. С. 46–54. DOI: <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2022-1010>
6. Козлова К. М. Обзор способов альтернативной коммуникации, применяемых в отечественной практике специального образования // Проблемы современного педагогического образования. 2018. №. 58–4. С. 120-127.
7. Новосёлова Н. В. Система альтернативной коммуникации PECS в обучении детей с РАС // Интерактивная наука. 2021. №8 (63). С. 7–11.

8. Пуцман, А. В. Эмоциональный интеллект старшеклассников в полидискурсивном коммуникативном пространстве / А. В. Пуцман, Ю. Е. Зайцева, О. В. Заширинская // *Ананьевские чтения – 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 17–20 октября 2023 года.* – Москва: ООО "Союзкниг", ООО «Кириллица», 2023. – С. 196. – EDN BCVLIS.
9. Скуратова, К. А. Паттерны глазодвигательной активности младших школьников с общим недоразвитием речи и дислексией / К. А. Скуратова, Е. Ю. Шелепин, О. В. Заширинская // *Психология XXI века: актуальные вызовы и достижения: сборник статей участников международной научной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 22–24 апреля 2019 года / Санкт-петербургский государственный университет.* – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2020. – С. 26-35. – EDN NAYWOA.
10. Смирнова И. А. Логопедическая диагностика, коррекция и профилактика нарушений речи у дошкольников с ДЦП. Алалия, дизартрия, ОНР: Учебно-методическое пособие для логопедов и дефектологов. СПб.: «ДЕТСТВО-ПРЕСС», 2004. - 320 с.
11. Течнер С. фон. Введение в альтернативную и дополнительную коммуникацию: жесты и графические символы для людей с двигательными и интеллектуальными нарушениями, а также с расстройствами аутистического спектра. М.: Теревинф, 2019. - 433 с.
12. Huang C., Lin P. Effects of Symbol Component on the Identifying of Graphic Symbols from EEG for Young Children with and without Developmental Delays // *Applied Sciences*. 2019. № 9 (6). Pp. 1260-1277.
13. Komkova G.A. Formation of communicative and speech skills using verbal and alternative communication means in students with ASD // *Вестник науки*. 2024. №5 (74). С. 666–670.
14. Marcus A. m-LoCoS UI: A Universal Visible Language for Global Mobile Communication // *Conference: Human-Computer Interaction. HCI Intelligent Multimodal Interaction Environments, 12th International Conference, HCI International 2007 Proceedings, Part II, Beijing, China, July 22-27, 2007*. Pp. 144-153.
15. Mizuko M. Transparency and Ease of Learning of Symbols Represented by Blissymbols, PCS, and Picsyms. // *Augmentative and Alternative Communication*, 1987, № 3(3). Pp. 129-136.
16. Mori Y., Takasaki T., Ishida T. Patterns in Pictogram Communication // *2009 ACM SIGCHI International Workshop on Intercultural Collaboration, IWIC'09 - Palo Alto, CA, United States*. Pp. 277 – 280.
17. Munemori J., Fukuda T., Yatid M. B. M., Itou J. The pictograph chat communicator II. // *Proceedings of the International Conference on Knowledge-Based and Intelligent Information and Engineering Systems*. 2008. Berlin, Germany. Springer. Pp. 167–174.
18. Munemori J., Fukuda T., Yatid M. B. M., Nishide T., Itou J. Pictograph chat communicator III: a chat system that embodies cross-cultural communication // *Proceedings of the In International Conference on Knowledge-Based and Intelligent Information and Engineering Systems*, 2010. Berlin Heidelberg. Pp. 473–482.
19. Musselwhite C. R., Ruscello D. M. Transparency of three communication symbol systems // *Journal of speech, language, and hearing research*. – 1984. – Т. 27. – №. 3. – С. 436-443.
20. Tuset. P. Messenger Visual, a pictogram-based Instant Messaging service for individuals with cognitive disability. Proyecto fin de carrera. Universitat Politècnica de Catalunya. URL: <https://upcommons.upc.edu/bitstream/handle/2099.1/11290/memoria.pdf> (дата обращения: 12.02.2024).
21. Zashchirinskaia, O. V. Patterns of interrelation between perception and understanding of images and texts with different degree of blur / O. V. Zashchirinskaia // *Attention, Perception & Psychophysics*. – 2020. – Vol. 82, No. 3. – P. 1368-1377. – DOI 10.3758/s13414-019-01811-7. – EDN SSDOGQ.

22. Zashchirinskaia, O. V. Specific features of the comprehension of texts and story pictures by adolescents with intellectual disturbances / O. V. Zashchirinskaia // Acta Neuropsychologica. – 2020. – Vol. 18, No. 2. – P. 221-231. – EDN GTQKDS.

УДК 159.9

Турчанинов Евгений Евгеньевич

к. психол. н., научный сотрудник
кафедры психотравматологии РХГА им. Ф.М. Достоевского;
педагог-психолог ГБОУ СОШ № 411 «Гармония» с углубленным изучением
английского языка Петродворцового района (Санкт-Петербург)

МЕЖЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ ШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТА⁵⁴

В статье рассматриваются проблемы межличностного аспекта использования средств АДК. Отмечается рассогласованность действий в формировании коммуникативных навыков между активными пользователями АДК. Делается вывод о том, что среди педагогического состава школ наблюдается неготовность к осуществлению индивидуального подхода к детям с особенностями развития, а со стороны родителей — частое несогласие с выбранной системой или негибкость в изменении своего уклада, отказ от предложенных методов АДК.

Ключевые слова: инклюзия, заинтересованные стороны АДК, социальная среда, альтернативная коммуникация, отказ от АДК.

E. E. Turchaninov

Interpersonal aspect of alternative communication in schoolchildren with intellectual disability

The article deals with the problems of the interpersonal aspect in using AAC tools. There is a discrepancy in the communication skills formation among active users of AAC. We conclude that there is a lack of readiness to implement an individual approach to children with special developmental needs among teachers, and among parents — frequent disagreement with the chosen system or inflexibility in changing their way of life, rejection of the proposed AAC methods. **Key words:** inclusion, AAC stakeholders, social environment, alternative communication, refusals from AAC.

Принятие нормативных документов, регламентирующих обучение детей с ограниченными возможностями здоровья, не решило полностью проблему

* Турчанинов Евгений Евгеньевич — кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры психотравматологии, Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского; педагог-психолог, ГБОУ СОШ № 411 «Гармония» с углубленным изучением английского языка Петродворцового района (Санкт-Петербург), turchaninov.j@mail.ru

⁵⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01653, <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01653, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01653/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

инклюзивного образования и социальной изоляции детей. Можно обнаружить ряд противоречий в силу толкования норм, а также правового пробела. При существующих возможностях обучения в рамках адаптированных программ обучения дети продолжают учиться по общей программе, что не всегда является верным в силу особенностей психологического и физиологического развития ребенка. Данное обстоятельство первостепенно продиктовано желаниями родителя, а не интересами ребенка. Не менее важной проблемой в рамках специализированной работы является профессиональная готовность педагогического состава осуществлять индивидуальную программу обучения ребенка, в особенности если ребенок обучается по адаптированной программе обучения в рамках класса, обучающегося по общей программе обучения [1, 9, 10, 12], а также неготовность родителей в реализации эффективной системы инклюзивного образования [12, 15, 16, 18].

Аналогичные проблемы мы можем встретить и в исследованиях зарубежных авторов, указывающих на отсутствие системности, взаимодействия и наличие противоречий среди систем и специалистов, определяющих, назначающих и реализующих системы адаптивной и альтернативной коммуникации [17, 20].

Альтернативная и дополнительная коммуникация (АДК) представляет собой методы, средства и способы для замены устной речи или письма, включающие в себя вспомогательно-ориентированные стратегии низко или высокотехнологических систем и методов. К низко технологичным средствам можно отнести доски, книги, графические системы, карточки с текстом, линейные рисунки, фотографии [21, 22]. Высокотехнологические средства представлены средствами голосовой связи, устройствами генерации речи, требующими установки на различные технические средства [11, 18]. Основными факторами, способствующими взаимодействию в выборе и использованию систем альтернативной коммуникации всеми участниками, являются: открытость в отношении внедрения систем АДК, повышение компетентности и знаний, практическое использование и обмен опытом при внедрении АДК [20]. Процесс обучения с применением альтернативных методов общения по сути является средством социально приемлемого выражения коммуникативной инициативы со стороны ребенка, минимизацией досимвольного общения [6].

Жизнь детей с нарушениями развития сопряжена с психосоциальными нарушениями, отверженностью со стороны сверстников, при этом успеваемость учебной деятельности значительно уступает нормативно развивающимся детям [18]. Одной из задач, с которой сталкивается педагогический состав учебного заведения, является создание благоприятного психологического климата, по которым понимается возможность свободного выражения мнения, эмоциональная включенность и поддержка, непринужденность и естественность [2]. Наличие позитивного и дружеского взаимодействия между

нормативно развивающимися детьми и детьми с ОВЗ составляют ключевую роль в инклюзивном образовании [7]. Включение в процесс взаимодействия и формирование принятия со стороны сверстников ребенка с ОВЗ невозможно без участия в этом процессе педагога. В отечественном подходе значительная роль в обеспечении инклюзивного образования возлагается на педагогический состав учебного заведения, являющегося связующим звеном между всеми субъектами инклюзивного образования [12].

Успешность включения ребенка с ОВЗ в образовательную среду во многом определяется как знаниями об особенностях психофизиологического развития различных категорий с ОВЗ, так и способностью к безусловному эмоциональному принятию детей с особенностями развития со стороны педагога [1]. Отмечается, что к эмоциональному принятию более склонны педагогические работники со стажем работы до 5 лет, но не имеющие достаточного педагогического опыта, в то время как педагогические работники с достаточным стажем работы (более 16 лет), обладающие практическими навыками индивидуального подхода, менее проявляют эмоциональное принятие. При этом именно готовность к инклюзивному подходу в образовании является условием формирования инклюзивной компетентности [12]. Разница в представлениях об эмоциональном принятии со стороны педагогов с опытом работы менее 5 лет обуславливается идеализацией представлений: для молодых специалистов данное обстоятельство субъективно оценивается достаточным для реализации инклюзивного образования при недостаточной сформированности практических знаний и навыков индивидуального подхода [9].

Сфера межличностных отношений детей с ограниченными возможностями здоровья отличается своей спецификой. Исследования межличностных отношений детей с интеллектуальными нарушениями указывает на несформированность потребности в общении, отсутствие интереса к партнеру по общению, нарушение социальных границ, нестабильность эмоционально-положительного отношения [3, 6]. Дети с расстройством аутистического спектра характеризуются игнорированием вербальных и невербальных средств общения, затруднением вступления в зрительный контакт, проблемами с выражением эмоциональных проявлений, желанием вступления и поддержания диалога и общения [5]. В целом, для детей с ОВЗ характерно недостаточное развитие устной речи, проявляющееся в непоследовательности изложения мыслей, низкой инициативности в установлении и развитии контактов, сложности в обсуждении совместной деятельности, ведении дискуссии. Все перечисленное является причиной недостаточного коммуникативного взаимодействия, что находит отражение в проявлениях агрессии, напряженности, тревожности, обидчивости [10].

Учителя младших классов начальной школы отмечают, что обучение ребенка с особенностями развития формирует у младших школьников

доброжелательность (60%). Равный процент учителей (20%) отмечают, что обучение ребенка с ОВЗ вместе с нормотипичными детьми никак не определяет взаимоотношения в классе, а зависит от позиции учителя и родителей, с условием признания факта присутствия проблем в межличностных отношениях у детей с ОВЗ в силу низких коммуникативных навыков, а также специфики их аффективной сферы [7]. Исследования свидетельствуют, что для нормативно развивающихся детей особенно важным является рейтинг или социальный статус ребенка для выбора его в качестве друга, его эмотивность, честность, поддержка [8]. Определяющую роль для детей с задержкой психического развития в выборе друга оказывает внешняя положительная оценка [6]. В межличностном взаимодействии дети с особенностями развития сталкиваются с разнонаправленными тенденциями: стремление к общению и его отвержение, сниженный самоконтроль, перекладывание ответственности на окружение, ориентация на внешний король в противовес произвольного поведения [10]. Навыки коммуникативной инициативы являются одними из основных в формировании общения, посредством которых человек выступает субъектом общения [4].

Обучение ребенка с особенностями развития в классе с младшими школьниками воспринимается преимущественно положительно: в 60% случаях дети высказывают понимание, проявляют сочувствие, однако наблюдаются тенденции осторожности (40%), отчуждения (30%), избегания контакта (25%) [7], при этом времяпрепровождение сверстников с одноклассниками с ОВЗ ограничивается школой [18]. Значительная часть педагогов отмечает неготовность к работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья в силу отсутствия компетенций и страхов [1], что является свидетельством острой потребности в инклюзивном подходе обучения ребенка с ОВЗ в обычном классе из-за неготовности всех участников процесса в реализации полноценного включения обучающегося в социальную среду [10, 20].

Важным условием развития коммуникативных навыков и овладения доступными средствами альтернативной и дополнительной коммуникации, несомненно, является позиция родителей детей с особенностями развития и родителей нормативно развивающихся детей, в связи с чем образовательному учреждению необходимо соблюдать баланс интересов, стремиться к формированию у родителей нейротипичных детей положительного отношения к совместному обучению детей [12].

В целом, педагогическому составу свойственны достаточные знания и представления об инклюзии, но сложности в реализации знаний на практике [9]. Учителю зачастую бывает сложно оценить индивидуальные достижения ребенка с ОВЗ в сравнении с нормативно развивающимися детьми, что детерминировано отсутствием эмоционального принятия ребенка с ОВЗ, сомнения в успешности обучения ребенка с особенностями развития [1]. Нейтральное или негативное отношение к инклюзии влечет низкую мотивацию

в ее реализации. Внедрение инклюзивного подхода со стороны педагогического состава преимущественно носит шаблонный характер в силу вынужденности следования требованиям, при условии достаточного владения методами, средствами коммуникативного взаимодействия, но с недостаточным эмоциональным принятием [9].

Инструментом в повышении социального включения детей с нарушениями в развитии является альтернативная и дополнительная коммуникация, ее эффективность во многом зависит от взаимодействия логопедов, педагогов, медицинских специалистов [17, 20]. Системное использование АДК расширяет как пассивный, так и активный словарь ребенка, формирует способности выражать свои чувства, потребности, эмоции за счёт вербальных и невербальных средств общения, повышая его социальную включенность и возможность управлять своей жизнью [10]. Заинтересованными в использовании АДК сторонами являются как сами пользователи, так и педагогические работники, тьюторы, родители или опекуны, логопеды, медицинские работники [20]. Одним из специалистов, реализующих системность организации образовательной среды и интеграции ребенка с ОВЗ в систему школьного взаимодействия, является тьютор, помогающий решать актуальные проблемы. Тьютор не является педагогом, передающим знания, а выступает в роли специалиста, сопровождающего процесс индивидуального обучения [1]. Недостаток взаимодействия заинтересованных сторон приводит к снижению эффективности, отсутствию прогресса и ухудшению результатов [17].

В силу особенностей коммуникативной сферы детей с ОВЗ, а также вынужденного характера общения, активная роль в формировании интереса к занятиям с использованием систем АДК отводится на педагогический состав. В исследовании китайских коллег указывается на разницу в использовании средств альтернативной и дополнительной коммуникации активными пользователями систем АДК во взаимодействии со сверстниками и логопедами, а также педагогическим составом. В общении с логопедами чаще используются разнообразные символы и экспрессивная речь, общение со сверстниками характеризуется равным набором вопросов и ответов [19]. Поэтому родители ребенка с особенностями развития должны быть не менее активными в процессе использования систем альтернативной и дополнительной коммуникации, способствуя поддержанию процесса обучения и достижения результатов [13]. Вовлечение должно быть реализовано в кратчайшие сроки. Со стороны специалистов родителям должны разъясняться особенности общения с ребенком с учетом нарушения развития и сложностей в коммуникационном взаимодействии, формируя таким образом модель восприятия ребенка его таковым, какой он и есть, а не каким он должен быть [14]. Принятие родителями инвалидности у ребенка может являться одним из фундаментального фактора для полноценной реализации средств АДК, наряду

с оказанием внешней поддержки со стороны людей, столкнувшихся с аналогичными жизненными обстоятельствами [18].

Семейная среда имеет существенные отличия от образовательной — отсутствие определенной подготовки, знаний и ожиданий у родителей относительно систем АДК может привести к неверной интерпретации эффективности рекомендуемой системы [15]. Для минимизации неактивных последствий специалистами должна проводиться работа по информированию и обучению работы с системой АДК, а также разъяснению, что бремя коммуникативной инициативы возлагается первой время на родителей ребенка с особенностями развития, а стратегия взаимодействия во многом определяет степень включения ребенка в общение и последующее его личностное развитие [19]. Коммуникативная инициатива со стороны ребенка может проявляться в форме зрительного контакта со взрослым [6].

Несмотря на наличие достаточной информации, сохраняются случаи отказа родителей от внедрения систем альтернативной и дополнительной коммуникации. Только 39,35% семей используют рекомендуемую систему альтернативной и дополнительной коммуникации более года [16]. Формы протеста разнообразны: от нежелания, всяческого отвержения и неприятия, до полного отказа после назначения [15]. Основными причинами отказа от системы АДК со стороны родителей или законных представителей ребенка являются: неудовлетворенность системой АДК, отказ ребенка использовать рекомендуемую АДК в системе взаимоотношений, нехватка эмоциональной готовности и устойчивости у родителей к внедрению АДК и восприятие использование АДК родителями как обременение [16]. Родители детей с особенностями развития отмечают, что использование средств альтернативной и дополнительной коммуникации изменяет уклад семьи, и может восприниматься как обременение, так как требует определенного временипрепровождения с ребенком, необходимость организации и распределения своего времени: с учетом выполнения иных семейных обязанностей, им трудно сохранять баланс взаимодействия и с другими членами семьи [18].

Анализ как зарубежных, так и отечественных источников позволяет сделать выводы о тождественности проблем, относящихся к сфере альтернативной и дополнительной коммуникации и охватывающих как правовое, так и финансовое регулирование, с проблемами взаимодействия между различными профессиональными структурами и межличностными аспектами. На практике исследования научных источников становятся очевидными сложности принятия родителями особенностей развития своего ребенка, сопротивление по изменению уклада жизни, связанного с принятием ответственности в развитии коммуникативных навыков детей, организацией досуга и распределением времени на занятия с ребенком. Непринятие данных обстоятельств является причиной отказов от рекомендуемых систем АДК, и в

данном случае ребенок выступает не субъектом, а объектом отношений. В то же время, мы можем отметить присутствие сопротивления со стороны социального окружения в обеспечении инклюзивности образования, выражающееся как в неготовности педагогического состава, так и нормативно развивающихся сверстников и их родителей.

Правовое регулирование и отсутствие взаимодействия между профессиональными институтами в рамках сопровождения и обучения навыкам альтернативной коммуникации детей на современном этапе развития аналогично проблемам зарубежных стран, несмотря на то обстоятельство, что использование АДК в российском педагогическом подходе введено относительно недавно.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01653, <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01653, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01653/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Литература

1. Богданова А. А. Формирование профессиональной компетентности педагогов, реализующих инклюзивное обучение // Научное обеспечение системы повышения квалификации кадров. 2016. №3 (28). С. 89–95.
2. Заширинская, О. В. Динамика адаптации педагогов специальных школ к коммуникативным стрессам социального генеза / О. В. Заширинская, О. А. Парфенова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 4(96). – С. 59–65. – DOI 10.24158/spp.2022.4.9
3. Заширинская, О. В. Тревожность и коммуникативные свойства личности / О. В. Заширинская, Е. И. Огарева, А. А. Никифоров // Педагогический ИМИДЖ. – 2023. – Т. 17, № 2(59). – С. 170–181. – DOI 10.32343/2409-5052-2023-17-2-170-181
4. Канюкова В. В., Кузнецова М. В., Дунаевская Э. Б. Особенности проявления инициативы в общении детей с тяжелыми и множественными нарушениями в развитии // Комплексные исследования детства. 2021. №2. С. 132–137.
5. Конева И. А., Карпушкина Н. В., Семенова Л. Э. Особенности общения со взрослым дошкольников с расстройствами аутистического спектра и их коррекция // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №75–3. С. 208–211.
6. Концепты дружеских отношений у младших школьников с нарушениями интеллекта / Заширинская О. В., Лаптева А. В., Николаева Е. И., Медина Бракамонте Н. А., Змановская Е. В. // Вестник НГПУ. 2018. №2. С.26-42.
7. Минахметова А. З., Шатунова О. В. Психологический климат класса с обучающимися с овз: диагностика оценки и пути оптимизации межличностных отношений // КПЖ. 2021. №5 (148). С. 210–215.
8. Пуцман, А. В. Эмоциональный интеллект старшеклассников в полидискурсивном коммуникативном пространстве / А. В. Пуцман, Ю. Е. Зайцева, О. В. Заширинская // Ананьевские чтения – 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития: Материалы международной научной конференции, Санкт-

- Петербург, 17–20 октября 2023 года. – Москва: ООО "Союзкниг", ООО «Кириллица», 2023. – С. 196.
9. Самсоненко Л. С. Особенности развития психологической готовности педагогов к реализации инклюзивного образования // Гуманитарные науки. 2021. №4 (56). С. 110–117.
 10. Седых Т. В., Бывшенко А. С. Теоретические предпосылки развития коммуникативных навыков у детей с ограниченными возможностями здоровья // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №70–3. С. 157–160.
 11. Скуратова, К. А. Паттерны глазодвигательной активности младших школьников с общим недоразвитием речи и дислексией / К. А. Скуратова, Е. Ю. Шелепин, О. В. Защиринская // Психология XXI века: актуальные вызовы и достижения: сборник статей участников международной научной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 22–24 апреля 2019 года / Санкт-петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2020. – С. 26–35.
 12. Юрченко Ю. В. Инклюзивная компетентность субъектов образовательного процесса: к вопросу о понятии и структуре // КПЖ. 2020. №3 (140). С. 207–214.
 13. A child needs to be given a chance to succeed”: Parents of individuals who use AAC describe the benefits and challenges of learning AAC technologies / McNaughton D., Rackensperger T., Benedek-Wood E., Krezman C., Williams M. B., Light J. // Augmentative and Alternative Communication. 2008. № 24(1). Pp. 43–55.
 14. All of a sudden we noticed a difference at home too: parents’ perception of a parent-focused early communication and AAC intervention for toddlers / Fäldt A., Fabian H., Thunberg G., Lucas S. // Augmentative and Alternative Communication. 2020. № 36(3). Pp. 143–154.
 15. Doak L. Rethinking family (dis)engagement with augmentative & alternative communication // Journal of Research in Special Educational Needs. 2021. № 21 (3). Pp. 198–210.
 16. Moorcroft A., Scarinci N., Meyer C. I’ve had a love-hate, I mean mostly hate relationship with these PODD books: parent perceptions of how they and their child contributed to AAC rejection and abandonment // Disability and Rehabilitation: Assistive Technology. 2019. № 16 (1). Pp. 72–82.
 17. New 2011 survey of patients with complex care needs in eleven countries finds that care is often poorly coordinated / Schoen C., Osborn R., Squires D., Doty M., Pierson R., Applebaum S. // Health Aff. 2011. № 30 (12). Pp. 2437–2448.
 18. Parents' Perceptions and Experiences with Their Children's Use of Augmentative. Alternative Communication: A Systematic Review and Qualitative Meta-Synthesis/ Berenguer C, Martínez E. R., De Stasio S., Baixauli I. // Int J Environ Res Public Health. 2022. № 19(13). URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC9266194>
 19. Sensitivity to Communication Partners During Naturalistic AAC Conversations in Cantonese Chinese / Yum Y.N., So S.K.W., Chan R.Y. // Front Psychol. 2021. № 12. URL: <https://www.frontiersin.org/journals/psychology/articles/10.3389/fpsyg.2021.686657/full>.
 20. Uthoff S. A. K., Zinkevich A., Boenisch J., Sachse S. K., Bernasconi T., Ansmann L. Collaboration between stakeholders involved in augmentative and alternative communication (AAC) care of people without natural speech // Journal of Interprofessional Care. 2021. № 35(6). Pp. 821–831.
 21. Zashchirinskaia, O. V. Patterns of interrelation between perception and understanding of images and texts with different degree of blur / O. V. Zashchirinskaia // Attention, Perception & Psychophysics. – 2020. – Vol. 82, No. 3. – P. 1368–1377. – DOI 10.3758/s13414-019-01811-7

22. Zashchirinskaia, O. V. Specific features of the comprehension of texts and story pictures by adolescents with intellectual disturbances / O. V. Zashchirinskaia // Acta Neuropsychologica. – 2020. – Vol. 18, No. 2. – P. 221-231.

УДК 159.9

Малахова Асоль Николаевна,

кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры психотравматологии РХГА им. Ф.М. Достоевского»; педагог-психолог ГБОУ СОШ № 17 Невского района (Санкт-Петербург)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01653, <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского

АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В СПЕЦИАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ⁵⁵

В статье рассматриваются основные проблемы альтернативной и дополнительной коммуникации, с которыми встречаются педагогические работники и логопеды. Запросы со стороны родителей детей в формировании у ребенка устной речи не всегда возможно реализовать в силу особенностей при ОВЗ. В результате анализа эмпирических исследований сформулирован тезис о возможности появления речевой продукции у половины детей, обучающихся с использованием рамок альтернативной коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, АДК, графические системы, адаптированные программы обучения, дети с ОВЗ.

A. N. Malakhova

Alternative and augmentative communication in special education

The article considers the main problems of alternative and augmentative communication that teachers and speech therapists meet. Requests from the parents in forming the child's oral speech is not always possible to realize due to the specifics of disabilities. As a result of the empirical studies analysis, we have formulated the thesis about the possibility of speech production in half of the children studying with the help of alternative communication.

Key words: communication, AAC, graphic systems, adapted training programs, children with disabilities.

* Малахова Асоль Николаевна – кандидат психологических наук, научный сотрудник кафедры психотравматологии, Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского; педагог-психолог ГБОУ СОШ № 17 Невского района (Санкт-Петербург), psihologiya.asol@mail.ru

⁵⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01653, <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01653, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01653/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

До конца 2012 года в Российской Федерации существовал статус необучаемых детей, которые не могли получить возможность обучения ни в рамках общеобразовательных, ни коррекционных школ, ни в рамках домашнего обучения. Коррекционные школы были ограничены 8 видами. Федеральным законом от 21 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании» сохраняются коррекционные школы, при этом статьей 79 предусматривается возможность получения образования ребенком с ограниченными возможностями здоровья как в рамках отдельного специализированного учебного заведения (совместное инклюзивное обучение), так и в классах, реализующих программу обучения по адаптированной образовательной программе. Выбор учебного класса полностью определяется желанием родителя или законного представителя ребенка.

Начальное общее образование для детей с ограниченными возможностями здоровья, согласно ФГОС ОВЗ НОО, утвержденного приказом Минобрнауки России от 19 декабря 2014 г. № 1598, а также ФГОС для обучающихся с умственной отсталостью, утвержденного приказом Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2014 г. № 1599, реализуется как в образовательном учреждении, так и в рамках домашнего обучения. Согласно данным стандартам, значительный объем работы в рамках адаптированной программы обучения реализуется посредством различных видов альтернативной и дополнительной коммуникации.

Для детей с ограниченными возможностями здоровья процесс обучения в социальном окружении имеет не столько первостепенное значение в плане получения образования, сколько в социализации, развитии самостоятельности, приобщении к предметно-практической деятельности [4], поддержке самозащиты, выражении потребностей и эмоций [15], повышении качества жизни [8], снижении стигматизации, развитии коммуникативных способностей и самостоятельности, формировании социальной адаптации и развитии психологических особенностей.

Наличие проблем в социализации детей с особенностями в развитии в перспективе находит отражение не только в отрыве от взаимодействия со сверстниками. Американскими коллегами приводятся статистические данные, отражающие проблемы, с которыми сталкиваются люди с низкими коммуникативными навыками в силу нарушений развития и обучающиеся в изоляции: более 70% детей с множественными нарушениями развития обучаются в отрыве от взаимодействия со сверстниками, 90% не приобретают функциональной грамотности при вступлении во взрослую жизнь, менее 5% трудоустраиваются, 77% не являются участниками общественной жизни в силу трудностей в общении, а 45% становятся жертвами преступлений, при этом 71% сталкивается с неоднократными преступлениями, 97% становятся жертвами преступлений со стороны своих знакомых [17].

Методологические особенности образовательной системы для детей с нетипичным развитием были заложены еще Л. С. Выготским. Невозможно социализировать ребенка и научить общению в изоляции от сверстников [2, 6]. Помимо прочего, социализация решает задачу развития моторных, сенсорных и лингвистических функций [3].

Существующие средства альтернативной и дополнительной коммуникации (АДК) преимущественно имеют мультимодальную основу, совмещая в себе речевые и неречевые средства [9, 19]. В зарубежных источниках можно найти исследования, проведенные более 30 лет назад, освещающие преимущество альтернативной и дополнительной коммуникации [17], в то время, как в системе российского образования только происходит ее становление и развитие [9]. На наш взгляд данные изменения сформировались не только в связи с принятием регулирующих нормативных документов, сколько с изменением общественных настроений и взглядов относительно проблемы особенностей развития, признанием существования проблемы социальной изоляции людей с особенностями развития, а также с переосмыслением существующих стигматизирующих убеждений.

В зарубежных источниках, освещающих проблемы альтернативной и дополнительной коммуникации, мы можем отметить наличие противоречий и сложностей в профессиональном сообществе, связанных с выбором средств АДК [14, 15], а также существенный разрыв и отсутствие системности в использовании альтернативной и дополнительной коммуникации специалистами из разных областей [14, 17] и фиксирование внимания исключительно на слабых сторонах детей с особенностями развития, без внимания к их сильным сторонам [17]. В отечественном подходе наблюдаются аналогичные проблемы: сохраняется разрозненность научно-методического подхода и спонтанность моделей инклюзивного образования [11]. По данным 2016 года в российских школах отмечались проблемы не только материально-технического обеспечения, но и кадрового в силу становления направления альтернативной и дополнительной коммуникации в рамках коррекционного направления при работе с детьми с особенностями развития [9].

Использование существующих на сегодняшний день систем альтернативной и дополнительной коммуникации определяется первоначально зрительными и моторными возможностями [3, 15], доступностью подражательной и предметно-практической деятельности, личностными особенностями, состоянием сенсорной и когнитивной сфер [3]. Наиболее распространёнными и известными инструментами АДК являются жестовый язык, графические системы PIC, PECS, Makaton, устройства синтеза речи, высокотехнологические средства. При этом редко упоминается о средствах альтернативной коммуникации для слепоглохих: рельефно-точечная система Брайля, «разговорная перчатка», дермография, алфавитная карточка, метод Лорма, дактилология [11].

В системе образования особую категорию обучающихся с особенностями развития составляют дети, не владеющие вербальной речью либо с существенными нарушениями речи и сопутствующим нарушением социального взаимодействия [10]. В процессе коммуникации у данных детей преимущественно пассивна роль [3], что требует формирования у них устойчивого интереса к общению, сохранению и поддержанию языковых механизмов, обучению альтернативной и дополнительной коммуникации [8].

Для детей с множественными нарушениями характерны непоследовательные методы общения, отражающие досимволический характер [13], который не всегда является понятным для социального окружения. В силу досимволического характера взаимодействия позиция в общении у таких детей несколько пассивная, активная роль в установлении общения возлагается на партнера [14]. В целом, для детей с социально-коммуникативными особенностями характерно избегание общения, а взаимодействие возникает в условиях прямого указания [1].

Коррекционное развитие речи актуально для детей с РАС, церебральным параличом, умственными ограничениями [4, 15]. Для детей с преобладающим досимволическим общением основными мишенями является формирование отзывчивости к партнеру по общению, поэтому оптимальными считаются мультимодальные АДК [14]. Также допустимо использование жестового языка и устройств для генерации речи [15]. Альтернативная и дополнительная коммуникации позволяет повысить преднамеренный характер взаимодействия. При использовании символов в работе с детьми с множественными нарушениями, особенно в условиях более раннего использования АДК [14], отмечается улучшение качества общения у людей с рядом диагнозов, а также с широким спектром зрительных, слуховых, когнитивных и двигательных нарушений [12, 15]. Обучение с использованием альтернативной и дополнительной коммуникации должно проводиться по такому же принципу, как и обучение устной речи [3].

В российских школах, реализующих адаптированные образовательные программы обучения, преимущественно используются традиционные средства альтернативной коммуникации: визуальные расписания в 72% школ, коммуникативные книги в 53% школ, коммуникативные доски в 31% школ. Процент использования технических средств значительно уступает традиционным методам, что обусловлено недостатками технического обеспечения: коммуникаторы используются в 46% школ, коммуникативные кнопки в 26% школ, специальные устройства на компьютерах и планшетах в 14% школ [9].

Обучение вербальной речи является одним из частых запросов со стороны родителей, однако не всегда возможной в реализации в силу особенностей нарушений [4]. Отмечается, что положительный отклик на проявление спонтанности со стороны ребенка в использовании АДК и понимание его

окружающими является важным условием для когнитивного развития ребенка, а наличие символической избыточности является основополагающим условием в развитии речевой деятельности [8, 18]. В рамках образовательных учреждений с детьми, не владеющими устной речью, реализуется замещающая альтернативная коммуникация, под которой понимается альтернатива устной речи. Наибольший процент приходится на жестовую систему общения, на элементы системы Makaton — 30%, на тактильно воспринимаемые символы — 29%, на графические системы типа Lob-System, Blissymbolics, PIC, PECS — 24% и на базальную коммуникацию — 17% [7].

Опыт зарубежных исследователей позволяет сделать выводы, что использование методов альтернативной и дополнительной коммуникации при логопедической работе с детьми с РАС позволяет повысить функциональное общение, под которым понимаются изменения, происходящие за пределами самой речи, повышающие включение детей в социальное взаимодействие [13]. При этом определяющее значение для функциональной коммуникации имеет понимание устной речи, обеспечивающее усвоение коммуникативных знаков [16]. Положительные результаты отмечаются при использовании системы PECS, первоначально разработанной для детей с интеллектуальными нарушениями, но подтвердившая свою эффективность в работе с детьми с РАС [1, 13]. В данной системе ребенок первоначально учится взаимодействию с другим посредством выбора и обмена графическими изображениями. При использовании данной системы более года спонтанная речь проявляется в 59% случаев [1].

Конечной целью в работе с системами альтернативной коммуникации является формирование у ребенка спонтанности и эффективности ее использования [3]. Коммуникация не является конечной целью, а выступает средством для достижения целей, вне зависимости от социального института, в связи с чем АДК также ориентируются на участие в естественной среде [13]. Для не владеющих устной речью обучающихся альтернативные методы коммуникации позволяют участвовать как в педагогическом процессе, так и в двустороннем коммуникативном обмене [7]. Альтернативная коммуникация может использоваться как в качестве средства для улучшений владения речью, так и в качестве ежедневной практики для развития и стимуляции речи [4, 15]. На начальных этапах введения АДК должна учитывать уровень развития ребенка, ориентируясь на дальнейшее развитие [9, 14], при этом во внимание принимаются как сильные, так и слабые стороны ребенка, его коммуникативная компетентность, его активность в социальной среде [8]. Необходима неразрывность интеграции АДК в повседневную жизнь с опорой на сильные стороны, с учетом психосоциальных и внутренних факторов [17]. Успешность применения альтернативной и дополнительной коммуникации первоначально определяется правильностью алгоритма использования данных методов и включения социального окружения не только в рамках учебного учреждения,

но и в семье, обеспечивая тем самым постоянную интеграцию АДК в систему взаимодействия и жизнедеятельности.

Отмечается, что применение того или иного метода альтернативной коммуникации зависит от опыта и знаний лица, осуществляющего сопровождение [5, 14]. В первую очередь это относится к логопедам при выборе подходящей системы АДК [15]. По данным зарубежных авторов, проблема подготовки педагогического состава является не менее актуальной. Отмечается, что педагогический состав школ не готов к использованию высокотехнологичных средств АДК, либо отдает приоритет использованию средств, ориентированных на класс вместо индивидуальных средств АДК [14]. В рамках российских школ особо остро остается вопрос технического оснащения: отмечается, что для 58% детей, не владеющих устной речью, необходимы технические средства, а имеют возможность пользоваться данными средствами в образовательном процессе лишь 15%. 46% образовательных учреждений в г. Санкт-Петербурге в 2016 году, реализующих образование по адаптированной программе обучения, отмечали недостаток не только в технических возможностях, но и в графических системах альтернативной и дополнительной коммуникации [9].

При использовании графических систем альтернативной коммуникации выработаны определенные механизмы и рекомендации, достаточно подробно изложенные в работах Л. Б. Баряевой, Е. Т. Логиновой, Л. В. Лопатиной. На первом этапе работы ребенок знакомится с графическим символом, соотносит его с реальным предметом. На данном этапе формируется расширение словарного запаса, накопления символов для общения, становление условий для вербальной речи. На втором этапе проводятся мероприятия по расширению общения посредством коммуникативного кода. На третьем этапе проводится работа по грамматическому структурированию, выстраиванию графических рисунков в логический ряд. Важными условиями при проведении занятий являются присутствие тактильного и зрительного контакта с обучающимся, наличие и поддержание внимания, комментирование действий [3].

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01653, <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 24-28-01653, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01653/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Литература

1. Андрусенко В. М., Римская Т. О. Основное общее образование у детей, использующих систему альтернативной коммуникации PECS // Северо-Кавказский психологический вестник. 2022. №3. С. 5–16.

2. Байдикова О. В., Бронникова В. А., Черемных Н. Н. Особенности социализации детей с ограниченными возможностями здоровья // Символ науки. 2020. №1. С 73–75.
3. Баряева Л. Б., Лопатина Л. В. Методические аспекты работы с неговорящими детьми с использованием системы альтернативной коммуникации // Специальное образование. 2018. №4 (52). С 5–20.
4. Жиркова И. Г., Щербакова Н. В. Альтернативная дополнительная коммуникация как основа для развития, реабилитации и обучения людей с нарушениями в развитии. [из опыта работы с реабилитантами на базе Реабилитационного центра УСО пни-10) // Проблемы Науки. 2014. №9 (27). С. 127–131.
5. Заширинская, О. В. Динамика адаптации педагогов специальных школ к коммуникативным стрессам социального генеза / О. В. Заширинская, О. А. Парфенова // Общество: социология, психология, педагогика. – 2022. – № 4(96). – С. 59–65. – DOI 10.24158/spp.2022.4.9
6. Заширинская, О. В. Тревожность и коммуникативные свойства личности / О. В. Заширинская, Е. И. Огарева, А. А. Никифоров // Педагогический ИМИДЖ. – 2023. – Т. 17, № 2(59). – С. 170–181. – DOI 10.32343/2409-5052-2023-17-2-170-181
7. Ишмухаметова О.С., Кряжевских Е.Г. Пиктограммы (предметные картинки) как прием разучивания художественных произведений с обучающимися по ФГОС (1 вариант) для детей с ОВЗ, возраста 7–8 лет (не владеющих экспрессивной речью) // Альманах научно-исследовательских работ студентов и молодых ученых: матер. Всерос. науч.-практ. конф. «Детство в современном мире – 2021». Вып. 9. Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. – Пермь, 2021. С. 276–278.
8. Махмутова В. В. Альтернативная коммуникация, как стимул формирования и развития коммуникативных функций младших школьников с нарушениями развития // Universum: психология и образование. 2023. №10 (112). С. 4–6.
9. Петрова Е. А. Анализ использования альтернативной коммуникации при образовании детей, не владеющих вербальной коммуникацией // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №70–4. С. 288–290
10. Пуцман, А. В. Эмоциональный интеллект старшеклассников в полидискурсивном коммуникативном пространстве / А. В. Пуцман, Ю. Е. Зайцева, О. В. Заширинская // Ананьевские чтения – 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 17–20 октября 2023 года. – Москва: ООО "Союзкниг", ООО «Кириллица», 2023. – С. 196.
11. Сайтханов А. Ф. Вопрос альтернативной коммуникации // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2018. Т. 12. № 3. С. 119–123.
12. Скуратова, К. А. Паттерны глазодвигательной активности младших школьников с общим недоразвитием речи и дислексией / К. А. Скуратова, Е. Ю. Шелепин, О. В. Заширинская // Психология XXI века: актуальные вызовы и достижения: сборник статей участников международной научной конференции молодых ученых, Санкт-Петербург, 22–24 апреля 2019 года / Санкт-петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург: ООО "Скифия-принт", 2020. – С. 26–35.
13. Augmentative and Alternative Communication on Autism Spectrum Disorder: Impacts on Communication / Pereira ET, Montenegro ACA, Rosal AGC, Walter CCF // Cogas. 2020. № 32 (6). URL:<https://www.scielo.br/j/cogas/a/QxhXpZ3jckz6K3dyCdbVhXq/?lang=pt>. (дата обращения: 19.03.2024).
14. Augmentative and alternative communication with children with severe/profound intellectual and multiple disabilities: speech language pathologists' clinical practices and

- reasoning / Rensfeld Flink A, Thunberg G, Nyman A, Broberg M, Åsberg Johnels J. // Disabil Rehabil Assist Technol. 2024. № 19 (3). Pp. 962-974.
15. Brittlebank S., Light J. C., Pope L. A scoping review of AAC interventions for children and young adults with simultaneous visual and motor impairments: Clinical and research Implications // Augmentative and Alternative Communication. 2024. Pp. 1–19.
16. Convergent validity of functional communication tools and spoken language comprehension assessment in children with cerebral palsy / Vaillant E., Oostrom K.J., Beckerman H., Vermeulen J.R., Buizer A.I., Geytenbeek J.J.M. // Int J Lang Commun Disord. 2022. № 57 (5). Pp. 963-976.
17. Light J., Mcnaughton D. Designing AAC Research and Intervention to Improve Outcomes for Individuals with Complex Communication Needs // Augmentative and Alternative Communication. 2015. № 31 (2). Pp. 85–96.
18. Zashchirinskaia, O. V. Patterns of interrelation between perception and understanding of images and texts with different degree of blur / O. V. Zashchirinskaia // Attention, Perception & Psychophysics. – 2020. – Vol. 82, No. 3. – P. 1368-1377. – DOI 10.3758/s13414-019-01811-7. – EDN SSDOGQ.
19. Zashchirinskaia, O. V. Specific features of the comprehension of texts and story pictures by adolescents with intellectual disturbances / O. V. Zashchirinskaia // Acta Neuropsychologica. – 2020. – Vol. 18, No. 2. – P. 221-231. – EDN GTQKDS.

УДК 159.9

Янчук Алена Аркадьевна⁵⁶

бакалавр 2 курса, факультет психологии,
СПбГУ (Санкт-Петербург)

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВОГО РАЗВИТИЯ У ДЕТЕЙ В УСЛОВИЯХ КОРРЕКЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассмотрены особенности речевого развития детей в зависимости от вида ОВЗ, описаны основные направления работы и средства, используемые в коррекционных школах с учетом положения нормативных документов и особенностей психофизиологического развития ребенка. Описаны бесплатные низкотехнологичные и программные продукты, ориентированные на работу с детьми с ограниченными возможностями здоровья.

Ключевые слова: АДК, нарушение речи, дети с ограниченными возможностями здоровья, коррекционно-развивающее образование, программные приложения АДК.

Alena A. Yanchuk

*Specifics of speech development in children in
correctional education*

⁵⁶ Янчук Алена Аркадьевна – обучающаяся бакалавриата 2 курса, факультет психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, (Санкт-Петербург), st107412@student.spbu.ru

The article considers the specifics of children's speech development depending on the type of disabilities, describes the main directions of work and tools used in remedial schools, taking into account normative documents and the peculiarities of psychophysiological development of the child. Free low-tech and software products oriented to work with children with disabilities are described.

Key words: AAC, speech impairment, children with disabilities, correctional and developmental education, AAC software applications.

Согласно данным, только 18,5% детей в возрасте 6 лет готовы к получению начального образования, 49% признаются недостаточно зрелыми и 32,2% детей характеризуются неготовностью к систематической учебной деятельности [1]. До 2012 года некоторые группы детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) признавались необучаемыми в том числе в рамках специализированных учебных заведений. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» формулирует тезис о доступности образования, частью 5 статьи 66 предусмотрена обязательность получения начального, основного общего и среднего общего образования. При этом, в рамках этого же закона предусмотрены адаптированные программы обучения для людей с ограниченными возможностями здоровья. Обучение может реализовываться в рамках домашнего обучения, в рамках общеобразовательного учреждения или в специализированных (коррекционных) образовательных учреждениях, предусматривающих специализированные (коррекционные) детские сады, школы и школы-интернаты [15].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 12 марта 1997 г. № 288 «Об утверждении Типового положения о специальном (коррекционном) образовательном учреждении для обучающихся, воспитанников с отклонениями в развитии» предусмотрены основные группы людей, посещающие классы по адаптированной программе обучения и специализированные учебные заведения: слабослышащие, глухие, позднооглохшие, слабовидящие, слепые, поздноослепшие, с тяжелыми нарушениями речи, с нарушениями опорно-двигательного аппарата, с задержкой психического развития, с умственной отсталостью. Определение группы детей, которым требуется психолого-медико-педагогическая помощь в организации их обучения, возлагается на центры психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи на основании проведения комплексного психолого-медико-педагогического обследования [16].

Согласно открытым данным, на сегодняшний день в г. Санкт-Петербурге действует 57 образовательных учреждений, реализующих адаптированные образовательные программы для детей с ограниченными возможностями здоровья: специализирующиеся на работе с детьми с нарушением слуха — 4 школы-интерната, специализирующиеся на работе с детьми с нарушением

зрения — 2 школы-интерната, специализирующиеся на работе с детьми с тяжелыми нарушениями речи — 6 учреждений, специализирующиеся на работе с детьми с нарушениями опорно-двигательного аппарата — 5 учреждений, специализирующиеся на работе с детьми с задержкой психического развития — 9 учреждений, специализирующиеся на работе с детьми с нарушениями интеллекта — 13 учреждений и 18 учреждений смешенного типа [18].

Обучение детей, имеющих особенности здоровья, является одной из важных задач в рамках специализированной помощи в силу особенностей моторных, психических функций и уровня развития речи [8]. К первому классу обучения словарный запас нормотипичного ребенка составляет от 3 до 7 тысяч слов [9] или 8 тысяч слов с преобладанием имен существительных (44%) и глаголов (43%) [23], их коммуникативные навыки характеризуются потребностью в общении, а также грамотным выходом из него, наличием внеситуативно-деловой формы коммуникации, адекватным употреблением слов, способностью выражать эмпатию, принимать иную точку зрения и отстаивать свою [10]. Особенности развития речи у детей с ограниченными возможностями здоровья отличаются своими качественными и количественными признаками в зависимости от вида ОВЗ, степени дефекта, индивидуальных особенностей [12, 13, 14]. Нарушения могут отражаться на строении предложений, звукопроизношении, бедного словарного запаса, а также проявляться в неиспользовании деепричастий, наречий и прилагательных, в сложностях описания эмоциональных состояний и иных речевых особенностей.

Недостаточное развитие речи детей с ограниченными возможностями здоровья находит отражение не только в проблемах межличностного отношения [20], но и в дальнейшем освоении программы знаний, познавательной и учебной деятельности, для реализации которых необходима зрелость высших психических функций [1]. В редких случаях программы принимают во внимание особенности приспособления детей к вторичному дефекту, что является необходимым основанием системы специального обучения [11].

Для первоклассников с нарушениями интеллекта словарный запас характеризуется ограниченностью и бедностью, неточностью употребления слов, несформированностью структуры значения слова [9]. Наблюдается ограниченность понимания обращенной речи, изложения собственных мыслей, что приводит к недостаточной социально-бытовой ориентировке [7]. Данной группе детей достаточно сложно правильно выстроить текст, выразить свою просьбу, что ведет к сложностям межличностного взаимодействия.

Коморбидность речевой патологии отмечается у детей с детским церебральным параличом и множественными нарушениями. Сохранный интеллект отмечается только у 1/3 детей с ДЦП, у 19–49% присутствуют легкие

формы интеллектуальной недостаточности в виде задержки психического развития, у 13–40% – умственная отсталость в разной степени тяжести [24].

Наибольшую группу обучающихся в рамках адаптированных программ обучения составляют дети с задержкой психического развития. Речь детей с ЗПР отличается от возрастной нормы: отмечаются дефекты вербализации, бедность словарного запаса, затруднения в построении предложений, недостаточность звукопроизношения, речевого высказывания, слабость фонематического слуха и восприятия [1].

Речевое развитие слепого или слабовидящего соответствует уровню развития у нормотипичного ребенка, имеет ту же семантическую и смысловую основу, проходит те же стадии развития, но запас слов зачастую больше, чем количество усвоенных образов предметов. Компенсаторное развитие слуха выступает дополнительным анализатором паравербальной коммуникации. Во внимание принимается тон, скорость, тембр, паузы, по которым слабовидящие или слепые дети ориентируются в эмоциональных состояниях окружающих [10].

Остаточное присутствие слуха позволяет детям овладевать устной речью, характерными особенностями которой являются замена слогов, отпускание звуков и слогов, частые паузы, сложности актуализации слов, отражающих обобщающие и абстрактных понятия, замена одного слова другим, неправильное использование грамматических форм слова, частое использование жестов и мимики [21].

Трудности в социальной адаптации детей с ограниченными возможностями здоровья ведет к формированию особенностей в личностном развитии [4], проявлению робости, неумению отстаивать свои позиции [24], формированию дезадаптивных черт характера и аутсайдерской позиции среди сверстников [6]. В рамках коррекционных школ развитие речи является одной из задач для реализации ребенка в социуме.

Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья, утвержденный приказом Министерства образования и науки РФ от 19 декабря 2014 г. № 1598, предусматривает разработку адаптированных программ начального общего образования, ориентированных не столько на овладение ребенком знаний, соответствующих уровню знаний нормотипичных детей, сколько на социальную адаптацию, развитие жизненной компетентности, коррекцию нарушений развития, и оставляет право за учебным учреждением разрабатывать адаптированные программы обучения [17].

Стандарт предполагает дифференцированный подход разработки адаптированных программ в зависимости от психофизиологических особенностей развития, а также коморбидности нарушений. Так, для группы глухих детей и РАС с множественными нарушениями развития, обязательной программой является «Речь и альтернативная коммуникация», предполагающая

овладения навыками вербальными и невербальными средствами общения, понимания обращенной речи. Развитие социальных контактов ребенка с отсутствием зрения и множественными нарушениями развития реализуется посредством использования средств преобразования визуальной информации в речь, синтезаторов речи и читающих устройств, программ невидимого доступа к информации. Для группы детей с нарушениями опорно-двигательного аппарата с множественными нарушениями развития в рамках обязательной программы «Язык и речевая практика» основной задачей является формирование понимания обращенной речи, использование средств невербальной коммуникации, допускается использование технических устройств, замещающих речь.

Успешность коррекционно-развивающего обучения во многом определяется междисциплинарным взаимодействием специалистов, осуществляющих программу обучения, путем формирования у обучающегося мотивации к овладению лексики и расширению словарного запаса с учетом индивидуальных особенностей ребенка, а также особенностей развития высших психических функций [22]. В условиях специализированных учреждений коррекционно-образовательная среда реализуется с ориентиром на речевое развитие детей, активизацию речевого общения со взрослыми и сверстниками, формирование потребности в общении и правильной речи [8]. Наиболее доступными способами реализации задачи в развитии речи обучающихся в коррекционных школах являются специализированные уроки изучения предметов окружающей действительности [7], в ходе которых дети изучают новые термины, представляющие собою учебно-терминологическую лексику, и используют их во время обучения. Затруднения в восприятии учебно-терминологической лексики приводит к неверному выполнению учебных заданий и усвоению материала [19]. При реализации коррекционно-развивающего обучения речи, правильного применения и закрепления учебно-терминологической лексики соблюдаются следующие принципы: от частного к общему, наглядность, последовательность, доступность материала, закрепление разъясненного и понятного материала, опора на опыт и на наглядно-графические средства, учет связи лексико-грамматической и фонетико-фонематической стороны, использование терминов в разных контекстах [22].

Для развития речи и пополнения словарного запаса необходимо условие соблюдения правильности произношения слов и их использования, в связи с чем к речи педагогического состава коррекционных школ предъявляются требования ее соответствия грамматике и эмоциональной выразительности [8], а также рекомендуется работа с родителями по развитию эмоционального компонента речевой выразительности [26]. Четкость артикуляции имеет особое значение в работе с глухими детьми, пополняющими свой словарный запас посредством зрительных анализаторов, имеющих доминирующую форму восприятия [21].

Учитывая особенности детей с ограниченными возможностями здоровья, занятия ориентируются не только на материал и его доступность, но и на эффективность и качество урока с точки зрения сохранения здоровья ребенка, учет времени использования технических средств, возможность переутомления, сочетание технологий, форм и методов работы [7]. Сами занятия выстраиваются с ориентацией на интерес, задания лежат в зоне умеренной трудности с пропорциональной ориентацией на усложнение в соответствии с возможностями ребенка. На первых этапах коррекционной работы важным является обеспечение субъективного переживания успеха от проделанной учебной деятельности ребенком с ОВЗ [11].

Коррекционно-развивающее обучение детей с тяжелыми нарушениями речи ориентировано на преодоление имеющихся проблем в речевой сфере и выступает основой для освоения учебных предметов за счет систематических занятий по обязательным программам: произношения, ориентированной на автоматизацию, дифференциацию звуков и подготовку к иным программам обучения; развития речи с ориентацией на совершенствование языковых средств общения и мышления; логоритмики [3]. Стандартом АООП рекомендуется использование средств альтернативной и дополнительной коммуникации (АДК) в форме графических систем, коммуникативных наборов, устройств видеозаписи, речевых коммуникаторов (GoTalk), электронных коммуникаторов, планшетов и компьютеров с соответствующим программным оборудованием.

Учитывая особенности детей с нарушениями интеллекта, оптимальными считаются иллюстрированные материалы, ориентированные на несколько анализаторов. Допустимым является использование информационно-телекоммуникационных технологий [7], позволяющих педагогическому составу создавать и реализовывать собственные образовательные программы как при очном, так и при дистанционном и смешенном формате работы [2]. Пространство организуется с расчетом на максимальное включение различных анализаторов [17].

Стандарт АООП допускает использование средств альтернативной и дополнительной коммуникации в ситуациях сочетания интеллектуальных нарушений легкой степени с иными нарушениями [17]. На сегодняшний день в рамках коррекционно-развивающего обучения преимущественно используются графические методы коммуникации: Makaton, Lob-System, PCP, сигсимволы, Picsyms, PCS, Rebus, PECS, Widgit, кубики Примака. Наряду с вышеуказанными системами можно выделить системы, доступность понимания которых подтверждается исследованиями на русскоязычной выборке детей с нарушениями интеллекта: LoCoS, Pictogram [25, 5]. Однако, пиктограммно-идеографические системы значительно больше представлены англоязычными графическими системами, такими как: GRID 3, Do2Learn: Educational Resources for Special Needs, Dynasyms, Lexigrams, Minspeak, Mulberry Symbols,

Sclera symbols, Self-Talk, SIGSYM, SymbolStix, мобильное приложение Talking Pictures [29], мобильное приложение Spoken. Среди зарубежных пиктографических систем можно перечислить: Jellow, AAC Image Library, Adam Urdu Symbols, Guemil, Mulberry Plus, OCHA Humanitarian Icons, OpenMoji, Otsimo Turkish, SEA Symbols, а также культурно и национально ориентированные графические системы: Crna Gora (на черногорском языке), Hrvatski simboli za PK (на хорватском языке), Shqip simbolesh set (на албанском), Srbija Simboli (на сербской латинице), Србија Символи (на сербской кириллице), Tawasol (на арабском языке), Typical Bulgarian Symbols (на болгарском языке), Македонски симболи (на македонском языке) [28].

Современное развитие технологий дает возможность переводить альтернативную коммуникацию в область информационно-коммуникационных технологий, задействуя одновременно несколько систем восприятия информации, что наиболее актуально при работе с детьми с ОВЗ. Значительную роль в доступности систем высокотехнологических средств АДК оказывают разработчики программных приложений, делая свой продукт бесплатными для пользователей, давая возможность детям с ограниченными возможностями взаимодействовать на доступном им уровне. Например, сервис ARASAAC.ORG (Испания) является бесплатным ресурсом с более 10 тысячами пиктограмм, который позволяет создавать собственные цветные и черно-белые символы, находить и подбирать необходимые и недостающие символы из нескольких вариантов. Данный ресурс полезен не только для педагогического состава, но и для родителей детей, так как на доступном уровне разъясняет важность и актуальность использования АДК и ее возможности. Кроме того, ресурс распространяет знания о существующих бесплатных программных продуктах в области голосовой терапии (PreLingua), многоплатформенных динамических коммуникаторах (AsTeRICS Grid), веб-версий (SequenciAAC), а также информацию, касающуюся создания коммуникационных досок (Picto Selector, Symboltalk), одновременного использования текстовой и пиктографической информации (ARAWORD, adapro, PictoDroid Lite, Jocomunico) и ряда других программных продуктов, работающих на мобильных устройствах с операционными системами Android [27].

Литература

1. Азина Е. Г., Сорокоумова С. Н., Туманова Т. В. Использование ритмизации в психокоррекционном развитии младших школьников с задержкой психического развития в условиях инклюзивного образования // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7 №1 (26). С. 10–31.
2. Артемова Е. Э. и др. Оценка информационно-коммуникационной компетентности студентов-дефектологов в области использования ресурсов информационной образовательной среды // Психологическая наука и образование. – 2021. – Т. 26. – №. 4. – С. 54–68.

3. Афанасьева Е. А., Плетенцова Е. И., Рябова И. В. Программно-методическое сопровождение коррекционно-развивающей работы в школе для обучающихся с тяжелыми нарушениями речи // Непрерывное образование. 2020. № 4(4). С. 55–58.
4. Белимова П. А., Защирина О. В., Турчанинов Е. Е., Никифоров А. А., Иванюхин Р. Р., Проявления психологических защит в декодировании графических средств коммуникации у лиц с нарушением интеллекта // Общество: социология, психология, педагогика. 2024 № 5 С. 34–42. <https://doi.org/10.24158/spp.2024.5.4>
5. Белимова П. А. Пиктограммы как метод невербальной коммуникации для подростков с нарушением интеллектуального развития // Общество: социология, психология, педагогика. 2024. № 2 С. 34–40. <https://doi.org/10.24158/spp.2024.2.3>.
6. Защирина, О. В. Психодиагностика эмоциональных нарушений у детей при раннем выявлении расстройств аутистического спектра / О. В. Защирина, О. А. Парфенова // Ананьевские чтения – 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 17–20 октября 2023 года. – Москва: ООО "Союзкниг", ООО «Кириллица», 2023. – С. 302.
7. Кривоносова Е. А. Современные образовательные технологии на уроках развития устной речи на основе изучения предметов и явлений окружающей действительности в начальных классах специальной (коррекционной) школы VIII вида // Специальное образование. 2014. №X. С. 161–164.
8. Куцеева Е. Л., Данина Е. А. Модель психологопедагогического сопровождения учащихся с тяжелыми нарушениями речи в специальной (коррекционной) школе // Коррекционно-педагогическое образование. 2018. №1 (13). С. 69–78.
9. Лодыгина А. А. Особенности развития словаря у младших школьников с ограниченными возможностями здоровья (интеллектуальные нарушения) // Научное Образование. 2020. №. 2. С. 114–122.
10. Мжельская Н. В. Модель развития коммуникативной компетентности младших школьников с нарушениями зрения // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 5 (54). С. 189–192.
11. Михайлова М. Ф. Особенности работы с детьми с ограниченными возможностями здоровья // Проблемы науки. 2022. №3 (71). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-raboty-s-detmi-s-ogranichennymi-vozmozhnostyami-zdorovya-1> (дата обращения: 20.02.2024).
12. Наследов А. Д. и др. Анализ четырехфакторной модели симптомов аутизма у детей 3–6 лет // Клиническая и специальная психология. – 2023. – Т. 12. – №. 4. – С. 47–72.
13. Наследов А. Д. и др. Верификация факторной структуры симптомов аутизма у детей 3–4 лет // Российский психиатрический журнал. – 2023. – №. 4. – С. 72–83.
14. Наследов А. Д., Мирошников С. А., Ткачева Л. О. [и др.]. Психодиагностика риска расстройств аутистического спектра у детей 3–4 лет / Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство "Мир науки", 2023. – 147 с. – ISBN 978-5-907603-77-6. – DOI 10.15862/01MNNPM23. – EDN YBCVYN.
15. Об образовании в Российской Федерации: Федер. закон. Рос. Федерации от 29 декабря 2012 № 273-8: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 21 декабря 2012 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 26 декабря 2012 г. URL: <https://base.garant.ru/70291362/> (дата обращения: 14.03.2024).
16. Об утверждении Типового положения о специальном (коррекционном) образовательном учреждении для обучающихся, воспитанников с отклонениями в развитии: постановление Правительства Рос. Федерации от 12.03.1997 № 288. URL: <https://base.garant.ru/10200129/> (дата обращения: 14.03.2024).

17. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта начального общего образования обучающихся с ограниченными возможностями здоровья: приказ Министерства образования и науки Рос. Федерации от 19.12.2014 г. № 1598. URL: <https://base.garant.ru/70862366/> (дата обращения: 14.03.2024).
18. Образовательные учреждения Санкт-Петербурга, реализующие адаптированные образовательные программы для обучающихся с ограниченными возможностями здоровья: [Электронный ресурс] // Государственное бюджетное учреждение Региональный центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи «Центр диагностики и консультирования» Санкт-Петербурга. URL: <https://gmpmpk.ru/obrazovanie-detey-s-ovz/182> (дата обращения: 18.03.2024).
19. Пантелеева Л. А. Особенности овладения учебно-терминологическим материалом детьми с ограниченными возможностями здоровья // Культура физическая и здоровье. 2012. Т. 42. №6. С.92-93.
20. Пуцман, А. В. Эмоциональный интеллект старшеклассников в полидискурсивном коммуникативном пространстве / А. В. Пуцман, Ю. Е. Зайцева, О. В. Заширинская // Ананьевские чтения – 2023. Человек в современном мире: потенциалы и перспективы психологии развития: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 17–20 октября 2023 года. – Москва: ООО "Союзкниг", ООО «Кириллица», 2023. – С. 196.
21. Самбаева И. Е., Ковалева А. С. Развитие словаря детей старшего дошкольного возраста с нарушением слуха посредством моделирования // Проблемы современного педагогического образования. 2020. №67–1. С. 200–203.
22. Трофимович Т. Г., Маркевич М.О., Филипенко Д. В. Особенности формирования лингвистической учебно-терминологической лексики у младших школьников с тяжёлыми нарушениями речи на коррекционных занятиях // Молодой ученый. 2020. № 19 (309). С. 505–507.
23. Чернышев В. И. О развитии речи. Развитие речи учащихся в начальной школе. – М.: URSS, 2010. 262 с.
24. Шевцова А. А. Изучение регулятивных базовых учебных действий у первоклассников с детским церебральным параличом и умственной отсталостью //Инклюзия в образовании. 2023. Т. 8. № 1(29) С. 157–168.
25. Щеглова Н. А., Заширинская О.В. Зрительное восприятие альтернативной коммуникации детьми с интеллектуальной недостаточностью // Петербургский психологический журнал. 2022. № 41. С. 86–110.
26. Шкуротенко О. С., Заширинская О. В., Ермакова Н. Г., Фролова Н. Д. Социально-психологическая адаптация к материнству женщин с алекситимией // Вестник психотерапии. – 2024. – № 89. – С. 64–73. – DOI 10.25016/2782-652X-2024-0-89-64-73. – EDN AVAYQK.
27. ARASAAC.ORG [Электронный ресурс]. URL: <https://arasaac.org/> (дата обращения: 11.04.2024).
28. Global Symbols: [Электронный ресурс]. URL: <https://globalsymbols.com/> (дата обращения: 11.04.2024).
29. Pino A. Augmentative and Alternative Communication systems for the motor disabled //Disability informatics and web accessibility for motor limitations. – IGI Global, 2014. – С. 105-152.

СЕКЦИЯ 8 ГОЛОСА МОЛОДЫХ

УДК 821.111

Захлевная София Андреевна,
студентка 3 курса колледжа
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М.
Достоевского
sss.ooo.fff.iii.aaaza@gmail.com,
Хацкевич Татьяна Маратовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
зарубежной филологии и лингводидактики
Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского
ta-ta89@mail.ru

«СВОЙ/ЧУЖОЙ» В НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ ДЖОНА УИНДЕМА «КУКУШАТА МИДВИЧА»

В статье представлен краткий анализ развития образа инопланетянина в искусстве, преимущественно в литературе. Работа также включает в себя исследование образа Чужого, изучаются разные виды подобного персонажа. Статья освещает проблему оппозиции «Свой-Чужой», представленную в научно-фантастическом романе Джона Уиндема «Кукушата Мидвича». В фокус внимания включен анализ этапов оппозиций, используемых автором для описания конфликта в романе.

Ключевые слова: Джон Уиндем, «Кукушата Мидвича», Свой, Чужой, Другой,

Zahlevnya S.A.
Khatskevich T.M.
“OURS /ALIEN” in the science fiction novel “The Midwich Cuckoos” by John Wyndham

The brief analysis of the Alien image development in the field of Art mostly in Literature is presented in the article. The work also includes the research of the variety of characters based on the Other image which is considered as a foe. The article depicts the problem of the opposition “Ours-Alien” presented in the science fiction novel “The Midwich Cuckoos” written by John Wyndham. There is a focus on the stages of oppositions used by the author to describe the conflict in the novel.

Key words: John Wyndham, “The Midwich Cuckoos”, Ours, Alien, Other

Интерес к цивилизациям внеземной расы существовал с древних времен, о чем свидетельствуют надписи и изображения на древних памятниках культуры. Следующая значимая волна внимания к этому вопросу связана с освоением

космоса, а также развитием многочисленных технических направлений науки. Научные горизонты расширяются благодаря обновлению научных знаний, формулированием новых гипотез, требующих доказательства с помощью эмпирических или теоретических методов исследования. Научная теория трансформируется в паранауку по причине недоказанности, иногда аргументированная доктрина воспринимается в массовом сознании без проверки в качестве образа. Дефицит информации, как правило, способствует созданию обществом паранаучного мифа.

С появлением новых жанровых особенностей литературы, научно-фантастический роман становится отдельным пластом между наукой и обыденным познанием человека. Данный жанр отображает научные и паранаучные теории посредством экспрессивных образов. Один из наиболее популярных околонаучных мифов, проецируемых в современной научной фантастике, связан с космонавтикой, теорией о параллельных мирах и архетипом инопланетянина как формы внеземной жизни.

Первообраз пришельцев начал формироваться в Древней Греции в ходе дебатов о множественности планет во вселенной, появившихся как следствие античных мировоззренческих представлений о бесконечности вселенной, космоцентризме, единого восприятия пространства через призму космоса. Новые идеи и теории оказали значительное влияние на литературу, например, концепция мультивселенной изложена в новелле Лукиана Самосатского «Правдивая история», сатире на мифологическую модель мира, актуальную в Античности, а также первом художественном литературном произведении, включающем в себя образ внеземных существ. В «Правдивой истории» высмеивается античный Греческий эпос Гомера, Геродота, которые отказываются от исторической правды, гиперболизируя храбрость Греческих воинов и трусость варварских племен, подобно тому, как Лукиан Самосатский в «Правдивой истории» гротескно описывает бесстрашную борьбу греческой армии с войсками вражеских племен внутри кита после путешествия на Луну, беседы с внеземной цивилизацией. Однако представление об инопланетной жизни в античное время отличается от современного, так как инопланетяне, живущие на Луне, отличаются от людей только ареалом обитания. Автор не наделяет популяцию инопланетян другими особенностями вида, следовательно, восприятие взаимодействия инопланетян и людей посредством разделения на полярные категории отсутствует.

Во время эпохи Просвещения и первой научной революции французский астроном Камиль Фламарион впервые выдвигает гипотезу, что инопланетяне – отдельная внеземная форма жизни, не являющаяся частью таксономии человека и не подходящая под известные биологии классификации. Под влиянием новой теории было написано литературное произведение о палеоконтакте «Ксипехузы» Жозефа Анри Рони-старшего, изданное в 1887 году. Ксипехузы – пришельцы, олицетворенные разумные конусы со

светящимися звездами у самого основания, обладающие умением убивать касанием и захватывать территорию при помощи численного увеличения популяции. Конфликт повести заключается в противостоянии Ксипезухов и людей в борьбе за выживание. В более поздних литературных произведениях инопланетяне приобретают зооморфные черты, трансформируясь в химеру. Так, в научно-фантастическом романе «Война миров» Герберта Уэллса марсиане описываются как «Большая сероватая круглая <...> У чудовища была круглая голова и, если можно так выразиться, лицо. Под глазами находился рот, края которого двигались и дрожали, выпуская слюну <...> тонкое щупальце...» [6, с.14], а Твил (инопланетянин) из Марсианской одиссеи Стэнли Г. Вейнбаума, является аллюзией на Тота из Египетской мифологии: «У него был клюв <...> несколько перистых <...> четырехпалые лапы и что-то с четырьмя пальцами - руки, если можно так их назвать, маленькое округлое тело и длинная шея, заканчивающаяся крошечной головой...» [1, с. 8].

На стыке XIX – XX веков конструируются традиционные архетипы инопланетян, изображаемые в современном искусстве, литературе и кинематографе. Первый образ внеземного существа – гуманоид с кожей зеленого цвета, небольшого роста, а второй пришелец серого окраса с головой лампочкообразной формы и миндалевидными глазами. Важно отметить, что архетипы дополняются различными признаками и особенностями в зависимости от интерпретации общепринятого образа автором, что объясняет возникновение разнообразных вариаций образов инопланетян, связанных одинаковыми устоявшимися характеристиками.

Согласно наиболее распространенной гипотезе, образ «Серых» появился из-за многочисленных показаний свидетелей, утверждающих, что они были похищены инопланетянами, затем образ постепенно вошел в литературу. Например, «Неизвестная опасность» Густава Сандгрена – первый роман, включающий в себя схожий образ «Серых». В соответствии со второй теорией, прототип зелёных инопланетян имеет мифологическое начало, так как в политеистической религиозной системе Древних Египтян Птах, Хнум, Осирис имеют зелёный окрас кожи, в фольклорном творчестве многих стран есть персонажи, одетые в зеленую одежду, например, персонаж ирландского фольклорного творчества – лепреккон. Постепенно представление о мифологических персонажах трансформировалось в образ зелёного инопланетянина. Более того, зеленые мифологические существа являются символом природы, жизни, творения мира, благодаря чему архетипическая ассоциация с зелёными инопланетянами, изображаемыми в юмористических и сатирических литературных или кинематографических произведениях, имеет положительный характер. Фигура «Серых» наоборот приобретает негативный оттенок, это объясняется первоначальным контекстом зарождения образа, где, как правило, описываются неприятные события, такие как похищение человека или попытки уничтожения человеческой расы.

Научно-фантастические романы, содержащие образы внеземных существ, сходны по построению сюжета произведений: цивилизации двух планет вступают в оппозицию, один из социумов разрушает моральные и этические ценности другого общества, затем определенная группа уничтожает угрозу в виде проявляющего агрессию социума для сохранения собственной жизни, так возникает проблема Чужого.

Проблема оппозиций «Чужой-Свой» и «Чужой-Другой» имеет длительную историю развития в философии и литературе. В данном исследовании поле интересов включает дискурс художественной литературы, поэтому названные оппозиции рассматриваются именно в этом контексте. Окружающая действительность формирует у этноса определенную картину мира, постепенно создается культурный код, проявляющийся, в том числе, и в языке. Данный культурный код выстраивается в соответствии с существующими в сознании человека архетипами, появляются образные сравнения, благодаря которым этнос познает мир, переосмысляет явления через понятные человеческому сознанию образы. Подобные образы могут закрепиться в виде стереотипов, характерных той или иной народности [4]. Однако на начальном этапе образ Чужого, появившийся практически во всех мировых литературах, совпадает, Чужой представляет собой зооморфного врага. Этот образ связан с враждебностью, Чужой – это враг, который может превратить субъекта в объекта чужой воли. Он обладает исключительно негативными характеристиками, персонаж такого типа не принимает отличного от себя существа. Одним из ярких примеров произведений английской литературы описывающим названный образ, а точнее образы, является поэма «Беовульф». В древнеанглийской поэме врагами являются змей и его мать, представляющие опасность для мира человеческой культуры. Постепенно происходит формирование национального чужого, при этом следует отметить, что он сохраняет звериные характеристики, обладает, как правило, гипертрофированным телом, монструозными чертами. Следующий этап связан с появлением описания гротескных образов различных народов, противопоставляются группы «свои» и «чужие». Усложнение картины мира, появление полиэтнических государств приводит к тому, что Чужой рассматривается сквозь призму перспективы сотрудничества, появляется необходимость познания Чужого. Таким образом, Чужой трансформируется в Другого, обладающего правом на репрезентацию и сохраняющего собственные культурные черты, находясь внутри другой группы. Трансформация образа связана с колониальным дискурсом, так как именно в это время появляется сознательный интерес к представителю колоний (Другому). В связи с тем, что Англия является крупнейшей колониальной державой, эту тему можно назвать наиболее проработанной в английской литературе, более того, складывается традиция создания и исследования подобных образов.

Ярким примером изучения бинарной дихотомии «Свой/Чужой» является творчество Джона Уиндема, писателя номинированного на премию «Ретро-Хьюго» с повестью «Спящие Марса» в 1939 году. В большинстве научно-фантастических романов Джона Уиндема рассматривается взаимодействие с такими формами жизни как иноземные, с людьми, пострадавшими из-за разнообразных факторов, переходящими из категории «свои» в «чужие», главным объектом изучения автора становится поведение людей. В романе «День триффидов» зрячий человек вступает в противоборство с ослепшими людьми, а в романе «Кукушата Мидвича» человеческая раса невольно становится инкубаторами для детей инопланетной цивилизации, возникает оппозиция «жители Мидвича – Дети».

Образ Мидвича, идиллической английской деревни, имеет принципиальное значение в формировании шаблона мышления и восприятия окружающей среды человеком. Автор описывает деревню, как «место, где никогда и ничего не происходит» [5, с. 5], жители Мидвича привыкают к тихой окрестности, размеренному ритму жизни, вырабатывается зона комфорта необходимая человеку, в связи с тем, что одной из базовых потребностей индивидуума является стабильность. Данная потребность при условии неудовлетворения доминирует в организме человека, направляя все ресурсы на устранение угрозы. Во время вынужденной массовой беременности женщин инопланетянами, искажается картина мира людей, начинается адаптационный период к неизвестной реальности, сопровождающийся стрессом. Так, восприятие индивидуума видоизменяется, организм провоцирует страх перед фактом превращения физического тела в инкубатор для внеземной цивилизации, поэтому безмятежность жизни в обществе трансформируется в истерию и панику, используемые психикой человека как инструмент побуждения к активной реакции на значительные изменения в жизни и обновленные условия выживания.

Вопреки общественным настроениям, Дети были приняты родителями после рождения, но только до обнаружения навыка «заставлять» объект совершать действия при помощи силы мысли. В психологически здоровом обществе младенец находится в зависимости от матери по причине собственной недееспособности. В данном случае ситуация реверсивна, психологически сформированный человек контролируется новорожденным ребенком. Ментальные воздействия сходного типа характеризуются как лишаящие свободы воли, входящей в ряд потребностей человека. В представленном ракурсе возникает мотив чужеродности и внецивилизованности Детей, порождающий антипатию со стороны людей относительно инопланетян, обладающими умениями, трактуемыми человеком, как экстраординарные. Изумление сходству инопланетян и людей сменяется настороженностью и страхом, так как некоторые индивидуумы действуют по принципу неизведанное – угроза, которую необходимо избегать или устранить.

Несмотря на возрастающую агрессию, общество стремится к сотрудничеству с Чужим, к инициации человеческих качеств у Детей через воспитание и обучение, способствуя приобретению свойственной конкретному обществу парадигмы нравственных и моральных ценностей. В связи с чем, в Мидвиче учреждают школу-пансионат «Грейндж» с учетом ключевой отличительной особенности Детей – коллективного мышления, разделенного на два условных разума, а именно, группы мальчиков и группы девочек.

Постепенно школа из образовательного учреждения модифицируется в среду обитания для отдельного общества, состоящего из Детей, сепарировавшихся от людей. Появляется возможность мирного сосуществования инопланетянина и человека, жители города пытаются принять факт происхождения Детей и поддерживать развитие способностей пришельцев, вызывающих чувство чужеродности и страха у населения Мидвича. В результате Дети поэтапно переходят из категории Чужих в Других.

Однако сформированные взаимоотношения разрушаются: в России уничтожают город Гижинск, в который, также как и в Мидвич, были «подкинuty» Дети, сила которых была распознана как опасность для жизни Земной цивилизации, в это же время в Мидвиче фермер непреднамеренно, в ходе автомобильной аварии, сбивает одного из инопланетян. Устранение Детей в России дало толчок к очевидной агрессии со стороны Детей, у которых появляется осознание, что человеческая раса способна нанести непоправимый урон популяции пришельцев. Следовательно, любое непреднамеренное действие людей, несущее вред инопланетянину, интерпретируется как покушение на жизнь пришельца.

Ухудшение межличностных отношений жителей Мидвича и Детей становится очевидным, развитие социальных связей, разделенных на Своих и Других регрессирует на начальный этап взаимодействия, формируются два социума, воспринимающих друг друга как Чужих. Враждебность одного социума к иному становится открытой и явной. Дети убивают фермера, причинившего вред одному из Своих. Действия инопланетян сходны с древнеобщинной концепцией кровавой вендетты, но с примитивизирующими изменениями. Дети убивают людей вне зависимости от уровня урона, совершенного противоположной стороной оппозиции, в отличие от кровной мести, функционирующей по принципу «око за око». Например, пришельцы лишают жизни фермера, хотя пострадавший от столкновения с автомобилем инопланетянин остался жив. Таким образом, общество Детей, являясь тоталитарным, аннигилирует парадигму нравственных и моральных ценностей противостоящего социума, тогда люди ощущают незащищенность, постоянную угрозу со стороны инопланетян, вследствие чего потребность индивида в безопасности узурпирует право на управление поведением организма, тогда социум коллективно дегуманизируется, обращаясь к древнеобщинной концепции кровавой вендетты, как и инопланетяне.

Потребность в безопасности носит массовый характер, в обществе людей скапливается напряжение, из-за чего активизируется феномен толпы, характеризуемый в психологии как «бесструктурное временное скопление людей, не имеющее чёткой цели, члены которого обладают схожим эмоциональным состоянием и объектами внимания» [3, с. 2]. Объединение людей приводит к решению сжечь «Грейндж» с целью достижения безопасности и защиты Своих, то есть путем насилия. Между двумя оппозициями возникает коллизия. Последствия нападения людей на «Грейндж», разговор главного героя романа философа Зиллейби с Детями доказывает, что инопланетяне планируют искоренить расу людей, благодаря «высокоразвитой силе воли» [6, с. 96]. Уровень опасности возрастает, под угрозой находятся не только граждане Мидвича, но и все человечество.

Зиллейби осознает, что от инопланетян необходимо избавиться на начальном этапе развития и принимает решение уничтожить ареал обитания Детей, жертвуя собственной жизнью. Поведение инопланетян во время столкновения двух оппозиций отождествляется автором с образом жизни кукушек, Джон Уиндем противопоставляет людей и Детей посредством приписывания черт антропофоморфизма. Например, как самка кукушки откладывает яйца в гнезде птицы вида-воспитателя, подобно этому дети были внедрены в тело человека, а роль родителя-воспитателя переходит к человеку, выступающему в виде инкубатора для существ инопланетной расы. Кроме того, «птенец кукушки обладает инстинктом «выбрасывания» <...> Интенсивно «работая» с перерывами 5–10 минут, кукушонок поочередно выбрасывает все яйца или птенцов вида-воспитателя» [2, с. 1], как и дети, которые безжалостно борются за выживание, прибегая к убийству людей.

Таким образом, можно выявить несколько этапов дихотомии «Свой-Чужой» в научно-фантастическом романе Кукушата Мидвича. Первый этап характеризуется истерией, побуждением организма человека к борьбе и адаптацией к новой действительности. Второй этап включает попытку принятия чужеродного элемента обществом, третья ступень конфликта – обособление Чужих от социума Мидвича и образование собственной среды обитания, сопровождающийся переходом Чужого в категорию Другого. Затем у двух социумов формируется новая парадигма мышления, которой присуще восприятие друг друга как угрозы, а последним этапом оппозиции является война в попытке защитить Своих, обеспечить личности состояние защищенности.

Конфликты оппозиций «Свой-Чужой» или «Свой-Другой» имеют схожие этапы, которые реализуются авторами произведений различных жанров, начиная с ранней стадии формирования литературы, например, фольклорного творчества народов мира. Проблемы чуждости и принятие другого существа входят в поле интересов писателей и XXI века, например, Стивена Кинга, Джона Холла и Роберта Маккамона. Более того, деление на категории «своих»

и «чужих» актуально в работах современной философии, социологии и других гуманитарных науках, в связи с тем, что несмотря на эволюционные и культурные изменения в обществе, преобразование общин в государства и города, человек подсознательно действует согласно психолого-эмоциональным установкам, являющихся одними из главных способов выживания в древние века.

Литература

1. Вейнбаум С. Черное Пламя: Сборник фантастических повестей и рассказов: пер. с англ. / Стенли Вейнбаум; составитель А.Лидин. — М: АСТ, 2002. — 685с.
2. Гаврилов Э. И., Иванчев В. П., Котов А. А. Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, Совообразные: Том 5 / Э.И. Гаврилов, В.П. Иванчев, А.А. Котов // Птицы России и сопредельных регионов: Рябкообразные, Голубеобразные, Кукушкообразные, Совообразные: Том 5. — Москва: Издательство Наука, 2006. — 398с. [Электронный ресурс] URL: <https://www.egir.ru/birth/150.html> (Дата обращения: 01.04.2024)
3. Подлиняев О.Л. Психология толпы и специфика её разновидностей / О.Л. Подлиняев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. — 2017. — 1-5с. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologiya-tolpy-i-spetsifika-eyo-gaznovidnostey/viewer> (Дата обращения: 01.05.2024)
4. Румянцева М. В. Зооморфный код в языковой образности художественной картины мира русских и казахских писателей / М.В. Румянцева // Вестник Пермского университета. — 2019. — 45-52с. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zoomorfnyy-kod-v-yazykovoy-obraznosti-hudozhestvennoy-kartiny-mira-russkih-i-kazahskih-pisateley/viewer> (Дата обращения: 01.04.2024)
5. Уиндем Джон Кукушата Мидвича: [фантастический роман] / Джон Уиндем; [пер. с англ. В. Ковалевского, Н. Штуцер]. — Москва: Издательство АСТ, 2023. — 288с.
6. Уэллс Г.Д. Война миров / Г.Д. Уэллс // Война миров. — Москва: АСТ. — 2005. — 70с.

Хацкевич Татьяна Маратовна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры
зарубежной филологии и лингводидактики
автономной некоммерческой организации высшего образования «Русская
христианская гуманитарная академия» имени Ф.М. Достоевского
ta-ta89@mail.ru

Аляпкина Александра Александровна,
студентка 4 курса группы АНГ.220.Б-S, направления 45.03.01 «Филология»
автономной некоммерческой организации высшего образования «Русская
христианская гуманитарная академия» имени Ф.М. Достоевского
alyapkinaaleksandra@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ТВОРЧЕСТВА ДЖЕКА ЛОНДОНА

В статье рассматривается структура произведений Джека Лондона, ведущей темой для Джека Лондона становятся приключения, позволяющая рассматривать детально образы природы и персонажей, служащая инструментом для обращения к идеям и взглядам интересующих автора. Анализируется своеобразие композиционной организации рассказов, описание природы и персонажей произведения при помощи особого композиционного строя текста. Рассказы сопоставляются с точки зрения устройства текста для выявления характерных особенностей идиостиля Джека Лондона и тенденций его эволюции.

Ключевые слова: художественный текст, рассказ, творчество, Джек Лондон, идиостиль.

Khatskevich Tatiana Maratovna
Alyapkina Aleksandra Aleksandrovna
Construction peculiarities of the fiction texts at different periods of Jack London's creativity

The structure of Jack London's works is under consideration in this article, the principal theme in Jack London's stories is "Adventures". This theme allows us to analyze the images of nature and characters in details and also it serves as a tool for addressing the author's ideas and views on interesting issues. The analysis involves the features of Jack London's narrative style as well as the selection of themes for works throughout different periods of creative writing. The peculiar composition order of the short stories and the description of the characters and nature, created with help of the specific text structure in the works are also discussed. The stories are comparing with each other in terms of the text to identify the characteristic features of Jack London's individual style and tendencies in its evolution.

Key words: fiction text, short story, creativity, Jack London, individual style.

Джек Лондон – признанный классик американской литературы, создавший рассказы, отличающиеся по художественному построению и

исследуемым проблемам. В поле интересов входят примеры художественного оформления рассказов автора «За тех, кто в пути» (1900), «Обычай белого человека» (1906), «Поручение» (1908), относящиеся к циклу Северных рассказов.

Основным жанром в рассказах Джека Лондона становится приключенческий жанр. Писатель делится с читателем накопленным жизненным опытом и особенностями северной жизни, таким образом, произведения автора отличаются живостью и реалистичностью. Однако в рассказах описываются не только приключения персонажей, так как на основе предложенной темы автор раскрывает вопросы и проблемы, интересующие Джека Лондона в целом. Основным вопросом, рассматриваемым автором во многих произведениях, является вопрос о силе воли человека. Достаточно часто персонажи оказываются в суровых условиях и опасных ситуациях. Писатель детально изображает состояние героев и их борьбу с трудностями.

Следует отметить, что рассказы Джека Лондона отличаются разнообразием, особенно это касается структуры произведений, что связано с определенной функцией вкладываемой автором в текст. Художественный текст является особым видом текста, так как он отличается от других видов письменных источников эстетической функцией и абсолютной творческой свободой автора. Авторская позиция и творческий взгляд являются основой восприятия будущего произведения как объекта искусства. Единицей языка в художественном тексте является авторское послание читателю, способствующее созданию изобразительности и помогающее создать художественную реальность. Таким образом, текст становится сообщением для читателя, в котором автор делится своими представлениями об окружающем мире, пропуская их сквозь призму творческого восприятия [2, с. 5]. Главной целью художественного текста становится взаимодействие авторской идеи с разумом читателя.

Художественный текст, в том числе и рассказы, обладает составляющими, являющимися каркасом для всего повествования. В. А. Кухаренко выделяет следующие из них: автор, персонаж, пространство и время. Автор является истинным создателем, так как именно он, используя силу воображения, воплощает уникально-задуманный мир на страницах. Творец со своими принципами и жизненным опытом гармонично размещает в своей истории персонажей, создавая для них различные ситуации. Персонажи являются неотъемлемой частью художественного произведения, так как они проживают жизнь в тексте, подобно обычным людям в жизни. Пространство и время в литературе являются взаимосвязанными компонентами, автор задает необходимые временные рамки для своего произведения, например, он может выбрать определенную историческую эпоху, перемещать время в зависимости от обстоятельств творческого замысла [3, с.18, 33, 60, 75]. Проявление

временных отрезков можно понять только в рамках пространства, на фоне которого происходят основные действия текста.

Помимо перечисленных функций, художественный текст не будет соответствовать художественным нормам его создания без сюжетного плана и внутренней последовательной организации. Сюжет представляет собой последовательную цепочку событий, фиксированную в художественном произведении [1, с. 97]. Событийная цепочка состоит из 5 элементов: экспозиция (предшествование к завязке в произведении), завязка (порыв к сюжетному действию, обозначающий конфликт), развитие действия (логическая составляющая сюжета, которая может раскрывать образы персонажей), кульминация (наивысшая позиция в художественном тексте, раскрывающая основную проблематику), развязка (разрешение конфликта и плавное завершение текста) [1, с. 106-107].

Однако, не смотря на общепринятые правила создания художественных текстов, автор, в зависимости от своего идиостиля, может добавлять создаваемому тексту характерные черты, основанные на определенной идее и концепции, которые отличают творчество одного автора от другого. В творчестве Джека Лондона можно проследить особенности авторского стиля, а также заметить конкретные уникальные художественные приемы в рамках одного рассказа.

Рассказ «За тех, кто в пути» входит в первый сборник автора «Сын волка». В данном повествовании персонажи, во главе с Мэйлмютом Кидом, собрались вместе на празднование и поднимают тост за тех, кто находится в пути в морозную ночь. Также герои вспоминают различные истории из своей жизни и делятся ими друг с другом. Рассказ содержит все основные композиционные элементы, экспозицией в повествовании является совместное времяпровождение героев за столом, когда персонажи общаются друг с другом и празднуют Рождество. Завязкой в произведении выступает эпизод приезда Джека Уэстондэйла, его неожиданное появление вызывает интерес у присутствующих, они приглашают путника в свой уголок, далее следуют эпизоды, которые развивают действия.

Обращаясь к диалогической форме общения персонажей, автор помогает читателю лучше узнать героев, их характеры и отношение к возникающим ситуациями. В частности, автор раскрывает персонажей Мэйлмюта Кида и Джека Уэстондэйла. К развитию действия можно отнести ужин и беседу всех собравшихся, диалог Мэйлмюта Кида и Джека Уэстондэйла, помощь в сборах попутчику. Кульминацией в рассказе является неожиданный приезд конной полиции, которая преследует Джека Уэстондэйла за ограбление банка, полиция пытается выяснить сведения о беглеце у персонажей. Развязкой рассказа выступает беседа всех собравшихся товарищей после отъезда конной полиции, главный герой был оправдан. Рассказ, как и весь первый сборник, выделяется

своим динамичным повествованием, так как эпизоды быстро сменяют друг друга.

Примечательно, что рассказ начинается не с классического нарративного вступления, а с общения между персонажами. При этом событие сбора персонажей на праздновании располагается не в завязке повествования, а в процессуальной стадии, таким образом, разговор представлен во фрагментарной форме.

Следующее произведение «Обычай белого человека» стало частью сборника «Любовь к жизни». В рассказе можно заметить некоторые изменения в творчестве автора: повествование стало более размеренным, эпизоды сменяются неожиданно, но не настолько быстро, если сравнивать с первым рассказом.

Повествование также начинается не с предыстории, а с просьбы о ночлеге у главных героев – пожилой пары индейцев. В данном произведении Джек Лондон использует прием флэшбэков, так как рассказ выстраивается на воспоминаниях пожилого индейца Эббитса. Экспозицией рассказа можно назвать приезд путника к старым индейцам и их совместный ужин, за которым завязывается беседа, которая переходит в завязку рассказа, так как у героев возникает обсуждение-сравнение образа жизни белого человека и индейца. После завязки следуют воспоминания старика Эббитса, его рассуждения о непонимании образа белого человека (различные сопоставления жизни белого человека и индейца, воспоминания о жизни индейца Мобитса у белого человека, судьбе первого сына Моклана, оправке индейца из племени по имени Ямикан к белым людям, желании второго сына Бидаршика отправиться к белым людям). Кульминацией в рассказе является гибель Бидаршика, причины которой остаются неясными для пожилой пары. Развязкой рассказа выступает речь Эббитса о том, что белый человек никогда не делает что-либо одинаково и предсказуемо.

Необходимо отметить, что в рассказе используется большое количество сравнений, основанных на особенностях жизни местного племени, а также на сопоставлении жизни людей и собак, таким образом, подчеркивается значимость собаки на севере, так как она помогала людям преодолевать большие расстояния, которые человеку трудно пройти самостоятельно.

В качестве следующего примера следует рассмотреть рассказ «Поручение», который вошел в сборник «Потерявший лицо». Характеристики рассказа также отличается от предыдущих произведений. В рассказе повествование не является динамичным, так как оно имеет описательный характер и ведется от лица автора, выступающего в роли рассказчика, наблюдающего за событиями со стороны, но не в качестве участника произведения, как в рассказе «Обычай белого человека».

Рассказ начинается в процессуальной стадии действия – отправлении парохода, прощание людей, что является экспозицией рассказа. Завязка

наступает в момент диалога двух героев Фреда Черчилля и Луи Бонделла, в котором второй персонаж попросил Фреда привезти его саквояж. Саквояж стал ключевым предметом и главной лексической единицей в рассказе, потому что заданное слово повторяется много раз на протяжении всего рассказа, таким образом автор акцентирует внимание на его значимости. Следующие эпизоды являются «мостиком», ведущим к кульминации, повествуют о различных ситуациях и трудностях Фреда с саквояжем (стремление Фреда и товарища нагнать ушедший корабль, а также желание Фреда доставить саквояж в целости и сохранности своему владельцу), Фред путешествовал, взяв с собой саквояж товарища и не оставляя его ни на минуту. Кульминацией в рассказе является эпизод, в котором Фред Черчилль в истощенном состоянии догоняет пропущенный корабль. Примечательно, что физическая усталость главного героя подчеркивается словом «спать», которое постоянно повторяется во второй части рассказа. Развязкой произведения становится встреча Луи Бонделла и Фреда Черчилля с доставленным саквояжем.

Таким образом, исходя из проанализированных рассказов Джека Лондона «За тех, кто в пути», «Обычай белого человека», «Поручение», можно сформулировать вывод о том, что автор придерживается композиционного устройства рассказов, однако вступление к рассказам не является классическим повествованием описательного характера. Автор начинает рассказы в процессуальной стадии событий, благодаря которой читатель быстрее погружается в атмосферу сюжета. Кроме того, в основе всех рассказов отмечается тема приключений, автор делится с читателями накопленным жизненным опытом и особенностями жизни на Севере. Кроме того, в рассказах ставится вопрос о силе воли человека, особенно, если человек имеет конкретное обязательство.

На протяжении творческой деятельности в идиостиле автора произошли некоторые изменения: поменялась динамика произведений, а также тип повествования. Рассказ «За тех, кто в пути» отличается своим быстрым темпом, в то время как произведения «Обычай белого человека» и «Поручение» имеют более размеренное повествование. Джек Лондон использует различные типы повествования, в частности, рассказы более поздних лет ведутся либо от лица одного персонажа, либо от лица автора, наблюдающего за событиями со стороны.

Творчество Джека Лондона разнопланово, он добавлял новые черты в свой индивидуальный стиль написания текстов, экспериментировал с темами рассказов и обращался к характерным деталям в конкретном произведении, благодаря чему идиостиль автора является интересным, уникальным и разнообразным.

Литература

1. Ивлеева Т. Г. Как «сделан» художественный текст: учеб. пособие / Т. Г. Ивлеева. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2019. 280 с.
2. Кухаренко В. А. Интерпретация текста: учебник / В. А. Кухаренко. 4-е изд. перераб. М.: Флинта, 2019. 316 с. (9)
3. Кухаренко В. А. Текст и его структура: учеб. пособие / В. А. Кухаренко. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2020. 318 с. (10)
4. Лондон Дж. Зов предков: повести, рассказы / Джек Лондон ; пер. с англ. Н. Волжиной, Норы Галь, Н. Дарузес и др. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 416 с. (Мировая классика).
5. Лондон Дж. Любовь к жизни : рассказы / Джек Лондон ; пер. с англ. М. Абкиной, М. Богословской, А. Бродоцкой и др. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 352 с. (Азбука-классика).

Круглый стол: «АРИСТОТЕЛЬ В РОССИИ»

УДК 1(091)

Алымова Елена Валентиновна

кандидат философских наук,

доцент Санкт-Петербургского государственного университета,

доцент Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского

ealymova@yandex.ru

АРИСТОТЕЛЬ В «ИЗБОРНИКЕ СВЯТОСЛАВА 1073 ГОДА»:

РЕЦЕПЦИИ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ⁵⁷

Доклад представлен в рамках круглого стола «Аристотель в России». Тема разрабатывается в рамках проекта, по результатам которого предполагается публикация двухтомного собрания свидетельств рецепции философии Аристотеля в отечественной интеллектуальной культуре, а кроме того, ряда оригинальных исследований, посвященных «русскому Аристотелю». В центре доклада – «Изборник Святослава 1073 года», в котором следы аристотелевской философии очевидны.

Ключевые слова: античная философия, Аристотель, русский аристотелизм, «Изборник Святослава 1073 года», древнерусская словесность, древнерусская культура.

The report is represented within the framework of the round table “Aristotle in Russia”. This theme is being developed as a part of a project the results of which will be realized in a two volume edition of evidences of the reception of Aristotle’s philosophy in the Russian intellectual tradition as well as in a series of original papers dedicated to “the Russian Aristotle”. The report focuses on the text known as “Izbornik of Sviatoslav of the year 1073”.

Keywords: Ancient Philosophy, Aristotle, Russian Aristotelianism, “Izbornik of Sviatoslav of the year 1073”, Old Russian Literature, Old Russian Culture.

Рецепция и интерпретации философии Аристотеля в контексте отечественной культуры – тема важная, поскольку авторитет этого греческого мыслителя для европейской философии непререкаем, в то время как «русский Аристотель» – проблема. Отечественная культура отдавала предпочтение Платону. Между тем в русскоязычной культуре Аристотель присутствовал всегда, хотя и неочевидно. Обнаружение следов философии Стагирита в нашей интеллектуальной культуре – задача достойная. Как полагал С.С. Аверинцев

⁵⁷ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01107, <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

(«Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России»), философия Аристотеля, который в западной традиции – просто *Философ*, – важнейшая интеллектуальная аскеза – упражнение, школа.

С конца X в. на Русь попадают тексты на староболгарском языке. Это компилятивные сочинения, включающие в себя выдержки из произведений античных авторов и отцов церкви, а также толкования их философских и богословских позиций. Среди первых сочинений, которые знакомили образованного человека на Руси, был так называемый «Изборник Святослава 1073 года». Исследователи полагают, что «Изборник» предназначался для Святослава Ярославича. По всей видимости, это перевод греко-византийской антологии X в., составленный для болгарского царя Симеона I. Таким образом, перед нами список болгарской рукописи, переведенной на древнерусский язык. Обнаружен текст был в 1817 г. в Новоиерусалимском монастыре.

В основе «Изборника» – «Вопросы и ответы» Анастасия Синаита (VII в.), игумена Синайского монастыря. В тексте «Изборника» очевидны следы пересказов библейских книг, сочинений богословов и рецепции античной философии, философии Аристотеля в частности. В «Изборнике 1073 г.» Аристотель не упоминается, однако его присутствие очевидно, и не только как автора «Категорий» (*оглаголанихъ*), что не вызывает удивления в силу того, что Аристотель и в средневековой европейской философии был славен прежде всего благодаря своим *логическим* сочинениям, но и как мыслителя, чья философия предстает в сложных конфигурациях богословов, среди ссылок на Священное Писание. Так, скажем, обсуждаются ключевые для философии Аристотеля понятия *природы, сущего, сущности*. Но и трактовка понятий ипостаси и личности представляется генетически связанной с философией Стагирита.

Итак, следует признать, что изучение бытования философии Аристотеля в контексте отечественной культуры – актуальная задача, поскольку позволяет, если не пересмотреть традиционное понимание отечественной интеллектуальной традиции, то увидеть ее в несколько ином ракурсе.

Литература

1. Из Изборника 1073 года / Подготовка текста, перевод и комментарии Г.М. Прохорова // Библиотека литературы Древней Руси XI – XVII вв.: В 15 т. Т. 2 (XI – XII века). СПб.: ИРЛИ РАН: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2070> (дата обращения: 25.04.2024).

Караваева Светлана Викторовна
кандидат философских наук
доцент РХГА им. Ф.М. Достоевского,
ст. преп. СЗГМУ им. И.И. Мечникова
ksv.karavaeva@gmail.com

**АРИСТОТЕЛЬ В ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЕ:
“Сказание о еллинском философе, о премудром Аристотеле”⁵⁸**

В статье рассматривается один из первых памятников древнерусской словесности, знакомящий русского читателя с Аристотелем, - «Сказание о еллинском философе, о премудром Аристотеле», который представляет собой сокращенный перевод жизнеописания Аристотеля, входящего в знаменитую книгу Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Интересным представляется сравнить оба текста и проанализировать какие именно фрагменты и почему автор «Сказания об Аристотеле» включает (либо исключает) в свое описание греческого философа.

Ключевые слова: Аристотель, Древнерусская литература, античная философия

Svetlana Karavaeva
Aristotle in ancient Russian culture: “The Tale of the Hellenic Philosopher, the Wise Aristotle”

The article examines one of the earliest monuments of ancient Russian literature that introduces the Russian reader to Aristotle, namely, “The Tale of the Hellenic Philosopher, the Wise Aristotle” which is an abbreviated translation of the biography of Aristotle from Diogenes Laertius’s renowned work “On Life, Teachings and Sayings.” famous philosophers.” A comparison of the two texts and an analysis of the specific fragments included in “The Tale of Aristotle” and the reasons for their inclusion (or exclusion) in the depiction of the Greek philosopher seems like a promising line of research.

Keywords: Aristotle, ancient Russian literature, ancient philosophy

«Сказание о еллинском философе, о премудром Аристотеле» относится к одному из первых дошедших до нас источников древнерусской словесности, посвященного исключительно Аристотелю, и представляет собой сильно сокращенный перевод жизнеописания философа, входящего в знаменитую книгу Диогена Лаэртского «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Долгое время «Сказание об Аристотеле» присоединялось во многих списках XV-XVI вв. к «Тайная Тайных», памятнику, восходящему к еврейской версии «Secretum Secretorum». Однако, как считает сегодня

⁵⁸ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01107, <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

большинство исследователей, источник древнерусского «Сказания» не имеет отношения к еврейскому оригиналу [2, С. 349—355], более того, помимо авторства, неясным остается также и с какого языка был сделан перевод.

«Сказание об Аристотеле» по объему значительно меньше оригинала, и заметим, пересказ носит весьма избирательный характер. В фокусе внимания автора – сведения о жизни философа, его внешности и некоторые афоризмы, причем, заметим, проигнорирована довольно большая часть рассказа Диогена Лаэртция об Аристотеле – описание Корпуса его сочинений и основные положения учения, которые, видимо, не представляли интереса для древнерусского читателя.

При пересказе, как было подмечено еще В. Райэном, опускалось все, что могло как-нибудь опорочить Аристотеля. Так, например, описание тембра голоса философа, которое представлено у Диогена Лаэртция, скорее, уничижительно (используется слово *τραυλός*, означающее шепелявый, либо щебечущий) (DL V,1)⁵⁹, изменено в «Сказании» на имеющий «голос высокий». Комплементарно представлено и обучение Аристотеля у Платона: «он превзошел в обучении всех учеников Платона <...> и знаниях» [3, с.593]. У Диогена не встречается описания явного превосходства Аристотеля над другими учениками Платона, говорится лишь, что он был «самый преданный» (*γυνήσιώτατος*) (DL V,1). Автор упускает и ряд подробностей об отношениях между Платоном и Аристотелем, носящих не лицеприятный характер⁶⁰, проигнорированы также свидетельства, касающиеся его личной жизни (DL V,3-6), неуважения к богам, например, бесчестия иерофант (DL V,5).

Что касается афоризмов, которые приводятся в «Сказании», то они также носят избирательный характер. Изречения, которые выбирает автор, посвящены философии, знаниям, дружбе и тому, как должен себя вести философ, большинство из которых почти дословно повторяют Диогена Лаэртция. Интересно, что почти все афоризмы носят исключительно практический характер – рассматриваются с точки зрения их полезности. Так, например, все, что может сказать Аристотель о философии, сводится к следующему высказыванию: «Благодаря ей я могу в жизни то сделать без повеления, что другой не сделает даже по закону и по принуждению» [3, с.593-594]. С точки зрения полезности рассматриваются и другие афоризмы: о разнице между ученым и неученым («Как мертвый не получит от живого ничего, так и неученый человек не поймет ничего в рассуждении ученого человека. Ибо наука, — сказал он, — в жизни приятна и в обиде помогает» [3, с. 595]), или о пользе говорить ложь вместо истины («Какая, — спросили они, — польза человеку в том, что он вместо истины ложь говорит?» [3, с. 595]).

⁵⁹ В русском переводе: «был шепеляв в разговоре» [1, с.188].

⁶⁰ Например, Диоген приводит такие слова Платона в своей статье про Аристотеля: «Аристотель меня брыкает, как сосунок-жеребенок свою мать» [1, с. 188].

Что касается афоризмов, которые были проигнорированы, по причине, по-видимому, их тематики, не находящей отклика у древнерусского читателя, то это афоризмы, связанные с понятиями закона, красоты, справедливости.

В «Сказании» присутствует также отрывок, которому нет соответствий ни в сочинении Диогена Лаэртца, ни в Корпусе Аристотеля, и который касается природы божественного: «Бесконечно существо Божье, бытие которого не имеет начала, а силой слова его все крепкое происходит» [3, с. 593]. По всей видимости, автор «Сказания» пытается включить Аристотеля в христианский контекст, приписывая ему некоторые догматические положения христианского вероучения.

Итак, знакомство древнерусского читателя с Аристотелем Диогена Лаэртца можно считать весьма далеким от оригинала, имеющее целью дать, скорее, не представление о жизни и учении Аристотеля, а представить образ некоего идеального философа как человека, чья мудрость имеет в первую очередь практический характер, и приближенного насколько это возможно к христианскому мировосприятию.

Литература

1. Диоген Лаэртский «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». М.: Мысль, 1986 – 571с.
2. Райэн В. Древнерусский перевод жизнеописания Аристотеля Диогена Лаэртского // Slavica. 1968. Roč. 37, seš. 2. С. 349—355.
3. Сказание об Аристотеле / Подготовка текста, перевод и комментарии Д. М. Буланина // Памятники литературы Древней Руси. Конец XV - первая половина XVI века. М.: «Художественная литература», 1984, С.593-595.

УДК 141

Коваленко Михаил Алексеевич
исполнитель проекта
отдела сопровождения научных проектов
РХГА им. Ф. М. Достоевского
neurocommunism@gmail.com

ПРОБЛЕМА ПОЛЕМИКИ МАКСИМА ГРЕКА ПРОТИВ АСТРОЛОГИИ АРИСТОТЕЛЯ⁶¹

Статья посвящена рассмотрению критических суждений Максима Грека (Михаила Триволиса) в адрес астрологии, которую Максим Грек именует аристотелевой. Автор статьи

⁶¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01107, <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

обращается к полемическим текстам Максима Грека и к корпусу сочинений Аристотеля с целью выявления соответствия в первоисточниках. Показывается отсутствие в Corpus Aristotelicum астрологических суждений, против которых выступает Максим Грек и объясняется причина несоответствия ссылок Максима Грека на трактаты Аристотеля.

Ключевые слова: Максим Грек, Аристотель, астрология.

Kovalenko Mikhail Alexeevich

Problem of Maximus the Greek's polemic against Aristotle's astrology

The article is devoted to the consideration of the critical judgments of Maximus the Greek (Mikhail Trivolis) regarding astrology, which he called Aristotelian. The author of the article turns to the polemical texts of Maximus the Greek and the corpus of Aristotle's works in order to identify correspondence in the primary sources. The absence of astrological judgements in the Corpus Aristotelicum, which Maximus the Greek opposes, is shown and the reason for the discrepancy between Maximus the Greek's references to Aristotle's treatises is explained.

Key words: Maximus the Greek, Aristotle, astrology.

Богослов Максим Грек (Михаил Триволис) в своих догматико-полемических сочинениях критикует т.н. «эллинскую премудрость» [4, с. 36]. Частным случаем этой критики является полемика Максима Грека против астрологов. Астрология понимается богословом как «внешняя наука», направленная на анализ расположения и движения небесных светил; цель такой астрологии – предсказание будущих событий [Там же, с. 207-208].

Максим Грек выступает не столько против астрологического предсказания, сколько против зависимости человеческого существования от внешней небесной причины [Там же, с. 262]. В своей критике богослов не единожды упоминает Аристотеля и «аристотелеву астрологию», косвенно ссылаясь на слова Аристотеля [Там же, с. 214]. Максим Грек, полемизируя с аристотелевскими астрологами, отмечает скептическое отношение Стагирита к собственной астрологии [Там же, с. 251-252]. Проблема заключается в отсутствии очевидных фрагментов в Corpus Aristotelicum, посвящённых астрологии как предсказанию. Например, «Физика» Аристотеля содержит суждения о научности астрологии [3, с. 96], однако трактат «О небе» лишён специального раздела о её предсказательной силе. Трактат «Об истолковании» подтверждает позицию Максима Грека в отношении скептического настроения Аристотеля, который исключает возможность предвидеть будущее [2, с. 101]. Сходная позиция Стагирита относительно предсказаний будущих событий обнаруживается и в работе «О предсказаниях во сне» [1, с. 172].

В итоге мы имеем дело с полемикой Максима Грека против псевдо-Аристотеля, поскольку тексты Аристотеля не содержат в себе те положения, против которых выступает Максим Грек. Критика направлена на собирательный образ, сконструированный из косвенных источников. Всё это

говорит о проблематическом статусе полемики Максима Грека против астрологии Аристотеля.

Литература

1. Аристотель. О предсказаниях во сне / Пер. с древнегреч. М. А. Солоповой // Интеллектуальные традиции античности и средних веков. Исследования и переводы. М.: Кругъ, 2010. С. 169-175.
2. Аристотель. Об истолковании / Пер. с древнегреч. З. Н. Микеладзе // Аристотель. Собр. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 91-116.
3. Аристотель. Физика / Пер. с древнегреч. В. П. Карпова // Аристотель. Собр. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3. С. 59-262.
4. Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Часть вторая. Догматико-полемические его сочинения. Свято-Троицкая Сергиева лавра: собственная типография, 1910. – 332 с.

УДК 1 (091)

Минак Вячеслав Сергеевич
*Аналитик Центра научного проектирования
Управления по научной работе РГГУ,
Младший научный сотрудник РХГА им. Ф.М. Достоевского*
ordogeometricus@mail.ru

К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ФИЛОСОФИИ АРИСТОТЕЛЯ В РУССКОЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ XVII—XVIII ВВ.⁶²

Основной вопрос, который затрагивается в настоящей статье, касается суждения о том, что Аристотелю повезло с закреплением на почве отечественной мысли явно меньше, чем Платону. В ней поясняется, что это справедливо лишь для XIX—XXI вв., т. е. в определенном смысле лишь для современной русской философии. В ней проводится небольшой исторический очерк, показывающий, что наследие Стагирита выступило ключевым философским элементом интеллектуальной культуры в период русского Просвещения наряду с картезианством и вольфианством.

Ключевые слова: русский аристотелизм, современное отечественное аристотелеведение, история русского образования, русская философия, Аристотель.

Minak Vyacheslav
*On the question of the significance of Aristotle's philosophy
in Russian intellectual culture of the XVII—XVIII cent.*

⁶² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01107, <https://rscf.ru/project/24-28-01107/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

The main issue that is addressed in this article concerns the judgment that Aristotle was clearly less lucky to gain a foothold on the soil of Russian thought than Plato. It explains that this is true only for the XIX–XXI centuries, i.e. in a certain sense only for modern Russian philosophy. It contains a short historical essay showing that the legacy of Stagirite was a key philosophical element of intellectual culture during the Russian Enlightenment, along with Cartesianism and Wolfianism.

Keywords: Russian Aristotelianism, modern domestic Aristo-television, history of Russian education, Russian philosophy, Aristotle.

Данный текст является прежде всего пояснением и уточнением суждения о том, что Аристотелю повезло с закреплением на почве отечественной мысли явно меньше, чем Платону. Необходимо заметить, что это справедливо лишь для XIX–XXI вв., т.е. в определенном смысле лишь для современности, эксплицитного этапа русской философии. Выяснение того, почему так сложилось и насколько часто относительно других философов в этом последнем периоде происходило обращение к Аристотелю, будет исследоваться позднее, сейчас же сосредоточимся на периоде XVII–XVIII вв., этапе распространения классического высшего образования и становления классической русской философии.

Для этого вкратце очертим предысторию, а именно проникновение аристотелизма в древнерусскую интеллектуальную культуру и письменность. В первую очередь необходимо отметить, что синтез аристотелизма и христианства в Восточной церкви был успешно осуществлен еще Иоанном Дамаскином (675–750 гг.), труды которого сыграли значительную роль в формировании средневекового русского типа философствования. Другими словами, аристотелизм в той или иной степени подвергся апроприации православной культурой уже в XVIII в., еще до появления христианства на Руси. В этом отношении генеалогия аристотелизма поистине глубоко укоренена в интеллектуальном становлении общеевропейской культуры, поскольку, например, одна только связь аристотелизма с такой дисциплиной, как формальная логика, внедряет мысль Стагирита не только в отдельное течение, направление и т. п., но и кладет в основу классического образования, что касается, помимо уже упомянутой формальной логики, и таких дисциплин как риторика, грамматика, физика, этика, политика и т. д., даже если не говорить о первой философии и богословии.

Философская мысль древнерусского периода находилась в своем зачаточном состоянии. Этот период включает в себя XI–XVI вв., время, когда в литературной традиции преобладал теоцентризм. В отечественном аристотелеведении бытует мнение, что Аристотель был известен древнерусским книжникам прежде всего как логик. В любом случае распространенным является убеждение, что ни о каком целостном представлении сохранившегося наследия Аристотеля у древнерусских книжников не может идти речи, для них скорее высвечивалась какая-то

отдельная сторона его мысли, в частности, логическая, натурфилософская или этическая.

В качестве примера можно обратить внимание на определение философии, данное Константином (Кириллом) Философом, получившее впоследствии наибольшее распространение среди различных дефиниций философии: «Божиям человекам вестем разум, елико может человек приблизиться Бозе, яко Детелию учить человека, по образу и по подобию быти сътворшему его» (в переводе Л.В. Мошковой и А.А. Турилова: «Божественных и человеческих дел понимание, насколько может человек приблизиться к богу, и как делами учить человека быть по образу и подобию создавшего его»). На мой взгляд, эту дефиницию нельзя рассматривать как противоречащую аристотелевскому пониманию первой философии. В этом отношении, например, хотя А.А. Бронзов и пишет об Иоанне Дамаскине, что он был знаком с философией Платона и Аристотеля лишь с *формальной* стороны [2], так или иначе, на мой взгляд, это свидетельствует лишь о том, насколько глубоко аристотелизм укоренен даже в православной культуре, не говоря об отечественном классическом философском и высшем образовании. При этом сложность целостной рецепции наследия Аристотеля обуславливало и то, что «в XV–XVI веках в России знатоков греческого практически не было» [7, с. 64]. В этом отношении период древнерусской интеллектуальной культуры можно считать разве что имплицитным периодом русского аристотелизма.

Если же посмотреть на этот вопрос с другой стороны, то «первые упоминания об Аристотеле появились на Руси еще с первыми книгами» [6], да и вообще «крайне редко какой-либо сборник изречений или историческое сочинение обходились без упоминания его имени» [7, с. 63]. В качестве примера можно привести тот же «Изборник Святослава 1073 года». Поэтому несмотря на то, что «труды Аристотеля в Древней Руси были известны фрагментарно» [7, с. 64], они достаточно часто встречались в популярных среди древнерусских книжников сочинениях. Таким образом, если исходить не из общемировой перипатетической традиции, а с точки зрения генеалогии собственно древнерусской книжности, то имя Аристотеля будет обнаружено уже на самом раннем этапе ее становления, и в этом смысле между ними просматривается четкая связь как на раннем (X–XI вв.), так и на позднем (XV–XVI вв.) этапах древнерусской письменности.

Однако, как известно, непосредственная рецепция аристотелевского учения началась на Руси только ко второй половине XVI – первой половине XVII вв. Самое значительное влияние Аристотеля на русской почве XVI–XVIII вв. (в том числе времени становления отечественного классического гуманитарного образования) пришлось на сферу высшего духовного и светского образования. Таким образом, выяснению поставленного вопроса должно поспособствовать обращение к истории становления и внутренней

организации первых отечественных высших учебных заведений, а именно Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской (Московской) академий.

Отмечая влияние на становление Киево-Могилянской академии высших учебных заведений иезуитского типа, исследователи утверждают даже, что «в начале своего существования, а во многом и в исследуемый период, Академия представляла собой “слепок” с западноевропейских иезуитских школ» [3, с. 31]. С другой стороны, в этом нет ничего удивительного постольку, поскольку исследователи отмечают, что

«киевский митрополит поставил перед собой цель овладеть католическими методами теологической аргументации, использовать их для православного вероисповедания, одновременно оставляя неприкасаемым его догматичную суть. Вследствие подобного стремления и была создана Могилянская коллегия, где впервые на украинской земле началось преподавание богословия как науки» [5, с. 44].

Не может не радовать то обстоятельство, что

«сохранилось (с некоторыми пробелами) множество рукописных философских курсов, читанных в Киеве в 1639–1750 гг. Курсы эти в основном однотипны, хотя сличение их в деталях, как и выяснение их непосредственных источников, еще ждет своего исследователя. Содержание их – типичный аристотелизм “второй схоластики”, усвоенный через посредство преимущественно польских и литовских школ. Указания на Аристотеля и перипатетиков весьма часто фигурируют в самих заглавиях курсов: “Disputationes Organi Aristotelici” (1686), “In octo libros Aristotelis de physico auditu quaestiones” (1687) и т. д., вплоть до “Philosophia Aristotelica” (1743)» [4, с. 342–343].

Большинство преподавателей академии имело западное образование. Важнейшим обстоятельством для нас является тот факт, что подобная схоластико-перипатетическая линия оставалась магистральной для академии на протяжении более чем 100-летнего периода, вплоть до середины XVIII в., когда, «после некоторых колебаний, произошел переход от схоластического аристотелизма к вольфианству» [4, с. 344].

Что касается Славяно-греко-латинской академии, то с ней получается примерно та же самая ситуация, как и в случае с Киево-Могилянской: схоластико-аристотелевская линия является важнейшей вплоть до середины XVIII в., как минимум всю первую его половину. Не менее важно, что Киевская и Московская духовные академии оказали значительное влияние и на формирование основанного в 1755 г. Московского университета, и на другие духовные академии – Санкт-Петербургскую и Казанскую.

Таким образом, когда мы сталкиваемся с высказыванием такого классика отечественной гуманитарной (как филологической, так и философской) мысли, как С.С. Аверинцев, о том, что «встреча с Аристотелем так и не произошла» [1, с. 328] (по существу ту же самую позицию занимает и В.В. Библихин), то должны помнить, что это суждение было сформировано в первую очередь в атмосфере интеллектуальной культуры XIX–XX вв., когда, повторимся, обращение к наследию Платона в философской среде было чуть ли не повсеместным, тогда как Аристотелю в этот исторический этап действительно

повезло меньше. На мой взгляд, это не должно связываться с тем, что якобы мысль Аристотеля родственна католицизму и, следовательно, чужда православному или даже светскому мышлению, поскольку, как показал выше небольшой исторический очерк, наследие Стагирита было положено в основу классического высшего образования в XVII–XVIII вв., в период русского Просвещения, и, в некотором смысле, наряду с вольфианством составило пролегомены полноценного самостоятельного философского, логического, религиозного, одним словом, гуманитарного образования в России в последующее время.

В период XVII–XVIII вв. аристотелизм распространился в России посредством внедрения системы классического образования, через высшие учебные заведения (академии) в Москве и Киеве, где полтора столетия, перед распространением вольфианства и картезианства, как методология философского и богословского мышления доминировал именно аристотелизм. В этом отношении, наряду с упомянутыми школами, а также появившимися уже в XIX в. шеллингианством, гегельянством и т. д. и, разумеется, с платонизмом, аристотелизм в определенном плане так или иначе выступает ключевым философским элементом отечественной интеллектуальной культуры, имевший наибольшее влияние на протяжении 150-ти лет, включая значительную часть Просвещения и, следовательно, становления классического высшего образования (как светского, так и духовного), философской и богословской мысли.

Литература

1. Аверинцев С.С. Христианский аристотелизм как внутренняя форма западной традиции и проблемы современной России // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской культурной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 319–328.
2. Бронзов А.А. Святой Иоанн Дамаскин. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Bronzov/svjatoj-ioann-damaskin/ (дата обращения: 10.05.2024)
3. Глухова Ю.В. Риторика в системе преподавания предметов в Киево-Могилянской академии XVIII века // Риторика в системе коммуникативных дисциплин / Санкт-Петербургский государственный горный институт (технический университет). СПб., 2005. Т. 160, ч. 2. С. 30–32.
4. Зубов В.П. К истории аристотелевской традиции на Руси // Зубов В.П. Аристотель. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 332–349.
5. Федотов В.Е. Роль Петра Могилы в создании Киевской коллегии // Вестник Русской Христианской Гуманитарной Академии. СПб., 2016. Т. 16, вып. 3. С. 39–46.
6. Чумакова Т.В. К вопросу о рецепции Аристотеля в древнерусской культуре // Вече. 2004. Вып. 16. С. 243–256.
7. Чумакова Т.В. Рецепции Аристотеля в древнерусской культуре // Человек. 2005. № 2. С. 58–69.

Мочалова Ирина Николаевна,
кандидат философских наук,
доцент Санкт-Петербургского государственного университета
Mochalova@yandex.ru

**«ЖУРНАЛ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ»
КАК ПОПУЛЯРИЗАТОР АРИСТОТЕЛЯ:
ПЕРЕВОДЫ, ИССЛЕДОВАНИЯ И ДИСКУССИИ***

Статья посвящена освоению наследия Аристотеля в России в период со второй половины XVIII по XIX в. Показывается значение первых переводов кратких историй философии как формирующих представление о воззрениях Аристотеля и оценочные стереотипы. Немногочисленные переводы текстов Аристотеля не позволяют говорить о формировании оригинальной исследовательской традиции вплоть до второй половины XIX века. На основе анализа 21 публикации в «Журнале Министерства народного просвещения» (статьи, переводы основных трудов Аристотеля, рецензии) показывается динамика роста интереса к Аристотелю и раскрывается значение журнала как популяризатора творчества греческого мыслителя.

Ключевые слова: Аристотель, история философии, С.С. Уваров, «Журнал Министерства народного просвещения».

Mochalova Irina
*THE «JOURNAL OF THE MINISTRY OF NATIONAL EDUCATION» AS A POPULARIZER OF
ARISTOTLE: TRANSLATIONS, RESEARCH AND DISCUSSIONS*

The article is devoted to the development of Aristotle's heritage in Russia in the period from the second half of the 18th to the 19th centuries. The significance of the first translations of short histories of philosophy is shown as forming the idea of Aristotle's views and evaluative stereotypes. The few translations of Aristotle's texts do not allow us to talk about the formation of an original research tradition until the second half of the 19th century. Based on the analysis of 21 publications in the «Journal of the Ministry of National Education» (articles, translations of Aristotle's main works, reviews), the dynamics of the growth of interest in Aristotle are shown and the significance of the magazine as a popularizer of the work of the Greek thinker is revealed.

Keywords: Aristotle, the history of philosophy, S.S. Uvarov, «Journal of the Ministry of National Education».

Труды Аристотеля, рецепция аристотелевской традиции в различные периоды европейской истории могут рассматриваться в качестве определяющей культурной и научной константы. Можно сказать, что

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-28-01129 «Античная философия на страницах российских журналов второй половины XVIII - XIX веков: споры о природе философии, ее национальных особенностях и месте в отечественной культуре»; Санкт-Петербургский государственный университет. <https://rscf.ru/project/23-28-01129/>

европейская интеллектуальная история во многом — это история прочтения Аристотеля.

В отечественной культурной истории вплоть до XVI века, произведения Аристотеля интересовали лишь очень узкий круг образованных людей. В XVII веке аристотелевские произведения были в библиотеках царя Михаила Федоровича, боярина А.С. Матвеева, Д.М. Голицына, Симеона Полоцкого, Сильвестра Медведева. Прежде всего, это были работы натурфилософского характера, сочинения по практической философии (морали и праву), метафизические и логические сочинения не пользовались популярностью у русского читателя, оставаясь практически неизвестными [12].

О формировании интереса к аристотелевскому наследию можно говорить со второй половины XVIII века. Более или менее целостное представление о взглядах Аристотеля можно было получить из первых историй философии, выпускаемых в качестве пособий для разного рода учебных заведений. Поскольку по распоряжению Екатерины II с 1768 года официальным языком науки и преподавания становится русский язык, для образовательных задач и должны были служить первые истории философии. В частности, учитывая прежде всего потребности студентов Московского университета, в 1785 году выходит в переводе С.В. Колокольникова «Сокращенная история философии от начала мира до нынешних времен» [11]. Перевод, вероятнее всего, был сделан с «Краткой история философии», принадлежащей перу писавшего по-французски немецкого философа-просветителя Ж.-А. С. Формея. Простота и ясность изложения определили выбор книги для перевода, как необходимой для обучения в Московском университете.

Однако большей популярностью пользовался изданный спустя три года перевод с немецкого «Критической истории философии» известного немецкого историка философии И.Я. Бруккера, автора знаменитой пятитомной «Критической истории философии, начатой от сотворения мира до наших дней» [13]. Фундаментальная «История» Бруккера была переведена на ряд европейских языков и стала основанием различных сокращенных изданий, во многом определив понимание античной философской мысли в европейских университетах.

В России книга была опубликована с посвящением «питомцам Императорского Московского университета» издателями журнала «Магазин натуральной истории, физики химии», выходившего с 1788 по 1790 гг. в качестве приложения к «Московским ведомостям» в типографии Московского университета. Публикации журнала (переводные статьи) очень часто использовались в университете в качестве учебных пособий. Обращаясь к «почтенным питомцам», издатели историко-философского труда писали:

«Издавая в свет упражнения наши, поставили мы себе приятнейшим удовольствием перевести такую учебную книгу, которую бы вам всего приличнее посвятить могли. Примите сии труды наши в знак

почтительного к вам расположения; и ежели они от вас признаны будут полезными, то мы не преминем и впредь такие книги доставлять вам, пребывая с искренней к вам привязанностью» [2, с.3].

Кроме этого, книга имела Предисловие от издателя:

«В доброту подлинника сей книги сомневаться не можно, и надлежит по справедливости отдать честь Вальфу (*Walch, Вальх – И.М.*) доктору богословия и публичному профессору Академии в Йене, за то, что он из столь обширной Брукеровой Истории философии сделал столь порядочный и превосходный пред прочими перечень. Счастливыми себя почтем, когда он на нашем отечественном языке достигнет того предмета, с каковым вышло из рук упомянутого ученого мужа» [2, с. 4].

Эти краткие конспекты закрепляли сложившееся в Германии и Франции к середине XVIII в. знание о философии Аристотеля, формировали интерес к ней и оценочные стереотипы. Античный мыслитель интересовал, прежде всего, как политический и моральный философ. В 1757 году в первом в России научно-литературном журнале «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие», издававшемся в Петербурге Академией наук, был опубликован перевод второй книги «Политики» — «Аристотель о гражданском учреждении» Автором перевода был известный переводчик, писатель и библиофил Григорий Андреевич Полетика (1723/1725 – 1784). В предисловии к переводу Полетика писал: «Время уже и нам следовать примеру просвещенных народов, которые древних философов сочинения на своих языках читают. Сим средством вошло в них лучшее о вещах понятие и исправление нравов» [9]⁶³.

Однако только спустя сто лет начнут появляться в России новые переводы трудов Аристотеля: в 1859 г. выйдет в Петербурге перевод «Категорий», в 1865 году Н.Е. Скворцов представит комментированный перевод «Политики». Большая часть переводов трудов Аристотеля придется на последнее 20-летие XIX века⁶⁴, и определяющую роль в знакомстве с Аристотелем сыграет «Журнал Министерства народного просвещения» (далее — ЖМНП)⁶⁵.

Министерство народного просвещения с начала своего возникновения в 1802 г. издавало ведомственный журнал, но только с января 1834 г. по инициативе нового министра народного просвещения графа Сергея Семеновича Уварова журнал, получив новое название — «Журнал Министерства народного просвещения», становится центральным ежемесячным журналом России: за 84 года существования журнала с 1834 по 1917 гг. выйдет 1008 номеров [8, с.18]. В отличие от своих предшественников журнал был не только местом публикации официальных документов Министерства; по мысли Уварова, журнал должен был стать инструментом для осуществления инициированной им образовательной реформы, цель которой состояла в развитии самобытной национальной культуры Уваров полагал, что такая культура может развиваться только на почве классических наук, а русская культура выступит подлинной

⁶³ В ноябрьском номере журнала Г.А. Полетика опубликовал фрагменты «Риторики» Аристотеля [10]

⁶⁴ Подр. о переводах Аристотеля см.: [5]

⁶⁵ Подр. о журнале см.: [1], [4]

наследницей культуры греческой с ее утверждением единства образования и воспитания, науки и философии. В соответствии со своей концепцией культурного развития России Уваров полагал необходимым введение в гимназиях и укрепления в университетах древнегреческого языка. Обращение к античной мысли должно было способствовать осознанию особого места России в рамках европейского развития. Несмотря на то, что осенью 1849 года Уваров вынужден был уйти в отставку с поста министра просвещения и оставить журнал, за 15 лет ЖМНП сумел стать эффективным проводником идей просвещения и науки. Изменения журнальной политики в связи с кадровыми переменами, как в министерстве, так и в самом журнале, не изменили общей просветительской направленности журнала.

Первая статья, специально посвященная Аристотелю, публикуется в 1843 году в пятом разделе журнала – «История Просвещения и гражданского образования» и принадлежит перу Федора Николаевича Менцова (1818–1848), поэту, литературному критику. Менцов с 1838 года служил в редакции ЖМНП, специализируясь на подготовке реферативных обзоров иностранной печати, в том числе журналов изящной словесности и философии. Обзорная статья «Аристотель» [7], содержащая краткий очерк жизни и научной деятельности Аристотеля, стала одной из первых попыток представить творчество Аристотеля в его целостности. Если учесть, что ЖМНП в обязательном порядке должны были выписывать и получали бесплатно все государственные и частные учебные заведения, то статья об Аристотеле, несмотря на ее поверхностный характер и отсутствие анализа собственно философских (метафизических) воззрений древнегреческого автора, все же позволяла впервые ввести его как значимого античного мыслителя в российское образовательное пространство.

Только спустя 14 лет, в 1857 году, в журнале публикуется новая статья — «Аристотель» [3]. Ее автор Сильвестр Сильвестрович Гогоцкий (1813–1889), профессор Киевского университета, профессионально занимавшийся философией и со временем ставший виднейшим представителем киевской школы философского теизма. История философии, понимаемая в традиции немецкой классической философии, также была предметом специальных занятий Гогоцкого. Полагая, что история философии должна показывать постепенное развитие полной системы знания и самосознания, Гогоцкий рассматривал Аристотеля в качестве ее значимой фигуры. Статья Гогоцкого, опубликованная в ЖМНП, впервые знакомила широкий круг читателей журнала с метафизическими построениями Аристотеля, с его учениями о сущности, возможности и действительности, с телеологией Аристотеля и его концепцией Бога-перводвигателя. Можно сказать, что до конца XIX века именно эта статья определяла и во многом исчерпывала представление о философском учении античного мыслителя. Получение более глубоких знаний требовало обращения к специальной историко-философской литературе.

В период с 1834 по 1900 годы в ЖМНП 21 публикация была связана с Аристотелем — это статьи, переводы и рецензии [6, с. 48–54]. Их анализ показывает, как рос интерес к творчеству античного мыслителя. В 40–50-ые годы были опубликованы две, проанализированные выше статьи Менцова и Гогоцкого; в 60–70-е годы — две статьи, посвященные учению Аристотеля о душе и поэтике; в 80-ые годы в журнале публикуется перевод «Никомаховой этики», предпринятый Э.Л. Радловым, и две рецензии на перевод В.И. Захаровым «Поэтики». Настоящий аристотелевский бум имеет место в 90-ые годы: за 10 лет — 14 публикаций, среди которых переводы «Первой аналитики» (Ланге Н.Н., 1891–1894 гг.), «Риторики» (Платонова Н.Н., 1892–1894 гг.), «Об истолковании» (Радлов Э.Л., 1891), «Политии» (гл. 40 — Мищенко Ф.Г., 1894). Несомненно, особую роль сыграл перевод первых пяти книг «Метафизики», выполненный В.В. Розановым и П.Д. Первовым и печатавшийся в журнале в период с 1890 по 1895 годы. Опубликованные переводы не только познакомили читателей журнала с творчеством Аристотеля, но и стали основанием для формирующегося научного аристотелеведения.

Специально надо сказать о многочисленных публикациях, связанных с сенсационным выходом в Лондоне в январе 1891 года «Афинской политии» Аристотеля; издание было подготовлено Ф.Дж. Кенионом и вызвало огромное число откликов и рецензий во всем мире. Авторы ЖМНП практически сразу включились в развернувшиеся в мире дискуссии об авторстве и содержании работы (были опубликованы 7 материалов), что свидетельствовало о включенности историков в международную повестку. Этого нельзя сказать о философах, которые фактически без всякого внимания оставили перевод «Метафизики». Ее освоение станет делом будущего.

Литература

1. Басаргина Е.Ю. Из истории «Журнала Министерства народного просвещения» (1834–1917) /Классическая древность в Журнала Министерства народного просвещения (ЖМНП): Аннотированный указатель статей 1834–1917 гг. / сост. А.И. Рубан. — СПб.: Bibliotheca Classica Petropolitana; «Реноме», 2015. С.7–40
2. Бруккера Иакова Критическая история философии, служащая руководством к прямому познанию ученой истории, изданная в пользу обучающегося русского юношества [Перевел Матвей Гаврилов]. М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1788. – (XII+226 с.).
3. Гогоцкий С.С. Аристотель // Журнал Министерства народного просвещения. 1871. Часть 96. Ноябрь. Отд. V. С.53–84.
4. Гончаров М.А. «Журнал Министерства народного просвещения» и его роль в формировании научно-педагогического потенциала России в XIX – начале XX века // Библиоковедение. 2012. №2. С. 52–58
5. Егорова О. С. История переводов Аристотеля на русский язык (2-я половина XVIII – 1-я половина XX века) // Сибирский философский журнал. 2019 Т. 17, № 1 С. 185–203.

6. Классическая древность в Журнала Министерства народного просвещения (ЖМНП): Аннотированный указатель статей 1834–1917 гг. / сост. А.И. Рубан. — СПб.: Bibliotheca Classica Petropolitana; «Реноме», 2015.
7. Менцов Ф.Н. // Журнал Министерства народного просвещения. 1843. Часть 37. Январь. Отд. V. С.1–30.
8. Плешкевич Е.А. «Журнал Министерства народного просвещения» как источник по истории отечественного библиотечного дела и библиотековедения // Библиосфера. 2017. №1. С.17–24
9. Полетика Г. А. Политика Аристотеля о гражданском учреждении. Кн. II // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1757. Июнь. С. 483–557.
10. Полетика Г. А. Описание человеческих нравов, из Аристотелевой риторики // Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие. 1757. Ноябрь. С. 431–445.
11. Формей Ж.-А. С. Сокращенная история философии от начала мира до нынешних времен, которую с французского языка перевел С.В. Колокольников. М., Вольная Типография И. Лопухина, 1785. – 442 с.
12. Чумакова Т.В. Рецепции Аристотеля в древнерусской культуре // Человек. 2005. №2. С.58–69
13. Jacobus Bruckerus. Historia critica philosophiae a mundi incunabulis ad nostram usque aetatem deducta, Leipzig, 1742–1744.